

А. ХАДАРЦЕВ

**ИЗ ПРОШЛОГО –
В НЕЯСНОСТЬ**

Том II

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

А. ХАДАРЦЕВ

ИЗ ПРОШЛОГО – В НЕЯСНОСТЬ

*Издание 2-е,
исправленное и дополненное*

Том II

*Стихи и проза
разных лет*

Тула – Белгород, 2011

Александр Хадарцев – член Союза писателей России, с первой публикацией стихов выступил в альманахе «Ока» в 1990 году.

В 1992 году издает сборники стихов «Что нарисую я на полотне...» и «Любви не найден интеграл», в 1993 – «Углы России забелил туман», в 1995 г. – «Не торопись остановить часы», в 1996 г. – «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. – «Виртуальные надежды», в 1999 г. – «Витражей акварельные пятна», в 2002 г. – «У памяти преграды нет», «Извечных истин водопад», в 2003 г. – «Спичка жизни», в 2005 г. – «Крепка любовь в любое время года», в 2006 г. – «Из прошлого – в неясность» в 3-х томах, в 2007 – «Аромат прошлого», «Избранное», в 2008 г. – «Беспокойной жизни закоулки», в 2009 – «Дикая мощь Кавказа – вечноседой магнит».

В 2001 г. – публикуются подборки стихов в альманахе «Прикосновение», прозы – в альманахе «Прикосновение» в 2002 г. Его стихи и проза печатаются в сборниках и журналах: «Ветер времени на поле Куликовом» – в 2005 г., «Наука с музами дружит» – в 2005 г., «Приокские зори» – в 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг., «Свет любви» – в 2006 г., «Гриф... и Странник...», «Пресс?! Под хрупкою?! Мечтой?!» – в 2007 г. Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», «Пенсионер и общество», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София) и др.

А. Хадарцев – доктор медицинских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Петровской академии наук и искусств, Международной академии творчества и др.

Хадарцев А. Из прошлого – в неясность. Т. II (изд. исправ. и допол.). – Белгород: ЗАО «Белгородская областная типография», 2011. – 616 с.

ISBN

© А. Хадарцев, 2011

© ЗАО «Белгородская областная типография», 2011

***ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ***

ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРОК...

(Часть I)

Глава 1. Труба зовет

Звонок в дверь. Открываю – стоит свояк Анатолий с винноватым видом: «Саш! Говорил с Горбуновым, просил тебя зайти. Может, что-нибудь стоит придумать, чтобы не забирали в армию?» (Евгений Иванович Горбунов – майор, чернский военком, и сейчас живет в Заречье). А год на дворе – тысяча девятьсот шестьдесят восьмой. Я уже на протяжении двух лет работаю терапевтом в районной больнице. Жена – там же, гинеколог, дочке – 3 года. Но Хрущев в свое время отменил обучение на военных кафедрах в ряде «периферийных» мединститутов. То же, видимо, искал возможность пополнить кадровый состав армии людьми с образованием. И вот в чем парадокс: после 3 курса я пытался перевестись из Северо-Осетинского госмединститута в Военно-медицинскую академию. Отказали в военкомате. Из-за зрения в кадровый состав – не годен! Правда, это не препятствовало прохождению действительной службы, после чего начальник Калининского (теперь и ранее – Тверского) госпиталя предлагал остаться в кадрах в должности – сначала старшего ординатора, затем начальника терапевтического отделения, что соответствовало званию подполковника–полковника (так называемая «вилка»), в этом же госпитале. Значит, в Академию – нельзя, а сразу в кадры – можно?!

Да что говорить? Впоследствии призванный со мной одновременно специалист-дорожник, окончивший автодорожный институт, после шестимесячного обучения аэрофотосъемке в школе младших авиационных специалистов (ШМАСе), был отправлен дослуживать в часть свои шесть оставшихся до демобилизации месяцев. А расквартированная рядом саперная часть (военные строители) не имела ни одного специалиста-дорожника с высшим образованием. Строить дороги квалифицированно было некому. Командир саперов нашел общий язык с нашим командиром. Оба подписали рапорта по команде о согласии переподчинить нужного инженера, чтобы он год приносил пользу строительным войскам. Ответ был стандартным: «не пущать!». Так, научаясь фотографировать, молодой специалист

разучивался работать по специальности, а по окончании службы был приписан по назначению, в саперы, в звании младшего лейтенанта. Таким же горе-фотографом отслужил еще один туляк – врач со стажем в один год работы. И тогда, и сейчас армейской логикой было отсутствие всякой логики.

На следующий день, и затем много дней подряд, майор Горбунов пытался найти хоть какую зацепку для отсрочки. Но уже надвигались 25 лет, до момента наступления которых необходимо было решить: призывать или не призывать. Время было такое, что мало кто пытался, как говорят сейчас – «откосить» от призыва. Да и мне, сыну военного, участника войны, бывшего преподавателя Борисоглебского летного училища, даже и не мыслилось искать окольные пути.

Впоследствии этот период наваял слова, адресованные чернскому военкому.

А где он, чернский военком,
«кому не спится в ночь глухую»?
Ведь я и по нему тоскую,
сглотнув воспоминаний ком.

Стакан к заутрене подняв
вина конца шестидесятых,
майор был бесконечно прав!
Я это понял «во солдатах».

Он отправлял меня служить
за Тверь во исполнение долга.
В хмельном сочувствии души
глаза друзей смотрели волгло.

«Ведь ты меня... от жизни спас», –
страдал майор, скрипя зубами.
И водку пил, как летом квас,
матуя крепкими словами.

Десятки лет с часами пик
смешались в неподъемной чаше.
Майор из памяти возник,
как символ молодости нашей.

Не то, что пил! Мы пили все,
борясь со скучностью районной,
в Нечерноземной полосе
людьми и Богом обделенной.

Но, недостатков не тая,
достоинства не выдвигая,
он на посту своем стоял
апостолом в воротах рая.

Простой советский офицер...
Сейчас живет уже – «в запасе»
тем твердым знаком в слове «херъ»,
которым наш солдат опасен.

В словах, суждениях – прост и прям,
газетным не чета червивцам...
И в убеждениях – упрям:
не ищет правды по столицам.

Закалка старая крепка.
Живи, майор, коль солнце светит!
Пусть не дрожит твоя рука
все двадцать первое столетье!

Конечно, получив подготовку по электрокардиографии (тогда довольно редкому исследованию в маленьких больницах, только входившему в каждодневную практику), настроившись на ведение научной работы, воспитание дочки – оставлять работу было не просто. Во время учебы в институте впервые на экраны вышел фильм «Коллеги», его герои были для нас неким образцом для повторения судьбы в мирных, хотя бы и трудных условиях. И, вдруг, – армия! Правда и здесь хотелось узнать что-то необычное, проверить себя в ситуации, когда командуешь не ты, а тобой. Тогда надо было исполнять приказы, не обсуждая их, сколь бы они не были нелепы.

Но, видимо, уже в то время закладывались ростки неприятия сложившихся устоев, переставших быть не обсуждаемыми. Очередные номера журнала «Юность» прочитывались залпом от обложки до обложки. А там – Вознесенский, Рождественский, Ах-

мадулина, Евтушенко, Казакова, Мориц – молодые, соперничающие, остроугольные, непримиримые, рискованные, словотворческие, свежие! Это потом они зафиксированы в истории как шестидесятники. Слушали Галича, зачитывались Аксеновым и Солженицыным. Уже несколько лет зычно и хрипло пел на согласных не очень известный Высоцкий...

Побрив бороду и коротко подстригшись, я отправился на областной сборный пункт, находившийся около Московского вокзала. Там стригли всех «под Котовского» две неопрятно одетых парикмахерши, пользуясь одной и той же машинкой, лишь отряхивая ее после каждого призывника, не меняя серо-пасмурного цвета простынок, засовывая их за воротники одних ребят с волосами других. Когда на стрижку позвали меня, то, стараясь сдерживаться, пришлось громко и убедительно сказать: «В антисанитарных условиях я сам стричься не буду и, как врач, не могу позволить продолжать это безобразие в отношении других призывников! Прошу пригласить облвоенкома и представителя санэпидстанции. Парикмахеры обязаны не только менять после каждого призывника защитные простынки на стерильные, прошедшие через сухожаровой шкаф, но и обрабатывать сменные части машинок для стрижки волос. Иначе не избежен перенос инфекции и паразитов с одного человека на другого!» Облвоенкомом в то время был полковник Аполлонец, впоследствии, лет через десять, ставший моим пациентом и добрым знакомым. Ему доложили о ЧП на областном сборном пункте. Приехал, кажется, кто-то из его заместителей. И, буквально через час, были привезены чистые простыни, сменные ножи для машинок, растворы для дезинфекции. Притихшие было, призывники – загалдели и, по-моему, с удовольствием плюхались в кресла, расставаясь с волосатым покровом на голове. Лишился его и я, но отстоял от бритвы усы, обосновав это отсутствием запрета на их ношение в Уставе (правда, как и бороды, с которой расстался добровольно).

Ночь на деревянных, отполированных до сияния, двухъярусных нарах, была спокойной, как на второй полке в плацкартном вагоне. Утром мы нестройной толпой потопали к Ряжскому вокзалу. Подождав несколько часов, даже пообедав в воинской части, сели в выделенный вагон на поезд, направлявшийся на Там-

бовщину, в городок Жердевку, где предстояло пройти так называемый «карантин» до момента принятия воинской присяги.

Туляков в роте было не очень много. С нами проходили курс молодого бойца ребята, предназначавшиеся для прохождения службы в спортивных ротах, мастера спорта по прыжкам с шестом, по регби. Отношения между всеми складывались нормальные. Ничего из ставшего потом обычным «дедовского» образа службы – не было и в помине. Привыкать к команде: «Рота, подъем!», быстрому одеванию, включая намотку портянок, заправке коек, пришиванию подворотничков, утренней зарядке, марш-броскам, стрельбам – было не очень тяжело. Дух соперничества и желание показать молодым, что ты, хоть и «дед» по возрасту (все-таки 25 лет против 18!), но «могешь» быть – и быстрым, и умелым, и исполнительным – придавали силы. Конечно, утомляла маршировка, выполнение уставных команд, подававшихся вперемешку с матом грузным лейтенантом, или бравым сержантом: «На–ле–ву! На–пра–ву! Ша–гы–ы–ым марш! Петя ...твою мать! Сено или солома? ...твою мать!». Зато команда: «Рота–а–а, отбой!» мгновенно вырубала всех. Но, памятуя о подъеме, складывалась аккуратно форма, портянки, – так, чтобы утром все это было за 40 секунд и быстрее одето и прилажено. Обучение стрельбе из карабина заключалось в трехразовом выходе на стрельбище, где отстреливалось по 5 патронов. Видимо, по тогдашним меркам для молодого бойца этого было достаточно. То ли патроны жалели, то ли берегли их для охоты на дичь... Не потому ли уже в наши дни министр обороны с завистью говорит о стрелковой подготовке афганских моджахедов, или чеченских террористов?

А солдатский срок постепенно продвигался к принятию воинской присяги. Как это было тогда, да, наверное, и сейчас, – этот день прошел торжественно. Было скучновато лишь после отбоя, вспоминался дом, не ограниченная в своей свободе гражданская жизнь...

Я опять пишу стихами,
из стихов слагаю прозу,
а из прозы, собирая
слов цветы – тебе дарю!

Все о чем с тобой мы знаем,
все закаты, луны, росы,
и любимицу рассвета –
пенно–алую зарю...

Изо дня в день – обычные солдатские будни с нарядами, работой на погрузке и разгрузке вагонов с мерзлым углем, муштрой на плацу. Прослышав о моей врачебной специализации, начали обращаться за помощью офицеры, прося проконсультировать своих чад и домочадцев. Посещая офицерские семьи, как бы возвращался к гражданской жизни, но это только расслабляло, заставляя еще более скучать по дому.

Наконец, были получены разнарядки в части Московского военного округа. Мне было предписано для дальнейшего прохождения службы явиться в воинскую часть 74326 «У», расположенную в г. Вышний Волочек Калининской области. Получив проездные документы, кое-как экипировавшись (по размеру не нашлось ни шинели, ни парадного мундира, поэтому одел рабочий бушлат и единственную подошедшую гимнастерку), отправился через Москву к месту службы.

В те годы Вышний Волочек был известен на всю страну как город, в котором трудится Герой Социалистического труда ткачиха–многостаночница Валентина Гаганова, которую официальная пропаганда сделала героем своего времени. Прибыв на вокзал, расспросил прохожих о месте своего назначения. Оказалось, что воинская часть стоит обособленно в так называемом Красном городке, в 1,5–2 км от райцентра. Добрался туда пешком. Автоматические ворота КПП перекрывали въезд на территорию бывшего мужского монастыря. Были видны небольшие постройки, несколько кирпичных, по виду – новых зданий казарм, старинное, красного кирпича мощное здание многоглавого собора. Представившись дежурному по части, был направлен в роту постоянного состава, где и определился окончательно с будущим местом пребывания в течение года.

Оказалось, что ШМАС готовит специалистов для аэрофото съемки, воздушной разведки, подчиняется ВВС Московского военного округа (МВО), а также является местом прохождения курса молодого бойца для команды 50, направлявшейся затем для несе-

ния службы в ГСВГ (группе советских войск в Германии). Командовал тогда ВВС МВО трижды Герой Советского союза, известный всей стране генерал-полковник Иван Кожедуб, с которым потом мы встречались во время его прилета в часть с инспекторской проверкой. Командиром части был полковник Мясоед, заместителем – полковник Комаринский, заместителем по МТО (материально-техническому отделу) – подполковник Ягодкин.

Уже перед демобилизацией, в случайном разговоре, Комаринский спросил, где я жил в первые послевоенные годы. Узнав, что по месту службы отца – на Сахалине, даже расстроился, что раньше не удосужился спросить об этом. Выяснилось, что по окончании училища полковник (тогда – лейтенант) попал на Сахалин и начинал свою офицерскую службу под началом моего отца, находившегося тогда на генеральской должности инженера армии, будучи в звании капитана. Это было связано с тем, что в 1945 году на Южном Сахалине японцев уже не было, они перебравшись на о. Хоккайдо, сопротивления нашим войскам не оказывалось, и там дислоцировалась кадрированная (неукомплектованная, разворачиваемая только в период боевых действий) воздушная армия.

Детская память сохранила некоторые фамилии офицеров, которых знал Комаринский: генерал Белоконь, полковник Понизович, майор Шарко... Долго вспоминали особенности сахалинской жизни. Мощные снегопады, перекрывавшие на недели движение по узкоколейке от Южно-Сахалинска до Долинска, засыпавшие одноэтажные дома с крышами, когда приходилось прорывать тоннели от дома к дому. Зимние морозы, в которые школьники носили в варежках чернильницы-непроливайки, чтобы не замерзали чернила. Летнюю жару с буйным ростом высь всех трав, так, что лопухи достигали полутораметровой высоты (почти субтропическая скорость роста!) Весенний нерест лососевых (кеты, горбуши), когда воды в мелкой речке почти не видно и кажется, что русло заполнено выпрыгивающей рыбой, мчащейся в верховья на икромет. Берега реки усеяны краснорыбицей со вспоротыми брюшками, которую пацаны вытаскивают на берег с помощью самодельной остроги – вилки, привязанной к палке. Остатки брошенных японцами танкеток, с которых было удобно ловить рыбную мелочь. Лесные пожары

на сопках, едким дымом и сизым туманом обрушивающиеся на поселок. Пожары зачастую связывались с умышленными поджогами леса бродячими группами японцев-диверсантов, изредка похищавших детей военнослужащих с целью обмена на военнопленных. Крушения самолетов из-за плохой ориентировки среди сопкок, оставляющих на месте падения металлические части, разбросанные по выгоревшим проплешинам. Фанзы из бумаги, реек и древесных опилок, сгоравшие во время пожаров целыми улицами. Корейцев, трудившихся, кажется, круглые сутки на своих делянках, покрывавших склоны сопкок. Они выращивали на них огромных размеров овощи: огурцы вырастали до метрового размера, редиска – до полуметра, правда, вкуса не ощущалось никакого. И не только климат определял величину урожая. Делянки поливались разведенными водой фекалиями, которые вычерпывались из выгребных ям, часто украдкой, по ночам, и в бочках доставлялись к месту назначения.

Сахалин так и остался в памяти снежным и жарким, полусказочным и полувоенным. Где еще свиней кормили красной рыбой, погибшей при походе в верховья на нерест, устилавшей сплошь берега мелководных речек? Где еще можно было поесть дивного аромата котлет, приготовленных из такой свинины? А котлет из свежевывловленной кеты? А красной икры из маленьких бочонков, имевшихся на зиму в каждой семье? И это в то время, когда хлеб выдавали по карточкам. Однажды, потеряв недельный лимит таких карточек по дороге в магазин, я оставил семью без этого ароматного, необходимого продукта. А через неделю, сжимая в руках драгоценные кусочки бумаги, я бежал к месту подвоза только что выпеченного хлеба, буханки которого доставлялись в деревянном ящике, обитом оцинкованным железом, на санях, тащившихся коротконогой лошаденкой. Конечно, хрустящая корочка и, особенно, уголок буханки – по дороге домой неизменно исчезали, растаяв во рту. На паек командному составу, офицерам, выдавалось вяленое мясо: либо оленина, либо медвежатина. Особую радость у детей вызывало сгущенное молоко, поставлявшееся из Америки по ленд-лизу. Оно было в 1,5 (или 2?)-литровых жестяных банках, в которых мы с младшей сестрой Ольгой, (родившейся на Сахалине в 1947 году и в

возрасте нескольких дней уже перелетавшей с нами из одного конца острова на другой), проделывали гвоздиком дырочки и периодически наслаждались своеобразным ароматом и сладостью. Бабушка удивлялась и сетовала на американцев, закупоривающих «неполные» банки. Ну и, конечно, поступала периодически известная всем свиная тушенка, также в больших банках. Правда, все эти яства выдавались на длительный срок, свежего мяса или яиц – достать было практически невозможно, да и стоили они неподъемных для семьи денег. Но даже в самые голодные послевоенные времена армия снабжалась неплохо. Голодных обмороков у летчиков (как в наше недавней памяти время) быть не могло, поскольку все необходимое, даже шоколад, выставлялось в офицерских столовых перед полетами не только в мирное, но и военное время.

Уже в конце шестидесятых перед моими глазами разворачивались совсем иные картины. Но об этом – чуть позже.

Освоившись в роте, пришел в лазарет для знакомства с начальником медицинской службы вышневолоцкого гарнизона. Им был майор Шая Аронович Школьник. Худощавый, с резкими движениями, постоянным подергиванием руками, как быправляющими китель. По-доброму выслушав историю моего появления в армии, он сразу наметил основные вехи службы в части. Прежде всего, им было дано представление, и меня зачислили на должность заместителя командира взвода-инструктора, присвоено звание младшего сержанта (к концу службы пришлось дослужиться до старшего сержанта). Шая Аронович правильно предусмотрел возможные будущие сложности с зачислением в стаж по специальности времени пребывания на службе, поэтому была оформлена справка, что, работая в должности замкомвзвода-инструктора, я выполнял функции врача-специалиста. Рутинная служба не давала возможности майору отлучиться для обследования и лечения в госпитале перед уходом в запас. Поэтому он, после знакомства со мной и 2–3 месяцев совместной работы, на длительный срок уехал в Калинин на обследование, возложив на меня свои обязанности по приказу. Этот милый по сути человек выглядел со стороны занудой и придирой. Он говорил: «Александр Александрович!

Надо десять раз перепроверить, как исполняется порученное кому-нибудь дело. Никому не верьте, даже себе. Все равно чего-нибудь забудете и сделаете не так». В справедливости его слов пришлось убеждаться постоянно.

Первым серьезным испытанием был осенний призыв, когда сотни ребят из Азербайджана и Узбекистана были доставлены в Калининскую губернию. Промозглая погода, большая влажность, низкая температура – оказали свое губительное воздействие. Начала расти заболеваемость, отвечать за которую приходилось почему-то медслужбе, а не головотяпам в центре, мановением указующего перста перебрасывающих людей с севера на юг и наоборот. На смену солдатам с потертостями ног (от портянок) и чесоткой – в стационар стали поступать больные с пневмониями. Было зарегистрировано также несколько случаев экссудативного плеврита, с быстро нарастающей экссудацией (накоплением жидкости в плевральной полости). При обнаружении жидкости на уровне второго ребра, в соответствии с жизненными показаниями, проводились плевральные пункции, жидкость удалялась, назначалось соответствующее лечение, а затем осуществлялась транспортировка во фтизиатрическое отделение Калининского военного госпиталя. Внезапно оттуда в часть нагрянула комиссия с задачей разобраться: кто такой посмел делать плевральные пункции, когда их умеет выполнять только начальник фтизиатрического отделения госпиталя? Почему не осуществляется транспортировка сразу в госпиталь? А также было дано распоряжение наказать виновных. По приезду комиссия получила от майора Школьника исчерпывающие разъяснения. Было указано тем не менее на необходимость прекратить проведение пункций плевральной полости. Пришлось в достаточно резкой форме ответить, что даже если мне будет грозить трибунал – при наличии уровня плевральной жидкости, угрожающего жизни больного, пункции все равно будут проводиться, ибо отказ от них – это неоказание помощи и уголовное преступление. Установки армейские не должны быть главнее общечеловеческих принципов.

Исход проверки мог стать непредсказуемым. Официально в части не было рентгенолога, хотя был рентгеновский аппарат, на котором работали сотрудники госпиталя при осмотрах. Было

выдвинуто обвинение в отсутствии динамического контроля уровня жидкости в плевре. Тогда пришлось показать серии рентгенограмм, которые делались по показаниям, регулярно. Имея некоторый опыт работы с техникой, мной были освоены и рентгеноскопические и рентгенографические исследования. К счастью, среди медсестер (в основном – жен офицеров) была прошедшая когда-то специализацию рентген-лаборант, поэтому велась необходимая документация и пополнялся архив снимков. Убедившись в наличии динамического наблюдения, представитель госпиталя высказал лишь удивление, зачем это я работаю на рентгеновской аппаратуре? «Служил бы себе спокойно оставшиеся месяцы. Солдат спит, а далее все понятно...»

Уехали визитеры с чувством исполненного долга, и больше претензий к работе я не имел. Однако повторные беседы с представителями госпиталя оказались не напрасными, поскольку спустя несколько дней в часть был доставлен электрокардиограф, присутствие которого я мотивировал необходимостью углубленного осмотра солдат команды 50. Помогло и наличие удостоверения специалиста-электрокардиографа.

На УАЗике приходилось выезжать в городские аптеки, добывая необходимые медикаменты. Из-за стекол вглядывалось в меня северное лицо природы, отличное от средне-российского. Вспоминалось радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», зафиксировавшее особенности этих мест, а также эпиграф из Третьяковского: «Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй». Сейчас жалею, что никогда не вел дневников, не делал путевых заметок. Разве потом, когда упрятывал происходящее во круг в стихотворные строчки:

Листья желтые. Ветки мокрые.
Все обыденно. Все осеннее.
В грязной жиже лягушки дохлые,
Русь – старинная, Русь – Есенина.

Называем столетия по-разному:
век наш атомный, век космический.
Но название векам – дело частное,
только Истина – историческое.

То же небо измазано тучами,
и все также вороны каркают.
Люди – стали немножечко лучше,
а дожди – знай: то льют, то капают.

По стогам, по лесным полянам
хлещет ветер водой холодной –
по колхозникам, по крестьянам,
и по сытым, и по голодным.

По столетьям, по тысячелетьям,
по коричневым, желтым, белым...
Старикам и юнцам, и детям
дождик осени моет тело.

Мир очищенный, Русь умытая –
Каждой осенью обновляются.
Стынет грязь в колее разбитой,
Да от ветра изба шатается

А при возвращении в часть – бросалось в глаза какое-то запустение, нежизненность, ущербность бытия. Старое – существовало, ветшая, разрушаясь и ржавея, новое – не ощущалось никак. Так по пути в Торжок видел старую церквушку, «памятник архитектуры, охраняемый государством», в которой размещался склад ядохимикатов. Кошунственно розовели россыпи ядов, шуршали разорванные пластиковые мешки, а случайный луч солнца вдруг высвечивал нетленной красоты лик, написанный искусным мастером, уже наполовину изъеденный ядовитыми парами, но потрясающе живой, исполненный величия и святости.

В самом Волочке основное время проходило в периметре части, где в старых монастырских зданиях располагался наш лазарет, рядом с которым мощной громадой высился собор, который, со слов старожилов, неоднократно пытались взорвать с целью увеличения территории и получения кирпича. Но мастера времен Екатерины II, или чуть позднее, не на словах, а на деле умели делать вечный известковый раствор на белках яиц. Своими глазами видел глыбы кирпича в виде монолитов, разбросан-

ных взрывом по сторонам, но нигде зона раскола не приходилась на швы между кирпичами, которые сами раскалывались в разных местах, но швы – никогда. Кстати, по преданию, между мужским монастырем в Красном городке и женским монастырем в самом Волочке был прорыт подземный ход. Причем рыли его с обеих сторон монахи и монашки. Рылся ли он для укрытия монашества при нападениях врагов, или для тайных свиданий – никому не ведомо. Но уже в мою бытность обследование этого потайного хода, обложенного кирпичом, имеющего на всем протяжении несколько боковых комнат, позволяло использовать его в качестве бомбоубежища. И глубина залегания была достаточной, и кладка ничуть не пострадала от времени.

Тоскливая, дождливая, раздуваемая ветром осень – не влияла на настроение из-за каждодневной загруженности, разве что перед сном заставляла быть чуть-чуть сентиментальнее.

Маковки церковей заброшенных
проржавели до стропил.
Лик святого искореженный
укоризненно застыл.
Видит он глазами тусклыми
тот же город, тот же пруд,
и, как прежде, люди русские
в стельку пьяные идут.

Неба серое полотнище,
над крестами – воронье,
на сто верст одни болотища,
да прокисшее жнивье.
Зябкость холода осеннего,
мокрость луж, дождя поток,
злого ветра песнопения –
вот какой он, Волочек!

И тут случилось ЧП! Внезапно пропал рядовой роты постоянного состава. Не явился из увольнения, что обнаружилось после вечерней поверки. От таких случаев застраховаться ни в одной армии не удается. А наши солдаты находятся в самых аске-

тических условиях. Им все запрещено! А они – молодые. Им хочется любви и приключений. Вышний Волочек – ткацкий городок, в котором мужчины нарасхват. Вероятность, что любого солдатику завлечет к себе в гости какая-нибудь бойкая ткачиха – велика. А, когда после танцев, употребления спиртного, удастся проводить пышненькую и глазастенькую девочку до дома, временным хозяином войти в него, отведать домашних пирожков, да и остаться на всю ночь, невзирая на известные последствия, – какая уж тут гауптвахта остановит?

Но после утренней поверки, не обнаружив солдата, опросив сослуживцев, удалось выяснить именно такую ситуацию и даже адрес девчонки, у которой мог заночевать пропавший. Наряд съездил к ней домой. Оказалось, что еще вечером солдат распрощился с возлюбленной и направился в часть. Решено было прочесать местность между городом и расположением части. Две роты растянулись на местности, имея по 3–4 метра между каждым человеком. Спустя пару часов был обнаружен труп пропавшего военнослужащего в нескольких сотнях метров от периметра части. Солдат лежал на животе, на склоне бугра, поросшего кустарником, головой в сторону казарм. Став в полный рост, можно было хорошо различить строения, а ночью – огни в окнах (тогда еще не было Чубайсовщины и электричество не отключалось). Немедленно сообщено о случившемся в военную прокуратуру. Но день был выходным. Дежурный сказал, чтобы мы самостоятельно провели осмотр места происшествия и сделали соответствующие записи и фотографии. Что делать? Пришлось вспомнить институтские познания в судебной медицине. При прохождении этого цикла студенты присутствовали при осмотре и описании мест убийства и самоповешения. Припомнив так же детективы от Шерлока Холмса до майора Пронина, удалось довольно подробно, может даже и излишне, описать место происшествия. Были сделаны фотоснимки трупа в разных ракурсах. Изложены вероятные причины случившегося. Главной задачей было – не упустить косвенных признаков насильственной смерти. Общий осмотр исключал травму, удушение и другие внешние воздействия. Не хотелось думать об отравлении. В дальнейшем, после судебно-медицинского исследования, подтвердилась высказанная версия: находясь в состоянии алкоголь-

ного опьянения, солдат возвращался в часть, но так как он опаздывал на вечернюю переключку, то решил идти через поле напрямик. Светились огни военного городка, шел мелкий колючий снег, свистел ветер, но на душе было тепло от недавней встречи и выпитого вина. Только между тем местом, откуда им было решено срезать угол, и воинской частью – находилась поросшая кустарником ложбина, спустившись в которую терялись все видимые ориентиры, а небо было беззвездным из-за непроницаемых снежных туч. При осмотре места происшествия мы обратили внимание на круговые следы по ложбине, хорошо видные на свежевыпавшем снегу. Солдат несколько раз прошел по своим же следам (так и в трезвом состоянии бывает в глухом лесу и в пасмурную погоду), затем догадался подняться на склон. Ходил он долго, устал, увидел огни части, понял, что почти дома, и от усталости и выпитого сделал непоправимую ошибку – решил прилечь и отдохнуть. Затем уснул. А холод и пронизывающий ветер довершили свое черное дело. Молодой восемнадцатилетний парень замерз по причине, описанной в многочисленных книжках. Он пожалел себя! Такое вот ЧП, в котором не виновата ни армейская служба, ни дедовщина.

В повседневной работе настали некоторые перемены. Из-за отсутствия майора Школьника и необходимости быть постоянно в лазарете, мне выделили маленькую комнату на его территории, на втором этаже, недалеко от дежурки, где стояла солдатская кровать. С этим помещением связано немало воспоминаний, как смешных, так и не очень.

На первом этаже, прямо под этой комнатой, располагалось караульное помещение. И вот, однажды, ночью меня внезапно будит стук в дверь. Вскакиваю, но легкая задвижка под напором отлетела, дверь шваркнула об стенку и я увидел испуганные глаза подполковника Носова, дежурившего в тот день по части. Испуг сменился радостью. Он бросился ко мне с восклицанием: «Жив, Сан-Саныч?!» Спрашиваю: «А в чем дело? Что стряслось?» Тогда он рассказал, что в караулке отдал команду «В ружье!». Один из караульных, узбек по национальности, вскочил и с усердием ударил прикладом карабина об пол. Вдруг раздался выстрел. Потолочные перекрытия хлипкие, а пуля из СКС прошивает рельс, поэтому, зная, что наверху нахожусь я, он со всем караулом пом-

чался в лазарет. Мы тут же подошли к койке. На расстоянии десяти сантиметров от края ее, на уровне изголовья, в полу чернело круглое отверстие, как и в потолке – по ходу трассы полета пули. Пришлось срочно доставать спирт, как лучшее средство успокоения подполковника и «обмытия» удачного выстрела. Однако одним из тостов был: «За повышение «целкости» ворошиловских стрелков нашей части!»

Терпеть не могу зимнюю одежду! Потеет голова, непривычная к головному убору. Поэтому в части, кроме гимнастерки х/б, надетой на нательную рубашу, в любой мороз, даже при обслуживании солдатских лыжных соревнований, я никак не утеплялся. И спал всегда с распахнутым окном, благо, никто не подходил к дверям моей кельи, за которой завывал ветер и падал снег. Так, уснув крепко и спокойно, забыв задвинуть запорную щеколду, посреди ночи вдруг просыпаюсь от нечеловеческого женского крика. Выбрасываюсь из постели и вижу в полутьме меловой белизны лицо дежурной медсестры, кстати, жены того самого подполковника Носова, который незадолго до того вторгся в мою комнатенку. Включил свет, набросил больничный серо-муругий халат, и пошел в дежурку, куда привели из роты больного солдата. И только потом медсестра смогла внятно рассказать о случившемся. Оказывается, она постучалась, чтобы пригласить меня на осмотр поступившего пациента, но я не отвечал, видимо, только что уснул. Тогда она приоткрыла дверь... Раскачивающийся за открытым окном фонарь наружного освещения желтым светом высвечивал мое лицо на подушке, руки были сложены на груди, как у покойника. Довершал картину густой снег, наметавшийся из окна белыми холмиками на стол, одеяло и усы. Дышу я редко, поэтому создалось недвусмысленное впечатление о кончине младшего сержанта и врача-специалиста. Сделав необходимые назначения, оказав помощь и госпитализировав пациента, дождались кипения чайника. Не спалось. Взял трубку телефона и позвонил Носову. Тот спросонья чуть не побежал за «тревожным» чемоданчиком. «Что там опять произошло?» Когда же узнал в чем дело, то пожалел, что до городка не на чем добираться, иначе непременно явился бы поднять мензурку спирта за семейную традицию – считать доктора усопшим.

Глава 2. Транспортные сны

К лазарету были прикреплены две машины. Одна – обычный санитарный УАЗик-буханка, другая – ГАЗ-66 (военный грузовик с обрубленным носом, с расположенным горизонтально рулем, мотором, высунувшем в кабину свой горб, разделявший водителя от пассажира, сзади которого располагался рычаг управления многоступенчатой коробкой передач). Все машины находились в гараже части, приезжая к лазарету по моей заявке. Но ГАЗ-66 был предназначен лишь на время проведения учений для перевозки имущества лазарета, поэтому все колдобины дорог выпадали на колеса УАЗика.

Водителем был Вася Копылов. Парень призывался с Украины, был ростом за метр девяносто, с длинными руками, неплохо сложен. При условии активных занятий спортом – стал бы отличным боксером. Но то ли молодость, то ли наследственные свойства тому причиной, только Васю прельщал особый вид «спорта». Уж очень он интересовался женской разновидностью человечества! За время службы многие дочки офицеров побывали в его могучих объятиях. А перед увольнением ему удалось соблазнить чадо одного из заместителей командира полка, имея дальний прицел на получение возможных льгот по досрочному освобождению от службы. Маячила также и перспектива остаться в городе, имея крышу над головой и по жизни.

И, конечно, его любимым продуктом питания было мягкое, румяное, с мясными прожилками, слабого посола, источающее аромат чеснока, сало. А еще – черный, заварной, с запахом тмина хлеб (нынче вместо тмина его обсыпают кориандром). Да еще добрый стакан горилки.

В условиях солдатской службы удавалось добывать бутылку – другую пшеничной или сахарной самогонки. Доставляла ее обычно жена одного из старшин сверхсрочной службы (тогда, кажется, еще только вводилось звание прапорщика), работавшая сестрой-хозяйкой лазарета. Это была полная, краснощекая, со-рокалетняя женщина, с веселыми глазами, которая умела не только заразительно смеяться, но и по-матерински относиться к

солдатам, не допуская вольностей, а только намекая на них. Ее любимой частушкой была:

«У меня трусы в горошек, хороши да хороши.

Все ребята приставают – покажи да покажи!

Только ты, дурак большой, что не приставаешь?

У меня трусы в горошек. Ты не понимаешь?»

Но тот же Вася, рассчитывая на легкую победу, получил однажды пощечину, которая долго горела красной пятерней на его щеке после визита в каптерку. Больше такого не повторялось.

В октябре месяце, в ненастную погоду (дождь со снегом, ветер) получаю приглашение от подполковника Ягодкина – начальника МТО (материально-технического отдела) на день его рождения.

Подполковник был приятным собеседником и, несмотря на имевшие место служебные трения между нами, был отходчив и незлобен. Так, на состоявшемся летом спортивном празднике нашей части кто-то из солдат, обслуживающих громкоговорящий узел связи, врубив при появлении Ягодкина на футбольном поле на полный звук динамики, объявил: «А сейчас по просьбе подполковника Ягодкина исполняется его самая любимая песня!» И включил известную в то время мелодию с припевом: «Дай! Дай! Дай!». Громкий хохот всех присутствующих и соревнующихся ничуть не смутил офицера. Он смеялся вместе со всеми и на попытку капитана Сопельняка разобраться с виновным, попросил его не портить никому настроения.

Так вот, вызываю из гаража транспорт, к лазарету подруливает ГАЗ-66 (у УАЗика накануне было разбито ветровое стекло). За баранкой – улыбающийся Вася, который сразу просит о внеплановом увольнении. Мол, у него уже есть договоренность с одной из пассий о встрече, и, пока я буду в гостях, он успеет посетить очередную (к тому времени седьмую или восьмую) подругу. Соглашаюсь, потому что надеюсь пробыть на дне рождения не менее 2–3 часов, а Волочек – городок небольшой, а Вася – малый шустрый. Успеем до отбоя. Ибо, в случае задержки, старшина гаража может поднять тревогу из-за отсутствия машины и водителя.

Правда, к санитарной машине требования были менее жесткими, так как часто приходилось ездить в город, в Кашарово, и не всегда в дневное время, а в зависимости от необходимости. Да и Вася приспособился ночевать не в роте постоянного состава, а в одной из палат лазарета под предлогом быть всегда начеку при срочных поездках с больными солдатами на консультацию.

Как водится, день рождения затянулся часа на полтора сверх ожидаемого. Ягодкин позвонил в гараж, предупредил о возможной моей задержке. Уже перед окончанием пиршества дежурный по части по телефону предупредил подполковника о том, что объявлено штормовое предупреждение, но необходимости в присутствии юбилера пока нет.

Я распрощался с гостями и вышел на улицу. Мело крупным снегом, а когда ветер стихал – снежинки хлопьями падали чуть наискосок, закрывая дальний обзор. Казалось, воздуха вокруг не было. Существовал только белый шатер из снега, перекрывавший все обычные городские источники света: фонари, окна, фары.

Темный параллелепипед машины стоял вплотную к частому, огораживающему дом. Молодец, Вася! Успел. Взираюсь на высокую подножку, предчувствуя спокойный отдых до части под Васиных рассказы о его приключениях. Вот те на! Мой Василий пьян в баранку, на которой покоится его голова, источающая рвотный запах самогона. Все попытки разбудить, растолкать, отmaterить, отмордошлепать – без всяких признаков успеха! Вернуться в дом Ягодкина – подставить Васю, от которого пока невозможно получить разъяснений. Начнется расследование и так долгожданный им «дембель» может затянуться на неопределенное время.

Остается одно – попытаться самому довести машину до части, а там уж разбираться. Тем более, что штормовое предупреждение предусматривает закрепление самолетов на стоянках, во время которого могут быть всяческие травмы и в любую секунду реальна потребность в медицинской помощи. Еле-еле удастся перетащить длиннющего Васю на свое сидение, несмотря на все попытки попасть огромным кулаком в потревоживший его кошмар. Раздался богатырский храп, а я стал усиленно вспоминать предыдущий опыт вождения.

Помню, в школе в 10 классе нас обучали этому. Изучал правила, на старом кряхтящем «газоне» раза три проезжал по городу Орджоникидзе (но по его окраинам, с незначительным в те поры движением), стараясь проскочить по краешку встречающихся канализационных люков. Однако, когда мне это удалось в первый раз, – раздался хрустящий скрежет и многоэтажный мат инструктора одновременно. Это я прозевал встречный грузовик, «умело» притершись к его борту. За рулем встречной, видимо, сидел такой же «опытный» шофер, потому что, остановившись, мы увидели только хвост газующей, удаляющейся со скрежетом и тарахтеньем машины. Да еще в 9 классе я достаточно быстро разбираю моторы автомобилей различных систем, проходя практику на мотобазе, где делался капитальный ремонт движков, и даже самостоятельно шабрил подшипники.

Но на таком монстре, как ГАЗ-66, все было необычным. Поскольку мотор тихо ворчал про себя (видимо, Вася его не стал выключать), я начал искать, где включается свет. Случайно тронул тумблер на торпеде (кажется, слева от руля или посередине) – зажглась фара прожектора. В его луче виднее стала дорога, да и снег падал уже не так густо, разгоняемый подоспевшим сильным ветром. Выжал сцепление, перевел в какое-то мне неизвестное положение рычаг переключения передач. Отпускаю педаль. Машина дернулась назад, выдавив несколько досок штакетника из забора. Повторил маневр, передвинув рычаг в противоположную сторону. Машина рванулась необъезженным быком из родео (значит, попал на повышенную передачу!), но искать другое положение не стал и поехал по пустынной улице, регулируя скорость только педалью газа.

Наконец, последний поворот перед Красным городком. Далее – прямая дорога вплоть до КПП части. В свете единственной включенной прожекторной фары вижу фигурки караульных, увидевших приближающуюся машину. Замечаю также офицера с красной повязкой – дежурный по части. Ну, была, не была! Тормозить не буду! Даю протяжный сигнал и, не снижая скорости, еду на ворота с красными звездами, высунув руку из окна кабины и жестикулируя, подавая знаки открыть ворота. Видимо, машину узнали. Ворота отъехали в сторону и, прибавив газу, я

ворвался на территорию части. Сразу за КПП и баней – поворот направо. Уверенный в благоприятном окончании путешествия и гордый своей водительской удачей, лихо кручу баранку вправо, но не рассчитываю (а, вернее, даже не думаю об этом) угол, и сминаю ограждающие бетонные столбики. Выбираюсь на прямую и в свете своей циклопией фары вижу выходящих из штаба офицеров, наклоняющихся вперед для противодействия нештучному ветру. Проехав мимо, замечаю удивленное лицо командира части, его зама – полковника Комаринского, капитана Сопельняка. Они все собирались по тревоге и, видимо, только что расходились по домам.

Предчувствуя вероятные расспросы, торможу около лазарета, выпрыгиваю из кабины, распахиваю дверку с Васиной стороны, вытаскиваю его, взваливаю на плечи и быстро несу ко входу в лазарет. Там, в небольшом тамбуре, сваливаю его на пол, выхожу к машине. Из снежной круговерти вываливается запорошенная сверху донизу фигура капитана Сопельняка.

– Сан Саныч, что случилось?

– Да у нашего фельдшера Палкина кишечная колика или аппендицит, может быть придется везти в райбольницу. Копылов его сейчас поднимает наверх. Доложите командиру, что пока помощи не требуется, но машина должна быть под рукой, около лазарета.

– Позвоните дежурному по гаражу, предупредите его, я все доложу командиру.

Капитан затрусил в ночь, а я потащил Васю на второй этаж, уложил его в свободную палату, попросил медсестру понаблюдать за ним, дозвонился в роту постоянного состава, распорядился, чтобы ефрейтор Палкин немедленно был в лазарете. Когда тот, переваливаясь с ноги на ногу и дремля на ходу, поднялся по лестнице, я ему рассказал, что произошло. По чуть приоткрывшемуся левому глазу (Толя умел спать стоя) понял, что дальнейших разъяснений не потребуется. Палкин степенно прошел в палату, сбросил с себя гимнастерку, брюки (из-за пояса которых выпали портянки, не намотанные ленивцем на ноги), и немедленно захрапел, повалившись на койку.

Утром состоялся долгий разговор с Васей. Оказывается, мать претендентки на сердце и объятия Василия разогнала лове- ласа из квартиры, прослышав накануне о его былых похождениях. Тогда обиженный Вася ринулся на «запасной аэродром», в общежитие ткачих, где его накормили, напоили, и полюбили. Вышел перебор, или водка оказалась чересчур крепкой, но случилось то, что случилось. Виновато кося глазами, Вася спросил, как очутился в лазарете. Узнав про благоприятный исход происшествия, тут же попросил походатайствовать перед командиром роты о предоставлении увольнительной для восстановления «семейных отношений». «Стыд не дым, глаза не выест!» – говорила в таких случаях моя бабушка Александра Павловна.

Глава 3. Грипп в части

Зима стояла морозная, светлая. Но она принесла с собой очередную эпидемическую вспышку гриппа. В самом Волочке даже было несколько смертных случаев. Основной заботой было не допустить неприятных исходов в части. Согласно инструкциям в казармах были развешены мешочки с хлорной известью, отменены увольнения, усилилась витаминная профилактика. Правда, старшина Карпенко, командовавший на кухне, всегда разнообразил рацион зеленым луком и зеленью, которые весенними свежими горками лежали на солдатских столах. Карпенко был высокого роста, с закрученными по буденновски кверху пышными усами, говорил с небольшим украинским акцентом, и от всей души старался, чтобы солдаты были сыты.

Когда-то с отцом на Сахалине служил офицер, кажется подполковник, фотография которого в составе группы друзей где-то лежит до сих пор. Он носил точно такие же усы и ту же фамилию – Карпенко. Но наш старшина никакого отношения к отцовскому сослуживцу не имел, остается предположить, что это случайное (но, тем не менее, закономерное, хотя бы в соответствии с законом парных случаев) совпадение.

Во время визита в часть командующего ВВС МВО Кожедуба старшина Карпенко за отеческую заботу о солдатах удостоился истинно российской награды. Генерал налил два стакана

водки (себе и старшине), предупредил подполковников-вертолетчиков, что назад в Торжок вертолет поведут они (от Торжка до Волочка он сам был за штурвалом), и с удовольствием опустошил «маленковский». Впрочем, Карпенко сделал это значительно скорее командующего, но из вежливости задержал у рта пустой стакан, пока генеральский не оказался на столе.

А вот отношения с капитаном Сопельняком у нас не сложились. Он заведовал снабжением воинской части продуктами, каждый раз что-то выгадывая для себя в ущерб солдатам. Так, случайно я обнаружил, что вместо полагавшихся по меню-раскладке овсяных печений в праздничные дни – на раздачу поступали самые дешевые галеты. Сказал ему об этом, прося объяснить причины. В забегавших глазах причина виделась ясная, но он сослался на отсутствие нужного печенья на складе, не объяснив механизм соответствующей компенсации солдатского рациона.

Однажды на склад завезли большую партию соленой трески. При вскрытии бочек по всем помещениям пищеблока разносился гнилостный запах, внешний вид рыбы оставлял желать много лучшего, но от капитана поступило распоряжение обеспечить вымачивание этой трески в ваннах с водой в течение суток с последующим приготовлением пищи в соответствии с меню-раскладкой. После вымачивания и приготовления неприятный запах сохранялся, на вкус рыба была отвратительной. Как ответственный за качество солдатской пищи, я запретил выдачу рыбы, заменив ее в тот день макаронами по-флотски с тушеной. Одновременно пригласил представителя районной санэпидстанции, который составил соответствующий акт о недопустимости употребления в пищу всей партии трески. Акт я оставил у себя. Старшина Карпенко был возмущен не меньше моего, но считал, что от выдачи испорченной рыбы может спасти только ее многократное промывание для избавления от запаха (как и от всех еще оставшихся в ней полезных ингредиентов). Он решил, что командир, находившийся в дружеских отношениях с начальником продовольственного отдела, подержит его, несмотря на все наши убедительные доводы.

На следующий день капитан Сопельняк доложил командиру о моем неподчинении и тот вызвал меня для выяснения об-

стоятельств и соответствующего «разноса». Командир предварительно уже был настроен на полную поддержку капитана, поскольку партия рыбы была закуплена достаточно большая, а с финотделом связываться не хотелось. Вероятно, были и иные причины, по которым командир приказал начать включать рыбу в меню-раскладку и готовить из нее блюда после вымачивания в воде. Однако я тут же доложил ему, что накануне вынужден был вызвать районную СЭС для составления акта о невозможности употребления в пищу этого продукта и предъявил ему второй экземпляр этого акта (первый экземпляр остался в СЭС, на руках у меня была также еще одна копия, которую мне любезно оставил санитарный врач). Капитан чуть не задохнулся от злости и пытался убедить командира, что вопросы с СЭС он решит и отзовет предъявленный акт. Тогда я упомянул о наличии третьего экземпляра акта, который будет предъявлен в военную прокуратуру в случае выдачи рыбы на солдатские столы вместе с документами о махинациях продовольственного отдела с пересортицей печени. Мне было предложено удалиться продолжать исполнение служебных обязанностей. Но уже через пять-шесть минут из окна можно было наблюдать, как выбежавший из кабинета командира Сопельняк, матерясь и брызжа слюной, взгромоздился в кабину пищеблоковской машины-фургона и помчался в известном только ему направлении.

Карпенко был рад восторжествовавшей справедливости и впоследствии неоднократно становился на мою сторону в различных спорных вопросах, возникавших со службой снабжения. А с капитаном до конца службы я больше не виделся.

Но вернусь к гриппозной эпидемии 1968 года. В ротах велись постоянные беседы по профилактике гриппа, хотя при высокой скученности достаточно было одного контакта, чтобы вирус разбушевался. Из Минобороны нагрянула очередная комиссия из нескольких генералов, в том числе ответственных за политическое воспитание. Командир отрапортовал о проведенной профилактической работе. Несмотря на отсутствие майора Школьника по болезни и фактическое исполнение мною обязанностей начальника медицинской службы Вышневолоцкого гарнизона, я, как младший сержант, не мог, видимо, представ-

лять свою деятельность перед столь высокопоставленной комиссией. Перечислив все профилактические мероприятия, в заключение он сказал: «Гриппа в свою часть мы не допустим!». Зная о возможных последствиях такого заявления, пришлось потревожить наиболее звездного из генералов (кажется, генерал-полковника) просьбой о разрешении обратиться к командиру части. Я сказал: «Товарищ полковник! Вирус гриппа, к сожалению, приказам не подчиняется, поэтому его вспышка среди личного состава может полыхнуть в любое время». И получил ответ: «Не преувеличивайте опасности, товарищ Хадарцев! Мы не должны допустить вирус в часть!» Через два дня в ротах насчитывалось 150 больных, а через неделю уже более 400!

На ликвидацию вспышки был мобилизован весь личный состав лазарета, однако, в роты вольнонаемные не имели права ходить. А две-три палаты на втором этаже старого монастырского здания не могли вместить более пятнадцати человек. Солдаты лежали в казармах. Ежедневные обходы и измерение температуры утром и вечером позволяли выявить более тяжелое течение гриппа и наличие осложнений. При этом солдаты с верхних коек (койки были двухъярусные везде, кроме роты постоянного состава) перемещались на нижние ярусы – для более удобного оказания медицинской помощи.

Обходы я делал с 4 военными фельдшерами срочного призыва. Это были – Толя Палкин, Володя Кузьменко, Анджело (имевший итальянские корни, но родом из г. Горького, откуда и призывался), и еще один Володя из подмосковного Ногинска, внешне похожий на теперешних «крутых качков». Лечение осуществлялось только раствором салициловой кислоты (двадцатилитровую бутыл с которой перетаскивал Толя Палкин, прижав ее к животу и обхватив обеими руками), а также аспирином и аскорбиновой кислотой. Но уже через неделю появились первые случаи гриппозной пневмонии. Окружной госпиталь был переполнен. В лазарете не было ни антибиотиков, ни сульфаниламидов. Возникали сложности с транспортировкой солдат в районную больницу, которая также еле-еле справлялась с потоком постгриппозных осложнений. Многократные повторные телеграммы в госпиталь о необходимости помочь в постав-

ке антибактериальных и противовирусных средств оставались без ответа. Обращение непосредственно в штаб ВВС МВО также не возымело успеха.

Запомнился эпизод, когда по поручению командира части я выходил по спецсвязи в округ для доклада об эпидемической обстановке и получения возможной медикаментозной помощи. Связь была безобразной, сквозь хрипы и завывания голоса были еле слышны. Помню, наш телефонист во время многократных попыток соединиться с Москвой матерился, не получая отзвона на позывные: «Рокада! Рокада! Твою мать, где ты?». Почти через 30 лет, перед прибытием в Тулу министра обороны Грачева, мне пришлось присутствовать при попытке аналогичной связи с Москвой в кабинете начальника Тульского гарнизона. Будучи председателем Комитета по здравоохранению (бывшего облздравотдела) в 1992–1993 годах – обеспечивал встречу с министром, приезжавшем в связи с тяжелой болезнью своего отца. К удивлению, за стенкой, попеременно с изысканными русскими выражениями, услышал знакомые позывные: «Рокада! Рокада!» и такой же хрип в динамиках, и те же завывания. Правда, когда приехал генерал, в багажнике одного из его служебных «Мерседесов» оказалось устройство связи, поддерживающее нормальные эфирные контакты.

Так вот, не получив никакого отзвона на свои обращения за помощью, пришлось в нарушение существующего порядка вместе с заведующей аптекой нашей воинской части ездить по городским аптекам и выменивать имевшийся в наличии избыток аскорбиновой кислоты на необходимые лекарственные препараты. Зато лечение солдат осуществлялось по всем правилам, и исходы болезни у всех были благополучными.

Прошел месяц. Регулярно подаваемые в округ сводки констатировали отсутствие новых случаев заболеваний. В лазарет на смену гриппу пришли обычные солдатские болячки: потертости ног, чесотка, фурункулез. Сiju, заполняю истории болезни. Стук в дверь. Поворачиваюсь. Передо мной стоит небольшого роста, плотный, отягощенный брюшком майор. Лицо открытое, румяное, располагающее, глаза-щелочки с хитрецей, весь чем-то напоминающий гоголевского Чичикова. «Разрешите обратиться!

Майор Козьменков прибыл в Ваше распоряжение сроком на месяц согласно приказу штаба округа!» Встаю навстречу, подаю руку, говорю: «Здравия желаю, товарищ майор! Будем знакомиться. Младший сержант Хадарцев, и.о. начальника медслужбы Вышневолоцкого гарнизона!». И, сняв с плеча медицинский халат, показываю две красных лычки на зеленом погоне. Удивленные глаза, потом искренний смех. Сели. Поговорили о жите-бытие.

Сергей Андреевич Козьменков руководил медслужбой Воронежского военного училища (не помню какого), получил приказ о командировке в город Вышний Волочек вскоре после моего обращения в штаб округа, но майор в то время находился на лечении по поводу гипертонического криза. Выздоровев, обратился по инстанции. Велено было выполнять приказ. Обсудили ситуацию. Проанализировали результаты работы лазарета во время эпидемии. Никакой необходимости в пребывании майора на вышневолоцкой земле не было. Тем более, что своей работы в Воронеже у него было невпроворот, да и имелись кое-какие семейные проблемы.

Согласовали действия с командиром, послали в штаб округа подробное донесение о состоянии заболеваемости в части и об отсутствии надобности в какой-либо помощи со стороны откомандированного офицера. Ответ был кратким и по-военному бессмысленным: «Майору Козьменкову исполнять приказ, через месяц доложить о выполнении!». Сергей Андреевич поначалу взгрустнул, но потом мы договорились, что он побудет «в гостях» дня два или три, а потом поедет навестить своих родственников в Ленинград, затем вернется в Волочек и отсюда доложит командованию об окончании своей миссии. В последующем все так и произошло. А с Сергеем Андреевичем долгие годы потом мы обменивались письмами и поздравительными открытками.

Как раз в это время ко мне приехала дня на три жена. Получив увольнительную, решили с Сергеем Андреевичем вместе отпраздновать это событие в ресторане. Оба были в военной форме, но патрули, видя рядом с младшим сержантом старшего офицера, не придирались, хотя дважды показывались у входа в зал, косясь на необычного посетителя.

Пили водку, но немного, закусывали обычными для того времени ресторанными блюдами. Играла музыка. Майор очень здорово вальсировал с моей женой, сказывалась старая офицерская школа, где умение танцевать ценилось наравне с офицерской выправкой. До сих пор она вспоминает ту необыкновенную легкость, с которой этот с виду кругленький и неуклюжий человек кружил ее по залу между столиками.

Ковыряя вилкой неизменный салат, вдруг отчетливо услышал: «Сан Саныч!» Оглянулся. Никого из знакомых не видно. Только за столиком слева кто-то читает газету, заслонив ею лицо. Как раз к столу вернулись танцоры. Начали говорить друг другу комплименты. Вдруг слышу снова, но громче: «Сан Саныч!» Теперь уже точно – голос исходит из-за газеты и становится узнаваемым. Скосив глаза, замечаю знакомые черты. «Евгений Иванович, давайте к нашему столу!» И, действительно, за соседним столом видим улыбающееся лицо майора Горбунова, чернского военкома, проездом в Бологое остановившемся пообедать в Вышнем Волочке (по высказанной им официальной версии). Несмотря на предельную четкость изложения, замечаю некоторое смущение во взгляде. Ну, да пусть истинная причина его визита в ткацкий городок останется военной тайной! Объединившись, подняли тосты за превратности судьбы, за неизбежные случайности. Горбунов даже успокоился, убедившись, что его призывник не так уж плохо устроился, если имеет возможность бывать в ресторане, и не один. К сожалению, это был единственный эпизод посещения общественного увеселительного заведения за все время службы. Поговорили о Черни, о моей дальнейшей судьбе, немного о политике. Расстались, удовлетворенные жизнью и своим в ней участием.

Наступило лето. Как всегда, а в Волочке и подавно, – с комарами, писк которых по ночам выводил из себя, да и с достаточно жаркой погодой. Не только курсанты, но и офицеры от жары становились малоподвижными и искали удобного случая, чтобы поплавать в речке, посидеть в тени растительности, к северу от Москвы какой-то уж очень зеленой и прохладной. Несколько раз с фельдшерами мы также выезжали «на природу», часа на полтора, ощущая необыкновенную свободу. Казалось,

будто ты уже «на гражданке» и волен поступать так, как заблагорассудится.

Именно такие чувства, по всей вероятности, лежат в основе участвовавших в последние годы побегов солдат из мест прохождения службы. Ведь в отсутствии имевшего место в советские времена идеологического единства, тормозящего необдуманность и непредсказуемость поступков, на первое место выходит вседозволенность, основанная на примитивном понятии демократических принципов. Конечно, мы в те годы ощущали путы «пропаганды и агитации», видели лицемерие части партийных чиновников, расхождение их слов с делами. Но массовое восприятие принципов коммунизма, этого идеального, а значит не достижимого, будущего в сочетании с достаточно большим удельным весом страха, генетически доставшегося всем нам, — ограничивало желание расслабиться до расхлябанности и возможного преступления. Понятие свободы, как «осознанной необходимости», было основным для гражданина СССР. Сбросив идеологические вериги, связанные с деятельностью всей однопартийной государственной системы, мы, к сожалению, не получили ничего взамен. Ценность любой партии без идеологии не выше принципов «партии любителей пива». Разноцветье общества необходимо, но не менее необходим тот стержень, который в нужные часы и минуты объединяет все общественные группы. Выход Ле Пена во второй тур президентских выборов во Франции и последующая победа Ширака с сокрушительным преимуществом из-за нежелания основной массы французов свалиться в болото радикализма — наглядный пример и недостатков, и преимуществ демократических государств. А вот казавшийся незыблемым в мире колосс социализма — СССР был разрушен в кратчайший срок. Достаточно было подменить стержневые понятия и пообещать суверенитета в любом количестве, а также преподнести массам в желаемом им свете нового вождя. Результат — еще долгие годы экономической нестабильности, соответственно и экономико-политической зависимости, неопределенность целей, внутренние разборки, возможное раздробление России.

Глава 4. Детские сны

Сахалин вновь материализуется в ощущениях. Сладкий запах газа или лигроина от автомашин. Гигантские (для нас семи- восьмилеток) «Студебекеры», или как мы их называли, «Студики» – с необычными формами цельнометаллической кабины, высокими подножками... Они казались чудом техники по сравнению с полуторками, фанерные кабины которых, да газогенераторы (топившиеся мелкими чурками) – были в наших глазах признаком уходящего времени. Таким же, как самолеты «Ли-2», скопированные с американских «Дугласов», по сравнению с новенькими «Ил-12», увиденными нами на аэродроме в Южно-Сахалинске при отъезде. Резкий специфический запах эмали, или чего-то другого, самолетного, сулил необычные воздушные приключения. Всего два ряда кресел, но это был уже комфорт, недоступный для перелетов на транспортниках. По тогдашним установкам офицерам на месте засиживаться не давали. На Сахалине мы несколько раз перелетали с одного конца на другой. Сестра Ольга на 12 день рождения уже впервые летела с нами из Отани (потом – поселок Сокол) в Торо (ныне – Углегорск). Названия были японские, но уже порядки были нашенские. По воспоминаниям отца при первом приезде в 1945 году еще сохранялся обычай не закрывать двери фанз. Можно было войти в дом без хозяина, если тот чем-либо приторговывал, взять папиросы, или какую-либо безделушку, оставить деньги и уйти. В памяти жителей Сахалина прочно сидел старинный обычай: вору отрубали руку за каждый факт кражи. Во второй раз – мало кто решался на такое. Еще одно жестокое правило – хозяина загоревшегося дома, виновника пожара – бросали в огонь, потому что пожар мгновенно охватывал весь поселок (бумага, фанера, опилки!) Но уже через год, другой – наученные горьким опытом коренные обитатели острова стали изготавливать хитроумные запоры для своих жилищ. Однако, наши солдаты вновь проявили чудеса находчивости и научились взламывать любые замки любой конструкции. Халява – она и есть халява!

В тот памятный Новый Год, когда отец две с половиной недели провел в засыпанном снегом поезде по дороге от Южно-Сахалинска до Долинска, была сверхснежная зима. Может и сейчас там такое бывает? Не знаю. Нам приходилось откапываться,

открыв вовнутрь дверь, уплотняя снег лопатами, и потихоньку вылезать на уровень крыши. Белое, искрящееся пространство на месте поселка, обозначенного только дымом из труб. Самих труб подчас не было видно. Лишь вдалеке виднелись контуры второго этажа единственного двухэтажного дома. Между домами прорывались тоннели, по которым постепенно налаживалось сообщение между домами и учреждениями, важнейшим из которых для нас была школа. Учительница Елена Александровна Серeda, молодая, красивая, – обучала нас, первоклашек в 1950 году. Сохранилась фотография, на которой моя фуражка, заброшенная кем-то, а может и самим мной на крышу, высветила подстриженную под ноль тыковку, как бы предвосхищая сегодняшнюю лысину.

Помню, как отец брал меня с собой на один из Курильских островов, где я был поражен увиденным. Верхушка сопки отодвигалась в сторону и оттуда, из сердца горы, вылетали самолеты. Это были сконструированные и построенные японцами подземные, а, точнее, «внутрисопочные» аэродромы. Недавно в прессе промелькнуло сообщение об одном из таких сооружений. Вообще, Курилы вспоминаются, как острова непроглядных туманов. Отец поднимал меня на плечи, и с двухметровой высоты в густом облачном безе видны были только головы взрослых людей, плывущие без туловищ по своим делам.

Но отца переводили в Ригу на курсы повышения квалификации, чтобы подготовить из него преподавателя для летного училища. Собрав пожитки в несколько тючков и один большой, кожаный, купленный на Сахалине чемодан, в который спокойно мог поместиться взрослый человек, мы как раз и приехали в Южно-Сахалинск, чтобы лететь в Хабаровск, а оттуда на поезде в Москву и Ригу.

Помню солнечный слепящий глаза день, в котором наше воображение поразили не только новехонькие «Ил-12», но и ровные ряды совсем непривычных для тогдашних людей реактивных истребителей «МиГ-15», занимавших отдаленное поле аэродрома. Из разговоров старших было ясно, что эта новая, тогда еще секретная техника, и перегоняется она на войну в Корею. Вообще о военных действиях, да и о политике в целом не было принято говорить вслух. Физически ощутимый страх довлел над людьми. И это доходило до детского сознания также явно, как и постоянно внушаемая уверенность в гениальности

вождя и незыблемости власти. Однажды исчез поселковый парикмахер, старый еврей, подстригавший наши чубчики. Оказалось, он, в присутствии посетителей выключил дребезжащий круглый диффузор – громкоговоритель во время трансляции какой-то речи Сталина. Этого было достаточно, чтобы стать «врагом народа»! Но и этот факт обсуждению не подлежал. О взрывах атомных бомб уже в нашу бытность на Сахалине также никто не распространялся. О них мы знали только по карикатурам в «Крокодиле» на «поджигателей войны», да по шепоту родителей между собой.

Перелет в Хабаровск – обычный: с ревом двигателей и рвотой у женщин после каждого падения в «воздушные ямы», с закладыванием ушей, с ощущением затяжного прыжка с парашютом при взгляде вниз на гладь Татарского пролива под крылом, с периодическим хныканьем трехлетней сестренки.

Затем – ожидание поезда на хабаровском вокзале, до отказа забитом людьми (сидящими, лежащими на тюках, непрерывно жующими хлеб, сало, вареные яйца, изредка – обгладывающими куриные кости). Из динамиков, включенных на полную громкость, несутся песни тогдашних модных исполнителей – Нечаева, Бунчикова... «То ли луковица, то ли репка, то ль забыла, то ли любит крепко, как яблонька цвела...» или «Расцвела сирень, черемуха в саду на мое несчастье, на мою беду...». Кажется, что-то такое слышалось оттуда, как бы заманивая в новый, взрослый мир.

Позднее написалось:

Вокзалы старые: резные потолки,
засилье мрамора и бронзовых подвесов,
гранитный пол, окурки и плевки,
лимонный запах, хмель разгульных песен,
опухшие пропойцы, торгаши,
галдеж цыган, отпускники, солдаты,
мороженое, кофе, беляши,
в штормовках бородатые ребята.

Вокзалы – наши микрогорода!
Сложны, своеобразны их законы.
Но безотчетно тянет нас сюда:
в транзитные, прокисшие вагоны.

И вот мы в плацкартном вагоне! Знаем, что в пути пройдет более недели, поэтому обживаемся всерьез, надолго, но без всякого комфорта. Все интересно! И остановки на неизвестных полустанках, и черный дым из паровозной трубы, и чистейшие, наипрозрачайшие воды Байкала, тихо плывущие рядом с полотном дороги! Из окон вагона были видны камни на дне этого хрустального озера. Поезд почему-то очень долго стоял около него. Тогда же впервые пробуем на вкус байкальского омуля.

Колеса талдычат свои ритмы. Медленно проходят дни и ночи. В вагонных проходах регулярно просят милостыню темнокожие беженцы из Ашхабада (после тамошнего землетрясения). Цветасто-грязная, зелено-красная с черным одежда, разнокалиберные, преимущественно в соплях, ребятишки, платки, мониста, незнакомая речь.

Их сменяют инвалиды прошедшей войны. Безногие – на платформах с колесиками-подшипниками, стучащие по полу самодельными деревянными упорами. Слепые – в сопровождении усталых женщин, или мальчишек-поводырей. Чаше с гармошками, а то и с трофейными аккордеонами. Поют жалобные, иногда блатные, иногда популярные народные песни, ожидая скудного подаяния.

На длительных стоянках отец с чайниками выходит на станцию за кипятком. Пьем чай вприкуску, откалывая от кускового сахара щипчиками голубовато-искрящиеся фрагменты.

Москва нахлынула ночью заревом городских улиц, трамвайным звоном (звонки на трамваях еще не были запрещены), незнакомыми запахами большого города, но особенно не запомнилась. Правда, переезжая на такси с Казанского вокзала на Ленинградский, мы умудрились по милости хитроумного таксиста пробыть в пути около получаса, крутясь по каким-то переулкам, и заплатить кучу денег. Наше удивление не имело ни границ, ни подходящих слов, когда, рассчитываясь с шофером, отец с изумлением увидел напрямик через площадь исходную точку – Казанский вокзал. Подходящее слово нашлось лет через пятьдесят. Мы в том состоянии были совершенными «лохами»!

Рига, тысяча девятьсот пятьдесят первый год. Въезжаем в нее рано утром. По привычке располагаемся на вокзальном диванчике поближе к выходу, устраиваем на узлах постель для

сестренки, сладко досматривающей какой-то детский сон. Идем с мамой к светящемуся проему двери, за которой в утреннем полумраке отражаются на мокром асфальте разноцветные огни витрин. На лотке за стеклянной перегородкой – вафельные трубочки, никогда ранее мной не виданные. Их ванильный запах, хрустящая на зубах оболочка, тающая во рту начинка – до сих пор неповторимы (как и вкус сахалинских котлет)! Может оттого, что были ощущены впервые?

Погуляв по привокзальной площади, идем к своему временному пристанищу. Отец отправляется на поиски жилья и устраиваться на курсы. К вечеру ему удастся снять комнату на Дзирनावиела (Мельничной улице). Комната располагалась в четырехэтажном высоченном старом доме, двор которого в виде колодца замыкали стены с множеством окон. Кажется, дом стоял почти в самом центре Риги. По соседству жил известный в то время писатель Вилис Лацис, располагался кинотеатр «Сплendid Палас».

Хозяин квартиры – казах Кушкумбай. Его любимая приписка – «Шем могу – помогу!» Правда, квартплату регулярно взвинчивал. Скорее всего, по указке своей жены – мощной русской бабы, зачастую молотившей мужа громадными кулаками, загоняя его под кровать. Кушкумбай пил мало, но часто, пьянел быстро, но надолго. Так и ходил с постоянными синяками от супружеского воспитания.

Нас было пятеро: бабушка Александра Павловна (мамина мать), я с сестренкой, мама и папа. А кровать была одна, сданная в аренду хозяевами: солдатская, односпальная, с проволочным каркасом вместо пружин. Попросили у Кушкумбая (за деньги, конечно) три стула, положили на них два матраса – на кровать и подставленные к ней стулья, застелили простынями, и так все впятером спали поперек кровати, ногами на стульях. Правда, потом обзавелись «мебелью», купив этажерку для книг. Какие либо вещи покупать было бессмысленно, так как через год предстояло вновь переезжать, да и денег не было.

На купленную этажерку бабушка периодически выставляла свои иконы. Была у нее и лампадка. Молилась она регулярно, но, чтобы мы не видели. Помню, позднее, уже в Борисоглебске, утром 5 марта 1953 года, она растолкала меня, спящего на раскладушке, со слезами на глазах, приговаривая: «Шурик! Просыпай-

ся! Беда-то какая, Сталин умер!» И тогда я увидел около икон горящую лампаду, стоящую и открыто молящуюся на коленях бабушку. Хотя прошлое ее вроде бы и не давало повода для такого отношения к умершему вождю. Со слов мамы, она была из купеческой семьи, или была взята замуж в нее. Об этом сама бабушка никогда не рассказывала. Вспоминала детство, когда в деревне на покос отправлялись мужики, и им на обед отпускался хозяином ломоть черного хлеба и половинка вкрутую сваренного яйца. На отдаленный край ломтя клалось яйцо, вначале съедался хлеб, и только затем заветная бело-желтая половинка. Иногда она кормила нас тюрей, показывала, как раньше вскармливали детей разжеванным мякишем, укутанным в марлевый лоскуток. Умело настругивала лучины, и в сахалинский период, когда не было света из-за отсутствия керосина, налаживала освещение в комнате, при котором (и это в пятидесятых годах 20 века!) я готовил домашние задания. Керосиновые лампы были в то время основным источником света. Однажды, сестренка наклонилась над лампой и ее кудряшки (в то время светленькие) вспыхнули. Я со всей силы хлопнул ее по лбу, послышался рев, и мне досталось от матери, которая не разобралась в моих благих намерениях.

Так вот, часть бабушкиных воспоминаний свидетельствовала об ее близости к деревенской жизни. В то же время она рассказывала, как, кажется в 1905 году, присутствовала в цирке на чемпионате мира по вольной борьбе в Нижнем Новгороде, и видела самого Ивана Поддубного. Правда, впечатления от чемпионата были у нее не однозначные: «Толстые мужики, натуживаются, мнут друг друга, портят воздух! Что в этом хорошего?» Поездка в Нижний была не всем доступна в то время! Мама вспоминала также детство, в котором были памятливы связки колбас и окорока в большом количестве. Голодная предвоенная и послевоенная жизнь заставляла ее обращаться к воспоминаниям такого рода. Из-за известных только бабушке опасений она не рассказывала ни нам, ни маме, родившейся в 1920 году, ничего из своей прошлой жизни. Помнится только, что она говаривала как в одночасье поседела после того, как в их дом стучали и стреляли боевики из банды хозяйничавшего на Тамбовщине Антонова. Только крепкие запоры изнутри спасли ее. Бандиты вроде бы ошиблись домом, и, после их отъезда, вышедшую на

крыльцо бабушку встретила соседка с испугом и удивлением: «Павловна! Что это с тобой? Глянь в зеркало! Ты же вся белая!»

И снова Рига! Она поражала, видимо, как и сейчас, какой-то необычной свежестью, темной, иссиня-серой поверхностью Киш-озера, теснотой улочек старого города, легкостью кораблей на рейде, громадой Домского собора, неопределенным, но памятно-историческим рижским запахом. Тогда еще стоял в Риге дуб, посаженный, согласно табличке, еще Петром I. Через много лет, в 1984 году, будучи в Испании, улочки Толедо напомнили мне (и – только!) специфику старой Риги. До сих пор помню пропитанный свежим мясным запахом крытый павильон рижского рынка. Скверы и фонтаны. Сказочность жизни. Театр оперетты. В «Сплендид Паласе» отцу удавалось доставать билеты на трофейные фильмы. Это – «Индийская гробница», «Шведская спичка», и, конечно, «Тарзан», несколько серий которого удалось посмотреть. Пацаны из нашего двора, да и всех дворов того времени, связывали бельевые веревки, цепляли их к деревьям, а то и балконам домов, и с тарзаньими криками «Аа-а-Аа» перелетали с места на место, или с балкона на балкон. В соседнем дворе мальчишка, подражая любимому герою, сорвался с 5 этажа и разбился насмерть. Искали литературу про приключения. У соседа обнаружили тоненькие книжки числом до двадцати о приключениях Тарзана. Зачитывались и стар и млад.

Но уже в то время бросалось в глаза неприязненное отношение части латышей к русским, особенно – военным. Согласно приказу отец не имел права в одиночку и без оружия ходить по старой Риге, бывали случаи нападения и убийства военнослужащих. В некоторых магазинах маме не отпускали товар, мотивируя это своим незнанием русского языка, либо вообще не обращая внимания на человека, говорящего по-русски.

Через некоторое время пришлось искать другую квартиру. Видимо, Кушкумбай (или его супруга, что более вероятно) нашел более выгодных квартирантов. Теперь мы жили на Стрелниеку иела (Стрелковой улице). В том же доме жил, как оказалось, герой-молодогвардеец Радик Юркин (тот самый парнишка из «Молодой гвардии», который участвовал в казни предателя). Это был молодой военный врач, кажется, лейтенант, носивший сапоги под брюками навывпуск. При движении ног голенища са-

пог некрасиво оттопыривали штанины морских клешей. Такие детали бросались в глаза, пока я ожидал кого-то из своих друзей, а сын Юркина – Юра играл в песочнице. Но, когда я поднял глаза, то увидел и узнал человека, накануне приходившего к нам на встречу в школу в качестве героя-молодогвардейца. Уважение к маленькому Юрке сразу возросло до невообразимой величины и я предложил ему свое покровительство и защиту, как старший по возрасту (Юрке было 4–5 лет).

Кстати, о школе. Не помню, на какой улице она располагалась, но запомнилась хорошая атмосфера в ней. Сдав экзамены экстерном за второй класс, пропущенный из-за болезни и переездов, в 1952 году поступил в 3 класс этой начальной школы. Учился в ней не долго. В несколько месяцев учебы начал постигать школьный курс латышского языка, до сих пор помню какое-то стихотворение: «Падемяу земе скола, висием дурвис вер и т.д.» В школьной самодеятельности занялся художественным чтением (читал отрывок из гайдаровского Р.В.С.), несколько раз посетил кружок танцев (полька, краковяк, но без особого успеха), хотя очень хотел петь. Может от медвежьего мяса на Сахалине (при встрече там же с медведем мы вроде бы разошлись без травмы ушей), но слух мой отличался всегда своим уровнем близким к нулю. Учитель пения, старый латыш-интеллигент, прослушав в моем исполнении песенку: «Капитан, капитан, улыбнитесь!», чуть не заплакал. Памятны его слова: «Мальчик! Ты можешь заниматься чем угодно – спортом, чтением, даже танцами. Но никогда, понимаешь, никогда не пой!» Он оказался прав, хотя я не один раз пытался преодолеть это табу.

О встрече с сахалинским медведем вспомнилось не случайно. Это было в поселке Сокол. Лето стояло, как всегда, знойное и влажное. Семи-, восьмилетние ребята искали приключений. В то время не было телевизоров, кино привозили редко (кинотеатра, конечно, в маленьком военном городке не имелось), книги доставались с большим трудом, поэтому общение с не многочисленными сверстниками представлялось единственной возможностью познавать окружающий мир. Изредка ходили друг к другу на дни рождения, с родителями прогуливались вдоль узкоколейки, иногда удавалось прокатиться на единственном в поселке мотоцикле, хозяином которого был наш сосед. Но слухи о японцах, бродящих по сопкам вокруг поселка, периодически

возникавшие лесные пожары, хуже курильских туманов занавешивающие небо слезоточивым дымом, дальние выстрелы, после которых автомашины с солдатами вдруг пронеслись по немym улочкам поселка, – будоражили детское сознание. Собрав своих погодков, в числе которых была дочка единственного в полку Героя Советского Союза, я предложил им пойти к дальней сопке, на которую упал незадолго до этого дня самолет. Взяли с собой фляжку с водой, и, как были – в майках и трусах, пустились в путь. Раньше самому мне ходить к сопке не приходилось, но я слышал, как водитель генерала Белоконя рассказывал, что дорога туда начинается прямо за поселком, переходит в натопанную тропу до той самой сопки.

Этого водителя я вначале считал человеком необыкновенным, когда увидел огромную (по тем меркам) автомашину, крытую черным лаком (это была известная, но недоступная для простых смертных «эмка»), и солдата, легко управляющего этим монстром. Но у меня был щенок по кличке Кубик, белый, с черными пятнами, совсем маленький, еще не твердо стоящий на ногах. Это был подарок отца. Однажды, выйдя из дома, я увидел, как по пыльной дороге несется машина генерала, а посередине колеи стоит Кубик, неизвестно как прошедший несколько метров от изгороди. Других машин не было. Видимость отличная. Однако водитель все-таки наехал на собачонку и раздавил ее. Пришлось закопать растерзанное тело неподалеку, но оставить это без возмездия я не смог. Вечером, когда машина генерала была оставлена на ночь около дома, я сапожным шилом проколол ей все четыре ската, хотя пришлось изрядно попотеть, – силенок не хватало. На следующий день вечером отец рассказывал матери, что из-за проколотых шин генерал отложил поездку в Долинск, а особист части начал опрашивать соседей на предмет исключения диверсии со стороны бродячих японцев. Солдату, кроме порции потрясающего мата, более ничего не досталось. Так и возил Белоконя вплоть до увольнения, но машину больше около дома генерала не оставлял. Водитель он был, видимо, отменный, а человек – не очень.

Понадеявшись на услышанные сведения о дороге к сопке, и зная, что вдоль нее расположены дикие малинники, я повел за собой своих друзей за приключениями. Вначале все было необыкновенно легко. Топаем по тропе, играем в догонялки, в раз-

ведчиков, но от дороги инстинктивно далеко не отходим. Солнце прижаривает, лесные ручьи прохладными змейками извиваются между необычно зеленой травой, изредка встречаются ярко-красные россыпи костяники. И вот уже приближаются заросли малины. Собираем ее в майки, после того, как до отвала наедаемся сами. Ведь хочется и родителей побаловать и угостить друзей, которые остались в поселке, не захотев пойти с нами. Вдруг одна из девочек вскрикнула: «Ребята! Что это?» Подбегаем к ней. На дне ручья, в темном иле блестит какой-то предмет. Наклоняюсь, осторожно вытаскиваю то ли штык, то ли тесак, еще не успевший заржаветь. Лезвие острое. На нем – иероглифы. Вначале эта находка придавала сил: появилось оружие и мы в этом лесу не беззащитны. Но в то же время подумалось, что оружие могло быть потеряно кем-то из тех самых японцев, о которых столько слышали в рассказах родных. Я сказал: «Давайте говорить только шепотом. Слушайте меня!». Может быть, это было детским желанием укрепить свое положение вожака, но возникшее у всех чувство опаски здорово нам помогло. Только мы хотели вернуться от кустов малины и ручья к тропе, как послышались взрослые голоса. Я скомандовал: «Ложитесь на траву, головы не поднимайте!» Малинник был густой, мы – маленькие, загорелые. Это нас и спасло. По тропе мимо нас на расстоянии семи или восьми метров прошли в направлении той самой сопки, которая был целью нашего похода, шесть человек, говоривших между собой по-японски. Об этом свидетельствовала и их внешность, и особенности речи, отличающие их от корейцев. Более того, за плечами у двоих были винтовки, шли они достаточно быстро, говорили негромко. Поселок был маленьким, таких людей в нем раньше я не видел, поэтому решил, что нужно еще некоторое время выждать, а уж потом идти, но только не к сопке, а домой. Проведя с полчаса на траве, мы уже устали, девчонки начали хныкать, да и земля близ ручья была достаточно прохладной. Все поднялись и, держась, как можно ближе друг к другу, двинулись в обратном направлении. Правда, пошли рядом с тропой, чтобы в случае необходимости спрятаться. Детским шагом мы преодолели достаточно большое расстояние (позднее нам сказали, что этот путь составил несколько километров и почти привел нас к цели), тем более что тропа все время поднималась в гору. Но обратно бежалось легко. Бла-

гополучный исход приключения прибавлял сил. Холодное оружие придавало храбрости. Уже все проголодались. Решили подкрепиться малиной. Негромко переговариваясь, прошли в кусты и начали свой лесной обед. Внезапно из-за огромного куста начала вырастать урчащая, коричневая, двухметровая фигура медведя, лакодившегося дарами природы. Тут уж оружие не помогло. Выронив его, с громким криком я понесся по направлению к дороге, к японцам, но – к людям. Остальные – за мной. Бедолага медведь с ревом и хрустом ломаемых кустов помчался в противоположную сторону, видимо испугавшись неожиданного детского ора. Через некоторое время, успокоившись, мы поняли, что заблудились. Тропинки похожи одна на другую, а при скоростном беге от косолапого не было времени разбирать, куда несут ноги. Хорошо, что наша тропка вывела вновь на знакомую истоптанную тропу, показавшуюся огромной дорогой. Но уже дело было к вечеру. Обнаружились потери маек, брошенных где-то. Появились вновь слезы. Приблизившись к поселку, увидели несущуюся навстречу нам полторку, в кузове которой узнаем мужскую часть своих семей и солдат. Обрадовались. Бежим к ним. Машина резко останавливается. И, вместо радостных объятий, попадаю в руки отца, который мгновенно снимает ремень от планшетки и начинает воспитательную порку, пока нет мамы. Остальным досталось в большей или меньшей степени.

Оказывается, нас хватились к обеду. Начали поиски, расспросы соседей. В комендатуру поступило сообщение, что в сопках находится небольшой отряд японцев, высадившихся с Хоккайдо и преследуемый оперативниками. А когда один из наших сверстников признался, что я организовал поход в сопки еще утром, естественное беспокойство переросло в нешуточную тревогу. Был выделен отряд солдат на поиски, к которому присоединились наши родители с табельным оружием. Их то мы и встретили на подходе к поселку. Дома ждало продолжение «воспитательной работы».

Это я все вспомнил к тому, что тот медведь никак не смог бы мне наступить на ухо. За то наша встреча с ним помогла в отработке далеко слышного голоса.

ВЫСТРЕЛ В НИКУДА

Иван Спиридонович стоял у мойки на кухне, ожидая подачи горячей воды. Как и каждый день, ее включали по часам. И при Советской власти, и при теперешней. Только в течение шести часов – после семнадцати и до двадцати трех – удавалось перемыть всю скопившуюся за день посуду. После двадцати трех и до утра в кранах не было ни горячей, ни холодной воды. Вот и сейчас приходилось стоять, с надеждой глядя на фыркающий и уже начинавший брызгать желто-коричневыми каплями кран.

Когда-то Иван Спиридонович сам избирался в областной Совет народных депутатов и присутствовал на многочисленных собраниях «актива», когда первые лица партийной и хозяйственной элиты города клятвенно обещали с трибун чуть ли не в будущем году напоить горожан досыта из речного водозабора. Прошло два десятилетия. Сменились первые секретари горкома и райкомов партии, председатели городского и районных исполкомов, появились мэры и главы администраций, а с водоснабжением в городе ничего не изменилось. И шут бы с ней, грязно-желтого цвета, перенасыщенной соединениями железа, с едким запахом хлора, – лишь бы была вообще. Жители верхних этажей стандартных «девятиэтажек» зачастую выстраивались в очереди к соседям с нижних этажей, или плелись с ведрами к водонапорным колонкам на близлежащих деревенских улицах, которые оказались внутри разросшегося микрорайона.

Он до сих пор помнил, как начиналась эта застройка под лозунгом «Жилье – 2000». Значит, к 2000 году все жители должны были получить, пусть не очень комфортабельные, но бесплатные квартиры.

С тех пор прошло двадцать лет, полгорода застроено сверхсовременными евродомами, в которых квадратный метр продается по цене полугодовой, а то и годовой зарплаты, население убавилось тысяч на двести пятьдесят, но ветхое жилье по-прежнему остается достоянием большинства жителей. Даже посетивший город налетом президент, вместо посещения близкого его сердцу турнира то ли по дзюдо, то ли по самбо, обратил внимание на нерешенную жилищную проблему.

А тогда – первый секретарь обкома партии, взобравшись со свитой на восьмой этаж вновь строящейся областной больницы, оглядел пространство, занимаемое старым яблоневым садом, и отдал распоряжение: «Сад вырубить! Построить микрорайон на сорок тысяч жителей!» Слова первого были немедленно записаны помощником и уже через год первые девятиэтажные, приткнутые окнами друг к другу дома заселялись очередниками. Надо отдать должное – и больница была выстроена благодаря волевому, но совпадавшему с мнением народа, решению.

Старый латунный кран выплюнул первую порцию воздуха вперемешку с водой, струя которой постепенно нарастала в мощности, согревалась, и, наконец, Иван Спиридонович приступил к своему любимому занятию. Он выдавил в кастрюлю добрую толику «Ферри», и зеленого цвета губкой начал обрабатывать тарелки, вилки, чайные чашки, затем прополоскал их в теплой воде и уже собрался расставить утварь в сушилку. Но закончить уборку ему не удалось. Громкая трель звонка у входной двери заставила пойти открывать ее, на ходу вытирая о льняное полотенце руки, прикрикнув на курчавого пуделя, с громким лаем бросившегося встречать нежданного гостя.

В проеме двери проявилась коренастая мужская фигура в милицмейской форме. Сержант был молод, стеснителен, но говорил весомо, защищенный служебной принадлежностью.

– Здравствуйте, я ваш участковый! У вас есть охотничье ружье?

– Да...

– У вас просрочено разрешение на право его хранения. Покажите его и ружье!

Иван Спиридонович, попросил участкового пройти в комнату, а сам начал рыться в бумагах, пытаясь отыскать злополучный документ.

Дело в том, что ружье ему было подарено друзьями лет десять назад, к пятидесятилетию, отделано гравировкой на металле и резьбой по дереву на всех деревянных частях. Лежало оно в разобранном виде в металлическом чемоданчике, там же пылился просроченный охотничий билет. Пять лет назад

друг Николай (полковник милиции и сам охотник) напомнил ему о необходимости перерегистрации, тогда же была уплачена и пошлина в охотничье общество. Надо сказать, что за все десять лет из ружья не было сделано ни одного выстрела. А продавать его Иван Спиридонович не хотел, оно было ценно, как подарок друзей и добрая память о них. Патронов, кстати, у него тоже не имелось.

Наконец, документ нашелся. Просмотрев его, сержант констатировал, что уже как две недели истек срок замены разрешения.

- Будем изымать ружье!
- Как это?
- Так положено по закону! Вот у меня книжка, смотрите сами... будем вызывать понятых!
- Позвольте, давайте тогда представимся друг другу! Вот мои документы!

Иван Спиридонович протянул участковому служебное удостоверение, выданное администрацией области, с надеждой, что это окажет хоть какое-то воздействие на слугу закона. Тот просмотрел «корочки», вынул и показал свои. Впрочем, обе стороны остались при своем мнении.

Отдавать ружье не хотелось. Иван Спиридонович решил потянуть время.

- А как вы будет изымать ружье?
- По закону! Два свидетеля, протокол, подписи, передача на хранение в милицию до оформления разрешения на хранение.
- Хорошо, а в случае утери кто будет возмещать стоимость?
- Ну, соответственно, органы...
- А сколько денег будет возмещено? Кто оценит резьбу по дереву, золочение спусковых крючков, гравировку по металлу? Аналогичные ружья являются произведениями искусства, и без специальной экспертизы — просто не могут быть изъятыми! Если бы вы у меня забирали скрипку Страдивари, то достаточно ли подписей двух понятых для этого? В таком случае вы можете в случае утери заплатить мне магазинную цену скрипки, а себе

приобретете миллиондолларовое состояние? Я отдавать ружье не буду. Настаиваю на вашем пребывании в моей квартире до тех пор, пока не будут произведены необходимые мероприятия по оценке оружия, в том числе в присутствии вашего руководства, или адвокатов... не знаю, кто при этом должен быть по закону, сейчас справлюсь у дежурного по прокуратуре, или позвоню домой зам. областного прокурора!

Сержант был озадачен. Чувствовалось по взгляду и по замедлению движений, что он ищет выход из непонятной ситуации. Иван Спиридонович уловил его колебания и решил усилить их.

— Кстати, а что будет, если в период доставки ружья от дома в милицию на вас будет произведено нападение, ружье будет отобрано, использовано с целью убийства, а потом возвращено? Почему я должен отвечать за выстрел, приведший, как говорится, к смертельному исходу? Где гарантии доказательства моей невиновности в таком случае?

— Ну, знаете, это вы все фантазируете!

— Да нет! В жизни бывают куда более неправдоподобные ситуации, не мне вам о них говорить. Вот у меня был друг, царство ему небесное, который всю жизнь работал автомобилестом, прошел путь от завгара до руководителя автохозяйства, был великолепным первоклассным водителем. Кроме того, еще до своего автомобильного периода, служил офицером на флоте, откуда был уволен по хрущевскому миллионному сокращению армии. Он очень любил морскую службу, уже в запасе ему было присвоено звание капитана первого ранга. Однажды, возвращаясь ночью с охоты, будучи совершенно трезвым, разбился насмерть в автокатастрофе. Встречный КАМАЗ с прицепом объезжал лежащую на проезжей части дороги убитую в семейном скандале женщину. В условиях плохой освещенности улицы водитель КАМАЗа поздно заметил лежащее тело, и был вынужден резко повернуть налево, на встречную полосу движения, чтобы объехать его. Маневр был выполнен до столкновения с «Волгой» друга, все-таки заметившего КАМАЗ и свернувшего на обочину. Но он не мог предвидеть, что прицеп с тяжелым грузом занесет, и тот полностью перегородит узкую дорогу

вплоть до обочины, стесав «Волгу» наполовину, раздробив всю левую половину тела друга, и унесет его жизнь в небытие... Так вот, удивительным было то, что грузом в прицепе КАМАЗа был перевозимый на переплавку старый самолет. Разве правдоподобна ситуация, когда причиной смерти моряка и автомобилиста стал самолет?

Столь длинное и грустное повествование расстроило самого рассказчика. Он замолчал, задумавшись над прошлым, и на мгновение позабыл о ружье, сержанте, о бурно струящейся воде из-под не закрытого им крана на кухне.

Иван Спиридонович был профессором университета, возглавлял кафедру подземных сооружений горного факультета. Маленького роста, сухощавого телосложения, с седой, все еще достаточной шевелюрой, не исковерканной лысиной. Добрая и веселая улыбка не покидала гладко выбритого лица. Его труды были известны в мире, по написанным им учебникам воспитывалось не одно поколение горных инженеров. Но вот не умел он «прогинаться» под власть имущих. А надежду «Машины времени» во главе с любителем «Смака» Макаревичем, что изменчивый мир «прогнется под нас», считал просто удачным идеализированным пожеланием. Поэтому и квартиру имел на девятом этаже в глухом районе, добираться до которого после лекций приходилось с двумя пересадками на общественном транспорте, или заполонивших город микроавтобусах фирмы «Автолайн». Изредка он пользовался услугами старого приятеля Гены. Тот довозил его до работы, рассказывая по дороге анекдоты и байки из шоферской жизни. Хорошо зная погибшего друга Ивана Спиридоновича, он всякий раз, проезжая мимо места его гибели, давал протяжный сигнал клаксоном выдавшей виды «Лады».

Очнувшись, Иван Спиридонович решил больше не спорить с сержантом. Однако, тот принял удачное компромиссное решение.

— Хорошо, давайте пишите расписку в том, что вы были мной предупреждены и завтра сами лично привезете ружье для сдачи на временное хранение.

— Спасибо! Однако, не понятно, почему столько шума вокруг гладкоствольного ружья. Тем более, из которого ни разу не стреляли! Да и что следить за такими людьми, как я! Неужели нельзя было по-человечески предупредить об истечении срока по телефону, или хоть какой писулькой. Тут же все было бы сделано! Где же та профилактика, о которой все время бубнят органы? Те, кто занимается бандитизмом, разрешений на хранение оружия не спрашивают. По городу открыто ходят вооруженные люди, от которых милиция просто отворачивается. Более того, ни один закон не предусматривает регистрацию взрывчатки. Вчера в метро на Павелецкой один вагон раздуло, другой сплющило, десятки людей погибли, сотни ранены, а стражи порядка занимаются контролем хранения оружия стариками-пенсионерами, которые имеют его лишь как декоративную ценность и память о подаривших людях. А своевременность регистрации не соблюли из-за склероза. С такими нарушителями проще, чем с бандюками!

— Что поделаться! Закон приняли, а мы его выполняем.

— Вот, вот! Те, кто такие законы принимали, на программе у Савика Шустера по «телеку» выступают, соревнуются, кто жестче предложит кару для террористов, а на самом деле стараются себя выгодней показать перед выборами президента. Да еще и успевают лизнуть его осторожно, чтобы и выглядеть оппозиционно, и жизнь себе не испортить, как политическую, так и фактическую...

Понимая, что зря кипятится, Иван Спиридонович постарался приостановить эмоциональный поток, успокоиться и делать, то, что предотвратит «неизбежность наказания», которая в нашем государстве существует для всех, а все остальное – для избранных. Поэтому он, пока медленно писал расписку, прятал ружье в футляр, – прокручивал в голове свое областное депутатское прошлое, перипетии многолетней давности попытки баллотироваться в Госдуму, вообще все относящееся к зигзагам власти.

Будучи идеалистом, он тогда еще надеялся на постепенное торжество той самой свободы слова и демократии, за которую 19 августа 1990 года готов был идти в любые застенки. Весть о мятеже ГКЧП нагнала его в вагоне поезда, направлявшегося на

родину, где хотелось провести отпуск. Он немедленно принял решение срочно вернуться к месту службы, поскольку был членом Президиума областного Совета народных депутатов, в котором шла напряженная борьба между сторонниками и противниками перемен. Тогда он еще не мог предполагать, во что превратится некогда могучая страна из-за неумелого управления на всех уровнях власти. Но вероятность репрессий заставила его подумать о необходимости собрать чемоданчик с бельем, бритвой, зубной щеткой и «тормозком» на первое время.

Когда эта эпопея закончилась, начался период непонятных, но далеко не «демократических преобразований», вплоть до расстрела Белого Дома. Несколько позже, по просьбе губернатора, он выдвинул свою кандидатуру на выборы в Государственную Думу. Тогда думалось, что выборы – относительно честная компания, в которой может победить справедливость. Поэтому, обогащенный социальным заказом математический ум Ивана Спиридоновича выдвинул несколько тезисов, которые по его мнению, должны были сыграть существенную роль в воздействии на избирателей. В своем обращении к избирателям он писал:

«Мы живем в великой, но очень больной стране. Она больна физически: резко снижается рождаемость, к 2000 году при теперешнем положении дел 97 % выпускников школ будут иметь те или иные болезни. Уже сейчас 87 из 100 восемнадцатилетних парней по состоянию здоровья не подлежат призыву в армию. Специально для России на Западе предложен термин «сверхсмертность». Ведь она более чем в 2 раза превышает рождаемость.

Страна больна экономически. Достаточно сказать, что в нашей области снижение объемов производства в 1996 г. по ряду отраслей достигает 73 % по сравнению с 1992 г. В социальной и духовной сферах царит нравственный паралич. Вирус обогащения и стяжательства привел к критическому расслоению народа на богатых и бедных. Миллиардные шоу, триллионные войны, раздувание чиновничьего аппарата, казнокрадство и коррупция обеспечивают невыплаты пенсий, невыдачу заработной платы за труд, ставят на грань выживания все большее число людей.

Достоевский в «Бесах» предостерегал, что «Русь – страна нищая и опасная, страна тщеславных нищих в высших кругах своих». Несоблюдение законов, терроризм и преступность, разрушение сельскохозяйственного производства, все меньшая доступность медицинской помощи, образования, отдыха – довершают клиническую картину тяжелой болезни.

Необходимы срочные реанимационные мероприятия. «Я привык к взгляду врача. Врач живет в ...мире фактов ..., он не учит – он учится, он не мстит, а старается облегчить, видя страдание, видя недостатки, он ищет причину, связь, он ищет средств в том же мире фактов» – писал Герцен. Необходимо избавиться от желания делить людей на чистых и нечистых, на "красных и белых". Как из семи цветов спектра составляется видимый свет, так и из людей разных возрастов, разных взглядов – неминуемо сложится общество будущего. Русский философ Бердяев точно заметил: «Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному». Наступает время единения. Лекарство от болезни не вне, а внутри нас. Надо высвободить силы добра, справедливости и любви.

Перед вами стоит нелегкая задача выбора депутата Государственной Думы. Это должен быть местный житель, на самом себе чувствующий симптомы болезни страны и желающий в меру сил помочь ей, как самому себе. Это должен быть человек, верящий, что только духовное возрождение способно привести к экономическому и культурному подъему, к сохранению и умножению народного здоровья. Вам решать, кто это будет!

Важно, чтобы это был человек, не обещающий неисполнимого и исполняющий обещанное! Чтобы он не лицемерил перед властью предрекающими, не злоупотреблял положением депутата и участием в корыстных политических и других сделках! Чтобы он стал, по сути, адвокатом, защитником интересов земляков, не прерывая пуповину связи с родной землей!

Дорогие мои земляки! Приходите на выборы! Народная мудрость, здравый смысл и справедливость позволят вам сделать правильный выбор! Я верю, – страна излечится от хвори! Я с вами и за вас!»

Воспоминания промелькнули за минуту, другую. Искренне написанное в те годы обращение к людям показалось Ивану Спиридоновичу в чем-то похожим на последующие предвыборные призывы кандидатов в слуги народа. Видимо и его избирательная компания стала предметом изучения создателей образа депутата, так называемых имиджмейкеров, взявших на вооружение отдельные обороты и общий настрой послания.

Только толку никакого от тогдашних выборов не было. Никто, кроме московских кандидатов, не знал, что избрание в депутаты дорогого стоит. Что лоббирование законов – мощная доходная статья депутатов, что основными помощниками некоторых из них станут представители криминальной среды, расцветшей в стране «развитого социализма». Поэтому рассчитывать на избрание в законодательную кормушку можно было лишь тем, кто прятался за партийный список, либо имел сверхбольшую финансовую поддержку.

Теперь еще хлестче стало! На избрание депутатов среднего поступают из бюджета, от тех самых налогоплательщиков, которые потом проклинают своих «избранных», которых они не избирали, а еще и финансировали «по закону».

Даже в избирательном округе, где каждый знал Ивана Спиридоновича, как бессребреника, и надеялся на его избрание в Думу, выборы он проиграл. Деньги сделали свое дело! То ли элементарный подкуп, то ли выкуп избирательных урн с подменой бюллетеней, то ли подтасовка на последних этапах подсчета голосов, но что-то было уже в те годы. Федеральный административный ресурс «сработал» против себя из-за непопулярности тогдашних лидеров, и выигрыш остался за неудобным Кремлю, но известным своей оппозиционностью московским претендентом.

Вспомнилось, как один из тогдашних молодых лидеров движения НДР («Наши дом Россия») пригласил в Государственную Думу на собеседование Ивана Спиридоновича, надеясь, в

обмен на проведение линии НДР в случае избрания, определить возможность финансирования выборной компании через всемогущий в то время «Газпром». Пришлось около получаса ждать окончания разговора по телефону тридцатилетнего, высокого, в очках субъекта, который выяснял отношения с какими-то банками по поводу невыплаты ему очередных дивидендов. Но в беседе Иван Спиридонович дал понять, что будет голосовать только за те решения, которые сам считает целесообразными. Такая неуступчивость пришлась не по нраву молодому реформатору, и деньги НДР были брошены на другого, более податливого ставленника, который в последствии с треском провалил выборы. Правда, деньги, и немалые, были израсходованы по всем правилам.

Наконец, расписка была подписана. Сержант простился со злостным нарушителем закона и удалился, напоследок убедительно попросив об обязательной сдаче оружия на следующий день.

Закрыв дверь за блюстителем законности, Иван Спиридонович вернулся на кухню, закрыл фыркающий кипятком кран, поставил посуду на место и позвонил Гене, чтобы тот утром заехал за ним и отвез вместе с ружьем в назначенное сержантом место. Затем он вывел на прогулку собаку, которая во весь опор бросилась к своре дворовых псов, ведущих свою параллельную с жителями неуютную жизнь. У пуделя среди этой своры была любимая собачка с гладкой светло-коричневой шкурой и лисьей мордашкой. Из-за нее он не раз насмерть дрался с дворовым вожаком, считавшим себя хозяином собачки, приземистым крупным псом, от укусов зубов которого шрамы во многих местах покрывали субтильное тело пуделя. И на этот раз «лисы мордашка», питавшая чувство расположения к пуделю, бросилась к нему навстречу, подставляя себя всеми местами. Тут же раздался басовый лай непонятно откуда появившегося вожака, с оскаленными клыками набросившегося на своего противника. Пришлось вмешаться и отогнать свору, начинавшую заходиться в неистовом лае. Вернувшись в квартиру и обмыв под душем пахнущего собачьим желанием пса, накормив его суповым набо-

ром, Иван Спиридонович привычно сел к включенному с утра компьютеру и принялся за работу.

Наутро, после выгуливания собаки, ритуально поздоровавшись с водителем пожатием руки, он погрузил в подъехавшую машину ружье, и они поехали сдаваться. Гена, как всегда, выглядел не выспавшимся, появился с опозданием, хотя на часах в машине до времени встречи оставалось еще минут пять. По привычке он подводил машинные часы назад, как бы доказывая свою пунктуальность, правда, только относительно этих часов. Зная эту особенность Гены, Иван Спиридонович ухмыльнулся:

– Что, опять часы стоят?

– Да, что-то я не посмотрел, сейчас вперед подведу...

– Ладно, ты лучше скажи, куда нам надо ехать.

– Я знаю, сам недавно получал разрешение. Вот только закатал его в пластик и только тогда обратил внимание, что печать начальника есть, а подписи нет. Ну, да ничего, главное – печать!

Они подъехали к двухэтажному деревянному, довоенной постройки зданию, обшарпанный фасад которого «украшала» массивная деревянная дверь, открывающаяся изнутри после звонка, установленного справа от двери. Вывеска с неясным для постороннего названием учреждения информации не добавляла. Поднявшись по начинающейся прямо от входа деревянной лестнице на второй этаж, они увидели сидящую за стоящим прямо на площадке столом женщину в милицмейской форме. Она внимательно изучала какой-то журнал с фривольными картинками (то ли «Окна», то ли «Плейбой»).

– «Вам куда?» – спросила она, не отрывая глаз от обнаженных особ на обложке.

– Да вот, ружье на хранение принесли.

– Проходите по коридору налево.

– Спасибо!

Искомая дверь скрывала за собой тесный кабинет с четырьмя столами, за двумя из которых сидели женщины: одна – помоложе, другая – постарше. Иван Спиридонович решил уточнить необходимость таких экстренных мероприятий по сдаче не стрелявшего ружья, занимающих время и расшатавающих

нервную систему в общем-то законопослушных, но забывчивых граждан.

– Скажите, вот если я не охотник и считаю, что ружье, как оружие, мне не пригодится, оставаясь лишь декоративным предметом, можно ли залить его стволы свинцом, или просверлить стволы, чтобы нельзя было стрелять?

– Нет, тогда по закону необходимо это ружье уничтожить.

– Но, почему? Ведь в магазинах продаются муляжи, из которых за пять минут можно сделать стреляющий предмет. В детстве мы делали «поджигные» пистолеты из простой металлической трубки, начиняя ее серой от спичек. И еще как стреляли!

– Не знаю! Так положено по закону. Вот, посмотрите, здесь все это предусмотрено. А, если вы не пользуетесь ружьем, – продайте его! У нас даже специальный комиссионный магазин по продаже есть.

– Что, ООО «Торговля изъятым оружием по сниженным ценам»?

– Да нет, просто чтобы все было под контролем!

– Так вот я даже участковому говорил, что могут быть злоупотребления на любом этапе исполнения закона, о котором вы так печетесь. К тому же столько народа работает в этой, так называемой разрешительной системе, носят погоны, получают зарплаты, которые необходимо повышать за счет бюджета, а занимаются абсолютно ясными для всех бюрократическими делами. Причем, на криминальную ситуацию в стране такого рода мероприятия никак не влияют. А профилактикой, даже судя по моему случаю, в этой системе и не пахнет! Кому надо, те находят и зарегистрированное, и украденное, вплоть до автоматического, оружие. Покупают и переносные зенитно-ракетные комплексы, и снайперские винтовки. Что-то гладкоствольными охотничьими ружьями бандиты не очень пользуют. А от случайного использования, или применения их психами – никто не застрахован! И из зарегистрированного по всем правилам оружия можно стрелять. Не говоря о терроризме, на который надо наброситься не только правоохранительным и прочим органам, но и всей мощью политической власти!

– Все это не нам надо говорить! Мы – всего лишь исполнители. По-другому нам действовать нельзя. Вот когда изменятся законы, тогда – другое дело!

Иван Спиридонович понял, что его обличительная речь действительно неуместна. Сидят за столами сотрудницы, исполняют четко и правильно свои служебные обязанности. К ним-то какие претензии?

После того как были оформлены необходимые документы, ружье осталось в кабинете, а ему в течение недели надо было собрать необходимые справки, фотографии, заплатить, правда копеечную, пошлину, и тогда можно будет забрать оружие домой. А пока оно будет переправлено в находящийся за километр отсюда районный отдел милиции. «Для государства и для задержанных в этом деле людей – это просто потерянное время, которое стоит дорого и должно расходоваться с обоюдной пользой. Сейчас еще придется возиться с доставанием справок о том, что ты не псих, не состоишь на учете в диспансерах, хотя кому нужно – превосходно купит ее, заплатив кому надо...» – к такому ясному для себя выводу пришел Иван Спиридонович,оставляя на прощание вежливым правоохранительницам визитку с телефонами для контакта.

Присутствовавший при этом Гена хитро улыбался, по себе зная все этапы этого формального, но почему-то необходимого пути.

– Что, Спиридоныч? Еще побегать придется, пока все уладится.

– Ничего, я сейчас позвоню другу, зав. поликлиникой, договорюсь с ним. А уж фото сделать – не проблема.

В течение двух часов после звонка у Ивана Спиридоновича на руках уже была справка о том, что он «не состоит», «здоров и годен» и вообще... Через два часа были готовы фотографии и оплачена пошлина. Однако, после сдачи всех документов, только через две с половиной недели пришла пора забирать подарочное ружье, ставшее от этого еще дороже.

По дороге за разрешением Иван Спиридонович задремал под рассказ Гены о необходимости замены шаровых опор и пре-

имуществе дисковых тормозов, под анекдоты типа: «Нам все равно, что чай с малиной, что е... в валенках».

Во сне он как бы перелистал картины недавнего посещения в Москве своего школьного приятеля, возглавляющего ныне какое-то ЗАО, или ЧП, который показал ему, насколько важна роль всех наших контролирующих и карающих органов в поддержании безобразного «порядка» в России.

Своими глазами Иван Спиридонович видел находящийся в распоряжении друга пропуск для правительственной машины, за который было заплачено три тысячи баксов, удостоверение инвалида второй группы, сотрудника органов внутренних дел – за шесть тысяч. Эти документы не были подделкой, они имели регистрацию в компьютерной базе данных соответствующих служб и использовались лишь для облегчения решения некоторых вопросов коммерческой деятельности. Любая справка в Москве (да и во всей России) покупается и продается! Подтверждением этого вывода было сообщение компетентных органов, прозвучавшее по радио и телевидению, что не без участия сотрудников этих же органов была осуществлена регистрация чеченских террористов в Москве перед событиями на «Норд-Осте». «Попробуй-ка зарегистрироваться в Москве ты, Иван Спиридонович, при всех твоих регалиях!»...

Машина резко затормозила, проскользнув по льду у порога уже знакомой двухэтажки несколько сантиметров. Преодолев лестницу, можно было увидеть результат потрясших страну взрывов, проявившийся в «усилении бдительности». За столом сидел молодой милиционер, справившийся о том, зачем пришли посетители, и записал их фамилии в прошнурованный и пронумерованный журнал. Ни газеты, ни журналов с картинками перед ним не было!

Получив заветное разрешение, расписавшись в двух журналах, приятели направились в районное отделение за ружьем. Там их уже ждали. Ружье сиротливо стояло приткнутое к шкафу с бумагами в еще более тесной комнатухе с двумя сдвинутыми столами. Написав расписку и упаковав ружье в фибровый, черный футляр, Иван Спиридонович и Гена поехали домой.

Войдя в квартиру под приветственный лай соскучившейся по хозяину собаки, сели за стол. Гена, ухмыльнувшись, проговорил:

— Ну, что, Спиридоныч, как ты относишься к системе Станиславского?

— А причем он тут?

— Ну, как же! Помнишь, он говорил, что ружье, повешенное на сцене в первом акте, должно в последнем — выстрелить!

— Ну!!!

— Ты из ружья не стрелял ни разу?

— Нет!

— Я тут прихватил из своих запасов пару патронов. Заряжай!

— Нет, давай лучше ты!

— Ну, ладно, учись, пока я живой!

Он собрал ружье, зарядил оба ствола, при этом послышался щелчок взвода ружья, и протянул его Ивану Спиридоновичу:

— Давай, ты давно хотел избавиться от жоака собачьей своры! Вон он, кобелина, около кустов лежит! Самый раз опробовать прицел.

Выйдя на балкон, Иван Спиридонович повертел в руках двустволку, потом тихо сказал: «А пес-то при чем? Жизнь у него такая... и он в своей жизни такой, какой есть! Все, как у людей. Стоит ли тех, кто нам почему-то не нравится, отстреливать даже из зарегистрированных стволов? Пусть живет! Виновата система!».

Он вскинул ружье и направил стволы в небо: туда, где начинал светиться оранжево-белым светом диск луны. Звук выстрела слился с грохотом и треском новогоднего фейерверка, осветившего разноцветными вспышками всю округу. Собаки во дворе громко забрежали, но перекрыть шум праздника не смогли. Жоак медленно встал и побрел в поисках более тихого места... за ним, поджав хвост и, опустив голову почти до земли, потрусила «лисья мордашка». Восстановленную семейную идиллию дополнили бегущие следом друзья, братья, сестры и дети собачьей пары.

ДОРОГА В ПОТЕМКАХ...

Первая проба кисти в году

Настал новогодний праздник.
Но я печален... На память мне
Приходит глухая осень.

(Из хокку Басё, XVII век).

Часть I. Неудавшееся торжество

Электричка рывком тронулась с места. Стоящие в проходах пассажиры на мгновение потеряли равновесие, затем каждый приступил к привычному для него на ближайшие три с половиной часа занятию.

Пожилый мужчина с седыми пушистыми, как кроличий хвост, усами устоялся в тщательно прикрываемый от соседей номер «СПИД–инфо», пытаюсь, видимо, найти в нем образы давно прошедшей, но укутанной в предрассудки, а, может, просто в стыдливость – юности. На нем были одеты синий в полоску костюм, кремового оттенка водолазка, мягкие хорошо растоптанные мокасины. Портфель желто-коричневого цвета, из хорошей кожи, истертой временем, выглядывал из-под локтя, отгораживая левый бок пассажира от вагонной стенки.

Девушка с черной, будто из гладко причесанного конского хвоста, челкой – прожигала во всех направлениях пространство вагона чуть косящим взором, то ли ища кого-то, то ли просто пытаюсь выловить ответный взгляд. Пушистая мохеровая кофта на ней была вызывающе фиолетового цвета, длинная юбка из пледа в шотландскую черно-красную клетку контрастировала с небрежно заправленной белой блузкой, верхние две пуговицы которой были, может – случайно, может – преднамеренно, растегнуты, приоткрывая упрятанные в кружевной лифчик рвущиеся наружу груди. Руки ее теребили маленькую парчовую косметичку. Казалось, она случайно забежала в вагон электрички, не понимая, куда она едет, и зачем попала сюда.

Молодой, лет тридцати, мужчина с двумя тяжелыми сумками наконец-то разложил их на полу в проходе между сиденьями, достал из кармана помятый блокнот, ручку, и начал что-то писать в нем, вглядываясь в свои каракули сквозь тонкие стекла в круглой оправе. Его рыжая борода и длинные волосы до плеч создавали образ разночинца, человека из времен Добролюбова или Белинского, хотя джинсовый потертый по всем правилам костюм в сочетании с кожаной барсеткой, черной майкой и часами «Сейко» свидетельствовали о совершенно другой эпохе, то ли наступающей, то ли наступившей.

Шестеро, видимо, студентов – с непременной гитарой, правда, не расчехленной, резались в «дурака» на звенящем от пустоты содержания, но блестящем никелем застёжек, черном и изрядно поцарапанном кейсе. Карты от долговременного употребления по краям были разлохмачены, лики королей, дам и валетов – вытерты добела, а цифры вообще не определялись, что, однако, ничуть не мешало азарту игроков.

Других пассажиров Анатолий разглядывать не стал, пытается сосредоточиться на вчерашнем дне, внезапно изменившем рутинное течение его бытия.

Маленький поселок тысяч на пять жителей, где он жил, был райцентром, который стоял на возвышенности, спускавшейся вниз к реке. Через реку был перекинут громоздкий, но узкий мост, несущий на своих опорах основную автомагистраль, разрезавшую поселок, наряду с речкой, крест-накрест. На нем были часты аварии, одна из которых однажды почти на сутки прекратила движение автомобилей в обе стороны. Машины шли в объезд, через броды, под громыхающий из водительских кабин пересоленный мат. От поселка до ближайшей железнодорожной станции было километров девять, которые приходилось преодолевать на попутном транспорте, затем ехать до областного центра, а уж потом на электричке в столицу. Колесный перестук постепенно убаюкал Анатолия, который умел в самом неудобном положении, в самом шумном месте, при необходимости – засыпать, высыпаясь за пять-семь минут. Вот только сон его при этом сопровождался, как правило, цветными сновидениями, яв-

ственно отражавшими события далекого, или совсем недавнего прошлого. Так было и на этот раз.

Однажды зимой, несколько лет назад Анатолию пришлось добираться домой со станции поздно ночью. Воющий ветер наметал сугробы снега, дорога от станции до трассы была перекрыта полутораметровыми переносами, которые мог преодолеть разве что мощный трактор. Но попутного трактора не намечалось, домой хотелось, поэтому в сопровождении своры полудиких собак, скулящих, лающих и подвывающих, он двинулся из очерченного мигающим светом редких уличных фонарей привокзального пространства на встречу с колкими залпами сухого снега и темнотой. Относясь с пренебрежением к холоду, Анатолий был одет не по сезону легко: в старенький бежевый плащ, узконосые черные туфли, в руке была зажата «балетка» – маленький полуовальный чемоданчик из дерматина, натянутого на фанеру, прообраз нынешних «кейсов». Идти пришлось по щиколотку в тающем на ногах снеге, от чего в туфлях хлюпала студеная, обжигающая вода. Через снежные переносы приходилось кое-где переползать на животе. Вскоре и майка, и брюки, и легкий пиджак наполнились ледящим содержимым. Однако темп продвижения не давал замерзнуть. Добравшись до шоссе, Анатолий остановился в ожидании попутной машины. Так как головного убора на нем не было, то влажные от пота волосы через некоторое время покрылись ледяной коркой, на которую сверху наметало крупинки снега. Мимо одна за другой проносились машины, возникавшие из матово-белой пустоты и туда же исчезающие, обдавая желтым неясным светом и надеждой на чашку чая. Пройдя километра полтора в сторону дома, отчаявшись надеяться на автостоп, Анатолий машинально при очередной вспышке фар поднял руку... и машина стала притормаживать. Все еще сомневаясь, он остановился и увидел очертания старой «Ниссы».

– Залезайте, вам далеко?

– Да километра три осталось, никто не останавливается...

Сидевшие в микроавтобусе, кроме водителя, четыре человека, в десять глаз с любопытством уставились на Анатолия.

– «Если бы нас не было пятеро...» – сказал водитель – «...то и я ни за что не остановился бы. Представьте себе – в свете фар на пустой дороге из серой мути, из метели, вдруг показывается фигура мужика с чемоданчиком в руке, одетого по-осеннему, да еще с сиянием над головой! Это только сейчас мы поняли, что ледяная корка на мокрых волосах отражала свет в виде нимба. А то всякое могло почудиться...»

В компании и беседе время побежало быстрее, Анатолий согрелся и даже был рад встрече с незнакомцами, посочувствовавшими ему, напоившими крепким полусладким с лимонным запахом чаем из термоса, да еще и доставившими его прямо до теплого дома. Пожелав им счастливого пути, он готов был снова пройти тот же путь. Только дом был уже совсем близко.

Электричка притормозила, Анатолий оторвал голову, как потом оказалось, от плеча той самой девушки в мохеровой кофточке, которая то ли по-настоящему вздремнула, то ли умиротворенно ожидала продолжения знакомства. Глаза ее были прикрыты вздрагивающими веками, подведенными черным карандашом. Студенты, закончившие карточное сражение, углубились в лекционные тетрадки, двое из них посапывали, запрокинув головы на деревянные отполированные временем спинки скамеек.

Вновь припомнился вчерашний день, который начался с визита Виктора, брата непосредственного начальника Анатолия. Встретившись накануне на улице, они быстро договорились о сегодняшнем мальчишнике на троих с соответствующим «обмытием» этого события.

Путь к месту встречи пролегал мимо военкомата, в котором иногда приходилось бывать. Там верховодил райвоенком Крикунов – с гладко выбритым удлинненным лицом, высокого роста, мосластыми руками, с выпученными добрыми глазами, в потертом от времени мундире с тремя рядами орденских колодок. Он привычно распространял вокруг себя ауру «ароматов» из смеси доброго вчерашнего (и позавчерашнего) перегара, свежего наслоения ежеутреннего стакана вина, неизменного одеколona типа «Шипр», и едкого табачного духа. У входа в старое покосившееся деревянное здание военкомата стоял многое повидавший

за свою автомобильную жизнь ГАЗ-69, носивший привычное почетное звание – «козла». Его брезентовый, исхлестанный ветрами верх и забрызганный извечной российской грязью низ – вполне соответствовали боевому предназначению машины, исколесившей все окрестные дороги. Более накатанной была дорога на близлежащую железнодорожную станцию, где в буфете командовала приятная душе и телу военкома особа по имени Марго, с выдающимся бюстом, хриплым голосом, и умением хорошо накормить и напоить не одного защитника отечества. Анатолий перекинулся с майором дежурными фразами о делах и заботах, но, заметив изрядное дрожание его рук, вытаскивающих очередную папиросу, – попрощался, направившись в сторону единственного в поселке «ресторана».

Маленький ресторантик в полуподвальном помещении напоминал более забегаловку, каковой он, по сути, и являлся. Меню было обычным для того времени. Водка (одного сорта – «Столичная» или «Московская»); селедка не первой свежести, судя по желтизне брюшка и резкому запаху, но посыпанная луковыми кружевами; антрекот, смахивавший на отклеившуюся в грязную погоду подошву ботинка; салат из квашеной капусты с луком и постным маслом; сборная солянка, представлявшая собой старый переваренный костный бульон с обрезками колбасы и волокнами мяса, с кусками желтоватого сала и пятнами какого-то жира, между которыми плавали две одинокие маслины. На второе подавались неизменные котлеты, состоящие, казалось, из одного провернутого хлеба, хотя в меню, бывало, значилось – котлеты мясные. Гарниром служило сладковатое картофельное пюре, залитое серо-белым соусом. Посетителей не было. Только зеленые блестящие мухи угрожающих размеров, как птеродактили, взмывали над головой с неприятным жужжащим звуком, ударяясь всей массой о стены, выкрашенные непонятного цвета краской.

Брат Виктора – Герман задерживался на работе. Анатолий с Виктором сделали заказ на троих. Через полчаса на столе уже стояли три стопки с как бы надкусанными краями, прозрачность которых, видимо от старости, давно была утеряна, и бутылка «Московской» с зеленой наклейкой.

- «Давай, по единой!», сказал Виктор.
- Давай, а то водка в пузыре закипит!

Выпили, зажевав кусочками тонко нарезанного хлеба с жидкой желтой и кислой горчицей, посыпанной кристаллами соли. Для ощущения полного счастья в желудке не хватало, пожалуй, лишь белого, крупитчатого смальца, нутряного сала, присутствие которого на ломте черного хлеба казалось необходимым. Не успев сказать об этом Виктору, Анатолий повернулся к хлопнувшей входной избитой по низу грязными сапогами и ботинками двери. В проеме возникла долгожданная фигура Германа, воздевшего в приветствии руку.

Герман был небольшого роста, весь какой-то круглый, улыбчивый, быстрый в движениях. Он когда-то служил офицером в танковой части в Казахстане, в районе Целинограда. Часто вспоминал, как ребята на танках ездили километров за сто в ближайший магазин, набирали ящиками водку и везли ее к месту потребления. Но хватало не надолго.

По характеру он был экспериментатором. Однажды на спор взялся доказать, что на наполненном бензином баке можно вести сварочные работы. Но чего-то не рассчитал, или попался воздушный пузырь, только бак во время сварки рвануло, огонь охватил Германа целиком, сгорела вся одежда, кроме офицерских галифе, от которых остались лишь пояс и гульфик. Спасла его открытая емкость с водой, кажется, вагонетка, куда он мгновенно успел нырнуть. Ожоги были массивными, рубцы остались на всю жизнь, но сама жизнь в то время чуть было не покинула хозяина.

Страстный любитель автомобилей, он знал о них почти все и постоянно возился в гараже – или переделывая довоенный «Харлей», или перебирая мотор старенького «Москвича». Эта марка признавалась им как единственно надежная и экономически выгодная. К тому же другие машины были малодоступны. Как у Жванецкого: «Других машин не видел – «Запорожец» – вот такой!» Но в руках Германа даже «Москвич» приобретал какие-то необыкновенные качества из-за постоянного совершенствования то движка, то ходовой, то амортизаторов. Он знал взаимозаменяемость деталей, казалось, всех имеющихся в мире марок. Анатолий припомнил, как однажды они остановились на

«хрущевской» трассе по дороге на Нежин и Герман своим советом выручил ехавшего на довоенном «Хорьхе» автолюбителя, возившегося с огромным «родным» мотором находящегося в отличном состоянии раритета. Здоровущие цилиндры вошли в конфликт с такими же поршнями и отказали километрах в тридцати от ближайшей деревни. Часа через два машина забуктела и, как ни в чем не бывало, рванулась в сторону Украины. А им с Германом пришлось минут через десять остановиться из-за пойманного гвоздя в недавно поставленной «запаске» и голосовать до тех пор, пока какой-то водила уступил по сходной цене свою запаску. Добравшись до Нежина, они остановились на ночлег, и позволили себе выпить грамм по сто водки в корчме у дороги, закусив перекишшими солеными огурцами и хрустящей квашеной капустой.

Лет до двадцати трех Анатолий водку не пил. Правда, два или три раза по случаю выпивал, но запах спирта и откровенно горький вкус ему не нравились, а опьянение не доставляло удовольствия. Год назад, устраиваясь на работу, по дороге из областного центра к месту назначения он ехал на попутной машине с Германом. В дорогу они запаслись батоном докторской колбасы, которую можно было купить только в областном центре, или в Москве, городскими булочками, баночкой свежей горчицы, кусочком копченой грудинки, тоже считавшейся деликатесом, бутылкой редкостной «Столичной». И, когда Анатолий рассказал о своем отрицательном отношении к алкоголю, Герман широко улыбнулся и сказал: «Спорим на ящик водки, что через год мы с тобой не одну бутылку на троих разопьем!» Потом об этом споре забылось. Но к водке пришлось привыкать, как к неперемennomу посреднику, уравнивающему всех сидящих за столом. Оправданием было бытующее до сих пор выражение: «Кто не пьет – тот или больной, или подлюка!»

С туго набитой бумагами папкой подмышкой, в неизменных синих галифе, в короткой полувоенной куртке и скрипящих хромовых сапогах, Герман устремился к столу, тут же предложив индифферентный, но кстати тост: «Со свиданием!», согласно которому были опрокинуты очередные стопки, и тут же, хитро поглядывая на Анатолия, произнес: «А сейчас Анатолию

предстоит поставить ящик водки за проигранный спор. Год назад он клялся, что не будет пить ее, родимую!» Делать было нечего. Пришлось взять в долг проигранный ящик и поставить его рядом со столом, после чего Виктор, до тех пор угрюмо молчавший, начал с нарастающей улыбкой и заблестевшими глазами рассказывать об аналогичном споре, выигранном им у приехавшего в Москву откуда-то из Воркуты художника.

Сам Виктор был известным скульптором, учившемся у самого Манизера, автора темно-бронзовых, истертых до блеска в местах наиболее частого прикосновения пассажиров, скульптурных групп на станции метро «Площадь Революции». На одном из райкомов партии в Москве долгое время висел барельеф работы Виктора, который был членом Союза художников, представлял свои творения на многочисленных выставках, в том числе и персональных, имел огромную мастерскую в центре столицы. В мастерской, наряду с чрезвычайно интересными работами, можно было лицезреть огромные головы Ленина, или устремленные в неясность, знакомые по тысячам площадей, фигуры вождя, заказы на которые довольно щедро оплачивались. Остаток гонорара, после расплаты с рабочими-каменотесами или литейщиками, обычно пропивался в шумной компании товарищей по цеху. Богемная жизнь кипела с многочисленных студиях и мастерских. Натурщицы, просто любительницы прикоснуться к знаменитостям, а то и обычные девочки с панели, — проводили буйные вечера и ночи прямо среди заготовок скульптур, полотен с подмалевками будущих картин, на скрипящих диванах, тахтах, закусывая непременными шпротами водку, коньяк, или портвейн «777», бутылки с которыми теснились на этюдниках. В дальнейшем судьба уготовила Виктору повторные эпизоды белой горячки, безуспешное лечение, деградацию и смерть в подступившей безвестности.

Но сейчас он был еще полон энергии, шутил, сыпал анекдотами и легко опрокидывал стопку за стопкой. Присутствие непочатого ящика водки рядом со столом, казалось, придавало ему вдохновения не в меньшей степени, чем соответствующая творчеству муза.

Вновь выстрелила входная дверь. На пороге возник крупный мужчина, с круглым потным лицом, перечерченным шрамами, с мотоциклетным шлемом в руке, в потертой кожанке, весь какой-то взъерошенный и неуклюжий. Выдохнув из себя добрую порцию спиртовых паров, перебивших кислый кухонный запах, он по-детски обиженным голосом произнес, нетвердо выговаривая слова:

— Во, б..., где вы оказывается сидите...

Создалось впечатление, что он упрекает сидящих за столом в несоблюдении какой-то договоренности. Но таковой, конечно, не было. Просто, крепко выпившему местному зубному врачу, только недавно, после очередной аварии на мотоцикле, отлежавшему в больнице с переломами тазовых костей почти полгода, стало обидно, что без него кто-то, где-то собрался выпить.

— Садись, Максимыч! – пригласил его к столу Герман.

— Спасибо, я только что принял... хотя, наливай, почему бы и не выпить на халяву с друзьями? Давай по полной!

Анатолий наполнил стоявший на столе стакан, предназначенный для компота.

— Вот это по-нашему! – загоготал Максимыч и громко икнул, после чего, несмотря на рвотные движения, выдохнул: «Ну, давайте махнем!».

Судорожными движениями глотки и пищевода он старательно проталкивал внутрь не лезущую туда водку. Наконец, стакан опустел. Максимыч мутными глазами посмотрел вокруг, еще раз икнул, и в одно мгновение, поднеся ко рту мотоциклетный шлем, наполнил его содержимым желудка.

— Я щас, ребята! – он выскочил за дверь, но минут через пять вернулся и, как ни в чем не бывало, сказал, ухмыляясь: «Вот теперь наливай! Лучше больше, чем меньше...».

К удивлению собравшихся, второй стакан был выпит, сопровожден закуской, и только спустя полчаса неугомонный «зубник» отправился восвояси, надумав отдохнуть. Раздался треск мотоцикла, из открытой двери в нос ударил запах несгоревшего топлива и кислой блевотины, а Максимыч как внезапно появился, так же мгновенно и исчез.

Дружеский обед закончился часа через два, и все его участники не очень твердой походкой начали движение по направлению к своим местам постоянного обитания. Виктор вечерней электричкой возвращался в Москву, где на следующий день должно было состояться чествование одного из его друзей-художников, получившего государственную премию за свои работы. Намечалось соответствующее моменту торжество, в котором Виктор предложил участвовать и Анатолию. Тот не отказался, хотя утро следующего дня у него было занято делами, но обеденная электричка как раз успевала к назначенному времени. Было интересно попасть в круг известных, знаменитых на весь Советский Союз, личностей.

Последующая остановка электрички, разбудившая Анатолия, была конечной. Все пассажиры столпились перед закрытыми дверями, на которых было написано белыми буквами: «Не прислоняться!». Кто-то стер первые три буквы и получилось: «Не слоняться!». Отметив повторяемость такого искажения в различных электричках, вспомнив о категориях случайности и закономерности из забываемого уже философского багажа студенческих знаний, он, вместе с рвущимися на выход соседями по вагону, стал составной частью вдруг забурлившего людского потока, толкающегося локтями и плечами, вытесняющего впереди стоящих, расплескавшегося по пыли пахнущего креозотом перрона.

Пройдя шагов двадцать, Анатолий увидел торопящегося навстречу и уже заметившего его Виктора. Оказывается, на привокзальной площади уже минут тридцать стояла ожидавшая их «Волга», в которой предстояло ехать дальше. Поприветствовав сидящих в машине, Анатолий, к своему удивлению, узнал в двух из них своих «одновагонников». Это были девушка в полурасстегнутой блузке и «разночинец» в джинсовом костюме. Станным было то, что, когда Виктор их знакомил между собой, они сделали вид, что не заметили друг-друга во время почти четырехчасовой поездки. Анатолий также не стал высказывать своего отношения к этому факту, тем более, что полпути он дремал на плече как бы спящей соседки.

«Разночинец» назвался Олегом, журналистом из какой-то местной газеты, но уже издавшим две своих книги детективов,

поработавшим год на Кубе, ставшим в свои тридцать лет членом Союза писателей. Исполненный гордости, он показал пахнущий свежей краской членский билет, как бы удостоверяя свое членство. Впрочем, для него самого, видимо это было приятно и значимо в большей степени, чем для остальных участников поездки.

Девушка представилась Ольгой, только что защитившей диплом экономиста, но работавшей на каком-то «ящике» руководителем народного театра. Она как-то потускнела, из глаз исчезла настороженность, только мелкая дрожь кончиков пальцев и влажные ладони, в сочетании с появляющимися на открытой части груди красными пятнами, выдавали ее внутреннее напряжение.

Третий пассажир был лет сорока, но седобородым, с тщательно ухоженными длинными волосами, падающими на плечи, бледным, мелового оттенка лицом, в черном костюме-тройке и галстук-бабочке белого цвета. Он назвался Аристархом, коллегой Виктора – модным художником, приближенным к партийной иерархии, для которой в основном и писал свои произведения, за которые удостоился каких-то почетных званий (то ли Заслуженного, то ли Народного художника СССР). Сидя рядом с водителем, он не оглядывался на случайных попутчиков, мало говорил, был погружен в свои мысли.

Общего разговора как-то не получалось. Стемнело. Сидящий за рулем, коротко постриженный, одетый в коричневую потертую кожанку, водитель также помалкивал, искоса поглядывая в зеркало заднего вида на черноволосую девушку в меховой кофте.

Дача, на которой должно было состояться мероприятие, располагалась в Подмоскowie, где-то в районе Малаховки. Постояв несколько минут на переезде, машина начала петлять по дачным дорогам. Анатолий не представлял даже, где они находятся. Остроконечные ели, высоченные сосны – черными силуэтами на сером, чернеющем фоне скучного сентябрьского неба, напоминали старинные замки, подсознательно вызывая ощущение непонятной тревоги, ожидание чего-то неожиданного.

Вдруг, из сумеречной густоты леса показались желтые огни двух-трех рядов окон на абсолютной черноте громады какого-то

строения. В пору, когда высота строящихся домов, даже на выделенных загородных участках, тщательно контролировалась, и допускалось возведение не выше четырех разрешенных метров построек от земли до конька крыши, трехэтажное сооружение казалось небоскребом, что свидетельствовало об особенном отношении властей к хозяевам такой дачи.

Из дверей вышли встречающие. Хозяйка – дама средних лет, блондинка с закрученной в неистовой спирали прической, в темно-вишневом панбархатном платье с глубоким, до поясницы, вырезом на спине, обилием золотых цепочек на шее, с ослепляющим светом камней в массивных серьгах при их покачивании во время движений головы («видимо, бриллианты...» – подумал Анатолий).

– «Нина Фоминична» – представилась она.

Хозяин – небольшого роста, грузный, плешивый, с красным лицом и крупным, мясистым носом, видимым даже при падающем из двери тусклом свете лампочки в прихожей, был похож на борца сумо в детстве. Одетый в блузу из какого-то тяжелого материала, похожего на вельвет, он суетливо, но с достоинством по очереди сунул в ладони вновь прибывших гостей свои горячие, похожие на только что вынутые из печи пышки, ладоши, и пригласил их войти в дом, представившись как Рамаз Шалвович. «Просто – Рамаз, без всяких отчеств» – добавил он.

Полутемные сени спокойно поглотили всех приехавших. За внутренней дверью располагалась громадная, в пятьдесят или шестьдесят квадратных метров комната. Стены ее были бревенчатыми, с торчащими клоками пакли, на стенах висели четыре массивных бронзовых канделябра, контрастировавшие с темными в трещинах времени бревнами стен, в них были вставлены толстенные свечи, создающие тусклое мигающее освещение комнаты. Посреди комнаты стояли массивные деревянные столы, окруженные такими же лавками. По всей длине стола возвышались пять подсвечников с толстыми, как и в канделябрах, свечами, не добавлявшими особого сияния в зал. На лавках сидели две-три пары, остальные гости – человек тридцать беседовали стоя. Одеты они были по-разному: мужчины – от смокин-

гов до кожаных жилетов, женщины – от вечерних платьев до джинсовых брючек с потертостями на выдающихся местах.

На широких, дубовых, не покрытых скатертью досках стола по-деревенски дружно, в каком-то художественном беспорядке теснились выпивка и закуски. По-другому назвать это не получалось. Мутный, изрядно отдающий спиртом и сивухой самогон (то ли свекольный, то ли пшеничный) был подан в трехлитровых бутылках-четвертях, закупоренных легкими затычками из основы кукурузных початков, остающихся после рушения зерен. В глиняных горшках и глубоких тарелках, плошках, громоздились маринованные пупырчатые огурцы, помидоры с гладкой натянутой кожицей, под которой перекачивались пузыри газа, источая запах чеснока, тархуна, сельдерея. Белая квашеная капуста с оранжевыми морковными вкраплениями, видимо только что извлеченная из кадушки, добавляла укропный запах в букет домашних солений. Черный ноздреватый хлеб, нарезанный крупными ломтями, еще горячими на ощупь, требовал немедленного употребления. Тем более, что параллелепипеды сливочного масла как бы случайно соседствовали с полными хлебницами. На полуметровых блюдах покоились куски ароматной отварной говядины. В мисках – горками возвышалась красная, крупная, икринка к и икринке, размером с ноготь взрослого человека икра. Жареная в виде шашлыка осетрина гигантскими глыбами расположилась на черных, прямоугольных противнях. Прямо из чугунков коричневыми пятнами на боках заманивала томленая в печи, обильно промасленная картошка, посыпанная свежим укропчиком и грубого помола солью. Банки с огуречным, помидорным и капустным рассолом для заправки – завершали меню. Сервировка деревянными ложками, алюминиевыми ножами и вилками вполне соответствовала вектору направленности пиршества. Аккуратно нарезанные вафельные полотенца вместо салфеток придавали столу какой-то домашний колорит.

Понимая неординарность людей художественного типа, их стремление к эпатажу любыми способами, Анатолий воспринял происходящее как данность, тем более, что необходимо было употребить, по крайней мере, пару стопок водки, чтобы влиться

в русло совместных бесед с окружающими. Правда, рюмок тоже не было. Рядом с глиняными тарелками перед каждым стояли стаканы: один – тонкостенный и один – граненый. Расстегнув верхнюю пуговицу сдавливающей шею рубашки, Анатолий поддержал первый тост, произнесенный бородатым спутником по поездке на машине, представлявшим Академию художеств. Самогонка оказалась крепкой и приятной на вкус, а уж закуска вполне способствовала повторным приемам отдающего запахом жженой соломы самогона. Виктор куда-то вышел. Обстановка все более упрощалась. Расстегивались пиджаки, снимались галстуки, ослаблялись брючные ремни. Посыпались тосты, с левого края стола послышался хохот (кто-то уже перешел к анекдотам). Общий гул уравнивал всех. Капли пота от количества выпитого и съеденного начали посверкивать на раскрасневшихся лицах.

Вдруг виновник торжества встал во главе стола и сказал:

– Спасибо всем за то, что посетили мою скромную обитель, и никто до сих пор не осудил меня за оказанный шуточный прием...

В то же мгновение стена дома за спиной хозяина, завешанная какими-то веревками и колесами от телег, раздвинулась, и комнату залили потоки света десятков хрустальных люстр. Эта раздвижная стена отделяла от бревенчатой комнаты раза в два больший зал, отделанный современными материалами, одну из стен которого занимали стеллажи с расположенными сзади зеркалами, на которых золотились этикетками сотни бутылок лучших французских, армянских, грузинских и всяческих коньяков... грузинских, молдавских, крымских, румынских и венгерских вин. Зеркальное отражение превращало их количество в тысячи. В углу зала возвышалась небольшая сценическая площадка, на которой похожие как близнецы балерины под нежно звучащую музыку небольшого оркестра демонстрировали высокие прыжки, стремительные вращения, покоряя зрителей удивительной пластикой.

– Прошу всех к столу!

Довольный произведенным впечатлением хозяин засиял и лысиной, и баклажаном носа, и румяными, набухшими, как помидорины, щеками. Гости, отхлопав в ладоши, и прокричав:

«Браво!», начали подтягивать распушенные брючные ремни, застегивать ворота рубашек, вытаскивать из карманов помятые галстуки. Через минуту, другую все переместились в сверкающий зал, к столу, накрытому по всем правилам высокого ресторанного искусства.

Кипенно-белые накрахмаленные скатерти и салфетки усиливали яркость освещения. Серебряные с позолотой ложки, вилки, ножи – из старинной коллекции с вензелями и вкрапленными самоцветами на ручках, хрустальные фужеры на высоких ножках, бокалы (венецанского, подумалось почему-то Анатолию, стекла) соседствовали с антикварной фарфоровой посудой и множеством изящных соусников, масленок, каких-то подставок и емкостей непонятного назначения, но уже заполненных изысканной едой. Тончайшая нарезка, не менее чем пяти сортов, отменно твердых темно-коричневых колбас, отличавшихся внешне только размером шпика на разрезе. Ароматные копченые балыки различных рыб, нежная грудинка, маслины, оливки, свежие огурцы и помидоры, мясные рулеты, бело-розовые крабы, сыры нескольких сортов – от слезящихся с крупными дырками до зелено-плесневых, либо покрытых белым пушистым налетом творений «забугорных» сыроделов; дунайская сельдь специального посола с тонким йодным запахом, черная с дымчатым отливом зернистая икра...Глаза разбегались от одного вида сервировки, недоступной в те времена никому, кроме особо избранных.

Анатолию на мгновение почудилась, будто это все происходит в нереальном мире, да и не с ним, однако, не надолго. Внезапно боковым зрением он увидел как его соседка по электричке Ольга, до того не попадавшаяся ему на глаза в бревенчатой полутемной комнате, подошла к хозяину торжества, и что-то прошептала ему на ухо. Так как еще не все уселись за стол, а хозяйка пыталась определить место каждому из гостей, это могло бы и не стать объектом какого либо внимания. Но Анатолию показалось странным, что на ней уже не было хорошо запомнившейся ему пушистой фиолетовой кофты, которая не могла быть упрятана в маленькую косметичку, а переодеваться было просто негде, да и некогда.

Появился Виктор с молоденькой зеленоглазой блондинкой, одетой в расклешенные книзу, черные, обтягивающие несколько полноватые бедра, брючки из тонкого материала, через который на глаз легко определялась граница трусиков типа мини-бикини. Кофейного цвета помада на ее, казалось, постоянно влажных полуоткрытых губах призывно мерцала в ярком, многократно отраженном в зеркалах свете. Золотые цепочки с нанизанными на них побрякушками делали несколько витков вокруг открытой шеи, особо выделяясь на черной гипюровой кофточке, украшенной блестками.

«Познакомься, это Инна!» – сказал Виктор, хитро ухмыляясь. Анатолий, далекий от особенностей московской жизни, все-таки понял, что эта девушка не взялась ниоткуда. Догадка его подтвердилась, когда Виктор спросил у него: «Что? Понравилась? Можем заказать и лучше. А, хочешь, бери эту...». Но Анатолий в то время даже представить себе не мог, что с женщинами можно обращаться как с товаром покупаемым на заказ. Это теперь девушки по вызову спокойно рекламируют себя в каждой большой иль малой газетке. Трудно было поверить, что в Москве того времени открыто процветает древний и доходный бизнес, невзирая на принятый «Моральный кодекс» строителей коммунизма. Поскольку разговор шел открытым текстом в присутствии Инны, Анатолий покраснел, и, чтобы не выглядеть совершенным идиотом и провинциалом, пробормотал что-то насчет того, что Инна ему, конечно, нравится, но, к сожалению, сам он часа через полтора должен будет уехать. Виктор все понял и переключился на разговор с Инной, нашептывая ей на ухо и не забывая прикасаться своими губами к ее изящной шее.

Звучали тосты, начали подавать горячее: стерляжью уху, запеченный бараний бок, копченых молочных поросят и поросят, фаршированных гречневой кашей – под слезно-вышибающий хрен и самодельную горчицу. Ароматные расстегаи..., огромных размеров манты, приготовленные на пару – в сметане..., узбекский, пахнувший зирой плов..., жареные немецкие колбаски. В общем, за обильным по-купечески столом царило смешение всех вкусов и кулинарий. Анатолий, участвуя активно в поглощении непривычной вкуснотищи, ограничил

прием заграничного зелья, и вновь решил проследить за действиями своей спутницы по электричке.

Однако ее он не увидел ни сидящей за столом, ни в проеме двери, за которым открывались какие-то помещения, ни на лестнице, ведущей вверх. «Может в туалет прошла... Кстати, где он может находиться? Спрашивать, вроде, неудобно. Придется терпеть, как всегда...».

Вдруг послышался резкий хлопок. «Как громко хлопает пробка от шампанского!» – подумал Анатолий, но в то же мгновение раздался чавкающий звук и нечеловеческой звучности женский крик. Кричала хозяйка дома. Ее темно-вишневое платье на глазах напивалось чем-то черным. Это была кровь, стекавшая пульсирующими струями с шеи хозяина, только что так радушно приветствовавшего гостей. «Сонная артерия!» – мелькнуло в голове, и Анатолий бросился к торцу стола, где уже оседала на пол грузная фигура толстяка, удерживаемая только вцепившимися в него, побелевшими от усилия руками жены. Попытка прижать артерию была обречена на неудачу, потому что в зияющей и пенящейся ране пульсировали оба сосуда.

Похожую картину он видел только однажды, когда из окна второго этажа районной больницы выпрыгнул психически больной человек и, схватив с земли саблеобразный осколок стекла, одним резким движением перехватил себе горло. Проходивший мимо Анатолий рванулся на помощь, обеими руками поочередно пытался давлением остановить кровотечение, положив пострадавшего на себя. Так вдвоем их и погрузили на носилки подоспевшие медсестры и санитарки, и даже успели поднять на второй этаж в операционную. Однако усилия были тщетными. Практически вся кровь выхлестала из сосудов еще по дороге.

Перемазавшись в начавшей густеть крови, Анатолий убедился в бесперспективности дальнейших попыток реанимации. Красная лужа залила полкомнаты. Гости толпились за спиной в ожидании чуда. Но с каждой минутой вероятность чуда стремилась к нулю. Ощущение беспомощности и вины нахлынуло неожиданно... «Что еще нужно делать? Чем помочь и кому помочь? Ах, да... хозяйка в глубоком обмороке... Впрочем, нет..., она в сознании, выжидающе смотрит на тебя сквозь слезы...».

Анатолий на секунду удивился ее внутреннему спокойствию, сказал: «Это все, он мертв...» и закрыл начинающие холодеть веки мертвеца. Руки женщины дрогнули, выпустив из захвата вельветовую куртку мужа.

Виктор протиснулся поближе и спросил: «Что будем делать?» Анатолий пожал плечами: «Надо звонить в органы! Не нам же в этом разбираться. Телефон есть?» Телефон в доме был в одной из комнат видневшихся через дверной проем. Войдя в него, Анатолий обернулся, почувствовав на затылке чей-то взгляд. Это была соседка по вагону неведомо как вновь появившаяся в зале. Внешне она выглядела спокойной, в углах раскосых глаз поблескивали слезы, на ней вновь была одета фиолетовая кофта. Отметив это, посмотрел в сторону «разночинца» ранее сидевшего в середине стола. Там его не было. «Куда они исчезают? То та, то этот...» Телефоны (московский и местный) стояли на вычурном столике под двухметровым зеркалом в бронзовой оправе. Набрав «02», сообщив о происшествии, Анатолий огляделся. На стенах висели старого письма картины, изображавшие прелести далекой европейской жизни в прошлые века, в позолоченных потускневших рамах. Две двери вели в другие комнаты, третья – в зал, где все случилось и куда не хотелось возвращаться. Вошел Виктор со своей блондинкой, теперь потускневшей и уже более похожей на саму себя: деревенскую девчушку, попавшую в историю. Кажется, даже помада потускнела на ее ставших сухими губах. Виктор был озабочен:

– Ты извини, втянул я тебя в это дело...ни отдыха, ни разговора...

– Да, ладно! Только не пойму как собрать в кучу все, что произошло.

– Пусть менты и разбираются. Теперь до утра не отпустят. Вопросы, запросы. Но ничего не поделаешь. Никто этого не ожидал. Я – меньше всего!

В комнату входили и выходили поодиночке растерянные гости. Тоже искали телефон, чтобы предупредить своих домашних о вынужденной задержке. Стало тесновато. Анатолий вышел в зал. «Разночинец» уже сидел на своем месте, что-то небрасывая в блокноте.

– Олег, ты куда девался?
– Да на минутку выходил покурить. А что?
– Да так, просто не заметил, когда ты уходил из-за стола...
– Сразу после выстрела, а то там и так много народа столпилось.

– А почему ты решил, что был выстрел?
– Элементарно, Ватсон! Не из хлопушки же ему прострелили глотку. Был хлопок, кровищи навалом... Я все-таки специалист по детективам. Приходилось с ментами выезжать на задания. И не раз!

– А я вот никак не пойму, откуда палили. Все на виду, светло. Вон – балеринки... не при деле, маются. Они бы могли увидеть...

– Будь спок! Да, если бы и заметили, – не сказали бы! Это не их работа. Здесь за молчание хорошо платят!

– А ты откуда знаешь?

– Да так, приходилось бывать здесь. Ты что? Думаешь, Виктор об «этих» не знает? Ха! Он с хозяином мог на корячках сюда возвращаться с «бодуна». Только здесь не принято говорить о том, что тебя не касается...

«Разночинец» замолчал, увидев, что Виктор с подружкой, выпив по стакану шампанского, приближаются к ним.

– О чем вы тут? – спросил Виктор напряженно.

– Да вот спрашивал у Олега, куда он выходил после выстрела.

В это время Анатолий почувствовал на своей руке острое прикосновение. Черная челка соседки по вагону вскинулась вверх, глаза у нее уже были сухими.

– Вы не против выпить со мной?

– Конечно, нет! Давайте махнем по маленькой по примеру моего друга!

Понимая, что это предложение было не случайным, Анатолий отошел с Ольгой к дальнему краю стола. Медленно потягивая из сияющего хрустального фужера шампанское, она, почти не шевеля губами, тихо проговорила:

– Прошу вас не обращаться! Я видела, как вы пытались помочь Рамазу Шалвовичу, и верю вам. Я точно знаю, кто стрелял в него, я видела...

– Ну и кто это?

– Это Олег, с которым мы вместе ехали.

– Как вы думаете, зачем ему это?

– Вы здесь случайный человек, я – то же. Меня пригласил сам Рамаз Шалвович. Он как-то выступал в нашем институте, показывал свои картины. Так мы познакомились. Потом встретились... в общем, мы были с ним близки...

– Ну а какое отношение ко всему этому может иметь Олег?

– А какое! Я его вижу в первый раз, как и вы, но стрелял он! Видите, там раздвижная дверь в ту комнату, где мы были вначале, а сбоку узкая дверца... Она сейчас закрыта. Именно оттуда он стрелял! Там темно от кадки с фикусом. Но только он выходил из-за стола до начала стрельбы и спутать его с кем-то другим – невозможно! А вынул он пистолет с каким-то набалдашником, глушителем, наверное, из своей кожаной сумочки. Кстати, у него ее сейчас нет!

Действительно, кроме авторучки и блокнота с исписанными мелко страницами, в руках у Олега ничего не было. Придерживая Ольгу за локоть, Анатолий подошел поближе к спокойно пишущему в своем блокноте «разночинцу».

– Слушай, Олег, где твоя кожаная сумка? Хочу себе или такую, или похожую, прикупить... , дай посмотреть, что в ней можно разместить!

– Да, я ее в машине оставил, когда выходил покурить. Будем уезжать – посмотришь! Ничего особенного. Правда, кожи такой у нас не достать, барсетка – с Кубы.

Анатолий не заметил никакого напряжения и беспокойства в поведении Олега.

– А что там, за маленькой дверцей у той стены?

– Ну, вот как раз, если хочешь покурить, то через нее упадешь в коридор прямо на улицу, не заходя в бревенчатый зал. Там же есть и туалеты «эм и жо». Прогуляйся!

– «Ой, проводите меня туда, Анатолий! А то мне страшно одной!» – прошептала Ольга.

Зайдя за здоровущую кадку, из которой торчал мохнатый ствол, свидетельствующий о том, что растущее в нем дерево, конечно, не фикус, как поначалу обозвала его Ольга, они попали в затененную зону. Огромные густые листья создавали эффект джунглей и прикрывали заветную дверцу. В то же время весь стол был отлично виден, как и сидевшие вокруг него люди. Позиция для стрельбы, действительно была удачной. Проведя соседку до двери с фигурой дамы, Анатолий быстро заскочил в комнату для джентльменов, и с удовольствием произвел действие «минус попить», стараясь успеть встретить Ольгу. Но той еще не было.

Коридорчик терял свои размеры из-за плохого освещения. Горела лишь одна лампочка из нескольких, скрытых за синим плафоном. Нажав на выключатель, Анатолий убедился, что все они работают, давая яркий свет. «Значит, кто-то специально выключил остальные светильники! Впрочем, это как раз ничего и не значит. Отключить лампы могли случайно, могли в целях экономии, а, может и для создания интимной обстановки, что, правда, мало вероятно!»

Из-за двери женской комнаты послышался негромкий хлопок, затем звук падающего тела. «Неужели опять?!» Анатолий плечом распахнул дверь, сломав слабенькую защелку. Рядом с умывальником лежала Ольга, держа в одной руке расстегнутую, пустую кожаную барсетку, в другой – губную помаду. Фиолетовой кофты на ней не было. В области виска круглилась коричневая отметина пулевого отверстия. Глаза были открыты удивленно и вопросительно из-за широких неподвижных зрачков. Пульс на сосудах шеи не прощупывался.

«Зачем вы это сделали?» – услышал Анатолий возмущенный голос Олега, незаметно появившегося в коридоре.

– Да, не я это! Как видишь, у меня и стрелять то не из чего. Я только что вышиб дверь, когда услышал выстрел. А все остальное ты видишь точно так же, как и я...

– Но здесь кроме тебя никого нет, а выбросить оружие, или спрятать его можно очень быстро...

– Ладно, Шерлок Холмс! Сейчас здесь еще один труп и два убийцы.

– Ты это о чем?

– А ты знаешь, что она видела тебя, когда ты стрелял в этого Рамаза? Да и сюда мы пошли, чтобы проверить, как это ты все умудрился сделать... Кстати, барсетка у покойницы в руке – твоя, я про нее только что у тебя спрашивал, потому что оружие, по словам Ольги, ты достал из нее...

– погоди, погоди! Я что-то не понимаю. Ты – стоишь у трупа с моей барсеткой... я – только что вошел... и я – убийца Рамаза, а ее то кто шлепнул? Ты?

– То, что не я – это точно! Кстати, сомнительно, что и ты убийца! Очен–но похоже, что мы оба без вины виноватые, но это будет практически невозможно доказать ментам, которые вот-вот придут. Что будем делать? Ты, правда, знаешь об этом доме больше, чем я. Так что, колись! Алиби нет ни у тебя, ни у меня. Надо быстро самим разобраться, пока никто еще сюда не появился...

И тут Анатолий почувствовал, что кто-то находится у него за спиной. Резко обернувшись, он наткнулся на весомый, излучающий и исполненный ненависти взгляд хозяйки дома, Нины Фоминичны. Рядом с ней стояли несколько человек из числа гостей, среди которых выделялся бледностью Аристарх. Рядом с ним прислонился к косяку дверцы человек, которого трудно было не узнать. Пушистые усы, кремового цвета водолазка, синий костюм в полоску, хитроватые глаза с прищуром. Не хватало только портфеля и журнала «СПИД-инфо». «Еще один из электрички!» – удивился Анатолий. Тем более, что и Олег начал нервничать, глядя на невесту откуда взявшегося попутчика. Худые пальцы его рук дрогнули, глаза метнулись по сторонам в поисках помощи или сочувствия, стекла очков затуманились, он подвинулся поближе к Анатолию.

– Что здесь происходит? – спросила хозяйка дома напористо, как бы зная, что уже произошло на самом деле.

Дверь в туалетную комнату была открыта, но увидеть лежащую на полу Ольгу всей толпившейся компании было нельзя, потому что она упала у зеркала, рядом с умывальником, нахо-

дившемся вне поля зрения за пластиковой ширмой. Надеясь на достаточную разумность Олега, Анатолий сказал:

– Случилось еще одно ЧП! Мы с моей знакомой Ольгой и Олегом вышли подышать свежим воздухом, разошлись по туалетным комнатам, потом услышали такой же, как и недавно, хлопок выстрела. Выбили дверь и увидели, что Ольга лежит с пулей в черепе. Никого больше не видели, хотели идти к вам, чтобы сообщить об этом...

Анатолий посторонился, пропуская желающих убедиться в случившейся трагедии, потом наклонился, и прикрыл веки убитой. «Дважды за вечер! Не много ли?..» – мелькнула мысль.

По выражению лица, а, скорее всего, внутренним чувством, Анатолий понял, что Нина Фоминична ему не верит. Но та только покачала головой, бросила на лежащую Ольгу недобрый взгляд, и вышла в зал. «Видимо, она все знала об истинных взаимоотношениях между двумя теперь уже покойниками. Не очень-то поверила, что это моя знакомая» – решил Анатолий.

Кроличьи усы протиснулись поближе к двери. Вкрадчивым, тихим голосом, но настоятельно, он спросил:

– Эта девушка действительно ваша знакомая?

– Да, мы с ней приехали в одной машине. Это может подтвердить и Аристарх, и Виктор, который пригласил меня на этот вечер. Он где-то в зале со своей подругой.

Кроличьи усы зашевелились, стали топорщиться, голос приобрел барабанно-металлический оттенок:

– Моя фамилия Быков, зовут Александр Евгеньевич, я – сотрудник КГБ!

Его рука скользнула в нагрудный карман, выдернув на свет краснокожее удостоверение всемогущего когда-то Комитета, и так же молниеносно спрятала «корочки» от посторонних глаз. Довольный произведенным впечатлением, он продолжил:

– Прошу всех оставаться на местах. Беседовать буду с каждым отдельно. Звонить по телефону пока запрещаю!

Анатолию показалось, что продемонстрированный «кагэбэшником» напор был рассчитан только на перехват инициативы и недопущение проведения самостоятельных расследований по горячим следам участниками бывшего торжества. Он чувствовал, что в этой истории есть какая-то, пока недоступная ему, но

объясняющая суть всех событий, тайна, часть которой успела поведать Ольга. Поискал глазами Виктора, но ни его, ни подружки в зале не было. Тело Рамаза Шалвовича располагалось в месте его падения, и уже было заботливо прикрыто большим ручной работы ковром.

К столу в бревенчатом зале, куда переместилось большинство присутствующих через полуоткрытую перегородку, постоянно подходили потерянные гости, наливали в емкости спиртное, стараясь взбодриться, так же спешно закусывали тем, что стояло на столе. Это казалось необходимым для борьбы с навалившимся на всех внезапно стрессом, хотя выглядело не очень корректно по отношению к присутствующему в соседнем помещении покойнику. Но свечи давали тусклый свет, выражения лиц видны не были, некоторые, даже в темноте, выглядели излишне перегруженными напитками, другие просто сидели в полудреме на крепких лавках. Запах перегара, самогона, разнообразных закусок и солений, смешивались между собой в каком-то тяжелом винегрете, которым приходилось дышать. Кислые запахи пота, как у Ильфа и Петрова, «воздух тоже не озонировали». Официанты ни в одном из залов не показывались, найдя себе приют в прилегающих к кухне помещениях. Там же разместились худенькие близнецы – балерины, похожие на подростков мальчишек после того, как сняли балетную экипировку и влезли в обычную одежду.

В самом темном углу, где были набросаны овчинные тулупы и медвежья шкура, Анатолий наконец-то обнаружил Виктора, который сидел, запрокинув голову, укутанный в тулуп. Внезапно тулуп зашевелился, из-под него высунулась знакомая ножка в расклешенных брюках, потом рука в черном гипюре. «Что это Инна делает у него между ног?» Анатолия бросило в жар. Об этом он только слышал от друзей, предпочитая традиционные способы общения с дамами. «Как же это?... в окружении людей, при мертвеце? ... Впрочем, действительно, никому ничего не видно, стресс, она делает профилактику... будем теперь это так называть». Виктор открыл глаза, достал сигарету, закурил и, увидев Анатолия, подмигнул ему:

- Не хочешь местами поменяться?
- Да пошел ты! У нас неприятности!
- Не у нас, а у вас, как говорит Никулин!

– Да нет, у нас! Ты знаешь, что Ольгу только что застрелили? Кстати, первый, кто на подозрении – это я!

Даже в темноте лицо Виктора стало похоже на меловую физиономию Аристарха. Шевеление Инны под тулупом прекратилось. Она вылезла на свет, испуганная, без следов помады на губах, и уставилась на Анатолия набухавшими слезной влагой глазами. Виктор, дернув рукой, защелкнув молнию на брюках, и вскочил на ноги.

– Как это? Где Олег? Где Аристарх?

– Здесь объявился представитель органов, козел пушистый, сейчас, видимо, будет разборка. Ментов все еще нет, но это-то и к лучшему! Обстоятельства не в нашу пользу...

Анатолий в деталях рассказал Виктору обо всех известных ему фактах. Правда, о замеченной им реакции Нины Фоминичны на происходящее, он упоминать не стал. Самому не все было ясно. В ее глазах улавливалось нечто, отличавшееся от ожидаемого отражения случившегося.

Сама Нина Фоминична, несмотря на скорбное выражение лица, вела себя уверенно, не рыдая, не допуская истерических нот. Она была сосредоточенной, погруженной в беду только в необходимой мере, сохраняла некоторую степень участия в судьбе гостей, ставших свидетелями (или участниками!) печального торжества. По крайней мере, раза три она обходила все помещения, приглядываясь к обстановке, перебрасываясь ничего не значащими фразами с некоторыми, в большей степени ей знакомыми людьми. На ней уже было надето черное, закрытое, бархатное платье, к прическе на шпильке прикреплена черная же вуаль, драгоценности отсутствовали. Как и все блондинки, она сразу постарела, избыток черного цвета сделал резкими морщины, выявил отечность век, дряблость кожи.

Для беседы (или допроса?) пушистый «кагэбэшник» выбрал комнату на втором этаже, рядом со спальней хозяйки. Это был кабинет, обставленный в соответствии с изысканным вкусом хозяев. Темные, полированные шкафы с книгами занимали в нем все стены до потолка. Кожанный, черный диван, по размерам и качеству исполнения очень похожий на фамильный диван Толстых, хранящийся в Ясной Поляне. Тяжеленный старинный стол красного дерева, украшенный резьбой в виде статуэток, поддерживающих его четыре угла. Темно-зеленое сукно, натя-

нудое на столешницу, размерами не уступающую бильярдному столу, бронзовые часы в виде бьющего копытом о круглый циферблат Пегаса. Малахитовый письменный прибор с перьевой ручкой, чернильницей, пресс-папье, инкрустированный золотом. Антикварная настольная лампа с неизменным зеленым абажуром занимала левую половину стола. На углу примостился памятный по электричке коричнево-желтый портфель, из которого, видимо, был извлечен маленький диктофон, придвинутый к краю стола. Орехового дерева пианино с канделябрами для свечей на передней стенке и старинным метрономом – несколько диссонировало с кабинетной обстановкой.

Все это мгновенным взором оценил Анатолий, приглашенный в качестве основного свидетеля последних событий. Он решил быть конкретным и не высказывать собственную точку зрения, поскольку не успел получить от Олега необходимую для самостоятельной гипотезы информацию. Обратив внимание на диктофон, тут же решил использовать его. Но как? Подходя к столу, сделал вид, что поскользнулся на паркете и, падая, зацепил портфель, с грохотом шлепнувшийся о пол. Когда «кагэбэшник» ринулся поднимать его, Анатолий ухватился за край стола и нажал на кнопку записи.

Усевшись в кресло, «кроликоусый» бросил участливый, но испытующий взгляд прямо на самое глазное дно Анатолия, но ничего там, кроме ответного участия и желания выяснить истину, не обнаружил. Это его обнадежило. Он встал, подошел к пианино, взял метроном и поставил его на стол рядом с письменным прибором. Качнул маятник. Тук–тук, тук–тук... Мерный стук успокаивал, блеск никелированного шарика невольно привлекал внимание, а спокойный, но настойчивый голос человека «из органов» затягивал куда-то в нереальный мир сновидений.

Без больших усилий Анатолий понял, что идет не просто беседа, а попытка погрузить его в гипнотический сон, подчинить его волю, вынудить к совершению необходимых кому-то действий.

Много лет назад, студентом ему пришлось участвовать в представлении возможностей гипноза неким эстрадным гипнотизером, учеником легендарного Вольфа Мессинга, и он тогда, прямо на сцене, убедился, что можно не только подчиняться, но

и подчинять. Обычный номер угадывания спрятанного предмета чуть было не провалился. Когда новоявленный факир, завязавший на глазах светонепроницаемую повязку, попросил Анатолия спрятать ключи в любом месте на сцене, тот положил их открыто на стоящую рядом тумбочку. Когда же гипнотизер взял его за руку и попросил думать о том, куда он положил ключи, то Анатолий представил их лежащими на рояле. Именно туда и пошел через всю сцену ученик Мессинга. «Ага, удалось-таки обмануть шамана» – подумал Анатолий. Но это его бахвальство тут же было уловлено, и вспотевший от возможного провала факир прошептал: «Зачем вы меня обманываете? Думайте, куда на самом деле спрятали ключи». Таким образом, и номер удался, и появилась уверенность в собственных силах.

Анатолий решил рискнуть: сделать вид, что он впал в состояние транса, и попытаться выяснить чего от него хотят, а может и найти виновников происшедшего. Он закрыл глаза, стараясь не слушать капающий и обволакивающий голос бывшего спутника и периодически напрягая мышцы голеней, сосредоточился на анализе известных ему фактов.

«Олег говорил правду частично. Если он и не убивал Рамаза, то несомненна его связь с хозяевами этого дома, с этим кроликоусым Александром, появление которого вызвало потение очковых стекол... неясна роль барсетки, до сих пор зажатой в кулаке Ольги, как и отношений самой покойной с «разночинцем». Теперь – Виктор! Он, по словам Олега, еще более тесно был связан с семьей Рамаза Шалвовича, пользуясь определенным доверием, и может обладать крайне важной и нужной информацией. С Ниной Фоминичной более ясно. Оскорбленная изменой жена, знающая о проказах мужа, и неоднозначно относящаяся к гибели соперницы. Но вряд ли с ее подачи кара настигает почти одновременно мужа и его любовницу в присутствии стольких людей, в том числе и посторонних. Получалось, что должен быть кто-то еще, наносящий удар по семье и одновременно «подставляющий» людей непосвященных. Без знания взаимоотношений между членами этого необычного сообщества разрешение поставленных обстоятельствами вопросов представлялось невыполнимым».

К такому, не очень приятному для себя выводу, пришел Анатолий, постепенно начиная вслушиваться в речь «кроликоусого», которая постепенно понижалась в тональности. Услышав знакомую по предшествующему опыту повелительную установку: «Вы спите! Вы слушаете меня! Отвечайте на вопросы!», Анатолий настроился отвечать. Контролировать обстановку с закрытыми глазами было невозможно, но обостренное ощущение опасности подсказало, что ему готовится какой-то сюрприз. Он почувствовал специфический запах медицинского кабинета. «Хлороформ, или эфир?» – мелькнула догадка. Мгновенно пришло решение сделать два-три глубоких очищающих вдоха и задержать дыхание. Анатолий был неплохим ныряльщиком и на спор мог свободно не дышать до двух с половиной минут. Озарение пришло кстати. Марлевый тампон с силой был прижат к его носу и рту. «Не доверяет, сволочь! Подстраховывается...» Примерно через минуту, в течение которой Анатолий имитировал движениями грудной клетки глубокое дыхание, тампон был убран. Переждав еще некоторое время, удалось выдохнуть почти весь газ из легких и заполнить их доброй порцией свежего воздуха. Послышался женский шепот:

- Ну что? Уснул? Не переборщили?
- Все в порядке, он и так ничего не слышит, а легкий наркоз не помешает. Мало ли что?
- Пистолет я принесла...
- Давай сюда!

Анатолий почувствовал, как ему в руку вложили оружие, прижали пальцы к рукоятке и еще несколько раз по ходу холодного ствола. «Отпечатки делают?!... Теперь, если будет следствие, выкрутиться будет практически невозможно... Но кто же эта женщина? Никак не разобрать голоса... » То ли непроизвольное желание приоткрыть веки, то ли нарушение ритмичности дыхания, привлекли внимание «пушистого», только он неожиданно резко заткнул тампоном с хлороформом нос и Анатолий, вдохнув его от неожиданности до отказа, провалился в неясность.

Пробуждение наступило так же неожиданно. В комнате никого не было. Диктофон лежал на месте, рядом с портфелем. Движения были замедленными, тошнило, но удалось протянуть руку и вынуть из диктофона пленку, запихнуть ее во внутрен-

ний карман пиджака, приоткрыть портфель. Из глубины показался знакомый, фиолетовый рукав кофты. Скрипнула открывающаяся дверь.

Быков, войдя в кабинет, увидел спокойно спящего Анатолия. Все вещи были расположены на своих местах, только из-под крышки портфеля выглядывал уголок фиолетового мохера. Запихнув его глубже внутрь, «кагэбэшник» достал из кармана внушительных размеров трубку, раскрошил в нее несколько сигарет, вынул зажигалку, раскурил трубку, и включил диктофон, намереваясь начать допрос.

Анатолий вновь услышал скрип дверных петель. Тот же неузнаваемый голос прошептал:

— Ты куда ходил? Я обыскалась. Надо торопиться. Этот козел дозвонился в милицию. Только что оттуда позвонили, что задерживаются из-за сломанной машины, но уже скоро будут,... Ты все успел сделать?

— Еще нет, да ничего и не нужно... достаточно отпечатков. Пальчики на пушке и никаких вопросов. А выходил я переговаривать с Олегом. Он слишком много знал... и, кажется, догадался обо всем.

— Так ты его? ... А как все потом объяснишь?

— А никак! В руках у него будут вот эти часы со стола с отпечатками тех же, что и на пистолете, пальчиков...

Послышался скрежет тяжелых часов по сукну стола.

— Олег лежит рядом в соседней комнате, дверь закрыта, бери часы и ударь ими по голове недоделанного «писарчука» в то место, где я шарахнул его рукояткой... возьми часы вот этим полотенцем, чтобы следов не осталось. Потом вложим их в клешню маньяка, который пока дрыхнет перед нами и не знает ничего. Но еще раньше ты должна этими же часами приложить меня до крови,... будто он напал, ударил, а я, обороняясь, пристукнул убийцу...

— Не могу! Лучше ты сам!

— Я потащу этого типа туда, где будешь ты, он вот-вот проснется, будет труднее. Давай, по-быстрому!...

Послышался звук поцелуя. Анатолий решил и приоткрыл глаза. Он ожидал увидеть черный бархат платья Нины Фомины. Но, сквозь сетку ресниц его взору открылись тоже черные, плотно сидящие на ягодицах расклешенные брючки Инны.

«Ни фиги себе!» Анатолий от неожиданности чуть не вскочил со стула. «Когда она все успевает? Только что с Виктором... сейчас – здесь! Она в этой перипетии,... с какого бока?» Видимо, глаза его раскрылись достаточно широко, потому что встретились с сузившимися зрачками «кроликоусого».

– Проснулся, падла?...

– Почему вы мне грубите? И где это я?...

Анатолий изобразил на лице удивление и решил сделать вид, что действительно только проснулся. Инна метнулась вон из комнаты, не забыв прихватить врученные ей часы.

– Извините! Мы с этой девушкой близки, а вы внезапно потеряли сознание во время нашей беседы. Убийцу я вычислил, нашел и орудие убийства. Вот на столе – пистолет. Не трогайте его, там отпечатки. Это сделала жена хозяина, она же убила Олега, с которым вы приехали.

Анатолий понял, что с ним тоже собираются продолжить игру, в которой он сам был весьма заинтересован. «Надо бы потянуть время! Вот-вот подоспеет милиция...» – подумал он.

– Ладно! Но обидно, что эта девчонка только что занималась любовью с моим приятелем Виктором, а сама готовилась отдаться карающим органам.

– Это как понять?

– А вот так и понять! Своими глазами видел, что она вытворяла при всех под шкурами медведя...

Анатолий решил раздражить «кроликоусого», чтобы извлечь из этого возможную пользу. У того злобно сверкнули глаза, он весь напрягся, но, видимо, передумав, сказал:

– Да шут с ней! Помогите мне задержать жену Рамаза, пока она не исчезла в закоулках этого идиотского дома. Я слышал, что она в соседней комнате с кем-то разговаривает по телефону.

– А я причем?

– Мне нужны свидетели задержания.

– Хорошо, пошли, только, насколько мне известно, нужны два свидетеля...

– Верно, но туда я направил Инну, она и будет вторым...

Анатолий подумал про себя: «Скорее пятым... трупом, после меня, если не смогу опередить этого «законника». В его голове гулко застучало, в ритме с учатившимися сердцебиения-

ми. Он не знал, как поступить. Опередить – значит вступить в конфликт с «конторой», которая может все. Но и отдавать себя на растерзание «опера», может и выполняющего какое-то совсем непонятное задание, не собирався.

Вдруг он почувствовал мощную хватку чьих-то рук, охвативших его сзади и остановивших поступательное движение. Тут же мимо проскользнули две незнакомых фигуры, скрутившие руки идущему впереди «кагэбэшнику». Присмотревшись, Анатолий узнал в них студентов, ехавших с ним на электричке и всю дорогу проигравших в карты.

«Кроликоусый» громко выругался, увидев за спинами еще трех подоспевших «студентов» грозное лицо Нины Фоминичны с пустыми, поблекшими глазами.

«Студенты» оказались сотрудниками уголовного розыска, которые не один год выслеживали известного рецидивиста с хорошими манерами, на «мокром» счету которого была не одна загубленная душа. С ним постоянно «работала» та или иная молодая девица, через которую притекала исходная информация для очередного «дела».

Всех попросили выйти на улицу. Подъехавшие криминалисты начали свою будничную работу. Инны среди гостей не было, найти ее в доме не удалось, а потемки не дали возможности малыми силами обеспечить ее поиск. Виктор после происшедшего был встревожен, сторонился Анатолия и беспрерывно прихлебывал водку из бутылки, прихваченной им со стола. Аристарх был бледнее обычного, постоянно вдыхая с ногтя большого пальца какой-то белый порошок.

Анатолий постепенно синтезировал гипотезу сложившейся ситуации, обобщив имевшиеся у него, и только что услышанные, со слов разговаривающих между собой оперативников, факты.

«Будучи, как и большинство представителей искусства, многолюбом, Реваз Шалвович влюбился в Ольгу, которая была взбалмошной, но искренней девчонкой. Начинающий писатель Олег в то же время завоевал сердце и тело Нины Фоминичны, которая от него и узнала о романе своего мужа с Ольгой. Естественное желание отомстить у нее никогда не доходило до степени ненависти, способствующей физическому устранению конкурентки. С подачи Инны, регулярно посещавшей «мальчишники»

в доме Рамаза Шалвовича в отсутствие Нины Фоминичны, Олег познакомился с «кроликоусым», не зная о нем ничего, в том числе и о мотивах их знакомства. А тот уже год как изучал жизнь семьи Рамаза, надеясь разжиться солидным капиталом преуспевающего грузина. Знакомство с Олегом давало возможность однажды проникнуть в закрытый для незнакомцев дом художника. И вот этот момент настал. Олег рассказал, что приглашен на товарищеский ужин по поводу вручения Рамазу премии. Имевший на руках целый набор удостоверений и паспортов «Александр Евгеньевич» решил на этот раз играть роль «кагэбэшника», зная подбострастное отношение, а то и животный страх перед этой организацией у любого гражданина страны Советов. Он знал о валютных сделках Олега на Кубе и попытался привлечь его к задуманному в виде соисполнителя. Изрядно напугав того своей осведомленностью в сочетании с удостоверением всемогущего ведомства, представил будущее преступление как проводимую операцию против «агентов империализма».

Ольга действительно ничего не знала об отношениях Нины Фоминичны и Олега, да и не была с ним знакома. Фиолетовую кофту она вначале оставила в одной из боковых комнат, где накоротке встречалась с Рамазом. Из-за спешки забыла ее на диване, а дверь Рамаз захлопнул. Ему она и прошептала об этом на ухо, чтобы получить ключ от места свидания. Возвращаясь, уже в кофте, она действительно видела, как Олег стреляет в Рамаза, но открыто проявить свои чувства боялась.

Барсетку с пистолетом Олег действительно вынес и положил в одну из своих сумок в машину. Следивший за ним «кроликоусый» вытащил ее из сумки, переложил в свой портфель, и направился через боковой ход, надеясь подложить ее вместе с пистолетом Олегу, шантажируя его, как убийцу, и используя для получения уплывающего из рук богатства. А, увидев в полумраке идущего к туалетам Анатолия с Ольгой, изменил план. В женском туалете была сделана потайная дверь, одна из многих, как оказалось, в этом доме, о чем хорошо знала Инна. Через нее можно было проникнуть в дамскую комнату.

Ольга постояла у зеркала, подводя помадой губы, а перед заходом в кабинку сняла кофту, положив ее на край умывальника. Когда «кроликоусый» открыл потайную дверь и вынул пис-

толет из барсетки, чтобы завернуть его в кофту, рассчитывая вместо одного заиметь двух шантажируемых, Ольга неслышно открыла дверцу кабинки, увидела его манипуляции и схватилась за барсетку. Тому ничего не оставалось делать, как выстрелить ей в висок, и, не успев протереть пистолет от следов пальцев, запихнуть его вместе с кофтой в портфель, исчезнув в боковом проходе, чтобы потом появиться за спиной Нины Фоминичны, не причастной к убийствам, но внутренне удовлетворенной смертью соперницы».

Гипотеза самому Анатолию понравилась. Оставались невыясненными несколько обстоятельств. Что побудило Олега стрелять в хозяина дома? О фатальной любви к хозяйке речи быть не могло, слишком прагматичным и расчетливым представлялся Олег в своих поступках. Как рассчитывал «кагэбэшник» получить деньги или драгоценности хозяев дома, да и хотел ли он сам смерти Рамаза Шалвовича? Что будет делать Нина Фоминична, узнав о смерти Олега и его роли во всей интриге? Какова истинная роль Виктора в жизни исчезнувшей семьи? Что обнаружат криминалисты при детальном исследовании? Как исчезла и где сейчас Инна?

Пока ответов не было. Анатолий сразу же после ареста «кроликоусого» вместе с остальными гостями минут двадцать простоял во дворе, откуда их забрал в себя автобус, старый милицкий «ПАЗ». Остальные автомашины и личные вещи были оставлены для досмотра, а участники неудавшегося торжества ехали для дачи показаний на Петровку 38. Да и думать о деталях происшедшего не хотелось. Хотя вызывало удивление и нарушение правил досмотра личных вещей, и отсутствие понятых, и то, что никто из оперативников не предъявил никому своих документов.

Анатолий зевнул и решил поспать оставшееся от ночи время. Потемки потихоньку уступали место серой бледности неба. Наступало мудреное время суток.

Год за годом все то же:
Обезьяна толпу потешает
В маске обезьяны.

(Из хокку Басё, XVII век)

Часть II. Петр Петрович

Анатолий бродил по рынку в поисках любимого им горького стручкового перца. Центральный рынок всегда был полон людьми – выбирающими, покупающими, глазеющими и просто шатающимися. Поскольку в России доступ к продуктам питания всегда был окружен ореолом блата, больших денег и всяческих вокруг этого разборок, самой уважаемой фигурой на рынке были мясники. Проходя мимо мясного павильона, Анатолий тут же добрым словом помянул своего знакомого рубщика мяса Афанасия, который был весьма симпатичным в обыденной жизни человеком. Хлебосольным, гостеприимным и веселым. Его загородный дом охраняли два гигантских размера «афганца». Собаки были лютыми и опасными для гостей, которые, тем не менее, охотно и не по одиночке посещали Афанасия. Было ему лет около пятидесяти пяти, крепко сбитое тело и мощные руки, привыкшие держать топор, свидетельствовали о здоровом духе этого человека, добившегося своим трудом многого. Доказательством неумности характера и непрестанного поиска своего места в жизни была его женитьба на двадцатидвухлетней девушке, как-то посетившей с подругой надежный уголок такого непонятного мира. А здесь было тепло, пахло мужским, трудовым потом и радостью в смеси с ободряющей улыбкой. И ничего не могло воспрепятствовать такому решению: ни грянувший развод, ни укоры взрослого тридцатилетнего сына, ни шепоток соседок и знакомых. Как бы доказательством правоты его решения стало рождение и воспитание дочки, ставшей маяком для необходимого уже долголетия. Афанасий принимал гостей искренне, хлопоча вокруг них, однако, всегда высказывая собственное мнение по любому вопросу, подшучивая над теми, кто этого заслуживал, независимо от регалий и званий. На открытом огне около бани в здоровущем казане обычно булькала аромат-

ная шурпа, шипели и вспыхивали желтоватым пламенем бордово-черные угли от капающего с шашлыка жира. А в это время в натопленной от души бане томились краснокожие гости, в предбаннике лилась прохладная вода, а в гостевой комнате перед камином на столе живописно были разложены домашние соленья, хрустящая капуста, душистые ломти хлеба...

К Афанасию, работавшему в павильоне шагах в десяти от входа, Анатолий никогда не заходил, считая, что пользоваться знакомством в личных целях не очень удобно. Он медленно шел между рядами столов с выставленной и регулярно сбрызгиваемой водой для придания «свежести» зеленым – петрушкой, укропом, кинзой, соседствующей с пирамидами бурых, алых и темно-красных помидор разных сортов, размеров и формы. Шершавились пупырышками покрытые пушком, только что сорванные с грядки темно-зеленые огурцы, лимонился желтизной и кровавился болгарский перец, заманивая покупателей своими размерами и сочностью. Кое-где скромно выглядывали светло-коричневыми шляпками грибы, расположенные в небольших, по пять-шесть штук кучках. Солнце прижаривало после утреннего проливного дождя. Было душно и спокойно.

Петр Петрович Орлов возник перед Анатолием, как белый лайнер среди замызганных джонок какого-нибудь китайского порта.

Это был человек ростом под метр девяносто, сутулый, с длинными руками, широкими, узловатыми в суставах кистями, наполненные вены которых просвечивали синевой сквозь начинающую увядать и становиться похожей на пергамент кожу. Светлые брюки и белая, как январский снег, отглаженная рубашка в голубую клеточку с короткими рукавами выдавали его склонность к щегольству. Дрожание пальцев было заметным, но оно уменьшалось при таких привычных движениях, как обхват стакана или стопки с янтарного цвета самогонкой. Зелье производилось лично Орловым из сахара, пропускалось через угольный и серебряный фильтры, настаивалось на перегородках грецких орехов, пользовалось неизменной популярностью в кругу друзей, знакомых, и просто примкнувших к ним любителям выпить. А таковых находилось достаточно при регулярных

субботних посещениях стадиона, до, во время и после матча, созерцание которого уже не очень-то и волновало участвующих в дегустации.

Волнистые, седые до голубизны волосы обращали на себя внимание остаточной густотой, несмотря на семидесятипятилетний возраст хозяина, и ненавязчивой, естественной гармонией с синевой его глаз, уже несколько поблекших. Былая сила чувствовалась во всех движениях Петра Петровича, однако, при ходьбе периодически возникало пошатывание, ноги как бы не слушались, становясь «чужими», некогда мощное тело покачивалось, но непременно находило равновесие. И тогда походка его становилась излишне напряженной, ускоренной, устремленной вперед.

Анатолий знал его еще в те поры, когда сам был молодым, тридцатилетним, настырным, полным несбыточных замыслов, физически уверенным в себе, каждое утро поднимавшим раз по пятьдесят привычный двухпудовик. О Петре Петровиче в те годы ходили легенды. Он возглавлял магазин автомобильных запчастей, страшно дефицитных, которых нельзя было купить ни за какие деньги. Тогда еще иномарки в областном центре можно было пересчитать по пальцам, а дефицитом было все – от колбасы до туалетной бумаги. Но природная сметка, жизненный опыт и коммуникабельность обеспечили Орлову славу крупного дельца. По тем временам в этом слове сосуществовали два начала: позитивное – умение делать дело, и негативное – всех умеющих что-то делать считали жуликами. Сейчас его работа была бы мало заметной, вполне укладывающейся в понятие малого бизнеса. Но дни ушедшие славились наличием того самого, прославленного Райкиным «дюфсита», когда умение достать этот дефицит по блату было достоянием немногих. У Петра Петровича были неплохие связи в Москве с тогдашними распорядителями несметных хранилищ для избранных партийных и советских деятелей. Икра красная и зернистая черная, загорелые балыки, дунайская сельдь специального посола, копчености всех видов – все это благополучно перекочевывало из неоскудевающих спецраспределителей в закрома особо приближенных. Один из приятелей Анатолия так и называл подвал своего дома: закрома Родины. Штабеля консервов (шпрот, сайры в собствен-

ном соку, тушенки говяжьей и свиной, сгущенного молока и сливок, ветчины в банках и всяческой другой всячины), банок с соленьями, бочек с сельдью и треской, ящиков водки, коньяка, вин – могли обеспечить автономное и достаточно веселое проживание в течение не одного года. К тому же две или три литровых банки с закатанными в них бриллиантами давал хозяину приятное ощущение непотопляемости при любом правительстве и при всякой смене вех. «Там – всё!» – любил приговаривать Петр Петрович.

Анатолий встретился с ним после многолетнего перерыва в знакомстве. Этот перерыв был связан с вынужденным пребыванием Орлова в местах, где шконка является желанным местом отдыха. Тогдашний первый секретарь обкома почему-то не любил самостоятельного и состоятельного директора магазина. Но поскольку тому доверяли в облисполкоме, в том числе заместитель председателя Николай Иванович, мудрый и по-современному мыслящий человек с обритой наголо головой, ему было поручено строительство кемпинга с рестораном недалеко от областного центра. Петр Петрович вложил все свои силы и средства в пуск этого, по тогдашним меркам – высоко комфортабельного комплекса. Приехавший на открытие первый секретарь обкома чрезвычайно высоко оценил сделанное, начал было рекомендовать представителям прессы широко осветить этот факт, как вдруг спросил:

– А кто это чудо сотворил?

– «Да вот – Петр Петрович Орлов...», представил виновника Николай Иванович.

Брови «первого» нахмурились, а, спустя некоторое время абсолютной ватной тишины, слова брани из его уст разорвали начинавший уплотняться воздух, что и решило дальнейшую судьбу несостоявшегося героя дня.

– Под суд этого жулика! Почему он еще у вас работает?

В итоге – шесть лет изоляции от начинавшего «перестраиваться» общества. Но твердость духа и старая закалка, а также верность старых друзей, приятелей, да и собутыльников (каковыми все они преимущественно и были), позволили ему оставаться в привычном круге общения.

Добиваться абсолютного успеха в покорении женщин любого возраста Петр Петрович умел профессионально. Завещанную дедом заповедь: «Никогда не кури!» – соблюдал неуклонно. А вот выпить мог чрезвычайно много, почти не пьянея, быстро восстанавливаясь, угощая друзей и знакомых, особенно женского пола, которые по какому-то сверхъестественному чутью определяли в нем «непокобелимого» самца. С молодых лет он занимался физическими упражнениями, совершенствуя свое от природы атлетическое тело. Еще в те годы, когда о нетрадиционных способах оздоровления организма не было принято говорить громко, он овладел точечным китайским массажем, и каждое утро начинал с активации биологически активных точек, твердо веря в эффективность и необходимость этого занятия. Гантели и эспандер были важным реквизитом, сопровождавшим его по жизни. Природное здоровье, таким образом, из года в год укреплялось, несмотря на неминуемые стрессы и постоянные алкогольные перегрузки.

Был случай, когда Петр Петрович с двумя друзьями, тоже не хилого телосложения, за один вечер выпил ящик дефицитного тогда рижского балзама, разводя им водку, поглощенное количество которой сейчас даже невозможно представить.

Характерным было то, что употребление сверхнормативных (а какие для русского человека нормы во всех делах существуют?!) порций алкоголя практически не влияло на водительские способности Орлова. Его личная мощная «Волга» ГАЗ-21 с летящим оленем на капоте служила своими различными частями – то столом, то постелью, то площадкой для дружеских встреч. В ее багажнике всегда имелся «джентльменский набор» из энного количества бутылок коньяка, водки, ликера (имевших индивидуальное целевое предназначение в зависимости от привычек, пола и места сотрапезников в тогдашней иерархии), тщательно завернутой нарезки холодных закусок, баночки глазастой икры, масла и хлеба, ну и, конечно, предметов сервировки.

За рулем Петр Петрович был осторожен, в аварии никогда не попадал, хотя любил высокие скорости. Может, особое везение, может недостаточное количество машин в те поры, только известная всему городу «Волга» рассекала воздушное пространство

по всей области, не тревожа гаишников, зачастую составлявших хмельную компанию хлебосольному водителю. Только однажды, да и то в трезвом состоянии, Орлов немного помял крыло своей «ласточки», когда умышленно направил ее на таран легковушки Алика, молодого, восточно-кавказской наружности человека, мастера спорта по пожарно-прикладным видам, который умудрился прижать к столешнице руку Орлова, считавшего себя непобедимым в этом древнем способе выяснения мускульной силы. Кое-кто, однако, считал, что в этом противостоянии была замешена какая-то женщина, или просто конкуренция за монопольное обладание, как теперь говорят, эксклюзивными правами на покорение женских тел в провинциальном, обветшалом городе.

Правда, после этого случая при посещении субботней сауны Петр Петрович вновь испытал жесткость стола, на котором он, после обычных выпитых одной-двух бутылок, затеял соревнование на руках с Анатолием. Но, в отличие от ранее случившегося, большая компания распаренных и разгоряченных приятелей была приглашена в гараж Орлова. На пороге чуть больше обычного гаража красовались все виды выпускавшихся тогда водок: была среди них «Кубанская», «Сибирская», «Посольская». Ну и конечно, «Русская», «Столичная», «Стрелецкая», и прочая, и прочая, и прочая... Продолжением утреннего «легкого пара» явилась борьба с Анатолием, когда-то занимавшимся самбо, прямо в гараже. Соперники умудрились не покалечить друг друга, но висевшие на стенах колеса, запчасти, инструменты были разбросаны и растоптаны. Будто крылья ветряной мельницы снесли их со своих мест, а стадо слонов средней комплекции проутюжило все сметенное. Потом был выпито почти все оставшееся питье, съедена закуска.

Анатолий вышел раньше других, но, поняв, что в таком виде ему до дома вряд ли удастся добрести, решил немного отдохнуть. Он зашел в заросли полутораметровой крапивы за гаражом, убедился, что из окон близлежащих домов его не видно, свернулся калачиком и утонул в причудливых снах. Проснувшись, обнаружил, что уже темнеет, отряхнулся, вышел к закрытым на незапертый замок воротам гаража, увидел, что коллеги по отдыху разошлись, и, как по палубе плывущего в шторм ко-

рабля, двинулся к трамвайной остановке, пожалев, что не приобрел себе компаса. Однако, путь к причалу оказался спокойным, домашние встретили его сочувственно, привычно выслушав очередную историю из походов главы семейства.

Эти моменты из прошлого за несколько секунд восстановились в самых запыленных местах извилин того самого мозга, который каждый тщится обнаружить у себя. Анатолий сравнивал эту ситуацию с поиском клада. Ищешь «пиастры», а находишь ржавые гвозди, а то и обрывок старой калоши из давно прошедшего...

Дружески обнявшись, Анатолий и Петр Петрович решили отметить встречу в маленьком кафе, расположенном на бойком месте неподалеку от рынка. Хозяин кафе, Гиви, средних лет грузин с веселыми глазами был коренаст, быстр в движениях, радужен и всегда мог с друзьями позволить себе выпить не одну бутылку, закусывая анекдотами и непринужденной беседой. Однако для посетителей готовились весьма вкусные хачапури, которые представляли собой золотисто-желтые пироги с сыром (покупаемым на рынке привозным сулугуни), запах душистого воздушного теста которых привлекал прохожих, проезжающих и специально приезжающих гурманов. Особым образом изготавливались там также хинкали и люля-кебаб. Но верхом кулинарного искусства была фасоль, ароматная, пахнущая киндзой, луком, в меру сдобренная растительным маслом (то ли оливковым, то ли каким другим), в меру проваренная. Фасоль и хачапури были без сомнения визитной карточкой этого кафе. Для постоянных посетителей всегда были свободные места в уютном уголке. Столик на шесть персон, выделенный для этой цели, зачастую превращался в общий для двух-трех соседних столиков, которые сдвигались между собой и объединяли самых разных людей.

Так было и на этот раз. После взаимных приветствий, Гиви усадил Анатолия и Петра Петровича за гостевой стол. Тут же молчаливой и исполнительной официанткой Таней были поданы тарелки с помидорами и огурцами, обилием зелени, с ароматным сулугуни, мясной нарезкой, две кружки ледяного пива (в качестве аперитива). Традиционная бутылка «Беленькой», томатный сок в кувшинах, «Нарзан» в стеклянных бутылках, по-

ставляемый непосредственно из Грузии, торопили двух старых знакомых начать застолье.

И – началось! Тосты не успевали за опрокидывающимися стопками. Закуска быстро исчезала со стола. Но вот торжественно, излучая улыбку и сверкая черными глазами, появился Гиви, за которым Татьяна несла блюдо с хачапури.

– Давайте кушать, пока горячее, приятного аппетита!

– «Присядь с нами, Гиви!», сказал Анатолий.

– Хорошо, но только выпью одну стопку, что-то давление стало барахлить...

Прекрасно понимая, что за одной стопкой последует и вторая, и третья, Анатолий не стал привычно уговаривать хозяина, давая ему самому возможность определиться с количеством выпитого, да и оберегая его от излишества. Ведь друзей, как истинных, так и временных, псевдодрузей, у таких людей, как Гиви, бывает много. Всем отказать не всегда удастся, а за день общее количество выпитого иногда может превысить все мыслимые и немыслимые цифры. Для жены Ларисы такое потребление алкоголя представлялось опасным. Но все ее попытки утихомирить общительного кавказца были тщетны. Гостеприимство Гиви, его искреннее хлебосольство и общительность, неминуемо обращались против его же здоровья, но были сильнее здравого смысла.

На этот раз после первой же выпитой стопки Гиви извинился и исчез, погрузившись в решение бесчисленных каждодневных проблем по снабжению, ремонту, воспитанию сына. Опыт и чутье подсказали ему, что его гостям необходимо побеседовать наедине.

И, действительно, несмотря на постоянное обновление напитков, заливок и закусок, последовала долгая, многочасовая исповедь соскучившегося по общению Петра Петровича. Иногда такая возможность высказаться является просто необходимой. И пусть от собеседника не будет получено в ответ ни единого совета, пусть даже и отношение у него к исповеди будет не однозначным, но полученное от этого облегчение станет очистительным, позволит, как бы заново начать свое движение по жизненным ухабам.

Оказалось, что в истекиие после отбывания срока два года Петр Петрович на себе прочувствовал трагикомичность бытия стареющего дон Жуана. После смерти жены он почувствовал себя холостяком, для которого открыты новые горизонты, казалось, угасающей жизни. В соседнем доме жила женщина, годов эдак в сорок, склонная к полноте блондинка, с темно-зелеными глазами, без мужа, имевшая дочь лет восемнадцати.

Случайно встретившись с ней на улице, по пути в магазин, Петр Петрович почувствовал неоднократно испытанное в молодости ощущение охотника перед встречей с дичью. Он вспомнил своего приятеля, который называл всех женщин «зверьками», считая своей обязанностью охотиться на них. Желание рождает условия для их осуществления! Идущая женщина поскользнулась, и было, упала, но Петр Петрович все еще могучей рукой поддержал ее. Распахнувшаяся шубка приоткрыла глубокий вырез ажурной черной кофточки, из которого выглядывали половинки округлых грудей, от которых соскучившийся по теплу и ласке Орлов долго не мог оторвать глаз. Так они познакомились.

Соседка назвалась Региной и как-то сразу, доверившись внимательно слушающему Орлову, поведала ему вкратце отдельные моменты из своего прошлого. Когда-то выскочив замуж за летчика дальней авиации, она не захотела стать для него опасным аэродромом и рассталась с ним без скандалов и упреков, сохранив товарищеские взаимоотношения и умеренную финансовую поддержку. Сама она работала в строительной конторе, зарабатывала не очень много, но была обеспечена, так как мама проработала всю жизнь в системе торговли, и поддерживала с этой могущественной системой сложившиеся связи. В течение получаса они прогуливались по свежевыпавшему хрустящему снегу, пока не простились, договорившись созвониться.

Уже через неделю, в знак признательности за оказанную ей помощь, Регина пригласила Петра Петровича к себе на пирог и чашечку кофе. Не остались без употребления и прихваченная им по привычке бутылка марочного армянского коньяка, и баночка зернистой икры, и пара тонкокожих лимонов, и коробка фирменных конфет, и плитка шоколада. Продолжение встречи было естественным. Утром, с ощущением успешно выполненного дол-

га, Орлов провожал свою новую знакомую на работу, бережно поддерживая ее под руку, выпрямив спину и выпятив грудь вперед, будто вернувшись лет на тридцать назад. Встречи их были не частыми, зависели от присутствия в доме дочери, иногда, после занятий в институте, остававшейся ночевать у бабушки.

В свою берлогу Петр Петрович приглашать женщин не хотел. Аскетическая обстановка: старые венские стулья, скрипучий с антресолями шифоньер, промятая и потертая диван-кровать. Облезлый буфет в крохотной кухне хранил в себе гнутые алюминиевые вилки и ложки, граненые (правда, чисто вымытые) стаканы, чайник с отколотым носиком и исторически древним темно-коричневым чайным налетом. Все это в однокомнатной квартире дома старой постройки (с деревянными перекрытиями и штукатуркой, толстыми многолетними слоями наклепленной на набитую крест накрест драпку) – не соответствовали тому образу старого ловеласа, который с годами успешно сопровождал Орлова. Правда, один хороший костюм, пара почти новых рубашек, галстуки, носки, носовые платки – висели на плечиках или были аккуратно разложены на тумбочке. Былой недостаток с течением времени иссяк, старые запасы подходили к концу, с новыми людьми дел делать не хотелось, было опасным, да и подходящих предложений не поступало. Один из предпринимателей как-то предложил ему возглавить вновь созданную фирму в качестве «зиц-председателя Функа». Проработав год, подписав кучу бумаг на десятки тысяч долларов, он получил мизерное рублевое вознаграждение, а при попытке получить хоть какую-то сумму денег из-за крайней необходимости, получил в ответ угрозы расправы и оскорбительные слова, на которые нельзя было найти достойного ответа.

Появление в холостяцком бытие женщины на какое-то время вернуло Петру Петровичу молодецкую удачу. Однажды, после дружеской попойки, когда встретились старые собутыльники и почти всю ночь вспоминали похождения дней минувших, где-то около пяти часов утра, он возвращался домой. Внутренний голос безошибочно подсказал ему зайти к новой знакомой. Подождав у двери некоторое время после звонка, он уже собирался уйти, как приоткрылась дверь, и зеленые заспанные глаза осветили сумрак лестничной клетки.

– Входи, только я еще сплю...

– Я не надолго!

Захлопнув за собой дверь, на ходу раздеваясь, Орлов ворвался в спальню, как гладиатор на арену. Хмель бушевал в его крови, настроение было вселенски приподнятое, казалось, годы куда-то исчезли, юношеское желание приключений будоражило обновленные мышцы. Он набросился на легко поддавшееся женское тело и не отпускал его в течение нескольких часов. Последние судороги счастья объединили потных любовников в крепком объятии. Одеваясь, Петр Петрович с умилением смотрел на мгновенно уснувшую женщину, ощущая себя великим и удачливым, молодым и здоровым. Тихо прикрыв за собой дверь, он спустился по лестнице, но на предпоследней ступеньке поскользнулся и рухнул лицом вниз, ударившись о решетку двери, стесав лоб и половину лица. Привстав, ощутил боль в ушибленном теле, промокнул носовым платком струящуюся со щеки кровь, с тяжелым вздохом поднялся и медленно пошел домой, еле передвигая ставшие неподъемными ноги, мгновенно отрезвев и вернувшись в реальную жизнь, с ее уставшим временем, затертыми чувствами и рушащимся здоровьем.

Анатолию постепенно стали надоедать откровения Орлова, и он стал увеличивать частоту приема водки. Появившийся внезапно Гиви присел за их столик, поддержал очередной тост и собрался было вновь исчезнуть. В это время в кафе зашли двое. Он – почти ровесник Орлову, с окрашенными в черный цвет усами, подкрученными кверху, седыми волосами, морщинистой, дряблой кожей лица, одетый в светлый пиджак и черную водолазку. Она – в обтягивающей бедра и расклешенной книзу длинной юбке, светлоголовая, с плавными движениями рук.

Ошибиться было нельзя!

«Господи! Это же Инна и «кроликоусый»! – пронеслось в голове Анатолия. Быть узанным сам он не боялся, так как за это время отпустил длинную немодную рыжую бороду и стал носить дымчатые очки с толстенными линзами. Когда-то густая шевелюра давно покинула его блестящую лысину, напоминая о былом курчавинками волос медного цвета, которые опоясывали узеньким ободком оголенную макушку, с упорно произрастающими на ней двумя-тремя нагло торчащими, похожими на ан-

тенны, волосками. Даже друзья молодости при встрече не могли опознать своего однокашника.

Издали он принялся наблюдать за памятной по прошлому парой, надеясь хотя бы теперь получить ответы на вопросы, поставленные в свое время старой криминальной историей. Петр Петрович сидел спиной к вошедшим, и видеть их не мог. Анатолий попросил Татьяну принести еще одну бутылку водки, и продолжил наблюдение. Видимо, те двое не собирались засиживаться долго. Они заказали бутылку шампанского и плитку шоколада, беседовали тихо, но предмет беседы, видимо, для обоих был не приятен. «Кроликоусый», прихлебывал из бокала шампанское, пена от которого собиралась на усах, придавая им былую пушистость, глаза его не выражали ничего, но разговаривал он с Инной пренебрежительно. Та, потупив глаза, молча кивала головой. Вдруг она, взглянув в сторону сидящих Орлова и Анатолия, что-то быстро сказала и «кроликоусый» мгновенно встал и вышел из кафе. Инна рассчиталась с официанткой, затем направилась к выходу. Анатолию показалось, что она, несмотря на ушедшие годы, его узнала, и приготовился к не очень приятно-му, но необходимому разговору. В этот момент Петр Петрович встал, чтобы выйти в туалет и лицом к лицу столкнулся с Инной. Глаза его как бы очистились от влияния выпитого, в них виделось обожание и теплота.

– Региночка, добрый день! Какими судьбами? Мы с моим другом только сейчас говорили о нас. Знакомьтесь! Это – Анатолий! А это – Регина, моя королева!

Последовало непременно пожатие рук. Судя по выражению лица Инны («Регины?»), она не узнала Анатолия.

– Я на минутку зашла, встретила своего старого знакомого, но он торопился и только что ушел. А вы давно здесь развлекаетесь?

– Да, уже порядком! Разве по нам не видно?

– Такое впечатление, что ваша встреча длится с самого утра. Петр Петрович, ты куда-то собирался выйти?

– Как говорится, на минутку в мужскую комнату.

Слегка покачиваясь, Орлов прошел через зал, оставив наедине Анатолия и Инну. Пустяшный разговор подтвердил, что Анатолий остался неузнанным. Он заказал бутылку шампанско-

го, конфет, пирожных и, дождавшись возвращения Петра Петровича, произнес очередной тост за прекрасных женщин, за дружбу и необходимость более частых совместных встреч.

Понимая, что для поиска истины спешка абсолютно не нужна, Анатолий не стал задерживать вдруг заторопившихся Инну и Петра Петровича, извинившихся за вынужденное свое отбытие, и наскоро записавших свои номера телефонов на визитке Анатолия. Он надеялся раскрутить клубок вопросов в последующие встречи. А пока провожал взглядом удаляющуюся с видимым ощущением гастрономического и психологического удовлетворения пару.

Так и не испарившись в тумане забот, необычно молчаливый, вертящий на вилке веточки петрушки, Гиви вдруг тихо спросил:

– А ты откуда знаешь дядю Славу и эту,...Регину?

– Какого дядю Славу?

– Ну, того, который сидел с Региной, пока она не увидела вас и не выпроводила его, ...мне показалось, ты на них внимательно смотрел, как будто на давно знакомых.

– Да нет, просто лицо у твоего, как ты его назвал, дяди Славы – особое: вроде знакомое, а вроде и нет.

Анатолий решил до поры не раскрывать своей заинтересованности в личностях посетителей кафе, и в свою очередь спросил:

– А что? Ты его хорошо знаешь? Называешь: дядя Слава, а даже не подошел к нему?

– Ну, как сказать? Это вор в законе, когда-то хорошо помогал мне, другим кооператорам, сейчас тоже признанный авторитет. Но в последнее время появляется на людях редко. Всегда с этой Региной. А, значит, опять что-то затевает. Что, твой друг из бизнесменов? Чего это она к нему прилипла?

– Да нет, когда-то, до перестройки, он был не бедным. Потом сидел. Сейчас, по-моему, доходов не имеет. Разве только что-то из прошлого осталось?

– Вот-вот! Клянусь святым Георгием, эта шалашовка так просто перед стариком выпендриваться не будет! Я ее лет десять знаю. Говорят, работает в какой-то конторе, скромница, но сам видел, как она на «Мерсе» с дружками по Москве пылила. Я

у кафе «Изуминка» ждал Измаила. Гляжу – она сама за рулем, с подружкой и двумя бычарами. Тормознули около магазина, прошли мимо меня. Слышал, как один из бугаев спросил, не боится ли она оставлять машину открытой. Она захохотала: «Не бойсь, я еще штуки три куплю, если что...» Такая вот скромница! А к нам часто заходит пообедать, наверное, контора неподалеку. К постоянным клиентам привыкаешь, где бы ни увидел, сразу узнаешь.

– Послушай, значит, она тебя тоже знает?

– Наверное. Но я для нее – обслуживающий персонал. А в лицо, скорее всего, знает. Но ни разу не поздоровалась!

– Ну, ладно, мне тоже пора. Спасибо, Гиви, сколько я должен?

– Как всегда! Пятьдесят процентов от той цифры, что будет по счету.

Анатолий простился с Гиви, расплатился с Татьяной, оставил ей несколько рублей чаевых, хотя и знал, что Гиви это не поощряет, так же как и попыток некоторых подпивших клиентов пофлиртовать с официантками. Эти действия им мгновенно пресекались, несмотря на дружеские отношения. Поэтому обслуживающий зал персонал менялся довольно часто.

Жара на улице контрастировала с прохладой кафе, обеспечиваемой новеньким импортным кондиционером, мгновенно вызвав прилив пота, горячими ручейками заструившегося со лба. Рубашка на спине тоже взмокла. На повороте лягнул колесами выдавший виды трамвай, заднее стекло которого было сделано листом фанеры. Стоявшая у тротуара красная «Нива» внезапно подпрыгнула, чуть не сбив отскочившего назад Анатолия. Мимо со скрежетом и разбрызгиванием по сторонам мелких осколков лобового триплекса пронеслась «БээМВэшка», оставив огромную вмятину на мирно приткнувшейся к бордюру «Ниве». Машин на улице было не очень много, поэтому черный болид не вписавшегося в поворот нарушителя со скоростью куда большей, чем на «Формуле-1», виляя вправо и влево, благополучно исчез из поля зрения.

Анатолий вдруг мысленно увидел полупустую трассу и эту машину, лоб в лоб сцепившуюся с другой иномаркой. Липкую

кровь на асфальте, застывающую в сгустки, неподвижные тела водителей и пассажиров, их отлетевшие в сторону ботинки и туфли (достоверный признак безнадежного исхода). Это было плохим предзнаменованием. Обычно, и уже не единожды, он убеждался в объективности своих видений.

Так случилось и на этот раз. Бесстрастный голос диктора вечерних новостей констатировал, что такого-то числа, во столько-то часов (через полчаса после случившегося около кафе), на такой-то улице произошло столкновение черной «БМВ» и серебристой «Ауди». В результате оба водителя и два пассажира погибли. Причина автомобильной аварии – алкогольное опьянение водителя «БМВ», превышение скорости и потеря управления.

Убедившись еще раз в достоверности своего предвидения, но не находя ему объяснения, Анатолий сел за стол и начал привычно разбирать ворохи бумаг, стараясь подготовиться к сбору материала для грядущей статьи. Разборка старых записей была своего рода ритуалом, во время которого шел мыслительный процесс, завершавшийся достаточно быстрым, почти «с листа» написанием текста. Эта привычка выработалась давно. В молодости к нему частенько заглядывал знакомый Вася, работавший плотником в одном из стройуправлений. Он был небольшого роста, сухощав, с большими и широкими кистями рук, кожа на его ладонях походила на сплошную мозоль, была деревянно-жесткой, толстой и потрескавшейся. На спор он своей ладонью одним ударом мог спокойно забить здоровенный гвоздь в доску по самую шляпку. Физически сильный Анатолий, неоднократно, но безуспешно пытался повторить это действие, даже обмотав руку несколькими слоями брезента. Так вот, Василий обычно перед работой (он помогал тогда Анатолию соорудить из подручных материалов прихожую), садился и долго курил, стряхивая пепел в свою задубевшую ладонь. Потом шел на кухню и предлагал выпить стопку-другую водки. Анатолий поддерживал его, но обеспокоенный затяжкой времени как-то спросил: «Не пора ли начать делать задуманное?». На что Василий, попыхивая резким дымом папиросы (а курил он только «Север»), ответил: «Не торопись. Я сейчас как раз и думаю, что и куда приколотить. Как все продумаю, дальше останется только сделать, а это уже – ерунда». И, действительно,

в какие-то полтора-два часа прихожая была сколочена накрепко и лет двадцать исправно служила Анатолию.

Покинув кафе, Петр Петрович и Регина прошлись по аллеям городского парка, полюбовались на снующих вверх и вниз по деревьям рыжих белок, и вошли в подъезд дома, стены которого были сверху донизу расписаны яркими красками в стиле модного «граффити». Но тематика росписей была стара, как сам Петр Петрович, что и пятьдесят, и семьдесят лет назад. «Вова + Маша = любовь» и тому подобное. Только все это написано было латинскими буквами, с ошибками, зато крупно и надолго.

Квартира у Регины была трехкомнатная, отделанная современными синтетическими материалами под дерево и под ткань, что почему-то называлось «евродизайном». Однако мебель была истинно деревянная, по которой не зазорно было постучать, приговаривая: «Тьфу, тьфу, тьфу...». Почти всю спальню занимала огромная кровать белого цвета с позолотой в виде виньеток, на которой свободно могло разместиться человек шесть. Одна стена от пола до потолка представляла собой зеркальные створки шкафа-купе, отражавшие разбросанные по комнате вещи хозяйки.

Петр Петрович дождался, пока Регина примет душ, чтобы полюбоваться на нее без грима, укутанную в белый, до пола белый махровый халат. Ее глаза тут же начали излучать темно-болотные окутывающие волны желания, губы наполнились изнутри, покраснели, и, как показалось Орлову, начали еле видно пульсировать. Крепко обхватив слабо сопротивляющееся тело, он прижал ее к себе, ощущая каждую ложбинку и выпуклость. Регина, продолжая колдовать всепоглощающим взглядом, поцеловала густо заросшую седыми волосами грудь Петра Петровича, слегка прикусив губами его соски, от чего знакомые волны возбуждения мгновенно превратили благообразного старца в безрассудного юношу. Просунув под халат обе руки, он стал ласкать свежее, пахнущее чистотой и ароматным гелем для душа нечто женское, томное и долгожданное. Ее груди уплотнились, а, скользнувшая книзу рука Орлова, покинув мягкие волосы на пышном бугорке, почувствовали заветную мягкость и влажность. Набросившись на давно не сопротивляющуюся женщину, он опрокинул ее на кровать и вонзил свой узловатый, напря-

женный до предела ствол в теплое и влажное вместилище. Процесс длился долго. Вдруг Петр Петрович захохотал, сотрясая все внутри у Регины.

– Ты что?...

– Прости! Вспомнил, как однажды посоветовал своему другу одеть один на один два презерватива, поскольку они часто рвались. Тогда их выпускала еще отечественная промышленность под названием «изделие №2» и качество было также на двоечку. А друг был здоровенным амбалом, да и жена ему в росте не уступала. Но на следующее утро она не вышла на работу из-за длившегося всю ночь акта. А самое интересное, что столь долгого трения резина не выдержала и в заключительной фазе под утро неожиданно лопнула, что впоследствии стало причиной такой же нежданной и нежеланной беременности.

Посмеявшись вместе, они продолжили столь любимое обоими занятие. Удовлетворив сомлевшую и задремавшую подругу, Петр Петрович принял прохладный душ и, густо заварив «тот самый», со слонами на коробке индийский чай, присел на уютной кухоньке, глядя на экран надоевшего, но притягивающего к себе телевизора.

Через полчаса он почувствовал мягкую ладошку Регины на своей щеке.

– Ты чего не спишь?

– Сейчас досмотрю бокс и приду, ложись, отдыхай!

– Знаешь, мне с тобой надо серьезно переговорить, спать я уже не хочу, да и не могу.

– Ну, что, прямо сейчас? Так было хорошо и вдруг какие-то разговоры... Давай о серьезном – завтра!

– Нет! Послушай! Это очень важно не только для меня, но и для тебя!

Лицо у Регины как-то постарело, глаза потухли, в них ощущалась настороженность, даже испуг, но в голосе чувствовалась непоколебимость, уверенность и гипнотический напор.

– Сегодня в кафе я встретила с одним человеком из своего прошлого. Он, кажется, вор в законе, или какой-то там авторитет. Не знаю, как они сейчас называются. В молодости по его вине я оказалась в ситуации, когда меня могли посадить лет на десять, а то и на все пятнадцать. Тогда удалось еле-еле спрятаться, уехав

из Москвы сюда. И вот через столько лет эта сволочь, как бы случайно, встретил меня и начал угрожать, что сдаст меня ментам. У него есть какая-то пленка, на которой якобы записан наш с ним разговор, уличающий меня в соучастии в убийстве. Но этого на самом деле не было и не могло быть. Это он все состряпал.

Слезы ливанули из глаз Регины, как из взорванной плотины.

– Он требует от меня очень много денег, потому что считает, что я добралась до финансов одного грузина, убитого на моих глазах много лет назад. Правда, свидетелем там я была не одна. Народа тогда было много, отмечали какой-то юбилей, или премию, уже не помню. В тот вечер были убиты еще два человека. Вспоминать – и то страшно! На этой чертовой вечеринке я была с одним своим знакомым Виктором, известным в тогдашнем СССР художником. Он учился в школе классов на пять старше меня. Хорошо, что его приятель, тоже художник, Аристарх, кажется, во время суматохи после убийства, пригласил нас на свою дачу, которая была километрах в четырех от дачи того грузина, которого застрелили. Мы втроем потихоньку оттуда смылись и уже под утро добрались до Аристарховой дачи. Оттуда днем на электричке уехала домой, в Москву. Жила я тогда на Нижегородской. Это на Таганке. Квартира от тетки осталась, трехкомнатная. А вечером, крутившийся на даче у грузина, (кажется, его звали Рамазом), Александр Евгеньевич, тот самый, который встречался со мной в кафе, уже дозвонился по моему телефону. Он сказал, что на меня «повесят», по крайней мере, два убийства, если я не продолжу свое знакомство с Ниной Фоминаичной, женой того самого убитого грузина. Назначил тут же время для переговоров у Главпочтамта через два часа. Я испугалась, собрала вещи и на «скором» с Курского вокзала примчалась в этот город, где у меня не было ни друзей, ни знакомых. Так вот и жила год-другой, работала экономистом в разных конторах, пока не встретила Фокина, своего муженька-летчика, который приземлился, как он говорил, на запасной аэродром, сделал мне дочку и благополучно улетел к другой дурочке. Да он и сейчас такой же, года четыре назад приезжал, дочке подарков навез, и опять исчез. Об остальном, ты, Петр Петрович, знаешь!

Поднесенный к глазам носовой платок мгновенно пропитался слезами. Регина зарыдала, покачиваясь вперед-назад и побабьи подвивая.

– Боюсь за дочку...за себя...за тебя... Что, если он узнал мой адрес?

Петр Петрович задумался. Денег у него не было. Но эту красивую и добрую женщину, попавшую в беду, беспокоящуюся не только о себе и своих близких, но и о нем, нельзя было оставлять без помощи. Наконец, он решился.

– Региночка! Когда-то давным-давно, будучи еще при власти и при деле, мне удалось кое-что приберечь на самый крайний случай. Думаю, он сейчас настал! У меня есть и брильянты, и не граненые алмазы. Их не столько, сколько у моего приятеля Измаила, которому они достались, кажется от деда, но все-таки... Парочка двухлитровых банок и у меня припрятана. Вот как только их в баксы перевести? Риск большой.

Движения Регины вдруг приобрели плавную пружинистость, слезопоток прекратился, оставив на пухлых щеках две влажных дорожки. Необычная для известной Орлову Регины сосредоточенность отразилась даже на цвете ее радужки. Глаза приобрели серо-стальной посверкивающий отблеск. А, может, наступившие сумерки смахнули яркость цветов и упрятали в глубину темноты все откровения.

– О, Господи! Неужели нам удастся избавиться от шантажиста хоть на время!

Регина всем телом придавила Петра Петровича к стенке и прошептала: «Я не знаю, чем отплатить тебе за доброту, участие и желание помочь! Я не спрашиваю где твои камни, когда и как мы сможем их обменять! Мне хватит того, что я услышала! Твое желание помочь – важнее самой помощи! Я верю во все, что ты говоришь, и искренне люблю тебя, мой хороший, мой миленький!»

Петр Петрович почувствовал, как что-то защемило в носу, появилась мутная пелена перед глазами, которая материализовалась в две крупные слезины, пролившиеся по морщине почти до подбородка.

– Что ты? Что ты! Все будет хорошо, как поет Верка-Сердючка. Я сейчас же принесу тебе десятка три этих стекляшек. Их вполне хватит! Наконец-то они понадобились для доброго дела!

Петр Петрович заторопился и вышел, осторожно прихлопнув за собой дверь. Регина его не удерживала. Слез на ее щеках уже не было. Она уверенно подбежала к платяному шкафу и вытащила со второй полки из-за хрустящих и пахнущих усиленно рекламируемым «Ленором» простыней – большой морской бинокль. Это был подарок мужа, ожидавшего от нее рождения сына, которому этот инструмент и предназначался. Она приоткрыла окно и направила бинокль на расположенные напротив и ниже окна квартиры Петра Петровича, которую она знала не хуже своей. Занавесок на окнах не было, а свет он всегда зажигал яркий. Уже несколько месяцев каждый вечер Регина внимательно отслеживала жизнь и быт Орлова. Она знала всю жалкую обстановку квартиры своего приятеля, видела, как он ежеутренне занимается маленькими, килограмма по полтора, гантелями, а потом делает свой любимый точечный массаж. Вне поля ее зрения оставалась лишь прихожая, да ванная комната с туалетом.

Раза два она наблюдала, как Орлов занимался любовью со случайными подружками. В обоих случаях это были, видимо, стоящие на обочинах и голосующие проезжающим машинами девицы в коротеньких юбчонках, с синяками под глазами, со слюнявыми ртами, охваченными пожаром яркой помады. Они профессионально обращались с «резинками», быстро переходя от активного возбуждения к работе: сначала ртом, затем остальными частями своих натруженных тел. Регина обратила внимание, что и в том и в другом случае девиц подвозили на такси с одинаковыми цифрами на желтых в черную шашечку фонарях. Оказывается, это теперь входило в «сервисное обслуживание». Таксисты доставляли на дом и выпивку, и закуску, а поутру и холодное пиво. И девочек – тоже. Все решала лишь «цена вопроса».

Вспомнилась развеселая юность, когда она, тогда еще Инна, добиралась на богемные вечеринки самостоятельно, а то и на попутках, расплачиваясь с «водилами» известным способом. А ведь отечественная резиновая промышленность выпускала те самые, совершенно некачественные «изделия №2», рвущиеся

в самый не подходящий момент. Но все остальное, кажется, у нее выходило даже позабористей, чем у теперешних прагматичных, как роботы, «жриц любви».

Это несколько успокоило Регину, и она, ожидая появления Петра Петровича в оконном проеме, вспоминала, как человек, представившийся ей Александром Евгеньевичем, сделал ее женщиной в семнадцать неполных лет.

Тогда она, не пройдя по конкурсу в МГУ на факультет журналистики, и не собираясь возвращаться в осточертевшую Рязань, вместе со своими поступившими в медицинский институт друзьями забрела в кафе «Белый аист» на Ленинском проспекте. Нахлынувшая на них цветом, звуками, запахами, активностью движения, сказочными подземельями метро, Москва – внушала ребятам ощущение взрослости, какой-то непонятной пока тайны, в начале разгадки которой они оказались. Усевшись за столики, по несколько раз перелистав меню, выясняя, прежде всего, хватит ли денег на вечеринку, они заказали по бокалу коктейля «Светофор», называвшегося так по трем ингредиентам. Зеленый цвет представлял налитый на дно ликер, кажется, «Бенедиктин», желтый – наслоенный на него желток яйца, красный – какой-то вишневый ликер. Потом повторили еще раз. В голове стало легко и пусто, все вокруг показалось приятным и многообещающим. Веселящиеся друзья вдруг стали раздражать Инну. Им повезло. Они уже студенты, а ей предстоит осваивать гигантский город, искать в нем свое место.

К ней подошел, тогда еще молодой, с пышными светлыми усами человек и пригласил на танго. Инна мгновенно согласилась. Руки незнакомца крепко обхватили ее и прижали к себе. Звуки «Арабского танго» завораживали, а незнакомец, так и не представившись, повел ее в танце к стойке бара. «Будь, что будет!», убеждая себя, подумала Инна, голова у нее кружилась, тело ожидало чего-то неизведанного. Протянув бармену двадцатипятирублевку («Боже, какие деньги!» мелькнуло в голове), незнакомец вошел через боковую дверь в подсобку, держа Инну за руку. Бармен открыл ключом какую-то кладовку, забитую мешками с сахаром и ящиками с водкой. Закрыв за собой на ржавый крючок дверь, усатый партнер начал стаскивать с себя водолазку и расстегивать брюки. Инна поняла, что отступить поздно, да и не

хочется. Все вокруг ходило ходуном. «Ну и пусть!» Она быстро разделась, не чувствуя стыда, а только досадуя, что Это случается как-то не по-людски, с неизвестным, хотя и приятным на вид человеком, в запыленной кладовке... Затем были: мгновенная боль, жесткие объятия, хриплое дыхание, запах водки и табака внутри, тисканье грудей, а потом, как в детстве, мокрое ощущение между ног и пустота...

Даже сейчас ей стало зябко и не по себе. Ведь потом началась жизнь вразнос. Какие-то сходки, пьянки, десятки мужиков, желающих иметь ее «по любви», но платящих за это то большие, то меньшие. Александр Евгеньевич был с ней месяца два, потом исчез. Заработал очередную отсидку. Она об этом знала, но особенно не расстраивалась, а старалась сделать себя любым путем. Знакомства с художниками, поэтами, артистами, стали самоцелью. Вопреки всему надо было утверждаться в столице. А для этого требовались немалые деньги и связи.

О своей жизни она рассказала Петру Петровичу далеко не всю правду. Да и каково было бы узнать влюбленному старику, что все эти годы она поддерживала наитеснейшую связь со своим первым мужчиной в те короткие, «от ходки до ходки», промежутки, которые становились общими и в личном, и в деловом аспекте. Инна активно участвовала в реализации всех предприятий Александра Евгеньевича, приносящих серьезные деньги.

Не было исключением и ограбление покойного Рамаза Шалвовича, которое она впервые решила осуществить самостоятельно, чтобы обеспечить себя материально на долгие времена и не зависеть от постоянно исчезающего «на зоне» партнера. Тут ее воспоминания прервались. В комнате Петра Петровича загорелся свет, Инна сосредоточилась и впиалась глазами в запотевающие окуляры.

Старик подошел к стоящему у стены аквариуму, где кишмя кишели разноцветные вуалехвосты, «золотые рыбки», снующие меж струйками пузырьков воздуха. Инна часто видела, как старик подолгу сидел около окошка в подводное царство, наблюдая жизнь неутомимых рыбешек «за стеклом». На этот раз он опустил руку в воду, и что-то зачерпнул со дна, потом высыпал это «что-то» в принесенную им пол-литровую банку.

– Господи, как в детективе! Прячет свои камушки в аквариуме! Просто и никто не догадается, потому что в воде их не видно! Вот это старикан! Сколько же там их на дне?

Свет в окне исчез. Минут через пять вслед за звонком в дверь, тяжело дыша от скорой ходьбы, вошел Петр Петрович. Инна уже припрятала бинокль и, придав лицу страдальческое выражение, встретила своего ухажера на пороге. В руках он держал пакет из «Семейной копилки», в котором просматривалась уже знакомая Инне пол-литровая банка.

– Отдышись, пожалуйста! Куда это ты бегал?

– Так, в одно место, где у меня кое-что из обещанного припрятано. Посмотри вот!

Петр Петрович вынул из пакета банку и высыпал бриллианты горкой на стол. Конус из камней засветился, заискрился, как будто пытался своим сиянием обратить на себя внимание. Инна покосилась на окно («Не увидит ли кто этот мерцающий свет?») Зная толк в драгоценностях, она зрительно выделила пять-шесть крупных камней каратов по десять-пятнадцать.

«Да здесь не просто целое состояние! До конца дней хватит! И рассчитаться с дядей Славой можно безболезненно. Представляю, сколько еще их там в аквариуме лежит без дела!» Но на лице ее сохранилось смешанное со страданием выражение удивления. Вслух она спросила:

– «Что, неужели этих камней хватит, чтобы расплатиться с человеком из прошлого?» А сама подумала, что постарается опять обвести вокруг пальца Александра Евгеньевича.

– Конечно! Надо только найти посредника, чтобы переправить их к покупателю. Сейчас есть, кому их покупать, вон вокруг что творится! Раньше за это дело стреляли, а сейчас выпускают свободно в Англию, или во Францию, во всяких Куршавелях кататься, яйца Фаберже покупать, клубы футбольные! Один мой знакомый написал: в ухабах города и веси, наука стонет в неглиже, зато в трусах защиты «Челси» мелькают яйца Фаберже. Так что, не беспокойся, постараюсь через своих старых друзей на кого-нибудь из богатеньких выйти!

– Послушай, может, и я попробую через московских художников найти покупателей? Помню, раньше были еще те коллекционеры!

– Ну, ладно, я пойду домой, буду звонить по своим каналам, ты пока не включайся! Как бы не испортить все! Пока, целую!

Петр Петрович резко повернулся к двери. Глаза его вдруг закатились, он пошатнулся и упал навзничь. Может, ему стало жалко отдавать то, что так долго хранилось? Может, нервное и физическое перенапряжение последнего времени повлияло? Может, просто пора пришла? Только он умер сразу, гулко ударившись костями головы о цемент лестничной площадки.

Ойкнув, Инна быстро сообразила, что оставлять тело у своих дверей негоже, тем более, что предстояло найти остальные драгоценности, прежде чем исчезнуть из этой страны с ее неиссякаемыми странностями. Она высыпала брильянты в сумочку, вызвала лифт, подтащила к нему Петра Петровича, и, рискуя всем, спустилась вместе с ним на первый этаж. Ей удалось, никого не встретив, дотащить тело до двери в подвал и сбросить его на железные ступеньки. Дверь в подвал она прикрыла, поднялась к себе, достала старый навесной замок от давно проданной дачи, и заперла на него подвальную дверь, долго провозившись с прижавевшим механизмом.

Пока все шло без осложнений. Смерть, казалось, пришла как нельзя вовремя. «Надо только успеть добраться до аквариумного дна! А ключ от орловской двери?» – промелькнуло в ускоренно соображающей голове Инны. «Придется лезть в подвал. Как же я раньше не додумалась? Хотя другого выхода нет!» Открыв замок со скрипом проворачивающимся ключом, она спустилась по ступенькам, ощупала начавшее охлаждаться тело. В карманах ключа не было. «Не может быть! Он где-то здесь...» Но поиски были безуспешными. Инна вновь закрыла подвал и медленно пошла по лестнице вверх. Потом передумала, спустилась вновь на первый этаж и нажала кнопку вызова лифта. Дверь тотчас открылась. На полу у стенки справа лежала связка ключей, видимо, выпавшая из кармана брюк при перетаскивании тела. Спокойно подняв ключи, Инна положила их в сумку, услышала хлопок входной двери в подъезд, и повернулась к пульта, чтобы отправить лифт на свой этаж.

«Минуточку!» – раздался громкий и неожиданно знакомый голос. В проеме лифтовой двери появился Александр Евгеньевич.

(Продолжение следует)

**ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ,
ИЛИ
ЗДРАВСТВУЙ, ЗАКАРПАТЬЕ!
(отрывок из повести «Дорога в потемках»)**

Поезд на Львов отошел от перрона во время. Анатолий расположился на нижней боковой полке. Вагон был плацкартным, пропахшим каким-то антисептиком и специфическим запахом кочегарки, исходившим от непрямого топящегося углем титана для приготовления кипятка. Этот устойчивый запах пропитывал подававшийся два раза в сутки чай, придавая ему известный «вагонный» привкус, недостижимый в других условиях.

Анатолий застелил постель полусырыми простынями, поверх которых разложил колючее шерстяное одеяло в клеточку, подsunул под спину комок подушки и, скрестив «по-турецки» ноги, уселся в угол. Вытащив из портфеля листы с набросанными тезисами лекции, он начал просматривать на свет слайды, сверяя их с написанным текстом.

В пустом отсеке напротив него расположился мужчина лет пятидесяти, представившийся при знакомстве Виктором Палычем. Он был среднего роста, сутуловат, да и ходил на полусогнутых ногах. Синее с белыми лампасами потертое и прожженное в нескольких местах трико пузырилось на коленях, отвисало на ягодицах, было все в застарелых, видимо масляных, пятнах. Куртка из вельвета была поновей, но тоже далеко не первой свежести. Его отечные, красные щеки покрывала сеть мелких, багрово-фиолетовых, просвечивающих через кожу кровеносных сосудов, которые особенно интенсивно расположились на носу, что выдавало длительное пристрастие к алкоголю.

Анатолий отвлекся от чтения своих записей, потому что Виктор Палыч, шурша целлофаном упаковки, вытащил из видавшей виды полотняной сумки ритуальный харч постоянного путешественника по железной дороге. Предварительно расстелив на столике нечитанную, но помятую газету, он выложил на нее два свежих пупырчатых огурчика с капельками воды на боках, темно-красный с коричневыми боками и черными полосами помидор размером с добрый кулак. «Черный принц, кажется»,

сглотнув слюну, подумал Анатолий. Затем на газете очутились два бледных, но не белых, переваренных (судя по круговым трещинам) яйца. Следом – пропахший чесноком десятисантиметровый кусок говяжьей колбасы с незначительными вкраплениями мутного жира и видимыми на глаз волокнами на срезе. Были извлечены также заполненная крупного помола солью спичечная коробка и четверть буханки нарезанного серого хлеба. Как ни странно, но ожидаемая бутылка с самогонкой или водкой так и не появилась на свет.

Виктор Палыч достал из кармана куртки перочинный ножик с двумя маленькими лезвиями и брелоком в виде кольца. Открыв лезвие, он разрезал надвое каждый из предварительно лишенных оснований и верхушек огурчиков, сделал на разрезе несколько неглубоких надрезов, посыпал серого цвета солью и потер половинку о половинку. Из помидора получилось шесть довольно больших кусков. Присолив очищенные и разделенные на две половины яйца, Виктор Палыч начал медленно их пережевывать, прикусывая хлеб. Затем он похрустел подсолившимися огурчиками, повсхлипывал сочным помидором. Обратив к себе лезвие ножа, отхватил несколько крупных кусков колбасы, которые с видимым удовольствием тут же проглотил. Тем не менее, глаза Палыча были не веселы, он ими как будто искал что-то недостающее к такой превосходной закуске. «Видимо бросил пить, или врачи запретили» – решил Анатолий.

Дожевав нарезанное, завернув в целлофан остатки и сунув их в сумку, Виктор Палыч тщательно собрал в кучку оставшиеся крошки хлеба, видимо горькие темно-зеленые обрезки огурцов, яичную скорлупу, колбасную обертку и, завернув их в газету, потрусил в тамбур к ящику для отходов. Далеко не аппетитный дух вагонного туалета нахлынул из открывшейся двери, и Анатолий вернулся от созерцания к незаконченной работе.

Ему предстояло выступить на научном обществе львовских врачей-терапевтов. Инициатором был главный терапевт Прикарпатского военного округа полковник Халецкий, дружба с которым началась на девятнадцатом Всесоюзном съезде терапевтов весной 1987 года в Ташкенте.

Убаюканный размеренным стуком колес, Анатолий погрузился в полудрему, вспоминая о тех событиях...

Ташкент – «столица солнечного Узбекистана». Так его называли в те времена на страницах газет и журналов. Конечно, кавычки, заключающие в себя эти три слова, – условные. И сейчас Узбекистан – солнечный по определению, и сейчас аромат удивительно вкусного плова, шашлыка, дынь, всей этой радости обоняния и вкуса царит над незабываемыми восточными базарами Ташкента, Самарканда, Хорезма. Просто времена настали другие. И другие люди теперь ощущают непередаваемые запахи и краски Средней Азии.

А в те времена можно было без особого ущерба для семейного кошелька перенестись при помощи незабвенного Аэрофлота из центра России в Узбекистан на выходные дни подивиться красотам и древностям узбекской столицы. А то и просто – посидеть в чайхане, очаровываясь вечной музыкой истины в беседах, прихлебывая обжигающую (но освежающую) терпкость настоящего кок-чая и вслушиваясь в журчание воды арыков. Движение воздуха над струящейся влагой дарило столь необходимую прохладу. При этом зной, несмотря на сорок градусов в тени, становился сносным. Мысли – упорядочивались. А ватные халаты узбеков уже не выглядели орудиями адской температурной пытки.

Анатолий уже в аэропорту понял, что отдохнуть ему здесь не удастся. В доставившем его к гостинице микроавтобусе лежали расписание и материалы предстоящего форума, а сопровождающий машину сотрудник ТашМИИ (Ташкентского мединститута) предупредил о предстоящей многочасовой работе на всесоюзном мероприятии, темой которого было «Совершенствование терапевтической помощи населению в свете решений XXVII съезда КПСС». Тогда все осуществлялось «в свете решений» того или иного съезда партии, что было привычным и как бы само собой разумеющимся.

В гостиничном номере на двоих уже расположился один из делегатов конференции. Высокого роста полковник в военной форме с располагающей улыбкой и веселыми глазами представился по военному коротко и ясно. Обменялись визитками. По

поводу знакомства выпили понемногу коньяку, в разговоре обозначились общие знакомые, один за другим посыпались анекдоты. Проехали организованно по Ташкенту, полюбовались пышной архитектурой дворцов. Затем последовали достаточно напряженные дни, запомнившиеся встречами с ведущими учеными страны, выступлениями на секциях. Время свернулось в одно мгновение, настала пора отъезда и прощания с узбекской землей.

Однако внезапно начавшееся знакомство не прекратилось. Последовал обмен научными и практическими результатами. В связи с усилением специальных медицинских служб в военном госпитале Львова, в одном из его отделений потребовалась установка технических устройств, разработанных при участии Анатолия. Начальник отделения полковник Нечитайлов лично переправил медицинские приборы в Закарпатье. В память об обоюдоприятном знакомстве и для ознакомления с деятельностью службы, Халецкий предложил Анатолию приехать во Львов. Обещана была поездка по Закарпатью до Трускавца с непрерывной дегустацией лучших закарпатских вин. К тому же к его приезду было приурочено заседание областного Общества терапевтов, на котором Халецкий предложил Анатолию выступить с программным докладом для разъяснения сути ряда новых медицинских технологий.

Толчок при остановке вывел Анатолия из полусонного состояния. Из тамбура пробивался поток прохладного весеннего воздуха, перемешивая и освежая спертый вагонный дух. Палыч протяжно храпел, укутавшись с головой в одеяло. Лишь изредка его дыхание затихало на некоторое время, затем мощный храп заставлял пассажиров вздрагивать и переворачиваться с боку на бок. Анатолий собрал рассыпавшиеся слайды, сложил их в папку, укрылся одеялом и уснул в предвкушении дружеской встречи.

Часа в три ночи он внезапно проснулся от нестерпимой боли в правой стопе. «Ну, началось! Как нарочно с собой ничего из противовоспалительных и обезболивающих средств нет!» Дотянувшись, снял носок и в полутьме увидел раздувшийся до невероятной величины, покрасневший, с лоснящейся кожей,

горячий, резко болезненный наощупь первый палец правой стопы, затрудняющий малейшие движения в ней.

Вот уже несколько лет «царская болезнь» – подагра раза два в год донимала Анатолия. Рецепты старых врачей – «тепло и фланель» не только не помогали, но и приводили к ухудшению. Появились эпизоды почечной колики. Противовоспалительные препараты приходилось принимать в больших дозах, болел кишечник, иногда от лекарств начинались поносы, после чего лечение надолго прекращалось, потому что работа не позволяла тратить время на неэффективное времяпровождение в туалете. Болезнь была унаследована от отца, которому пришлось в возрасте семидесяти пяти лет ложиться на операцию удаления почки. Правда, операция делалась из-за диагностической ошибки – подозрения на опухолевое поражение. Во время операции выяснилось, что это подагрическая почка, однако, ее пришлось удалить, так как она уже не функционировала.

Кое-как дождавшись утра, не принесшего ни малейшего облегчения, Анатолий собрал в портфель бумаги, привязал обрывком бинта, который всегда возил с собой, туфлю к ноге. Хромая, дошел до туалета, умылся, почистил зубы. Попытался влезть в туфлю. Неимоверная боль пронзила, кажется, до позвоночника. Наступать на ногу было невозможно, но, приспособившись переносить вес на пятку, удалось сделать два-три шага.

Поезд остановился как-то неожиданно, заставив заскрежетать зубами от боли. Добравшись до выхода из вагона, Анатолий выглянул в дверь, мимо протирающей поручни проводницы. Стоило ему появиться снаружи, как из громкоговорителей динамиков, установленных на перроне, раздались звуки бессмертного марша «Прощание славянки». На перроне, построившись по ранжиру, стояли полковники-медики. Халецкий приблизился к гостю строевым шагом и с хитрой улыбкой отрапортовал о готовности медицинской службы Прикарпатского военного округа к встрече с известным академиком. Надо сказать, что в то время Анатолий не был даже кандидатом наук. Просто к его участию во всех значимых общесоюзных, российских и международных мероприятиях все привыкли. Появление рядом с видными учеными страны, написание совместных научных

статей, — как-то автоматически ставили его с ними в один ряд без предъявления документов. За круглосуточной врачебной и научной работой времени для написания диссертации не находилось, да и опыт в оформлении приобрести было негде. Сделанное Халецким публичное заявление о причастности Анатолия к академическому клану хоть и ласкало слух, но порождало тревогу. Не по сути, а по форме. Оказалось, что и в пригласительных билетах на заседание общества также значились академические регалии. Происходящее напоминало известную гротескную эпопею славного Остапа Бендера.

Попав в объятия встречающих, Анатолий сразу же сообщил им о своем состоянии и кто-то из полковников ринулся за таблетками в соседнюю аптеку. Дорога до гостиницы была недолгой. В номере, освободившись от сдавливающей обуви, подняв ногу на свернутое одеяло, глотнув ледяной минеральной воды, Анатолий с чувством облегчения выслушал программу, намеченную на следующие дни. Халецкий и Нечитайлов детально излагали предстоящие действия, среди которых главными были обеспечение дегустации напитков и посещение всех имеющихся пунктов общественного питания при осуществлении «непрерывного наступательного движения» в сторону Трускавца. Для этих целей решено было прикрепить к гостю двух полковников, один из которых, молдаванин по национальности, достаточно хорошо был знаком с правилами встреч и застолий.

Атмосфера праздника, в котором всем должно быть пьяно и вкусно, на некоторое время приглушила боль. Полковники предупредили, что заседание общества начнется через три часа, и покинули гостиничный номер. Получив часа два на приведение себя в порядок, Анатолий принял холодный душ, не обтираясь полотенцем, давая воде высохнуть на разгоряченном теле, сел на простыню и принялся просматривать исчерканные листы предстоящей лекции. Пульсирующая боль в ноге не прекращалась, заставляя тихо постанывать.

В незапертую дверь номера без стука вошел тот самый полковник, который был командирован в аптеку. Ему удалось достать один из противовоспалительных, еще находящихся на клиническом исследовании, препаратов, через какое-то невероятное

знакомство. Судя по времени, которое было затрачено на эти поиски, и по бегающим глазам гонца, как бы незаметно стиравшего рукавом кителя следы случайно увиденной им в гостиничном зеркале темно-красной помады на щеке, добывание лекарства было не очень неприятным делом. Выяснив, что остальные офицеры ушли готовиться к предстоящей лекции и последующему банкету, аптечных дел мастер исчез, не прикрыв за собой дверь, но вежливо пожелав гостю здоровья.

Анатолий проглотил две таблетки, в надежде хоть немного утихомирить боль. Через полчаса то ли от таблеток, то ли от ожидания облегчения, боль поутихла. Переодевшись, он сложил по номерам демонстрационные материалы, пробежался по узловым фрагментам текста, выглянул в окно, за которым солнце золотило древние строения Львова, и вспомнил своего институтского товарища Виктора, когда-то служившего здесь.

Тому было что рассказать, ибо годы его службы совпали с известными венгерскими событиями, на которые в первую очередь отобилизовали солдат Прикарпатского военного округа. Все, что писалось в ту пору в «Белых книгах», оказывалось полуправдой. Жестокость, с которой было подавлено восстание отчаявшихся людей, теперь представляется невероятной. Но это был знак, сигнал грядущей, бархатной, как чешское пиво, Пражской весны, разрушения бетонной громады мнившейся незыблемой Берлинской стены, невероятного, но очевидного развала Советской державы. Наше «счастье», принесенное на штыках, для других оказалось истинным несчастьем. Виктор служил радистом, непосредственного участия в уличных боях не принимал, но то, что творилось на его глазах, оставило глубокую зарубку на всем последующем бытии. Перед увольнением все участники событий тех лет давали подписку о неразглашении. Все виденное и слышанное было тогда объявлено «военной тайной». И кияток, лившийся из окон расстрелянных домов столицы «братского венгерского народа» на головы наших солдат, и падающие оттуда же столы, банки с водой, и смертоносные выстрелы пушек, и пронизывающие насквозь стены старых кирпичных строений тяжелые туши советских танков...

Уже потом, учась в институте, на занятии то ли по истории, то ли по обществоведению, после приглашения преподавателя к неформальной, искренней дискуссии, он позволил себе выступить с воспоминаниями о той поре, а Анатолий умудрился теоретически обосновать нецелесообразность «экспорта собственных порядков» в иные государства. Но тот же призывавший «к искреннему обмену мнениями» преподаватель к следующему занятию пригласил представителей службы «железного Феликса», тогда еще могущественного КГБ. В присутствии членов партбюро института Виктору было дано понять, что срок неразглашения «военной тайны» еще не истек, и последствия могут быть значительно более серьезными, чем отчисление из института. Но уже в те поры стальная хватка режима стала ослабевать. Итогом трехчасовой беседы было поручение подготовить выступления на семинаре, в котором рекомендовалось «как надо» осветить события конца пятидесятых в Венгрии, что Виктор с Анатолием и сделали. Правда, предоставили его в письменном виде, сдав материал, переписанный из «Белой книги», для пыления на полках.

Но на протяжении всего последующего времени, при столкновении Анатолия, по разным причинам, с ведомством, обеспечивающим безопасность государства, следы той истории оказывались занесенными, видимо, навечно (или на всякий случай) в реально существующие досье.

Ему припомнилась служба в тогда еще Советской Армии. В школе младших авиационных специалистов Вышневолоцкого гарнизона, Калининской (ныне – Тверской) области, в конце шестидесятых годов он служил в должности помощника командира взвода (помкомвзвода – инструктора, как было написано в выданной по окончании службы справке). Несмотря на такую запись, почти целый год ему пришлось исполнять обязанности начальника медицинской службы гарнизона негласно, нося на плечах погоны сержанта, имея на руках диплом о высшем образовании и двухлетний стаж работы в районной больнице заведующим отделением.

Тогда, после благополучного излечения от гонореи, к нему как-то обратился капитан, начальник особого отдела части.

Он пришел к вечеру в лазарет, стоявший напротив старого, красной кирпичной кладки собора на территории воинской части, чтобы «отблагодарить» Анатолия за успешное исцеление от распространенного страдания в ткацком городке, где еще работала известная в те времена на всю страну многостаночница-ткачиха, Герой социалистического труда Валентина Гананова.

Молодые сотрудницы ткацкой фабрики, кроме социалистического труда, естественно хотели любви, семейных радостей, детишек, наконец! А воинская часть была, пожалуй, самым крупным мужским коллективом в городке. Офицерский корпус имел существенные преимущества перед рядовыми и сержантами, которые зависели полностью от своих отцов-командиров в части предоставления увольнительных. А уж офицеры были не прочь, да еще и как не прочь поразвлечься в свободное от службы время. И, если бичом солдат была чесотка, то лобковые вши и гонорея с сифилисом составляли особый «джентльменский» набор офицерского состава, преимущественно, младшего. Тут уж без медицинской помощи никуда!

Поэтому «особист», во избежание огласки и возможных неприятностей при дальнейшем продвижении по службе, обратился к Анатолию за оказанием конфиденциальных услуг. Лечение было эффективным, контрольные посевы и провокационная проба показали, что излечение наступило полное, и обрадованный «пациент» решился на встречу с доктором, чтобы за стаканом (конечно, не чая!) высказать слова благодарности «спасителю». Но старая чекистская привычка (почему-то быстро освоенная молодежью) - приходиться на встречу «не с пустыми руками» сработала и на этот раз. Покопавшись в каких-то официальных бумагах, капитан «на всякий случай» изучил два-три эпизода из биографии молодого врача.

Когда было выпито по бутылке на нос, завязался легкий разговор, в котором, конечно, ни о какой «политике» не могло быть и речи. И тут капитан, довольный собой, своим «особым» положением, проговорился: «Ты понимаешь, док, ничего на земле не остается бесследным. Наши возможности держать под колпаком народ – однозначны. Вот, хочешь, расскажу о первых

курсах твоей учебы в институте?». «Конечно!» - ответил Анатолий, стараясь припомнить, когда и где мог «проколоться» в то время. И тот поведал тот случай с его другом Виктором, когда им пришлось высказываться по поводу венгерских событий пятидесятых годов. Причем очередность событий прошлого была им восстановлена достаточно полно. Правда, концовка не совпадала с имевшей место ситуацией. Видимо, стараясь преувеличить собственную значимость, особы того времени решили приукрасить истину. Из записей в досье можно было понять, что «теоретик» (Анатолий) и реальный участник венгерских событий (Виктор) являлись «основателями будущей антигосударственной группы». Эти антисоветчики «после проведенной работы» раскаялись, выступили на открытых семинарах, и прекратили свою деятельность, оставаясь под контролем органов». Тем не менее, детали, вплоть до отдельных высказываний того и другого, были точны и могли исходить только от одного из свидетелей тогдашних событий. Был ли это кто-то из студентов, или преподавателей, установить Анатолию не удалось. Капитан, конечно же, не решился засветить конкретного «стукача».

Стук в дверь прервал воспоминания. Вошел один из будущих «сопровождающих полковников» с приглашением ехать к месту проведения заседания общества. Кое-как спустившись по ступенькам, Анатолий сел в черную «Волгу», ожидая возможность детально рассмотреть город. Однако поездка была недолгой. В большом зале, носящем следы атрибутов 19 века в виде обилия позолоты, лепнины, искрящихся люстр - уже собралась научная медицинская общественность Львова. Профессор Децик в своем вступительном слове сказал много приятного уху Анатолия, совершенно не знавшего о себе ничего подобного. Затем пришлось сосредоточиться на докладе. За трибуной был поставлен стул и Анатолий, сняв обувь, поставил на него коленку, стараясь не думать о боли, приливами надвигающейся и отпускающей, но упорно остающейся. И доклад, и последовавшие вопросы, и ответы на них удовлетворили взыскательную публику, которая основным итогом конференции считала, безусловно, последующий банкет. Он был, несомненно, хорош, последовали

братания, тосты за сотрудничество, что впрочем, как и всегда, осталось лишь в памяти наиболее трезвой части врачебного сообщества.

Наутро слегка помятые сопровождающие лица (уже в гражданском) усадили Анатолия в «Волгу» на переднее сидение, сами устроились на заднем. Водитель запустил движок, и путешествие началось. Процесс «накачивания» начался сразу. Буквально километра через два от Львова была сделана первая остановка. Поскольку Анатолий в период обострения не мог пить красного вина, ему были предложены коньяк и водка. Пили и то и другое. Остановки становились все чаще. Стало сомнительным скорое достижение намеченной цели, поскольку «сопровождающие» решили взять все, что можно от сложившейся ситуации, и старались как можно быстрее выполнить команду провожавшего их в Львове генерала: «Показать академику чудесный мир Закарпатья и, чтобы на своих ногах он не смог вернуться!»

Ну, если академиком в медицине Анатолий был липовым, то в питейных делах мог дать фору не одному зарубежному светилу. Жизнь в Нечерноземье научила его при необходимости употреблять достаточно большое количество любого продукта перегонки, включая спирт. Так, однажды вдвоем с другом, директором местного банка, он опустошил семнадцать (!) бутылок коньяка, сохранив работоспособность на следующий день, правда, после принятия ледяного душа. Со своим свояком ему ничего не стоило за вечер «поднять на грудь» по полутора литровой бутылки каждый. Поэтому, несмотря на подагру, попытки спойть залетного гостя были исходно обречены на неудачу. Так и случилось. Любоваться природой ему пришлось одному. Оба сопровождающих мирно похрапывали на заднем сидении.

Конечно, Анатолий был знаком с красотами Кавказских гор, поэтому его приятно поразила солнечная легкость Карпат, веселость ущелий, и необоснованно большое (даже в то время) количество придорожных ресторанчиков, забегаловок, и просто торговых точек, где тебя ждали различные вина, зелень, мясо и хорошие тосты.

Поскольку было воскресенье, добраться до трускавецких лечебных учреждений, в частности соляных пещер, известных

на всю страну, было невозможно. Но в самом городе жили родственники одного из курировавших Анатолия полковников. У них был собственный дом, большой участок, и огромное желание своим радушием и хлебосольством удивить гостя из России. Ему были продемонстрированы многочисленные бочонки с различной давности винами. На столе, накрытом по поводу встречи, казалось, было все, что пожелает самый искушенный желудок на свете. Длительное застолье закончилось к всеобщему удовольствию спокойно. К Анатолию подошел отец того самого сопровождающего, но уже крепко уснувшего на кровати полковника, который давал торжественное обязательство доставить Анатолия во Львов в лежачем положении.

– «Товарищ академик, вы разрешите сыну остаться на день другой у нас! Давно не виделись, да и он в таком состоянии, что вряд ли скоро проснется».

– «Конечно, пусть остается! Спасибо за встречу! Приезжайте к нам в гости!» - ответил Анатолий, внутренне обрадовавшись тому, что одним контролером стало меньше.

На обратном пути где-то под Львовом у своей знакомой задержался и второй полковник, тот самый молдаванин. Он был женат на русской женщине, много лет жил с ней в согласии, воспитывал детей, но его родители никак не хотели смириться с таким выбором сына. В конце концов, ему подыскивали в жены молдаванку, устроившую родственников, но не самого полковника, поэтому он со спокойной совестью делал левые заходы, покоряя одиноких дамочек и ублажая жаждущих приключений «не девушек».

Торжественно и скучно был осуществлен возврат в центр Прикарпатского военного округа. Анатолий был почти трезв, спутников не было. Водитель спокойно подрулил к точке отсчета. Вышедший навстречу Халецкий был удивлен увиденным и встревожено спросил: «Что случилось? Где полковники?» Узнав, что боевые потери носят временный характер, а отсутствие сопровождающих говорит о подкованности гостя в винноводочных кампаниях, он успокоился и препроводил Анатолия к начальству.

Начальство, узнав о случившемся, молча повернулось к сейфу, из которого была извлечена трехлитровая банка с коньяком. «Ну, все!» - подумал Анатолий. Процесс ликвидации последствий путешествия в виде «недоперепития» через некоторое время завершился, оставив после себя на дне банки два или три глотка золотисто-коричневой жидкости, а на блюде – скукоженные лимонные корочки. Начальство искренне сетовало на неисполнение отданного приказа, укоряло отсутствующих полковников за их неподготовленность к ведению боевых действий на собственной территории, приглашало Анатолия поучаствовать в тренировках командного состава.

Вечером нельзя было отказать во встрече Нечитайлову у него дома, куда собрались общие друзья, поэтому застолье как бы и не прерывалось.

Проводы были выдержаны в строгом стиле. Расставаться никому не хотелось, но всех участников ждала служба. Расположившись на нижней боковой полке (так же как и по пути в Закарпатье) и простившись с провожающими, Анатолий почувствовал, что уже часа два как боли значительно уменьшились в интенсивности, он свободно наступал на ногу, еще вчера доставлявшую нестерпимые страдания. «Наверное, коньяк подействовал! Доза, прямо скажем, была ударно-обезболивающей!»

Затарахтели колеса в нарастающем темпе, суета в вагоне приутихла, проводники двинулись проверять билеты, вновь запахло разгорающейся топкой титана, зашелестели газеты, начали хныкать дети. Грохнула дверь из тамбура. Оттуда появилась огромная сетка, которую толкал впереди себя, так же как и поток пропахшего водкой воздуха, человек с удивительно знакомым лицом. «Да это же Виктор Палыч! Он-то откуда? Чего только в дороге не бывает?» Виктор Палыч протиснулся мимо, обводя мутными глазами вокруг, громко икая и пошатываясь на ходу. Анатолия он не узнал. Рухнув на сидение, он подтащил к себе сетку, запихнул ее под полку и тут же захрапел, растянувшись на скомканном и еще не застеленном матрасе. Проводник попытался растолкать его, но бесполезно. Анатолий заплатил за постель Палыча, объяснив проводнику, что знает этого человека

по предыдущей поездке и билеты у того наверняка есть, пусть только проспится.

Ритм, который отстукивали вагонные колеса, постепенно превращался в знакомую мелодию «Прощания славянки», веки опустились, прикрывая утомленный взор, и Анатолий незаметно свалился в долгожданный сон.

Ему приснилось будущее, в котором он исполнит данное самому себе обещание: защитит диссертации, станет доктором и профессором, академиком и известным деятелем науки, станет автором открытий и изобретений, напишет много книг. И это случится лишь только потому, что желание не подвести своих друзей и коллег, не выглядеть мюнхгаузеноподобным – окажется намного сильнее, чем природная лень.

Но все полученные регалии и звания станут просто дополнительным атрибутом, способствующим продвижению вперед того дела, которое еще предстоит совершить. И он так и не научится «надувать щеки», а все силы и возможности сосредоточит на помощи тем, кто пытается вскарабкаться по скалистым тропам науки – в никуда. Потому что еще долгие годы государству не будет дела до научных изысков. Потому что изменятся ориентиры и вчерашние фарцовщики и спекулянты станут недостижимыми по уровню богатства и значимости олигархами, оставаясь, по сути, теми же жуликами. И они придут к власти, не обращая внимания на тех, кого назовут бранным словом «электорат».

Но другое будущее – станет возможным только с осознанием факта, что есть на свете цветущее и гостеприимное Закарпатье, в которое всегда можно приехать, пусть даже мучаясь в объятиях неотступной подруги подагры. И не будет там «жовтоблакитного» неприятия «москалей», мутных политиков, скоропалительности и разрушительности майданов.

За то там всегда можно встретиться с трезвым Палычем, с веселыми хмельными полковниками, которые найдут свои тропы по жизни. Там обязательно будут Халецкий и Нечитайлов – деятельные и решительные.

И всегдашним паролем в будущее станут слова: «Прощание славянки» и «Здравствуй, Закарпатье!»

ДОРОГА НА ДОМОДЕДОВО

Дорога на Домодедово поворачивала с основной симферопольской трассы и уходила куда-то в темноту. Мороз набирал градусы, ветер выдувал с трудом накапливающееся в машине тепло, черное небо посверкивало съезжившимися от холода звездами. На поворотном знаке указаний, что в этом направлении будет аэропорт – не было. Водитель сдал назад и, проехав несколько километров, увидел такой же указатель «Домодедово». «Ну, наверное, это и есть правильный путь. В прошлый раз пришлось петлять по каким-то деревушкам много часов, но тогда я сворачивал, кажется, на первом указателе! Только почему-то направление на аэропорт и сейчас не обозначено! Обычно бывает белый силуэт самолета на синем фоне!»

У водителя именно в этот день был день рождения, который почему-то мужчины особенно отмечать не любят. Ему стукнуло сорок пять, и, если женщины в такую дату стараются похвастаться, что они «ягодки опять», то на память ничего ягодного, даже клубничного, не приходило. «Детство...», как он любил повторять «...было трудным, поэтому сахар и конфеты люблю!» «Эх, приехал бы сейчас свояк из Питера, может, удалось бы уговорить шефа хоть сегодня не крутиться по морозу! Сидел бы, да разведенный и настоянный на травках спирт прихлебывал за компанию!»

Правда, последние годы пить ему приходилось не много. Постоянно за рулем. Да и случалось всякое. Как выпьет – сразу «на подвиги» тянет! То соседу мозги вправить за украденную им канистру. То «покачать права» участковому. Или, как летом, схватиться с охамевшими отморозками, «подрезавшими» машину, на которой они с соседом (другим, не тем, кому хотел начистить морду) ехали на шашлыки вместе с женами, чинно и благородно. Сосед был за рулем. Машина, мчавшаяся навстречу, без указания поворота, резко свернула влево, подставилась правым боком, едва увильнув от столкновения. Обложив лихача через открытое стекло рукописными выражениями, подумалось, что конфликт исчерпан. Но, спустя две минуты, эта же тачка с четырьмя дебильного вида мордоворотами оказалась

впереди и, повернув вправо, на их полосу движения, перегородила путь, в результате чего получила удар в зад и вмятину на нем. Четверка «бойцов» вылезла из машины, поигрывая бейсбольными битами, и направилась к съезжившемуся за баранкой тщедушному, больному, казалось, от рождения, соседу. Мат загрохотал в свежем утреннем воздухе, вздувая придорожную пыль. Пришлось вылезать из машины, сунув в карман складной перочинный ножик (на всякий случай... против четырех-то бит!) Полученный мощный удар битой по ноге и опасение за жизнь женицин и трясущегося от страха соседа составили предмет того самого случая. Выхватив из кармана ножик, он резко полоснул им, зацепив одного из нападающих. Те, не ожидая сопротивления, сдрейфили, один из них схватился за мобильник и начал названивать друзьям. Через несколько минут, прошедших в словесной перепалке, появились две машины, одна из которых – милицейская, гаишная. Видимо отморозки были тесно связаны с доблестными стражами общественного порядка на дорогах России, которые начали, было, «осмотр места происшествия», хотя расположение автомобилей ясно говорило о его виновниках. В это время в подошедшую машину перегружались биты и свертки, по форме соответствующие перепрятываемым «стволам», после чего приехавшая иномарка исчезла. Но в ту сторону ни один из «ментов» не смотрел. Зато они с пристрастием приступили к выяснению места нахождения ножа, нанесшего «телесные повреждения», которые по сравнению с огромной синей гематомой на бедре после удара битой, были простой царапиной. Однако водитель не первый раз встречался с «особенностями национальной милиции» и сразу по появлении «голубых» номерных знаков – неуловимым движением «сбросил» злополучный ножик в кусты. Но, как оказалось впоследствии, целью всей случившейся акции было «выкачивание» денег из «лоха». Хотя словесно было достигнуто «перемирие», после прохождения медицинского освидетельствования, начат был «накат» на участников и угроза «открыть дело». Пришлось прибегнуть к помощи одного из знакомых шефа, генерала из Москвы, который одним звонком успокоил деятельность разбушевавшихся «ментов», испугавшихся перспек-

тивы прогреметь на всю страну, как «оборотни в погонах». Кстати, через четыре месяца после случившегося, их все-таки обвинили в серии разбойных нападений на дорогах, осуществившихся совместно с «мордоворотами».

Дорога в Домодедово была давно не чищенной, плохо освещенной, указателей никаких не было. Темнота, ветер, вздымающий снег с обочин, редкие огни далеких селений, ворчание шефа – настроения не поднимали. Тот боялся опоздать на самолет и хмуро поблескивал выпученными глазами из-за стекол очков, выдавливая из себя на ухабах выражения средней крепости. Прошло более часа. Показались вдалеке и вновь исчезли огни осветительных фонарей аэродрома Домодедово. Еще около часа петляли по населенным пунктам, никак не приближаясь к цели. «Хорошо, что выехали пораньше!» – подумал водитель, вглядываясь в темень. Сделав несколько попыток выехать в нужном направлении, они оказались около круглосуточно работающего магазина, и, хотя было около двух часов ночи, в нем были видны люди. Поспрашивав у женщин и двух помятых жизнью бомжеподобных парней о дороге, и получив противоположные ответы, обратились к мужчине в милицейской форме. Тот указал направление, по которому им еще долго пришлось катиться, пока не показался контур перестраивающегося аэропорта.

Несколько успокоившись, они поднялись в здание, остановились у входа. Шефу еще предстояло дожидаться коллегу, летевшего с ним.

Предстоял обратный путь, который решено было проехать по известному маршруту – до окружной дороги, затем налево и еще раз налево, к съезду с Варшавского шоссе на симферопольскую дорогу. Водитель кожей ощущал тепло дома, где ему предстояло встретить уже прошедший день рождения. Время пробежало быстро, через два с небольшим лишком часа он въехал в город, предчувствуя скорый отдых. Слева подмышкой тяжело и успокаивающе расположился подарок шефа – пистолет «Макарыч», похожий на своего грозного родственника, но гладкоствольный, стреляющий металлическими шариками, разрешенный к постоянному ношению. Дорога стала чревата неожиданными и не всегда безопасными встречами. Применять ору-

жие по пустякам он не собирался, потому что понимал, что исход любого, даже ослабленного, выстрела может быть чреват любыми осложнениями и увечьями. Но мысли – быть остановленным и безнаказанно истерзанным на трассе он не допускал.

Вдруг машину резко повело. Остановившись, он увидел, что правое переднее колесо вывернуто наружу. «Все! Шаровая опора полетела!» – мелькнуло в голове. До дома оставалось езды пять минут, но машину не бросишь! Утащат и разберут за полчаса!

Натянув шерстяную шапочку, шарф, застегнув полушубок, он начал поиски проволоки, чтобы кое-как закрепить колесо. Как назло – ни одной машины! Часа через полтора появился громающий грузовик, водитель которого дотащил его до дома.

Если бы на повороте он обернулся назад, то увидел бы промчавшийся мимо минивен «Ситроен», а внутри разглядел бы дремлющего шефа, срочно возвращавшегося домой.

Оказывается, дождавшись коллегу и проходя на посадку, шеф был остановлен работницей аэропорта. Взятый им из дома паспорт был старым, давно обменянным на новый, по которому и брался авиабилет. Но по ошибке, точнее, из-за начавшего наступление склероза, а также из-за невнимательности старый паспорт не был выброшен, а почему-то оставлен. Его нахождение в доме объяснялось тем, что обмен паспортов осуществлялся «по знакомству», в виду утери старого. Но потом старый паспорт нашелся и валялся меж документов.

Необходимо было срочно решать, что делать дальше. Вызывать по мобильнику водителя назад не хотелось. Все-таки день рождения, да и договорились на время командировки отключить телефоны. Увидев минивен-такси с молодым парнишкой за рулем и отключенным счетчиком, шеф забрался вовнутрь и попросил довезти его до Москвы. В разговоре выяснилось, что за три-четыре тысячи он может доехать до места жительства и обратно. На том и порешили. За два с половиной часа ему удалось добраться до дома, заменить паспорт и, затратив еще столько же время, вернуться в Домодедово. До следующего рейса оставалось чуть-чуть. Официальным путем взять билеты не представлялось возможным. Спросив у мелькнувшего мимо

смуглого человека в непонятной униформе о пути решения вопроса, получил в ответ цифру в долларах, за которую будет осуществлена посадка на любой нужный рейс. Получив согласие, человек вынул из кармана чистый авиабилет, быстро заполнил его, прошел вместе с заказчиком все необходимые процедуры, вплоть до паспортного контроля, и, получив расчет, мгновенно исчез из поля зрения. На все эти действия у него ушло не более пяти минут. «Эх! Так бы официально все работали!»

Был солнечный день. Мороз не падал. В посадочном зале раздавался грохот отбойных молотков-перфораторов. Шел вечный ремонт помещений. Присев на сиденье, шеф услышал из мощных динамиков, звук которых перекрывался длинными пулеметно-пушечными очередями перфораторов, что рейс задерживается на полтора часа по техническим причинам. «Ну, как всегда! Можно подремать, лететь еще долго!»

Ему приснился другой аэропорт, в Шарм-эль-Шейхе, куда несколько лет назад его забросила судьба. Там за доллары также просто можно было получить не то, что марку на въезд, оформленные документы, но и все, что угодно. Дорога от аэропорта уносилась вдаль между грязно-серого цвета глинисто-песчаными барханами, водители лихо рулили, устраивая между собой гонки, часто заканчивающиеся катастрофами, особенно, если рука водителя покоилась на бедре какой-нибудь полненькой туристки именно таким образом экономящей дорожные расходы.

В «рецепшэн» отелей работали уже по несколько лет русские девчонки, пытающиеся как-то обеспечить свою жизнь в далеком Египте. Но у них появлялись конкуренты. Молодые египтяне стали усиленно осваивать иностранные языки, особенно русский, поскольку в зимнее время основные посетители курортов – наши земляки. Туристический бизнес стал основной статьей доходов живущих на побережье Красного моря. Припомнился один из депутатов городской Думы, ежеквартально приезжающий сюда на две недели для подводных путешествий с аквалангами, дайвинга, полюбоваться скатами, муренами, ярко-цветастыми рыбами, кишащими среди коралловых рифов, чтобы, отдохнув душой и телом, вновь продвигать устланье

городских улиц производимыми на подведомственных ему ООО фигурными плитками. Среди отдыхающих – повара, учителя, врачи, мелкие бандиты, профессора, те, кто случайно, или с помощью своих влиятельных знакомых решили хоть раз побывать за границей на отдыхе, тем более, что по цене эти путешествия стали не отличимыми от отдыха в родных Сочи и теперь уже заграничной Ялте, ранее бывших доступными для всех, включая студентов.

Объявили посадку. Ожидающие придвинулись друг к другу вплотную, надеясь на ускоренное продвижение вперед. Грохот отбойных молотков прекратился. Внезапно появилась сильная загрудинная боль, отдающая в спину, похожая на удар какого-то предмета. Пошарив рукой по жилету, он нащупал (или ему это показалось?) круглый металлический шарик, размером около сантиметра, похожий на большую дробину. Где же он видел такой?.. Кажется, в патроне от «Макарыча»? Достав таблетку нитроглицерина, положил ее под язык. Через минуту боль стала утихать, потом прекратилась. «Наверное, стенокардия!» – была последняя мысль, посетившая его.

За минуту до этого рано проснувшийся водитель вынул свой пистолет, чтобы опробовать прицел и определить дальность боя. На стене сарая висел лицом к стене старый предвыборный календарь, на котором шеф был изображен по пояс. Заметив чистый, пожелтевший от времени лист бумаги на стене, водитель отошел на пять шагов, прицелился и выстрелил. Когда он снял лист со стены и перевернул его, то увидел, что место попадания пули соответствует уровню сердца. «Ну, надо же! Вот это целкость!» – подумал он и, смяв бумагу, выбросил ее на кучу хлама в угол.

Завывая и мельтеша сигнальными огнями, к аэропорту мчалась теперь уже никому не нужная «скорая».

ДРУЖБА

Равиль высоко ценил дружеские отношения между людьми. Но всегда соглашался с бытующим мнением, что друзей много – не бывает. Знакомые, приятели, объединенные то детством, то службой в армии, то учебой, то совместными делами, – неизменно были рядом с ним: и в застолье, и в бедах, и во всех перипетиях теперешнего бытия. И лишь однажды ему пришлось испытать на себе, казалось бы, невозможное, – непорядочный поступок человека, достаточно близкого по жизни.

Занятие коммерцией в дикие восьмидесятые и девяностые годы обогатили его и сделали авторитетным на всю округу. Родственники, друзья, соседи, просто знакомые – чуть не наперегонки стремились к дому Равиля, больше похожему на старинный замок. И все они находили здесь сочувствие, получали добрый совет и значительную финансовую поддержку. Он не был жадным и не обращал внимания на то, что на полученные от него «халявные» деньги возводятся гигантские особняки, покупаются хромировано-лаковые джипы. Он по сути не был и не чувствовал себя «добрым барином». Просто – его душа чересчур широко распахивалась навстречу окружающим, которые наладили поток добрых дел только в одну сторону. К себе!

А пора тогда была жестокая, непонятная, незаконная. Воровали все – от «бомжей» до президентов. «По быстрому» восполнялись прорехи социалистической «уравниловки». Случилось так, что несколько сот тысяч долларов им с компаньонами были перечислены в отдаленную республику Бурятию под гарантии тогдашнего ее президента на очередную «президентскую программу». Но, вместо ожидаемой прибыли, случился конфуз. Коллективные «бабульки» были благополучно растасованы по личным, и не только бурятским, карманам. Приснопамятный «дефолт» прикончил остававшийся кусочек надежды на возврат денег, пусть и без «навара». Кредиторы (бывшие компаньоны) «наехали» без промедления. Дело дошло, чуть ли не до «перестрелки на стрелке». Ведь никого не интересовало, по чьей вине скомкался бизнес! До президента – не дотянуться! Проще найти без вины виноватого среди своих.

«Родственникам», «друзьям» и «близким», которых Равиль финансировал, хватало на хлеб с толстым слоем масла и паюсной икры. Но, когда к ним пришлось обратиться за помощью в сложившихся обстоятельствах, они вдруг начали прятать по сторонам пляшущие и дрыгающие глазки, отказывая в элементарной поддержке. Мол, сами теперь вдоволь икорку не едим! И, запрыгивая в разнокалиберные вседорожники, призраками исчезали в клубящейся пыльной нечисти. Конечно, было обидно! Но зла на бывших нахлебников Равиль не держал. Они были просто выплеснуты им из круга общения вместе с теми слезами досады, которых никто никогда не видел и не увидит! Правда, что-то зачерствело внутри!

Пришлось, оставив семью на попечение родственников жены, уехать в удаленную, как ему казалось, область, подальше от прицелов компаньонов, с двумя сотнями рублей в кармане. Тем более, что пригласил его туда давно уехавший из родных краев старший товарищ Шамиль, уже обосновавшийся на российских просторах, занимавший определенный пост и совсем-таки не бедный. К тому времени уже появились всевозможные «схемы», позволявшие «отмывать» бюджетные деньги. Равилю были обещаны поддержка, работа и дружба. Помыкавшись месяц другой в поиске сколько-нибудь достойного трудоустройства, поиздержавшись материально, но не душевно, Равиль решил обратиться за обещанной помощью к Шамилю. Но тот, видимо, успел разобраться в том, что приглашенный односельчанин — уже не «авторитет», и из его карманов, кроме шелухи от семечек, ничего не выскребешь. Поэтому, выслушав просьбу земляка, он спокойно достал из кошелька предварительно «отслюнявленные» от перетянутой резинкой пачки купюр восемь (!) рублей и протянул их ожидавшему дружеского участия Равилю.

— Понимаешь, больше ничем тебе помочь сейчас не могу!

Что тут можно было поделать? Кровь запульсировала во всех сосудах, подступая к вискам. Барабанный бой сердца давил изнутри на глазные яблоки, выдвигая их наружу и окрашивая в алый цвет.

— Спасибо и на том... Значит все на общих основаниях? — вдруг ни с того, ни с сего сказал проситель и запустил истертые

дензнаки в бледные щеки теперь уже бывшего товарища. С тех пор щеки у того – постоянно с розово-синими прожилками. То ли от пьянства, то ли от тех восьми рублей.

Уже потом, когда Равиль нашел работу, получил квартиру, перевез семью, появились какие-никакие деньги, позволяющие жить нормально, но без роскоши, – на горизонте вновь появился Шамиль. Заявился он с таким же ушлым по жизни приятелем и вместе с ним начал сетовать, что ему стыдно за земляка. И квартиры у того не обустроена, без евродизайна, и машины хорошей нет.

– Давай мы поможем построить тебе настоящий дом, этажа на три!

– Хватит! Я вас угощаю как гостей, как земляков, но дел между нами никаких быть не может! Я сам зарабатываю все, что нужно для семьи! Но никогда не забуду те восемь рублей, которые в самую трудную минуту ты кинул мне как надоедливому безродному нищему! В ту пору купить на них можно было разве что рулон туалетной бумаги! А тогда я хотел всего-навсего поест по-человечески хоть один раз! Про хлеб и соль ты, Шамиль, лишь в тостах говоришь красиво! А в жизни оскорбил меня подачкой, значащей меньше, чем голая кость голодной собаке! Не зря считают, что шакалы бродят рядом с тигром до тех пор, пока питаются остатками его добычи! Но не дай Бог тигру заболеть! Шакалы им не побрезгуют!

– Ва-а! Что ты обижаешься? Кто старое помянет, тому придется иметь дело с окулистом, говорят в народе. Мы от чистого сердца предлагаем тебе, как другу, выгодный вариант. Тогда не получилось, сейчас – получится! Возьмем кредит, знакомый банкир, наш земляк, – поможет. Остальное – дело техники!

– Нет, ребята! Я больше в эти игры не играю! Приходите в гости! Хлеб, соль – на столе! Дорогу знаете. А выгоду искать я попробую сам!

Прошло года три. Равиль узнал, что Шамиль со своим дружкой сел на нары. С кем-то из своих знакомых они попытались осуществить свой план. Взяли кредит под недвижимость этих знакомых, начали завозить материал для строительства. Завоз длился около года, после чего оказалось, что денег в

принципе не осталось ни копейки. Дружок Шамиля просадил их в казино, залез в долги и исчез, покинув родные пенаты.

Попался он через полгода в соседнем городке, где, представляясь социальным работником, пытался «снабжать» стариков-пенсионеров дешевыми медикаментами, взятыми у знакомого аптекаря «на продажу». Входил к старикам в доверие, а потом попросту обчищал их скромные запасники, предлагая оптом закупить тушенку и сгущенку от «Главпродукта» по нереально низким ценам, якобы из-за доброго предложения некоего олигарха, сочувствующего беднякам. Насмотревшись по телевизору на сытую жизнь чукчей Абрамовича, люди выгребали последние копейки и передавали их симпатичному «социальному работнику».

Но нашелся один старикан, не верящий в сказки, потому что телевизор у него года три как сломался, да и жил он один, упрямо веря в идеалы коммунизма. А потому олигарх для него был как тот красный стяг, который на 1 мая и 7 ноября поднимал его со старенькой тахты и выводил на праздничную демонстрацию, состоящую из полусотни таких же, как он, рыцарей своего времени. Старичок прихромал в собес и начал возмущаться тем, что капиталисты хотят купить народ за тушенку и сгущенку, как Мальчишей Плохишей. Тут случайно оказался заместитель начальника районного отдела милиции, пришедший устраивать пенсионные льготы своей маме, возглавлявшей компанию «Ройял Трейдинг» с ежегодным оборотом в полтора миллиона долларов. Его заинтересовала деятельность «социального работника» прежде всего тем, что появилась возможность найти зацепку и присоединиться к дружному клану потребителей «Главпродукта», поскольку деликатесы начали приедаться. Он спросил у старикашки, когда к тому придет «благодетель», или где можно его встретить. Узнав, что завтра в 10 часов «прихвостень капитализма» обещался зайти за двумя сотнями рублей, которые пенсионер все-таки решил выделиться на покупку такой вкусной с гречневой кашей тушенки, зам. начальника в означенное время подтянулся, как бы случайно, к старой «хрущовке», в которой обитал «борец за справедливость». К своему удивлению, он увидел человека, разыскиваемого за махинации, на которого поступила ориентировка из сосед-

ней области с подлинной фотографией. Потребовав предъявить документы, он убедился, что они подделаны, и предложил «соцработнику» пройти в отделение. Тот убежать и отпираться не стал, думая, что за мелочевку, экспроприированную у пенсионеров, много не дадут.

Но оперативный «замначраймил» мысленно уже вертел в погоне новую дырку для очередной звездочки. Случайную встречу с разыскиваемым он облачил в камуфляж серьезной работы, проводимой вверенными ему людьми во главе с ним самим. Была выстроена целая схема розыска с мнимыми осведомителями и копанием в архивах. Фигурировало даже «сопротивление при задержании» и соучастие в подготовке ограбления местного отделения банка. Получив несколько увесистых тычков по бокам и почкам, бедолага «соцработник» подписал все, якобы данные им, показания. На суде он их потом все подтвердил. Ведь доблестными «сыскарями» ему были даны разъяснения, что в противном случае он может начинать копить деньги на операцию по перемене пола. Ведь сидеть на нарах все равно придется не один год, а за это время всякое случается.

А Шамилю, при помощи всей накопленной за долгие годы казнокрадства валюты и ценного адвоката, удалось добиться условного наказания. Правда, кое-что у него осталось прикопанным на садовом участке. Но это так, на черный день. Надо было отсидеться в тихом углу до лучших времен. А времена эти сами не торопились! Тогда он решил обратиться к Равилю. Конечно, неудобно после той откровенной беседы, поставившей, казалось, все точки на нужные места, но «стыд не дым, глаза не выест», как говаривала его бабушка.

Равиль выслушал откровения Шамиля спокойно. Но не преминул напомнить ему, что такой исход их с дружкой «бизнес-политики» он предвидел, поэтому и не стал вести с ними никаких дел. Шамиль со всем соглашался, но просил о помощи, лукавя, что остался без средств к существованию, но с большой семьей. О закопанных на участке драгоценностях, которые могли обеспечить лет двадцать безбедного проживания всех его родичей на берегу Средиземного моря, он старался даже не думать.

Равиль предложил ему работу своим заместителем, определил минимум 25-30 тысяч рублей зарплаты, обещал посильную помощь в дальнейшем.

– «Ну, он – негодяй! А семья причем?» – думал Равиль, пытаясь объяснить сам себе свой поступок, который никто из близких ему людей не мог понять. «Может, доброта исправит этого человека? Пусть работает!»

Два года совместной работы убеждали Равиля в собственной правоте. Дела на фирме шли неплохо. Шамиль старался, отдавая работе все свободное время. Наступил момент, когда Равиль доверил ему право подписи и ведение всех дел в свое отсутствие. Подошел к концу определенный судом условный срок. Постепенно недоверие друг к другу таяло. Начали общаться между собой семьями, дважды выезжали с ними на отдых в Египет.

На дне рождения Равиля Шамиль впервые за долгие годы произнес тост: «За нашу дружбу!». Тост был принят, бокалы опустошены. Через три недели Шамиль попросил у Равиля дать ему несколько дней отпуска для поездки с семьей на родину, на что получил немедленное согласие. Провожая Шамиля, Равиль попросил его вернуться по возможности быстрее. Назревала серьезная сделка с зарубежными клиентами.

– Хорошо! Можешь на меня положиться! Если что, семью оставлю отдыхать, а сам вернусь, как только понадобится!

На следующий день после отъезда Шамиля Равиль узнал, что деньги фирмы, за исключением нескольких тысяч рублей, переведены в один из зарубежных банков. Шамиль на родину не доехал. На даче, около компостной ямы, был вырыт маленький окопчик, в котором шуршали листы промасленной бумаги, или искусственного пергамента.

Обратившись к начальнику милиции, переведенному из соседнего города с повышением, Равиль через неделю получил справку, что его «друг» по имеющимся данным покинул пределы России, поскольку у него оформлено гражданство другой страны, в которую тот и отбыл с семьей. Больше они друг друга не видели.

ЖУЛИК

Серая в желтых проплешинах ржавчины решетка обнимала проем балкона третьего этажа. Из-за нее выглянула глубоко упрятанными в морщинистые веки глазами ежикообразная круглая голова. Она как бы возникла из душного уличного смога, оказавшись посаженной на худую загорелую шею и кишкообразное туловище. Бегло оценив содержимое квартиры сквозь незапертую дверь, голова дыхла запахом прогоревшей водки и сайры в собственном соку, от чего пегие щетинистые усы поникли, как полевые цветы на жаре. Мосластыми руками с раздутыми в суставах пальцами человек ухватился за металлические прутья, вытащил из кармана вытертых до белой грязи синих джинсов пассатижи, и одним нажимом перекусил проволоку, скреплявшую створки решетки. Был полдень. Тридцатипятиградусное пекло упрятало возможных любопытных зевак куда-то в более прохладные и менее душные укромные уголки. Внешне человек на третьем этаже выглядел, как монтер, устанавливающий в «евро-квартиры» «еврокондиционеры», тем более, что за его спиной на ремне висела мощная дрель со сверлом в три пальца толщиной. А на улице внизу стояла «Аварийная» – машина с подъемником, доставившем «монтера» к зарешеченному балкону. Тяжело перевалив тощее тело через кирпичное ограждение, человек присел на корточки, прислушался, встал во весь рост и махнул рукой. «Аварийная» убрала подъемник, но не уехала.

Попытка заснуть за пояс пассатижи закончилась их падением на неприкрытые босоножками пальцы ног и долгим матерным шепотом. Вытащив непослушными руками из кармана мятую пачку «Мальборо», он после нескольких попыток выковырял одну из двух измученных сигарет, неловко вставил ее сквозь пересохшие губы, придавив редкими, крупными, желтыми зубами. Спичек не нашлось. Пассатижи заняли место в оттопырившемся кармане. Сигарета лениво метнулась из одного угла рта в другой и застыла. Человек встал и, покачнувшись, вошел в комнату. Это был кабинет, обставленный просто, но удобно. Вдоль всей стены протянулась столешница, соединяющая компьютерный стол с платяным двухстворчатым шкафом, над кото-

рой висели ряды книжных полок с набитыми до отказа секциями. На стене, напротив, над желтым кожаным диваном прямоугольной формы с обилием плотных такого же цвета подушек, на ярком ковре висели кинжал, шашка, и охотничье, изукрашенное резьбой ружье.

– Вертикалка! Двенадцатый калибр. Шашка и кинжал – бу-
тафория! А вот компьютер – знатный, один монитор чего стоит!

Он прошел через кабинет в коридор, ничего не тронув. Повернул налево – и оказался в просторной кухне с белыми шкафчиками и чернеющим на кронштейне телевизором. На столике обложкой кверху лежала раскрытая книга в пахнущем типографией переплете. Глянцевость обложки бликовала на солнце, скрывая название. Человек взял ее в руки и прочел название: «Жулик».

– Черт те что пишут!

Но зверек любопытства был тут как тут.

– Дай-ка взгляну, о чем там умники гуторят!

На заложенной странице было написано: *«Серая в желтых проплешинах ржавчины решетка обнимала проем балкона третьего этажа. Из-за нее выглянула глубоко упрятыми в морщинистые веки глазами ежикообразная круглая голова...»*

– Так и думал. Хрень какая-то! Вот и все!

Но тут его взгляд нащупал за окном покрытую серой краской решетку с проржавевшими прутьями. Он поднял глаза на неработающий телевизор. Там, в черном прямоугольнике экрана отражалась его круглая голова, торчащие в разные стороны усы, мешки под глазами.

– Не может быть!

Мелкая игольчатая дрожь пробежала по спине и опустилась куда-то к копчику. Стало тревожно. Захотелось одновременно освободить мочевого пузырь и залить сухость несвежего рта с зашаршавшим языком. Осторожно положив книгу на стол, будто это была дремлющая змея, он сделал два нетвердых шага, включил свет в туалете, открыл и быстро закрыл за собой дверь, заперев ее на задвижку. Мочеиспускание затянулось надолго, медленно принося облегчение и успокоение. Струйки горячего

пота потекли вдоль позвоночника и по лопаткам. Рубаха взмокла и стала источать запах страха и перегара.

– Это просто совпадение! Чего только не почудится в чужой хате! Видно вчера был перебор... Второй литр пришлось вдвоем поднимать!

Бодро щелкнув задвижкой, он вошел на кухню, приблизился к столу и потянулся захлопнуть книгу, прихлопнув тем самым все в ней непонятное. Но вспомнил, как ему говаривал один «корефан», что в позиции страуса, упрятавшего голову в песок, долго не выстоишь, ибо всегда найдется тот, кто тебя понимает! Небрежно ухватив книгу за глянцевый переплет, заложив вместо закладки палец, он двинулся в зал и погрузился всем своим существом в старое глубокое кресло.

Прежде чем взглянуть на недочитанную страницу, он закрыл глаза. Тут же на черном фоне завертелись искры, звезды, свиваясь в спирали, образуя светящиеся пятна, пульсирующие в такт с ритмом сердца. Руки внезапно ослабли. Книга упала на ворсистый ковер, самостоятельно захлопнувшись при падении. Тело стало похоже на спущенный воздушный шарик. А на черном внутреннем экране замельтешили какие-то тени из прошлого, своего, или чужого – неведомо, обретая полужнакомые формы, окраску, движения.

Громко выстрелила настигнутая порывом ветра форточка. Тело в кресле вздрогнуло. Глаза открылись. Рука нащупала на ковре глянец захлопнувшейся книги. Еще не осмыслив мгновенной потери сознания, «монтёр» открыл книгу. Повеяло холодом космической бездны. Книга распахнулась на той же самой странице: «... Она вынырнула из душного уличного смога, оказавшись посаженной на худую загорелую шею и кишкообразное туловище. Бегло оценив содержимое квартиры сквозь незапертую дверь, голова дыхла запахом прогоревшей водки и сайры в собственном соку, от чего пегие щетинистые усы поникли, как полевые цветы на жаре. Мосластыми руками с раздутыми в суставах пальцами человек ухватился за металлические прутья, вытащил из кармана вытертых до белой грязи синих джинсов пассатижи, и одним нажимом перекусил проволоку, скреплявшую створки решетки».

– Ёксель-моксель! Так это же я! Но ведь я еще ничего не сделал! Кто мог написать про будущее? Что там будет дальше? Ведь это то, что делается сейчас! Но я не знаю пока о будущем, может, поищу что-нибудь ценное, или просто соберу барахло вон в те сумки, лежащие в коридоре? Надо поскорей прочесть, вдруг пора смываться, или этим сделаю только хуже? Что делать?

Взгляд его скользнул по серванту с обилием бутылок. Там были марочные коньяки армянские и французские, большие треугольные бутылки с виски, пузатые пузыри с водкой. Засосало под ложечкой. Захотелось глотнуть полным ртом давно забытого янтарного напитка.

Но тут он почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. С фотокарточки, стоящей на столике, на него смотрел взрослыми глазами мальчишка лет пяти, наряженный в старомодный котелок, одежду прошлого века, держащий руку на набалдашнике трости. Он смотрел куда-то внутрь оцепеневшего в кресле тела. Казалось, свет его улыбающихся глаз гипнотизировал, проникал в глубины сознания, выворачивая его к свету.

Человек встал, как будто выплыл, из кресла и медленно двинулся в сторону балконной двери. Ему уже не было страшно. Ощущение особой легкости появилось, когда он распахнул створки решетки и встал во весь рост на перила балкона.

Внизу из «Аварийной» высунулась бритая наголо голова напарника.

– Ну, что там?

– Да нет там ничего, наверное, жильцы еще не въехали!

– Ну, тогда слезай!

Зарычал мотор, подъемник установился на уровне третьего этажа. «Монтер» легко прыгнул на площадку и, не оборачиваясь назад, ощущая на себе притяжение чего-то необъяснимого сзади, опустился к машине. Так же спокойно он влез в кабину и устоялся в переднее стекло.

– А чего там делает мальчишка? – вдруг, наклонившись, спросил напарник. Он явственно увидел вихрастого парнишку лет пяти в рубашонке с футбольным мячом прямо на балконе

третьего этажа, который улыбался и махал им на прощание маленькой крепкой ручонкой.

– Может, кто-то забежал в пустую квартиру? А может это ангел-хранитель? Я не знаю! Да и знать не хочу. Только больше по квартирам лазить не буду. Грех это!

Напарник усмехнулся и дал по газам. Уж он-то хорошо знал сидящего рядом. Бывает у того что-то с головой после большой пьянки, вот ему и чудится неведомое.

Только на этот раз в голове «монтера» была одна ясная мысль: «Как можно напечатать в книге про еще не свершенные, а только сейчас происходящие события? Или действительно все это причудилось, ведь был же он в «отключке» там, в зале? Или не был?».

У книжного развала в центре города машина притормозила. Водитель пошел за пивом, а «монтер» направился к развалу, увидев издалека знакомую обложку. Действительно, это была она! «Жулик»! Купить, или не испытывать судьбу? Взяв с лотка книгу, он приоткрыл ее на последней странице. Там было написано: «Конец». Он повернулся, сделал несколько шагов к «Аварийной», чтобы посмеяться вместе с напарником над своими страхами. Внезапно ведомый каким-то лихачом черный джип вильнул на повороте и, зацепив монтера широким бедром, исчез в дрожащем от зноя мареве.

Напарник, бросив загремевшие глухо пивные банки, бросился к товарищу, который движением затуманивающихся глазами показал ему на книгу. Тот поднял ее на раскрытой странице. Последним было слово: «Конец».

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

Алик проснулся от лая дворовых псов, старавшихся перегавкать друг друга. Они захлебывались в истошной хрипоте, перетирая толстой кожи ошейники, лязгая едва сдерживающими их цепями. Он выглянул в окно и увидел, что во двор пытается пройти электромонтер (судя по переброшенным через плечо монтажным «когтям» и мотку проводов типа «лапша»), вызванный накануне дедом.

Каждая из собак была величиной с большого теленка. Одна – по кличке «Тигр», белой гладкой шерсти, с огромной головой. Спустя много лет ему встретится на страницах газеты фотография пса очень похожей породы, именуемой «Сармат». А тогда Алику стукнуло всего пятнадцать, и мысли его были далеки от систематизации собачьих экстерьеров. Другого пса звали «Бандитом». Густая и длинная светло-коричневая шерсть, покрывавшая мощное тело, придавала ему характерный вид «кавказца», ставшего популярным в последующие годы среди «новых русских». Дед называл обеих собак «волкодавами» и особенно не вдавался в их происхождение.

Алик вышел на застекленную веранду, пытаясь впустить в дом электрика, чтобы не злить цепных псов. Но не успел он сделать и шага в направлении двери, как Тигр, мощно надавив на ошейник, порвал его, и килограмм семьдесят мышц с невероятной скоростью выстрелили в сторону «чужака». Лицо электрика будто окунули в молоко. Он успел только схватиться за стоявшую рядом лестницу и прикрыть себя от надвигавшихся на него желтых, громадных, в белой пене клыков. Но звериная мощь, почувствовавшая свободу, только бросила искоса взгляд на монтера, пронеслась мимо и реализовалась в высоченном прыжке через ворота высотой в два метра, отделявшие пса от принятия самостоятельных решений.

Алик уже не раз был свидетелем удивительной силы дворовых сторожевых псов, перетиравших сыромятные ошейники и даже металлические цепи. Но ни разу никто из возбудителей их агрессии не был покусан. Запах свободы был сильнее. Собаки убегали, исчезали на некоторое время, совершали свои собачьи

ритуалы, и мирно возвращались домой, поджав хвосты. Может потому, что очень хотелось кушать... Может потому, что свободу было важнее и интереснее завоевывать, а пользоваться ею – не очень! Или просто потому, что привычка быть сытым, сидя на цепи, – стала самым образом жизни.

Мгновенно вскочив на веранду, электрик шлепнулся на старый венский деревянный стул.

– «Что это было?» – сведенными в дрожь губами только и смог прошептать он, не веря в чудо избавления от клыков, размеры которых соответствовали истинно тигриным.

Попросив напиться и сглотив сразу половину кружки ледяной воды, монтер поинтересовался, когда он сможет начать работу. Так как дома никого не было (дед и родители уехали в республиканский центр), Алик попросил его придти дня через два, с чем перепуганный электрик сразу же согласился, мгновенно решив про себя, что больше в этот дом он не сделает и полшага, а пошлет на этот подвиг своего напарника. Уходил он, осторожно ступая на серую пыль дороги, опасливо оглядываясь по сторонам и вздрагивая от шуршания листьев на ветру.

Шел год тысяча девятьсот пятьдесят седьмой. В небе вокруг Земли накручивал витки первый спутник, за полетом которого наблюдали удивленные люди всего мира, высматривая в ночном небе движущуюся звездную точку. Газеты были полны восклицательными знаками. Пацаны начали бредить космическими полетами. Зачитывались до испепеления стихами и рассказами в журнале «Юность». Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина, Рождественский, Аксенов – только начинали свой путь воинствующих «шестидесятников».

Дед Алика обычно сидел за круглым столом на веранде, читая медленно, но вдумчиво, сводки событий. В реальность спутника он не верил, хотя подолгу всматривался в небо, пытаясь понять, как движется по небу маленькая звездочка.

– Что вы мне говорите? Пипикает спутник? Так это в соседней комнате может сидеть радист, и все его будут слышать. Не верю!

В тот день Алик остался дома по хозяйству. Надо было накормить свиней, набрать в курятнике яиц, выгрести навоз из

свинарника и коровника. Кроме того, к вечеру должны были пригнать корову и двух овец. Хозяева, жившие на одной улице, пасли свою скотину по очереди на скудных лугах, примыкавших к аэродрому. Из молока делались сыры – твердевшие со временем, они лежали в прохладе подвала, а то и на веранде, или в огромном во всю стену шкафу, долго, накапливаясь со временем, и расходуясь только на пироги к праздникам. Жена деда – полька или белоруска по происхождению, все выращенное мясо обычно закатывала в трехлитровые банки в виде самодельной тушенки, нагромождая их в огромном подвале на полках. Все это запасалось впрок. Многие банки вздувались, их содержимое переваривалось и тогда подавалось на стол. Алик не понимал смысла таких заготовок, но спрашивать у обретенных внезапно родственников – не решался.

Дед был дядей его отца. Родной дед погиб в далеком тысяча девятьсот четырнадцатом году, когда разъяренные направлением на войну казаки, перепив лишнего, предприняли рейд по стационарному поселку, рубя шашками направо и налево. Дед забрался на крышу длинного сарая со старой берданкой, пытаясь отстреливаться. Но, не отразив ярости скачущих и рубящих, сам был застрелен чубатым есаулом. Отцу тогда было четыре года, и подробнее, чем потом ему рассказывала об этом мать, ничего не мог поведать сыну.

Дядя отца был малограмотным, писал какими-то иероглифами, в которых, кроме него самого, никто не мог разобраться, да и не пытался. Зато считал он быстрее любых калькуляторов, которых в ту пору, конечно, не было. Но на старых, выщербленных временем, счётах мог с пулеметной скоростью стучать костяшками, и умело сводить «сальдо с бульдо». Видимо поэтому он много лет проработал завхозом в маленькой железнодорожной больничке, умудряясь из копеечного бюджета выцарапывать для себя дополнительные к зарплате суммы, списывать жесткий и мягкий инвентарь, размещая утаскиваемое барахло в необъятных закромах своего не маленького дома, прятавшегося за железнодорожной насыпью и выращивая свиней на «излишках» пищевых отходов.

Соседские мальчишки почему-то за глаза дразнили его «атаманом Козолупом». Был он небольшого роста, круглоголовый, лысый, с двух- трехдневной щетиной на щеках, ставшей впоследствии распространенной и «модной», но в основе которой была, кажется, элементарная лень побриться вовремя. Один глаз деда был поврежден. О причинах травмы никто не пытался у него спросить. Бельмо придавало лицу достаточно свирепое выражение, даже когда он улыбался, что, правда, случалось крайне редко.

Историю жизни деда Алик знал по подслушанным рассказам отца, объяснявшего матери, почему он решился переехать в эти места. До этого они жили под Воронежом. Отец вышел на пенсию, незадолго до этого получив квартиру, что по тем временам было событием. Живи себе в середине России да радуйся! Нет! То ли зов крови, то ли постоянные просьбы деда приехать на родину, заставили привыкшую к постоянным переездам семью стронуться с места, оставив квартиру и нажитый, правда, скудный скраб.

Но, оказалось, истинной причиной такой родственной заботы деда было элементарное желание избежать экспроприации части земельного участка, примыкавшего к дому. А был он почти в гектар размером. Как раз в ту пору Хрущев решил догнать и перегнать Америку, обложив данью частников, чтобы что-то там повысить «на душу населения». Ограничивалась посадка фруктовых деревьев, разведение скота для личного пользования. Пригласив семью военного пенсионера в количестве пяти человек, дед автоматически освобождался от урезания участка и рассчитывал к тому же на дополнительные льготы. Появлялись также рабочие руки. За скотиной надо было присматривать: пасти, кормить, убирать навоз, готовить корм. Родственные руки пришлось кстати. Да и в тайне им, видимо, лелеялась надежда, что герой Отечественной войны в период покорения стран Европы смог занять какое-никакое трофейное наследство. Но для отца Алика было справедливо второе: «никакое»! Действительно, его сослуживцы тащили из побежденных стран мотоциклы, автомашины, фотоаппараты. А он привез из Берлина полотнище красного шелка, используемого для парашютов. Из них мать пошила ему трусы, да себе платье на стрекочущем, довоенном, с ручным приводом «Зингере», принадлежавшем ее покойной матери.

К тому же характер у деда был нетерпимым. От одного из многочисленных браков у него был сын, поругавшись с которым и выставив из дома, он вычеркнул его из своей жизни. Сын уехал куда-то в Узбекистан, женился, наплодил детей, носящих дедову фамилию, но им не признаваемых. С таким вот человеком приходилось жить под одной крышей. Алик никак не мог понять, откуда у человека может быть такая необъяснимая и необоснованная жадность. Как-то собиравшие металлолом пионеры через невысокий плетень спросили у Алика, нет ли ненужного ржавого металла где-нибудь на участке. Прямо под ногами из земли торчал кусок старого рельса. Алик с трудом вытащил его из земли и хотел, было, передать ребятам «для плана», но тут же услышал громовый рык деда:

– А ты его сюда приносил? Положи рельсу на место!

Алик положил. Этот обрубок сантиметров семидесяти длиной, проржавевший и ненужный никому, наверное, там и лежит до сих пор. Или, имея сад корней на пятьдесят (алыча, тутовник, яблони, груши, сливы, айва), дед мог выйти посидеть в тени и вдруг завопить в полный голос: подняв вверх глаза «Кто сожрал яблоко?». Алик сказал, что это он, да и яблоко было червивым.

– «Это другое дело!», успокоился дед, «А то не даешь созревать!»

И это в то время, когда вокруг пропадала тьма тьмущая фруктов. По осени они собирались, укладывались в ящики, складировались в омшанике, который дед называл «пчельной», и там они вылеживали, пока не начинала загнивать сердцевина. Только тогда дети могли полакомиться яблоками и грушами. Другие фрукты и ягоды переваривались в варенья, которые закатывались в банки, занимавшие уже половину подпола, в котором можно было свободно поместить конюшню на четырех лошадях.

Проводив электромонтера взглядом, Алик подошел к собачьей будке, чтобы попытаться восстановить целостность сыromятного ошейника к возвращению «Тигра». Из-под конуры торчал старый канализационный люк, один край которого был подрывт мощными когтями пса. По словам деда, люк был положен туда для прочности, чтобы собака не подрывала будку. Захлопнувшаяся от ветра стеклянная дверь веранды на мгновение

солнечным зайчиком осветила просвет под люком. Там что-то блеснуло. Опустившись на колено, Алик засунул руку в дыру, почувствовал холод металла не определяемых на ощупь предметов, и, сжав руку в кулак, вытащил ее наружу. С ладони свисали золотые цепочки, а в горсти оказались золотые часы и кольца с прозрачными сверкающими камнями. Никогда не видевший бриллиантов, но много читавший о них в приключенческих книжках, Алик догадался, что это и есть те самые драгоценности, которые хранятся в разыскиваемых кладах.

– Вот дед обрадуется! А то в стоптанных сапогах и вытертых галифе ходит.

Правда, отец после переезда подарил деду габардиновый отрез на костюм и новейшие хромовые сапоги, полученные им при увольнении из армии. Но тот спрятал подарок в один из сундуков со словами: «Нечего сейчас добро таскать на себе! Пусть полежит до лучших времен!» Видимо для этих самых времен дед хранил на чердаке мешок со старыми «керенками», какими-то банкнотами в рулонах, не разрезанных на купюры, каждая достоинством в один миллион. В другом мешке лежали старинные деньги – ассигнации времен Екатерины, а также банкноты предреволюционной России, запомнившиеся удивительными загогулинами росчерков управляющих банками. Там же были складированы потускневшие рамы от картин, отдельно лежали багеты с витиеватым золотым орнаментом. В комнатах висели подлинники картин известных мастеров прошлого, завешанные старыми юбками, простынями. То, что это были подлинники, дед говорил уверенно, потому что вывозил их из экспроприировавшихся во время революции домов бывших вельмож, а то и из музеев. У деда в те времена была собственная автомашина, он был в фаворе у председателя Петроградского совета рабочих и крестьянских депутатов Зиновьева, за подписью которого получал мандаты для тех или иных деяний. Эти мандаты также хранились дедом в огромном, похожем на церковный орган, шкафу, сделанном из резного дуба, имевшем сотни всяческих ящичков и ящичков, дверок и дверочек. Алик не раз рылся в недрах этого деревянного монстра. И однажды, среди множества бумаг, дореволюционных паспортов, он обнаружил

«МАНДАТ, выдан (фамилия, имя, отчество деда) на провоз Председателя Совнаркома В.И. Ульянова (Ленина) от Троицкого моста до Смольного. Подпись – Председатель Петроградского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Зиновьев». С благоговением он держал в руках истрепанный, желтый, напечатанный на плохой бумаге листок, как будто прикасался лично к тем далеким событиям. Но уже тогда появилось неприятие разницы между словами и делами политиков того времени.

Алик аккуратно просунул в дыру руку, разжал кулак, оставив в тайнике клад до приезда старших.

Первым вернулся дед. Кряхтя, нагнулся, снял калоши, позвал внука:

– Иди, сними сапоги!

Алик подошел, ухватился за каблук старого, затёртого временем хромового сапога, и потянул на себя и вверх. Сапог стаскивался медленно. Нога была отечной, носок толстой вязки тормозил ее продвижение в местах нештопанных дырок. Взявшись за второй каблук, Алик сказал: «Дед! Я под будкой Тигра нашел клад!». Мощный удар в челюсть опрокинул мальчишку на пол.

Очнувшись, Алик дотронулся до челюсти, почувствовал боль, привстал на локте. Голова кружилась. Обида переполняла всё его естество, заставляя быстро сопоставлять факты и не чувствовать остроту боли. «Значит, это не клад! Дед сам прятал драгоценности под собачьей конурой. А я ему совершенно чужой, если из-за каких-то стекляшек и железяк он с такой силой врезал по челюсти!» Выйти из комнаты не удалось, дверь была закрыта на замок. Выглядывание в окна не добавило информации. Открыть их из-за запоров не представлялось возможным. Алик включил патефон, поставив на него пластинку Апрельевского завода с ариями из оперетты «Перикола». На звуки музыки дед вошел в комнату, погромыхав ключами.

– Ты опять пластинки слушаешь? Нечего их стирать! Пусть лежат. А теперь иди и ищи моё добро! Кладоискатель хренов!

Искать не хотелось. «Может где в свинарнике зарыл? Или в огороде?» Челюсть болела, голова кружилась, настроение было

препоганым. Обида не проходила, поэтому Алик решил отложить поиски драгоценностей до первого удобного момента.

Но этого ему не удалось сделать. Приехавшие родители на следующий день начали собирать немудреные пожитки. Отец снял однокомнатную квартиру в частном секторе в областном центре, договорился о переводе Алика в городскую школу. К вечеру приехал тарахтящий и дымящий несгоревшим бензином старый грузовик, вещи были водружены на него, и, радостно простившись с дедом, угрюмо смотревшем на сборы нежеланных родственников, Алик забрался в кузов, чтобы придерживать скрипящий от древности шифоньер и связанные спинки железных кроватей. Впереди открывалась новая жизнь без оглядки на дедовское жмотство.

Вскоре пришло сообщение, что дед умер от инсульта, развившегося на фоне долгосрочного диабета. Бабка хоронила его в старых галифе и протёртых сапогах, в измусоленном временем защитного цвета френче. Сам Алик на похороны не ездил. Отец и мать не смогли убедить бабку одеть деда поприличней в последний путь. Вскоре пришло известие, что она продала дом, поселилась у дочери, а всё нажитое с дедом добро постепенно было передано церкви. Это было, по крайней мере, искуплением.

Много лет спустя Алик прочитал в местной газете, что рабочие, приглашенные семьей корейцев, поселившихся в бывшем доме деда, при засыпке выгребной ямы старой уборной нашли прикрепленный к полу сверток, в котором обнаружили драгоценности на общую сумму больше миллиона рублей. Видимо, потому что было много свидетелей, или, может, из лучших человеческих качеств, но клад был передан государству, а положенные проценты за находку по тем временам были более чем достаточны для безбедной жизни. Будучи в командировке, проходя как-то мимо дома деда, Алик увидел пробежавших собак, одна из которых была белой, как Тигр, а другая – мохнатой, как Бандит, только размерами они были поменьше, неухоженными, судя по всему – без определенного места жительства. Видимо, прогулки волкодавов на свободу были весьма плодотворными. Жизнь продолжалась, несмотря на измелъчание породы.

СЭР МАЙКЛ

Проснувшись, Алина посмотрела вокруг. Круглый старинный стол стоял все там же, посередине комнаты, справа поблескивал стеклами темного дерева книжный шкаф. На второй полке стояла поблекшая, но сохранившая привлекательность сочетания цветов, написанная акварелью открытка, на которой был изображен незабудковый ливень. Это был не букет, а именно цветопад. Голубое и зеленое, цветы и листья, – вдруг стали гармонировать между собой, радуя глаз. «Так вот оно что!» – мелькнуло в ее окончательно не пробудившемся и все еще дремлющем сознании. Причиной пробуждения был яркий луч света утреннего солнца, отражавшийся в стекле шкафа. Она привстала, сморщившись от боли в неудобно подвернувшейся руке, в которой тут же появилось покалывание, словно тысячи тонких иголочек впились по ходу мышц.

Осторожно помассировав руку, она медленно опустила ноги на покрытый старенькой ковровой дорожкой пол, стараясь не замечать пришедшее на смену покалыванию чувство жара и боли в плече. Привстав, дотянулась до стоящего на краю стола телефона, подняла трубку и набрала номер. Послышались длинные гудки, но на противоположном конце никто трубку не брал. Подождав немного, Алина отставила аппарат в сторону, потрогала отекие бледные щиколотки, голени. Вдавления от пальцев сохранялись долго, были глубокими, но не такими плотными, как к вечеру. С утра и дышалось легче. Тем не менее, она положила на язык свои четыре утренние таблетки, запила их из старинной чайной фарфоровой чашки, подаренной ей лет шестьдесят назад, на последнем глотке вспомнив, что врач не советовал ей запивать лекарства холодной водой, поскольку холод мог быть провокатором загрудинных болей. Но идти на кухню включать чайник не хотелось. К тому же вчера он, кажется, уже и не включался. «Китайская продукция. Наверное, и гарантии никакой! Надо бы Люсе сказать, чтобы отнесла в магазин. Ведь с момента покупки еще и четырех месяцев не прошло!» Люся приходилась Алине троюродной сестрой, жила неподалеку и частенько навещала свою больную родственницу, помогая по

мере своих сил, так же достаточно иссякших на протяжении семидесяти пяти недавно отстукавших лет.

Алина вдруг почувствовала головокружение, уносившее её куда-то за пределы наполненной светом комнаты. Болела она давно. Три года назад перенесла инфаркт, развившийся после нескольких приступов стенокардии. Восстановилась быстро, может быть потому, что характер ее был уравновешенный, настроение всегда восхищенно-радостное, оптимистическое. Несмотря на свои восемьдесят пять промелькнувших как один день лет, она даже к критическим ситуациям относилась с юмором, поддерживая окружающих. Такие приступы головокружений по утрам бывали и раньше. Она сама нашла им объяснение, которое позднее подтвердил кардиолог в диагностическом центре. «При вставании – кровь не успевает из-за слабости сердечной мышцы поступать через забитые склеротическими бляшками сосуды к головному мозгу! Вот и всё! Организм защищается и укладывает сам себя в горизонтальное положение, чтобы возобновить протекание крови через мозговые сосуды».

Только на этот раз она долго не приходила в себя после вынужденного падения на кровать навзничь. Ей явственно привиделись события двадцатилетней давности.

Как-то, записывая в формуляр фамилию курносой девчонки лет пятнадцати в веснушках, с туго заплетенными косичками, она вдруг почувствовала, что при повороте туловища появляется болезненность в грудной клетке справа. Так как на днях у нее было повышение температуры, некоторое неудобство при дыхании, то она отнесла боль к мышечной «простуде». Однако, с тех пор боли то нарастали, усиливаясь при дыхании, то успокаивались, но полного комфорта не было. Появилась тяжесть в боку, дыхание стало затрудненным, вдох и выдох были короткими, вновь дня на два поднялась температура. Растирания вонючей мазью «Бом-Бенге», порекомендованное кем-то из знакомых, не помогло.

Участковый врач, ткнув на приеме фонендоскопом с грудную клетку, но так быстро, что, кажется, и не ожидал там чего-либо услышать, спросил, кем она работает. Услышав, что библиотекарем в детской библиотеке, потерял всяческий ин-

терес к дальнейшему обследованию, сказал, что это миоцит, выписал анальгин в таблетках и растирание «Финалгоном», выдал на три дня больничный листок и вызвал следующего пациента.

Алина не стала уточнять, как быть дальше. Она боготворила врачей, как носителей каких-то никому не ведомых тайн человеческого организма, слепо и беспрекословно доверяла им, хотя сама имела высшее образование и была энциклопедически начитана не только в силу своей профессии, но и от природной любознательности и наследственной аристократичности. Именно эти качества позволили ей усомниться в правильности выводов участкового.

По дороге из поликлиники, которая занимала обычно минут десять спокойной ходьбы, а теперь становилась непреодолимым марафоном из-за нарастающей одышки, она зашла к давнишней подруге Полине.

Полина была бойкой, подвижной, но крупной женщиной, работавшей заведующей гинекологическим отделением и, будучи всего на год моложе Алины, прочно удерживала позиции ее «младшей» подруги. Она великолепно оперировала женщин, поражая столичных светил быстротой, сложностью диагнозов оперированных пациенток и хорошими результатами вмешательств. Фронтовой опыт, помноженный на природный талант (который в народе называется просто – «легкая рука»), воплощались в Полине с максимальным эффектом. Был у нее сын, грузный, рыхлый детина лет тридцати пяти, работавший ударником в одном из известных вокально-инструментальных ансамблей страны, но уже в те времена запутавшийся в выборе между наркотиками, богемной жизнью, алкоголем и женщинами. Не сумев отдать долги, он был осужден и жестоко, полагерному, наказан на зоне. Слухи о посвящении его в «петухи» добрались до города, он не выдержал и повесился, окончательно сведя с этой жизнью счеты. Остались жена и сын. На воспитании внука Полина была сосредоточена целиком, но смерть сына поколебала даже ее испытанные войной и временем нервы. Стала плаксивой и даже внешне состарилась: кожа стала

морщинистой, в некогда мерцающих голубым светом глазах появилась тусклость.

Рассказ Алины о своем самочувствии был коротким, но ясным для Полины. Она тут же посоветовала ей обратиться в клиническую больницу, где работала сама.

– Знаешь, у нас есть очень хороший специалист – Пал Палыч. Немедленно приходи, он решит, что дальше делать. Я думаю, что у тебя выпотной плеврит, может потребоваться пункция, а это должен делать только специалист!

– Ну, не пугай меня, Поляночка! Может, обойдется! Ты уж сразу какую-то пункцию придумала! Я боюсь. И Пал Палыча твоего боюсь! Давай подождем!

– Не дури, Алинка! Поверь моему опыту, что это не шутки. Чай, не первый раз вижу такую одышку. Ты сама даже можешь ее не замечать, но меня-то не проведешь! Завтра утром жду тебя, отведу к Палычу сама!

Уговаривая Алину на консультацию, Полина уже думала о предстоящей ее госпитализации. А это было не таким уж простым делом. Главный врач больницы – Лискин Герман Георгиевич был неисправимым педантом, погруженным в свои ощущения мизантропом, избалованным близким знакомством с сильными мира того времени (обкомовскими работниками, директорами заводов, видными учеными). Было ему лет около пятидесяти, он относительно рано защитил диссертацию, долгое время был областным специалистом, с людьми обращался по принципу «я начальник – ты дурак», фиксировался на мелочах. Так, мог преследовать тех, кто в больницу проходил по более короткому пути – через больничный сквер. Для этого на их пути даже воздвиг металлический забор с узкой, постоянно запертой калиткой, который, тем не менее, преодолевался молодыми докторами и медсестрами как на воинских учениях. Санитарки, получавшие грошовую зарплату, выживали только за счет ведения домашнего хозяйства, подспорьем в котором не последнее место занимали так называемые пищевые отходы. Их было достаточно – перловая каша и жидкие безвкусные супы (а что еще можно было готовить на скудные бюджетные деньги, выделяемые на питание больных!) безжалостно сбра-

сывались пациентами с тарелок в ведра для пищевых отходов. Но решением главного врача даже этих «благ» они в соответствии с изданным приказом были лишены под страхом увольнения и привлечения к уголовной ответственности «за хищение государственного имущества». Попытка упорядочить госпитализацию реализовалась в распоряжении, согласно которому лишь с разрешения «главного» заведующий отделением мог госпитализировать того или иного пациента, особенно в так называемые «люксовые» (просто более приличные и менее загруженные) палаты. Конечно, врачам это препятствие удавалось обходить, госпитализируя часть пациентов «по экстренным показаниям», но воспринимались эти нововведения в штыки. Однако Полина решила помочь подруге, вплоть до обращения «к самому», который только и ждал таких моментов, когда становился необходимым для сотрудников, которые обычно старались с ним не встречаться. Видимо, так он преодолевал комплекс собственной значимости в собственных глазах.

Наутро Алина, захватив из дома все необходимое в больницу (паспорт, тапки, полотенце, мыло, зубную пасту, щетку и кое-что из женского белья), поднялась к подруге по скрипящему лифту и села перед ординаторской в ожидании. Закончив обход, Полина затащила подругу к себе, связалась по телефону с Пал Палычем. Тот пригласил их обеих для предварительной беседы. Спустившись на два этажа, они очутились перед дверью кабинета Пал Палыча.

– «Ой, я что-то боюсь!» – улыбаясь, но, дрожа всем телом, прошептала Алина.

– «Вперед! Я тебе дам трусить! Все будет хорошо!» – твердо сказала Полина и, взяв подругу за руку, постучала.

Из-за двери донесся низкий баритон Пал Палыча: «Войдите!» Полина почти силой втокнула Алину в дверной проем. Навстречу из-за стола поднялся невысокого роста, коренастый, гладко выбритый человек лет сорока в халате и высоком колпаке.

«Здравствуйте, Полина Ивановна! Рад видеть вас в добром здравии! Как зовут вашу спутницу, думаю, мою будущую пациентку? Мы с ней обязательно подружимся!» Последние слова Пал Палыч произнес намеренно, увидев в глазах Алины страх и

понимая ее состояние. Лучший вариант добиться спокойствия пациента – это включить его самого в круг близких доктору людей. Расчет был правильным. Алина тут же заулыбалась, дрожь прекратилась, в глазах и манерах появились признаки кокетства, что настраивало на хороший контакт и обеспечивало доверительные отношения.

После опроса и тщательного осмотра Алины, Пал Палыч сделал заключение:

– Действительно, у вас имеется экссудативный плеврит справа и, естественно, необходима плевральная пункция. Надо освободить место для расправления легкого и исследовать полученную жидкость, чтобы лечение было эффективным. Так что, Полина Ивановна, если вопрос с главным о госпитализации решен, то милости прошу уважаемую Алину Геннадьевну в 629 палату. Палата на двоих, ей будет удобно. Завтра же начнем обследование и сделаем пункцию.

– «Полина, я, наверное, соглашусь, правда?» - посверкивая повеселевшими глазами, спросила Алина.

– Ну, чего ты у меня спрашиваешь, если сама согласна? Конечно, не теряй время зря, укладывайся, разрешение главного беру на себя! Идем в приемное отделение, будем оформляться! Спасибо, Пал Палыч, за внимание! Вы уж приглядывайте за моей ветреной подружкой!

– Не беспокойтесь, Полина Ивановна, она в надежных руках!

Пал Палыч проводил женщин до выхода из отделения, несколько успокоив их, но не себя. Дальнейшие события, развернувшиеся на следующий день, подтвердили это сомнение. Правда, Полине удалось довольно быстро решить вопрос о госпитализации. «Главного» не было, а его заместитель тут же подписал направление. Но во время плевральной пункции у Алины было извлечено около двух литров кровянистой жидкости, темный цвет которой свидетельствовал скорее в пользу ее опухолевого происхождения. Клиническая картина позволяла сомневаться в первичном легочном происхождении опухоли. Это Пал Палычу стало ясно после анализа сделанных еще утром рентгенограмм и томограмм, поэтому он ввел в плевральную полость

лечебную дозу цитостатика. Результаты цитологического исследования установили железистый низкодифференцированный рак. Еще два дня обследований показали, что первичная опухоль нигде не выявляется. Тогда Пал Палыч пригласил на консилиум Полину Ивановну.

— Знаете, складывается мнение, что первичный очаг, скорее всего, локализуется где-то в яичниках. Поэтому-то его трудно выявить, но метастазирование оттуда бывает отдаленным, в том числе в плевральную полость.

— Хорошо! Я сейчас ее посмотрю, но сомневаюсь, потому что недавно она была у меня на приеме, и ничего там не определялось!

Через полчаса Полина спустилась к Пал Палычу и категорически отвергла возможность первичной опухоли яичников. Однако уже через год после выписки Алина вновь обратилась к Полине с жалобами на увеличение живота в размере, слабость, снижение гемоглобина в анализе крови, сделанном амбулаторно. Осмотр и последующая пункция брюшной полости выявили наличие в ней такой же, как и год назад в плевральной полости, кровянистой жидкости с идентичными раковыми клетками. Проведенное после пункции исследование подтвердило локализацию первичной опухоли в одном из яичников, которая за год увеличилась в размере и стала доступной определению. Была сделана радикальная операция. Опухоль и другие пораженные ткани удалены, проведено несколько курсов лечения химиопрепаратами. После химиотерапии Алина облысела, дважды были эпизоды гнойных осложнений, которые вновь приводили ее в больницу. Но потом все нормализовалось. В течение пяти лет она наблюдалась в диспансере, но не регулярно. Повторных курсов лечения не проводила, считала себя практически здоровой. Потом внезапно поднявшаяся температура привела к длительной госпитализации, и насторожила всех знакомых и врачей, не является ли эта лихорадка рецидивом опухоли. Но нет! Несмотря на тяжелое течение, оказалось, что это обострение хронического пиелонефрита, которое было успешно купировано. И еще несколько лет подряд Алина ограничивалась наблюдением участкового врача, да изредка посещала Пал Палыча, ко-

того стала называть почему-то – «сэр Майкл». Если бы не стенокардия, да злосчастный инфаркт, породившие одышку, отеки, малую подвижность, она готова была вновь вернуться в свою любимую библиотеку. Правда, библиотека к тому времени уже перестала существовать, а в ее помещении вольготно расположился какой-то очередной банк то ли в ожидании своей клиентуры, то ли или просто готовясь к очередному банкротству и разорению вкладчиков.

За это время умерла, чуть перешагнув за семьдесят, подруга Полина. Вначале ее оперировали по поводу рака грудной железы, операция была успешной, лет семь рецидивов не было. Но потом вдруг обнаружился рак щитовидной железы, который не поддавался лечению. Опухоли, преследовавшие ее, как будто соревновались за право вцепиться в увядающее тело. Да и череда переживаний за судьбу сына и внука привнесла свою лепту в преждевременный уход Полины.

Друзья и знакомые, которых обычно было много вокруг, понемногу исчезали: кто-то также покинул этот мир, кто-то затерялся в нескончаемых буднях. Очень редко, но все-таки появлялся Пал Палыч, внося в обыденность атмосферу проходящей мимо нее бурлящей и по-прежнему для кого-то радостной жизни. Алина почти не выходила из дома. Пятый этаж и одышка не доставляли ей удовольствия ощущать пульсирующий ритм жизни. Телевизор и книги создавали какой-то особый полуреальный мир, в котором, тем не менее, взаимопереплетались воспоминания и люди из прошлого, фантазмагория нынешних дней, созданные писателями образы и воображаемые ей самой события.

Перед ее глазами вдруг предстала картина Рембрандта «Вирсавия у колодца». Она где-то вычитала, что великому художнику для этой картины позировала его служанка и любовница Хендрикке Стоффелс. По сохранившимся документам она вскоре (в 1662 году) умерла. И только через триста лет, в 1967 году ей был поставлен диагноз одним врачом, который обратил внимание на четко прописанную Рембрандтом припухлость левой груди «Вирсавии» ближе к подмышечной области, и отчетливо видные изменения кожи в виде «лимонной» или «апельсино-

вой» корки. Эти признаки запущенного рака левой молочной железы позволили не только поставить запоздалый диагноз, но и выявили степень мастерства художника, ничего не упустившего во внешнем облике позировавшей ему женщины.

Алина представила на месте того итальянского врача, поставившего посмертный диагноз «Вирсавии», – «сэра Майкла» и почему-то пришла к выводу, что он точно так же не пропустил бы ничего из однажды увиденного.

Сознание постепенно восстанавливалось. Алина, не пытаясь приподняться, стала анализировать ситуацию. «Конечно, прежде всего, надо проверить действуют ли руки и ноги. Хотя бы с ними все было в порядке!» Перспектива остаться обездвиженной в таком возрасте, да в придачу с «букетом» разнообразных «болячек» ее никак не могла устроить. Попытка пошевелить пальцами рук и ног увенчалась успехом. Они ее слушались! Осторожно повернув голову сначала влево, потом вправо, она убедилась, что эти движения достаточно свободны, головокружения не было, тошноты тоже. За долгие годы работы в библиотеке она проштудировала огромное количество медицинской литературы, начиная со справочников, энциклопедий и вплоть до специальной литературы. Особенно в последние годы, когда болезни не шуточно пытались с ней расправиться. Поэтому симптомы инсульта, других видов нарушений мозгового кровообращения она знала не хуже любого третьекурсника медицинского института. А о чем же еще могла подумать Алина, очнувшись, лежа навзничь на собственной кровати? Инсульта она боялась еще и потому, что ухаживать за ней, кроме больной не менее ее Люси, было некому. Умирать почему-то не хотелось, а оказаться в доме инвалидов, или каком-нибудь хосписе – было во сто крат хуже, чем просто и быстро расстаться с этим светом.

Убедившись в отсутствии каких-либо ограничений движения, Алина медленно привстала, опираясь на руку, которая еще недавно болела, покалывала иголками, а теперь была просто тяжелой, как бы набухшей. Посидев минуту другую, она медленно потянулась за телефонной трубкой, мысленно сожалея, что оказалась от Люсиного предложения купить дешевенький сотовый телефон. «В теперешнем состоянии он бы очень пригодил-

ся! Хотя, если кондрашка хватит, то и телефон не поможет!» – тут же успокоила она себя. Набрала номер Люси и, наконец, услышала ее голос.

– Ты что, Алина? Мы же договорились, что я сама к тебе приду часов в одиннадцать. Сейчас вот только зайду в булочную, у тебя, наверное, черный хлеб кончился!

– Люся, не надо за хлебом! Зайди прямо сейчас, а то у меня, кажется, поднялось давление. В общем, я потеряла сознание...

– Бегу, бегу!

Алина положила трубку, подвинула телефон поближе, взглянула на вторую полку старого шкафа, туда, откуда ей улыбались акварельные цветы с открытки. Солнце перестало отсвечивать в стеклах, от этого цветы приобрели сочность, открытка раскрыла глубину замысла художника – показать в двухцветности изображения через множество оттенков красочность природы. Это ему удалось вполне. Таких рукотворных открыток у Алины было много. Они аккуратной стопкой лежали в ящике того самого старинного книжного шкафа и доставались лишь по торжественным случаям, да в минуты приступами наступавшей грусти.

Входная дверь скрипнула, выдавая старость не знавших смазки петель. «А кто бы смазывал, да и зачем? За то я знаю, что пришла Люся» – подумала Алина. Вошедшая родственница, наскоро сбросив пальто и сапоги, быстрым (насколько возможно) шагом вошла в комнату, не забыв прихватить с собой пакет с хлебом.

– Ну вот, Люся, ты как всегда успеешь и за хлебом заскочить и ко мне подняться! Смотри, у самой одышка.... Береги себя, ты еще молодая!

– Конечно, в семьдесят пять – стала девкой опять! Ты так перепугала меня, что я быстрее такси прискакала, чуть скалку не потеряла, как говорит мой внук! Что с тобой случилось? Выглядишь вроде бы ничего!

– Ладно, отдышись, сейчас расскажу. Только и рассказывать вроде нечего. Ты обо мне и так все знаешь, а видно опять с сосудами непорядок. Боюсь, как бы не свернуться в последний клубок. Там у меня на столе тонометр, измерь-ка, пожалуйста,

мне давление, хотя оно может особенно то и не подняться! Склероз все-таки добирается до меня, но своими особыми путями.

Люся профессионально измерила давление, натренировавшись на своей сестре за последние годы, и сообщила, что давление для Алины – обычное, то есть где-то 170 и 90.

– Алина! А ты лекарства утром принимала? Ничего не перепутала?

– Конечно, приняла все, что прописано, вот только вода холодноватая была...

– Так, может от этого?

– Да навряд ли! Болей в груди не было, а доктор говорил, что холод провоцирует стенокардию, а об инсульте ничего не говорил! Но ты побудь со мной, а то я что-то боюсь одна оставаться!

– Ну, конечно, я сейчас и обед тебе приготовлю, чай вместе поьем!

Люся ушла на кухню, послышался грохот разбитой тарелки, ворчание виновной и шарканье веника, сгребającego осколки.

«Ну вот, старость и до Люськи добралась!» – подумала Алина, переводя взгляд на открытку, которая уже отсвечивала новыми красками. Успокоенная присутствием сестры, она почувствовала умиротворение, прикрыла глаза и задремала.

Очутилась она в городе своей юности, когда ей было не более двадцати лет. Тогда еще на месте одного из ныне обросших многоэтажными строениями проспектов поблескивала в дождь булыжная мостовая. По ней были протянуты трамвайные пути до вокзала. Улица пролегла между покосившимися одноэтажными частными домишками. Трамваи грохотали и позвякивали, проплывая своими красными боками мимо. И еще не были построены обезличенные мавзолеи губернских, городских и районных органов власти (сначала для райкомов и обкома партии, затем для невероятно разросшихся администраций). Не были снесены старые двухэтажные дома на главном проспекте города, еще вовсю работали заводы и фабрики, а люди довольствовались тем немногим, что можно было приобрести

в магазинах, или привезти из столицы на электричке в один из выходных дней.

Случайная встреча Алины с известным на всю страну художником, одним из легендарных Кукрыниксов, определила всю ее дальнейшую жизнь. Он был элегантным, но душевным, простым в общении, несмотря на всенародную известность. С ним было легко и трудно. Она, встряхивая кудряшками смоляных волос, вся искрилась от счастья, просто прогуливаясь с ним по зеленокудному парку, или стуча босоножками по растрескавшемуся асфальту. Встречи их были недолгими. Беседы – интересными и памятными. Каждый год, по любому случаю: будь то женский день, или ее день рождения, или государственный праздник, он сам разрисовывал поздравительные открытки и присылал их по почте, заставляя изумляться ничего подобного не видевших почтальонов. Она бережно сохранила все, что напоминало о человеке искусства и человеке судьбы. Она связывала сюжеты и сочетания красок с теми событиями и настроением, которые были в те годы. Вспомнилось, как на один из дней рождения он подарил ей старинную китайскую фарфоровую чашку, ту самую, из которой она теперь запивала лекарства. Тогда он познакомил Алину с восточной литературой – с древней китайской «Книгой перемен», из которой девизом своего бытия она взяла слова: «Созерцай наступления и отступления собственной жизни». Он читал ей хокку и танки древних японцев. Она вспомнила танку Сайгё:

С особым волнением смотрю...
На старом вишневом дереве
Печальны даже цветы!
Скажи, сколько новых вёсен
Тебе осталось встречать?..
Не менее четко врезалось в память из Басё:
О, Сколько их на полях!
Но каждый цветет по-своему,–
Вот высший подвиг цветка!

Но самым запомнившимся оптимистическим трехстишием было:

*Вот он – мой знак путеводный!
Посреди высоких трав луговых
Человек с охапкою сена.*

Он для нее и остался таким – человеком с охапкой духовного сена, который продолжает вести по жизненным тропам уставшую, но полную надежд Алину. И в том многолетней давности городке ей уже не надо оставаться.

Заверещал телефонный звонок. Алина проснулась с ощущением ясности мыслей, с улыбкой на губах. Приложив трубку телефона к уху, она услышала знакомый, бодрый и дарящий здоровье голос Пал Палыча:

– Как вы там Алина Геннадьевна? Что-то я забеспокоился, давно вас не слышал!

– Не беспокойтесь, мой любимый сэр Майкл! У меня все в порядке, как и у всякой восьмидесятилетней дамы. Да! Сейчас собираюсь позавтракать. Лекарства принимаю во время. Как хочется встретиться!

– Хорошо бы! Но сейчас дел невпроворот, как только разгрузюсь, постараюсь посетить вас! Вы уж не подводите!

– Не подведу! Спасибо, что позвонил!

Она положила трубку на место, встала и вышла на кухню. Удивленная и обеспокоенная Люся округлила глаза:

– Ты что делаешь? Сейчас же ложись в постель!

– Нет уж, сестричка! Хватит! Сейчас видела хороший сон со стихами, потом позвонил сэр Майкл. Жизнь налаживается!

И они начали пить чай, приготовленный Люсей. Алина пила его из старой китайского фарфора чашки, вдыхая густой чайный аромат, не испорченный приторностью сахара.

Солнце стояло в зените. Цветы на открытке светились особому ярко.

ТРАВМА, НЕСОВМЕСТИМАЯ С ЖИЗНЬЮ

Часов в пять утра сквозь сон Стас почувствовал ледяные мурашки забравшегося под кожу утреннего холода. Привстал, поёживаясь, набросил на плечи старый, замасленный, защитного цвета бушлат – подарок друга, отслужившего срочную службу несколько лет назад. С приятным хрустом потянулся, закашлялся, полез в карман за сигаретой, но вспомнил, что уже третий день как на спор бросил курить. Над Снежедью висели белесые полосы тумана, прикрывая собой густо растущие деревья на другом берегу. Бежин луг поблескивал от росы, покрывавшей некошеную траву крупными сверкающими бусинами. Где-то в деревне вытягивали верхние ноты петухи, речка шуршала стремниной на поворотах и перекатах.

Позевывая и вздрагивая от холодающей сырости, он спустился к берегу, где темно-зеленым пятном притулилась к вцепившемуся корнями в землю старому пню надувная лодка. Нога в резиновом сапоге скользнула по глине. Чертыхнувшись, Стас удержал равновесие, залез в колеблющееся от малейшего движения суденышко, и рывками весел (чтобы скорее согреться) направился к находившемуся метрах в двадцати противоположному берегу. Там он вытащил кол, к которому крепилась боевая сеть. Рыбную мелочь Стас всегда отпускал в воду, оставляя на «жарёнку» только крупные особи.

Да и какая в маленькой речке «крупная» рыба?! Правда, приходилось ему как-то по весне также вот перегородить речушку и выловить пять полуметровых щук, идущих на нерест. Из них он добыл полную миску икры, которую взбил гнутой алюминиевой вилкой, очистил от пленок, присолил, и угостил ею ораву друзей и коллег, приехавших на маёвку тремя машинами. Кроме икры, была, конечно, сотворена наиароматнейшая уха, в которую Стас по мере готовности по всем правилам влил стопку водки, а перед подачей к импровизированному столу из трех досок, закрепленных на кольях, опустил в котелок горящую головешку из костра. Но на этот раз воспоминания не способствовали улову. В сети запутались две красноперки и несколько мальков голавля. Отпустив на волю мальков, он поду-

мал и отправил в воду оставшихся красноперок. «Что толку от двух рыбешек? Возиться с ними себе дороже. Да и время поджимает. Через три часа идти на работу, а домой еще доехать надо! К тому же сегодня дежурю».

Смотав сеть и убрав за собой костровище, Стас сел в старенький «ушастый» «Запорожец» и припал к рулю, вцепившись в него побелевшими пальцами. Сидел в кабине напряженно, наклонив голову и вглядываясь в дорогу. Водитель он был ещё тот! Обучаться езде было негде. Наскоро оформив водительские права, он учился вождению при выездах на охоту и рыбалку. На трассе, пересекавшей поселок, показываться не любил, проскакивая её в самом безопасном месте.

Стас работал врачом хирургом в маленькой районной больнице, стоявшей у той самой нелюбимой им главной дороги, которая поставляла хирургам пострадавших с самыми различными травмами. Район был тысяч на двадцать жителей, как тогда говорили, «сельскохозяйственный», поэтому заниматься плановой полостной хирургией в желаемом объеме было делом затруднительным. И будущность свою, как хирурга, Стас связал с травматологией. Уж кого только и с какими травмами не приходилось ему выхаживать! Партийных бонз, секретарей райкомов, председателей колхозов и райисполкомов, которые на своих рабочих «козлах» носились по сельским дорогам и зеленам в поисках зайцев, кабанов и лосей, которых в те годы было видимо-невидимо. Выскакивая на федеральную трассу после «принятия на грудь» не одной бутылки, они зачастую сами становились жертвами несущихся по своим делам МАЗ-ов, КРАЗ-ов и ЗИЛ-ов с прицепами. Вот только вчера два рефрижератора буквально размазали по бортам парнишку мотоциклиста, вклинившегося между обгоняющими друг друга машинами и пытавшегося на своей быстроходной «Яве» проскочить вперед. Вспомнив об этом, Стас встряхнул своим чубом и еще крепче сжал тонкую пластмассу руля.

Добравшись до ворот больницы, он решил не ехать домой, а сразу остаться на дежурстве. Поднявшись на второй этаж только что построенного нового хирургического корпуса, вошел, никем не замеченный, в ординаторскую. На столе были разбросаны

незаполненные истории болезней, написание которых было для Стаса нестерпимой мукой. Он мог часами не выходить из операционной, но писанину не любил, за что частенько получал нагоняи от главврача, или «главши», как её называли между собой врачи. И только в дежурство, если не было поступлений, он садился за стол и абсолютно неразборчивым почерком заполнял недельной давности документы. Дневники в его историях болезни были похожи один на другой, эпикризы не превышали 4–5 предложений. Но, несмотря на это, прооперированные и выхуженные бессонными ночами пациенты почти всегда становились надежными и верными друзьями Стаса. Тяжело вздохнув, он сдвинул бумаги в сторону, прилег на кушетку, прикрытую простыней, и задремал.

Во сне ему привиделось недавно прошедшее открытие нового хирургического корпуса. Приехавшее из области медицинское начальство и районные партийные деятели произносили длинные речи, не преминув поблагодарить партию и правительство за заботу о сельском здравоохранении. Хотя строительство корпуса было вынужденным. Одно из зданий больницы было выстроено еще во времена императрицы Екатерины, которая когда-то проезжала мимо в пору создания «потемкинских деревень». Сейчас бы так строили! Родильный дом послевоенной постройки разваливался на глазах. В старом отсыревшем терапевтическом корпусе на скрипучих больничных кроватях и кушетках, как будто позаимствованных из казематов незабвенной Таганки, теснились «хирургические», «терапевтические» и «неврологические» больные. В коридоре были расставлены впритык друг к другу койки для «гинекологических» больных и «абортчиков». Был случай, когда хронический алкоголик в белогорячечном делирии вдруг набросился на ожидавшую аборта и лежащую в коридоре на кушетке женщину, пытаясь снять с нее привидевшихся ему мышей, или крыс. Двум санитаркам и медсестре еле-еле удалось его скрутить до приезда дежурного милиционера и двух «декабристов». Декабристами называли пятнадцатисуточников (тогда еще за мелкие проступки граждан наказывали 15 сутками исправительных работ, о которых очень точно сумел рассказать и показать Гайдай в своем

фильме о приключениях Шурика в исполнении Демьяненко). В их сопровождении на неизменном УАЗ-ике опасные по своему психическому состоянию больные отправлялись в областную психбольницу.

На открытии хирургического стационара отличился ночной сторож. Раньше он был монахом, потом спился и был изгнан из монастыря, после чего пустился во все тяжкие: то женился, то разводился, да и пил всё, что чуть крепче сидро. Особым признанием у него пользовалась настойка боярышника, которую уже тогда трудно было достать. Но место настойки достойно занимал «Тройной одеколон», по праздникам – «Шипр», а на дежурствах сторож не брезговал выпрашивать у медсестер даже борный спирт. Врача терапевта Александра Ивановича он донимал особо. Называл его Александром Невским, доброй душой, ангелочком и спасителем, выклянчивая разрешение на дополнительный пузырек борного спирта. Получив дозу, «монах» исчезал куда-то так быстро и незаметно, что воздух вокруг него не успевал шевельнуться. И вот этот маленький, подвижный, лет шестидесяти мужичок задержался после ночной смены, чтобы присутствовать на процедуре открытия корпуса в надежде на вероятное получение глотка другого спиртного. «Ну, какое же торжество без водки?» Глаза его, хоть и прятались в увесистых мешках исчерченных мелкими морщинками век, охватывали почти всё пространство вокруг сквозь призму ожидания, не забывая остановиться на выпуклых местах молоденьких медсестричек, чуть прикрытых белыми халатиками. И вдруг в поле его зрения попала жена завхоза – высокая, под два метра, осанистая женщина, работавшая врачом в отделении. Зрачки его глаз закрутились, в них появились то ли искорки, то ли чертики, и, сорвавшись с места, «монах» неожиданно подскочил к объекту своего внимания с криком: «Эх, на старости лет хоть за титечки подержаться!!! Пусть увольняют!» Подпрыгнув, он неловко уцепился за грудь доктора. Та одним движением руки смахнула с себя тощее тело местного Казановы и занесла могучий кулачище над его лохматой головой. Если бы кулак опустился на объект, тонкая дряблая шея сторожа наверняка не выдержала бы

двойной тяжести. Но то ли материнское чувство, то ли женская дальновидность, а, может быть, и приятное ощущение в точке контакта, остановили дальнейшее продвижение пудовой пятерни. Погрозив кулаком валяющемуся на земле и повизгивающему от удовольствия «монаху», она поправила чуть сбившуюся кофточку и спокойно продолжила наблюдать за ходом торжества.

Стас проснулся от смеха и неожиданного видения, в точности повторившего недавнее событие. А, может, это и не сон был вовсе, а так, полудрёма. Уж больно всё явственно было! Даже цвета были ярче, чем в тот пасмурный день.

В дверь неуклюже ввалился крупногабаритный Александр Иванович – «Александр Невский» по версии расстриги сторожа.

– Привет, Стас, Как рыбалка?

– Да никак! Сегодня невезуха! А ты что в хирургию забрел? Чего-то случилось?

– Ты забыл? Сам же просил меня подстраховать из-за рыбалки!

– А-а-а! Ей-богу, забыл. Рыбы нет, настроения нет, вот и решил домой не идти, сразу за работу. Поступления были?

– Еще бы! Тут одного бухарика «Беларусь» переехала. Привезли без сознания, в усмерть пьянющего, но, кроме следов от протектора, ни переломов, ни других повреждений – нет! Поле было свежевспаханное, а он прикорнул у копны. Тракторист вместе с ним поступил, сейчас увидишь красавца – весь синий. С чемерицей какой-то гадости напился. Их обоих подобрал председатель, Иван Михайлович, ты его знаешь!

– Еще бы! Он на днях дочку замуж выдавал. Я как раз за спиртом заехал на завод. Сидим, по пять капель потребляем с директором. Иван Михалыч зашел с бутылкой шампанского. Усугубили. Я, говорит, дочку замуж выдаю, плесни спиртика! Директор вызвал подвального, тот спрашивает: «А тара есть?» «Там у водителя заberi!» Через пару минут вбегает подвальный и директору на ухо что-то нашептывает. У того лицо вытянулось: «Михалыч! Ты какую тару привез?» «Да там бидона четыре молочных, народу много будет!» «Ты же меня в пятую позицию ставишь!» И подвальному: «Ну, да ладно, наливай!» Миха-

лыч-то сам – мужик безотказный: что поохотиться, что порыбальить!

– Вот это да! Тут с резиновой грелкой едешь и то себя неловко чувствуешь!

– Нам вроде бы хватает! Хорошо, что ректификатик пошел, без запаха, и марганцовкой не надо очищать!

В дверь постучали. Вошла дежурная медсестра Мария Петровна. Лет пятидесяти, опытная, сама многое умела в хирургии, и молодежь учила, как следует. Да и молодым врачам помогала: то катетер поставить, то рану зашить.

– Станислав Николаевич! Позвонили гаишники из сельсовета с трассы, там какая-то большая авария километрах в десяти. Вытаскивают машину из пруда, что ли... Скоро привезут, если кто жив! Инструменты готовы, анестезиолога вызывать?

– Конечно, если еще не набухáлся! Кажется, он собирался сегодня с друзьями по институту встречаться. Если что, звони в соседний район, глядишь, там позаимствуем! Слушай, Саш, может, останешься? Вдруг что понадобится и по твоей части? А то потом придется вызывать!

– Какие разговоры? Конечно, останусь, тем более, что ты собирался придти попозже, я уже настроился! Да и у меня сегодня дежурство было спокойное, дома никого нет, жена на учебе!

– А! Так ты еще и холостяк! Ну, «тады – ой!». Завтра вместе на пруд поедем с бредешком. Карасиков на ущицу наловим!

Врачи в больнице, как всегда, были в дефиците. Дежурили иногда по двое, трое суток подряд: за себя, за жён, занимающихся домашним хозяйством, по просьбам товарищей. На трудовое законодательство глаза прикрывала и администрация, и сами врачи. Тем более, что графики составлялись как надо, по КЗОТу. Дежурили и как терапевты, и как хирурги, и как гинекологи. «Узким» специалистам давали отдохнуть. Да их и не было! То после института появлялся невропатолог, то окулист, но уже через год или два они исчезали в поисках лучшего. И квартиры на селе вроде бы всем предоставляли! И все-таки на три обязательных года отработки многих не хватало. Стас и Александр Иванович вкалывали уже шестой год после окончания института, заведовали отделениями, в которых эпизодиче-

ски показывались молодые коллеги, и, не выдерживая интенсивности, отправлялись в областной центр, где и врачей побольше, и ответственности поменьше. А «старики» продолжали командовать сами собой.

В те поры в мединститутах этике и деонтологии специально не учили. Они постигались на практике. Первые два года в отделении Александра Ивановича работал его однокурсник – Андрей, любитель погулять, поспать, покурить и пригубить. Однажды в его палату поступил из Дома инвалидов пучеглазый, синюшно-багровый неопрятный пациент, жаловавшийся на головную боль. Он «достал» главного врача своими причитаниями и тот решил сбавить «нытика» в районную больницу. «Пусть они там помучаются!» При обследовании какой-либо явной патологии за неделю выявлено не было. Да и «обследование» заключалось в рентгеноскопии органов грудной клетки (рентгеновскую пленку экономили, снимки делали только по строгим показаниям), взятии анализов мочи, крови, кала на яйца глистов, и записи ЭКГ, внедренной как обязательное исследование год назад. Остальное было уделом «клинического мышления» врача, его зрительных, осязательных, обонятельных и слуховых способностей.

Правда, это не мешало ставить точные и сложные диагнозы, находившие подтверждение в лучших клиниках столицы. Каждодневно осмысливались слова видного терапевта прошлого У. Ослера: «Практика медицины – искусство, а не ремесло! Призвание, а не коммерческое дело! Призвание, требующее от вас полной отдачи не только ума, но и сердца!»

Так вот, поскольку больной стонал и постоянно домогался присутствия всех врачей, Андрей пригласил на консультацию невропатолога – молоденькую, маленькую, кругленькую, улыбчивую, с ямочками на розовых щечках Раечку. Та также никакой объективной патологии у больного не установила, но назначила энцефалографию (по тем временам редкое исследование, проводившееся только в областной больнице). Заведующий отделением был в это время на курсах повышения квалификации. По приезде (через пять дней после поступления инвалида), он собрал сотрудников для общего обхода палат. Спросил о сложных в диагностике больных. Андрей рассказал о пучеглазом нытике,

высказав своё мнение: «Жалобы не обоснованы! Наверное, хочет повысить группу инвалидности, просто настырный симулянт!» Не успели врачи обсудить ситуацию, как в дверь вошла старшая медсестра с историей болезни в руках.

– Александр Иванович! Кто на больного будет писать смертный эпикриз? Я только что подошла к нему, он не дышит!

Андрей быстро вышел в отделение, чтобы зафиксировать смерть пациента, и тут же вернулся в ординаторскую. Александр Иванович пробурчал: «Ну, что? Как в анекдоте: симулянт скончался?» Андрей затянулся сигаретой, Раечка искривила губы и отвела в сторону глаза, обычно направленные в самое сердце собеседника. «Может, это просто отек мозга? Или энцефалопатия? Ведь основной диагноз по амбулаторной карте у него эмфизема легких и легочно-сердечная недостаточность?» – прощбетала Раечка. «А куда деть головную боль, в которую я не поверил?» – неожиданно дрожащим голосом произнес Андрей.

– «Ну, что будем писать? Какой заключительный диагноз? Опять будет расхождение?»

Александр Иванович понимал, что не в диагнозе дело, что за этот период времени и в клинике бывает трудно поставить диагноз. Сам подход не верен! Где презумпция невиновности пациента в своей болезни? Почему мы не доверяем тем, кто ждет от нас помощи? Конечно, найдутся в этом мире и симулянты, и жалобики – кверулянты, но из-за них не должно уменьшаться в интенсивности главное чувство, которым призван обладать врач, – сострадание к больному.

В дальнейшем, при патологоанатомическом вскрытии этого инвалида, обнаружена гигантская опухоль головного мозга, оперативному лечению она уже не подлежала, была давностью в несколько лет. По мере роста опухоль сдавливала мозговые структуры, причиняя невыносимые страдания. Было чему болеть!

Стас взял трубку телефона, набрал номер ГАИ – там у него все инспектора были знакомые, чтобы уточнить обстоятельства дорожного происшествия. Но ответил дежурный: «Сейчас все на выезде, и начальник тоже! Под Петровкой с косогора высотой

метров в десять свалился виновоз из Крыма. Хорошо, что шел пустым из Москвы. Молодежь из деревни отмечала какой-то свой деревенский козырной праздник и нетрезвой ватагой человек в пятнадцать перегородила дорогу. Водитель, чтобы не сбить их, вынужден был свернуть резко вправо и уйти по склону к пруду. По радиации сообщили, что он жив, весь переломан, и без сознания. Скоро будет у вас!»

– Работенка предстоит «сурьёзная»! Что-то долго анестезиолога нет! Саш, если понадобится, а понадобится наверняка, может, опять заинтубируешь, дашь наркоз, а?

– Хорошо, но опять главша будет слюной брызгать! У меня же «корочек» анестезиолога нет! Это, когда я в областной больнице специализацию по ЭКГ проходил, подучился. Правда, раньше с четвертого курса приходилось: и оперировать, и интубировать, и масочный эфирный наркоз давать!

– Знаешь, мне с тобой спокойней! А то пьяный анестезиолог лучше, что ли?

– Ладно,ждемся, сориентируемся по месту. Главное, чтобы довезли благополучно. На нашей «буханке», сам знаешь, каково! Через пять километров кишки от сальника начинают отрываться! А тут политравма: руки, ноги, голова! А если позвоночник?

– Ничего! На «скорой» сегодня Лариса Васильевна. На её фронтальной опыт можно положиться! Она всякое повидала!

За окном завывала сирена. Выглянув в окно, Стас увидел вереницу машин: больничный УАЗик, три милицеских «козла» и «Москвич» начальника ГАИ. На ходу, надевая халат, он бегом направился вниз по лестнице в приемное отделение. Александр Иванович двинулся в сторону операционной, где уже хлопотали медсестры и санитарки, готовясь к операции. Он проверил наркозный аппарат, наличие медикаментов для внутривенного обезболивания, давление в баллонах с записью азота и кислорода.

Послышалось кряхтенье и сопенье гаишников, поднимавших по лестнице пострадавшего, периодически покрикивавших друг на друга неистребимыми из русской речи матюгами.

– Ты, б..., какого х..., сачкуешь? Поднимай свой край повыше!

– Возьмись за носилки сбоку, твою мать!

Наконец, они показали в дверях операционной. Стас «гармошкой» от переносного кислородного аппарата делал на ходу искусственное дыхание.

– Саш! Надо срочно справиться с шоком! Противошоковая жидкость есть? Делай обезболивание! Дежурит, оказывается, не Лариса Васильевна, она отпросилась на поминки, а Зинка. По молодости растерялась, кроме промедола, ничего не успела ввести, да и иммобилизацию сделала кое-как! Ревёт сейчас в приемном!

Пострадавший был без сознания. Неумело наложенный жгут на правое бедро только чуть приостановил кровотечение из рваной раны в нижней трети. Кровь пульсировала. «Повреждена бедренная артерия, видимо, отломками кости! Надо срочно остановить!» – констатировал Стас, выделяя главные повреждения, опасные для жизни, и заодно определяя очередность оперативных вмешательств. Действительно, не естественно расположенное правое бедро свидетельствовало об открытом переломе. Определялись также видимые деформации левой плечевой кости, ключицы, почти полностью было оторвано левое ухо. Как потом оказалось, в кабине у ног водителя лежал тяжелый домкрат, который и раздробил правое бедро на мелкие осколки.

Дальше началась обычная многочасовая работа. Остановка кровотечения, выведение из шока, возмещение кровопотери, иммобилизация – обеспечение неподвижности костных отломков. В процессе операции дважды фиксировалась остановка сердца. Пришлось прибегнуть к дефибрилляции при помощи переносного электрокардиостимулятора–дефибриллятора, который только месяц назад был приобретен Александром Ивановичем (по блату) в «Медтехнике» (за два мешка картошки, трёхлитровку спирта и обещание привезти на Новый год ёлку) для задуманной им палаты интенсивного лечения, тогда имевшейся только в областной больнице. Вот он и пригодился в операционной! А как не хотела главша подписывать счет! «Зачем это надо? Кто будет им пользоваться? Пустая трата денег!» Показатели кровообращения постепенно стабилизировались. Появилась возможность вытереть пот и поговорить.

– Вот видишь, хорошо, что ты остался! Всякое могло быть, честно, я не думал, что удастся запустить сердце во второй раз! Когда ты успел притащить дефибриллятор?

– Так я ещё дня четыре назад поставил его в операционную! Тогда еще у гинекологов была какая-то сложная операция. Помнишь, из области Мария Ивановна приезжала? Ну, когда мне пришлось сдать кровь в День донора – грамм пятьсот, а потом ещё во время их операции около литра от меня напрямую перелили. Я дежурил, а у гинекологички с кровопотерей была тоже первая группа. Когда Мария Ивановна узнала, что утром я уже сдавал кровь, ругалась по-чёрному! Посоветовала быстрее выпить спирт с пятипроцентной глюкозой. Ну, добрый глоток я сделал и совсем не захмелел. Да и вообще ничего не почувствовал!

– Как бы там не было, как говорят немцы: «Ende gut! Alles gut!» Конец хороший – всё хорошо! Звучит лучше, чем «Всё хорошо, что хорошо кончается!» Давай еще раз просмотрим назначения! Кстати, ухо я ему всё-таки пришил! Мужик симпатичный, видать – фронтовик! Как домой вернётся с равным ухом?

– Не боишься, что заживать будет вторичным натяжением? Лучше погодить, там было всё в масле, грязи!

– Ты знаешь, рука у меня легкая! Рану хорошо обработал перекисью! Если завтра придет в себя, надо отвезти на рентген! Кажется, и таз у него сломан, да и закрытая черепно-мозговая травма – будь-будь! Так и буду вести! Хорошо, если субдуральной гематомы нет!

Определив пациента в палату, наладив круглосуточное наблюдение (для чего пришлось вызвать медсестер из терапии, которые отдыхали после смены), Стас и Александр Иванович зашли в ординаторскую. Вечерело. Из окна доносился шум машин, взывающих на подъемах шоссе, но ветер был свежим, пахнувшим какими-то цветами, озоном после дождя и, конечно, хлорамином.

– Ты, смотри, часов восемь провозились! Домой пойдешь?

– А что там делать? Лучше тебе помогу. Дежурство только начинается!

– Да уж! Смотри, не накаркай!

Ночь прошла без поступлений, но спать коллегам не пришлось. Надо было следить за прооперированным водителем: катетеризовать мочевой пузырь, измерять давление, вызывать невропатолога, чтобы сделать спинномозговую пункцию и снять психомоторное возбуждение, лаборанта для контроля показателей крови. После вечернего обхода Стас занялся написанием истории болезни. Александр Иванович помогал ему.

Прошло полгода. Наступил долгожданный день выписки. Пострадавшего водителя звали Николай Алексеевич. Он работал на массандровском винном заводе, гремевшем на весь Советский Союз. История его жизни была запутанной. В четырнадцать лет он попал в плен, находился в концлагере, выучил немецкий язык, по окончании войны выучился на шофера и с тех пор постоянно за баранкой. Имел награды «за доблестный труд». К нему привыкли все сотрудники больницы, подкармливали его домашними яствами: отварной картошкой с маслом, ароматной селедочкой, жареным мясом, пирожками с печенкой, квашеной капустой с оранжевыми вкраплениями морковки, бочковыми солеными помидорами. Он пришел в сознание на пятые сутки. Быстро пошел на поправку и довольно уверенно начал передвигаться на костылях. Алкоголь не употреблял совсем. Со Стасом сдружился мгновенно, став ему старшим братом. Очередной виновоз, шедший пустым из Москвы, забрал Николая Алексеевича, которого провожал почти весь коллектив больницы.

Как-то Стас и Александр Иванович в очередной раз в субботу поехали с друзьями на близлежащее озеро, вооружившись боевой сетью, ведром картошки, десятком луковиц, стаканом пшена, солью, перцем, и тремя бутылками «Столичной». Затевалась неповторимая уха, потому что по дороге запасы пополнились уже ощипаным петухом размеров с индюка, который был куплен у знакомой фельдшерицы, так пополняющей свой семейный бюджет. А, значит, уха виделась «императорской», со всеми вытекающими последствиями. Поэтому в деревенском магазине был дополнительно приобретены еще три бутылки «Зверобоя». Ну, а на всякий случай, в канистре Стаса плескалось литра два «ректификатика».

Рыбалка удалась на славу. Десятка два карасей, ершей и прочей рыбной мелочи должны были стать основой творения гастрономического чуда. Уже шипела яичница на вкуснейших шкварках, поднимаясь над уровнем сковороды. Собравшись вокруг Стаса, все стали наблюдать за процессом приготовления ухи, не забыв, конечно, под яичницу побаловаться «аперитивом», в качестве которого выступал «Зверобой». Берега озера поднимались метров на пять над уровнем водной глади, находившейся на месте бывшего карьера, перегороженного плотинной. Откуда-то сверху послышался звук заглушаемого мотора.

– Наверное, к нам еще кто-то прибыл! Саш! Посмотри, кто там и зови сюда, ухи на всех хватит!

Из зарослей орешника показались два незнакомых человека с двадцатилитровой канистрой, нанизанной ручкой на крепкую палку, за которую держались двое. Сзади медленно спускалась заплаканная медсестра Мария Петровна. Выйдя на ровное место у костра, незнакомцы поставили канистру на землю.

– «Кто здесь Станислав Николаевич?» – спросил старший из них.

– Я, а что случилось?

– Эту канистру с лучшим коньяком Массандры вам и вашим коллегам передал мой друг, Николай – водила, которого вы спасали. Сказал, что больше ничем не может отблагодарить врачей за такое доброе отношение к нему. Только его с нами больше нет! В течение года после аварии он перенёс кучу неприятностей. Ушла жена. Против него возбудили уголовное дело, обвинив в аварии и требуя возмещение материального ущерба, невзирая на группу инвалидности. Всё это – по инициативе его бывшего друга, Героя Социалистического труда, директора винзавода, снабжавшего некоторых членов Политбюро и самого Генсека КПСС старыми сортами бесценного коньяка. Николай записался к нему на прием, ждал неделю. Потом ждал в приемной. Беседы у них не получилось, но удалось договориться об уменьшении размера компенсации за разбитую машину. Правда, и эту сумму Николай не мог выплатить на мизерную пенсию. Все предоставленные им из вашего ГАИ справки в суде действия не возымели. Давление любимчика Генсека было куда мощ-

нее! Наш друг попросил его только дать возможность отблагодарить коллектив далёкой больнички хотя бы продукцией винзавода. «Ладно!» – сказал директор: «Только за твой счет!» Николай согласился, позвал нас и попросил отвезти канистру своим спасителям. Никогда не пивший, он вдруг запил по-черному и через два дня повесился на воротах своего недостроенного дома, откуда был хорошо виден винзавод.

Минут пять никто не мог сказать ни слова. Потом Стас поблагодарил незнакомцев, налил всем по стакану водки. Выпили за упокой души еще одного униженного, но не сдавшегося человека, перенесшего тяготы концлагерей, но не вытерпевшего людской подлости.

Стас взял канистру, подошел к берегу и медленно вылил её содержимое в воду, окрасившуюся в цвет запеченной крови. Потом вытащил из кармана помятую пачку сигарет и закурил, прищуривая веки, чтобы скрыть наполнившие глаза слёзы.

ШАЛДОН

«Он шел по улице, подсвеченной желтым, мигающим светом уличных фонарей. За витринным стеклом в помещении то ли магазина (но без товаров и продавщицы), то ли спортзала (но без каких-либо спортивных снарядов) стояла женщина. Без возраста. Без особых примет, кроме улыбающихся распахнутых глаз. В светлом платье, также без определенного цвета, с вырезом на спине. В ногах у нее лежал мяч, обычный, но тоже без примет: ни футбольный, ни волейбольный, – просто мяч. Невидимым движением ноги женщина послала его прямо в стекло витрины. На стекле от удара зазвездилась и закружились искрящиеся трещины. Через мгновение он увидел женщину, уже перешагнувшую через порог. Казалось, что они знакомы давным-давно и уже многое знают друг о друге. Но была какая-то: то ли неясность в ее глазах, то ли недоговоренность мысли, то ли предвидение будущего...Он предложил ей пройти за угол, где находился известный ресторан, расположенный в подвальном помещении, но носивший все признаки классности и по кухне и по обстановке. Однако она не согласилась, а предложила идти через заросший спутанными, оголенными ветками кустарника двор, по которому вела еле видная тропа. Была ни зима, ни лето. Но деревья стояли без листвы. Начинаял накрапывать дождь.

– «Там подальше есть пансионат, где можно вкусно покушать в кафе, при свечах...» – прошептала она.

– «Хорошо...» подумал он.

Сразу за поворотом в низине открылась картина небольшого, из 5–6 домиков пансионата, за которым были видны очертания деревенских домов.

– «Откуда здесь село?» – промелькнуло в голове.

Но ноги быстро и легко уже набирали скорость под уклон. Женщина все время была чуть впереди. У скособоченного домика на скамейке сидели две старушки, пронзительными и все понимающими взглядами оценивающие невесту откуда взявшихся путешественников. На них поблескивали истертые черного цвета (под бархат) как бы полушубки, или куртки, модные в

свое время в деревьях. Одна из них, лузгая беспрерывно (по запаху, видимо пережаренные) душистые семечки, сказала: «Идти вниз под горку, там правда воды много, но эдак будет покороче. Вон там подале ваше кафе и будить!».

И тут же в темноте пропал и дом, и бабки, только чернота ночи густо за клубилась в том самом месте. Женщина неожиданно молча бросилась в откуда-то появившийся наполненный водой канал и быстро пошла вперед, как бы пробираясь через вращающее тяжелую, темную воду течение. Вода была ей по пояс. Платье быстро пропитывалось водой, намочая также и от сильного дождя, появившегося из ночи. Вдруг правее канала появилась тропинка с лежащей на ней скользкой доской. Появилась возможность пройти, не замочив ног, прямо к цели. Он быстро догнал женщину, которая остановилась, смущенно и доверчиво глядя прямо в глаза. «Мне надо переодеться. Я сейчас...» И она нагнулась, чтоб взяться за подол длинного, ставшего тяжелым от воды платья. Верхняя граница декольте отпала вниз, и перед глазами в полном объеме предстали красивые полные груди с заманчивыми бугорками сосков. Одним движением проищурило сброшенное платье. Но он видел только обеспокоенные женские глаза.

– Знаешь, я не успела сбегать в туалет. Можно, я на минутку отойду?

– Конечно, иди...

Она отошла в тень (почему темной ночью тень?) какого-то домика, похожего на баню. На ней уже было белое сухое платье (откуда?). Вдруг справа показались два деревенских парня, толкающих перед собой тележку с каким-то грузом и двигавшихся по направлению к женщине. Он решил громко предупредить ее, открыл рот, но звуки, как бы остывшие из-за непогоды, не были слышны даже ему самому...»

Именно в этот момент Руслан проснулся, сожалея об отсутствии продолжения такого необычного сна, внутренним чувством надеясь, что, закрыв глаза, удастся досмотреть что-нибудь из только что увиденного. Но, увы! Надо было вставать. Впереди – полный студенческих забот день. Вся жизнь еще только начиналась.

Лето тысяча девятьсот шестидесятого года было обычным для Северного Кавказа. Вечером и ночью в душно-пыльной атмосфере с разрывающим воздух треском громыхал гром вперемежку со вспышками бело-фиолетовых молний. Затем обильные дождевые потоки дочиста смывали с асфальта всю накопившуюся за день грязь. Утром город оказывался блестяще вымытым, воздух – становился прозрачно-чистым и свежим, а лужицы после очистительного дождя – отражали солнечные улыбки и яркую зелень деревьев.

Городской бульвар вдруг и сразу заполнялся людьми: гуляющими, спешащими на работу, просто проводящими время в свое удовольствие. Бодрые старушки в черных платках и чернобровые женщины в ярких косынках осторожно несли положенные на блюда и завязанные в марлевые узлы только что испеченные, хорошо промасленные, солнечные круги осетинских пирогов с сыром, на которых уютно возлежали жирные желтые отварные куры. Видимо на соседней улице предвиделось какое-то торжество. Обязательные три пирога и курица, укутанные в марлю, да еще и графин с аракой (кукурузной водкой, пахнущей прожаренной соломой и дымом костра), – со всех сторон стекались в празднующий дом вместе со своими дарителями, чтобы занять достойное место на гостеприимном столе.

Мужчины (постарше – в каракулевых папахах, помладше – в огромных размеров фуражках – «аэродромах»), степенно переговариваясь между собой, передвигались в том же направлении, но отдельно от женщин.

Студенты, то ли прогуливающие лекции, то ли просто проводящие время перед занятиями, громко хохотали, кучковались группами по несколько человек, создавая летучие очереди то перед киоском с газировкой, то перед лотком с пирожками. Вода была: за копейку – без сиропа, а за четыре копейки – с бледновишневым сиропом, сладость и запах которого лишь отдаленно напоминали о его названии. Но сама по себе вода – была воистину настоящим напитком! Даже без газирования ее ломающий зубы холод подчеркивал особый, не сравнимый ни с чем вкус. Да, именно, вкус! Не чета теперешней сверх очищенной, патентованной, дистиллированной, хорошо «бутилированной» жид-

кости! Разница – как между живой и мертвой водой из сказок! Может, водозабор осуществлялся в естественных источниках из-под ледников, может, город был менее громоздким и ненасытным? Только лет через двадцать такого вкуса у воды уже не ощущалось. Чтобы почувствовать его, надо было подниматься высоко в горы.

А темно- и светло-коричневые, золотистые от масла, хрустящие на местах закрутки, только что пожаренные пирожки – длинные, подобно похудевшим веретенам! Они стоили по пять копеек, их почему-то называли «пирожки с котятами», но начинка была нежной, из субпродуктов, от них исходил запах печени с луком и специями, на языке таял хорошо прокрученный фарш. Тесто – простое, но ароматное. Пирожки вручались покупателям в кусочках белой промаслившейся бумаги, которая служила также салфеткой. Для студентов, получавших от 20 до 40 рублей (при повышенной стипендии!) – это было и доступно, и вкусно, и необходимо.

На многочисленных скамейках под тенью гигантских тополей сидели пенсионеры, беседовали о мировых проблемах, читали свежие газеты, играли в нарды, шахматы, шашки. Вокруг них – галдящие болельщики разных возрастов, снующие от скамейки к скамейке. Вдруг появлялся кто-нибудь с осетинской гармошкой. Спонтанно начинались национальные танцы, пелись протяжные горские песни. По проспекту прогуливались (также небольшими группами) люди, объединенные либо общими делами, либо просто дружбой – с желанием поделиться какими то новостями на фоне умытого города, ласкового солнца и старинных одно- двухэтажных домов, в ту пору еще не завешанных аляповатой и надоедливой рекламой.

К середине дня солнце начинало усиленно испарять воду, наступала жара, воздух высыхал, гуляющие и отдыхающие постепенно покидали проспект и тенистый бульвар, громыхающие и клацающие на стыках рельс трамваи поглощали молодежь, ищущую новых развлечений на водной станции. Трамваи были в основном такими же, как и сейчас. Но по некоторым маршрутам еще ходили старые вагоны с открывающимися вручную

дверьми, знакомыми по картинам с участием Чарли Чаплина и Игоря Ильинского.

С подножки такого вагона на повороте около кинотеатра «Дружба» и прыгнул Руслан. Он был худощав, но крепок, потому что занимался всеми доступными видами спорта, как это делали все ребята в те годы, в том числе и популярной среди всех кавказских народов вольной борьбой. Поэтому шея его была мощной, уши слегка примяты и напоминали собой пельмени. На нем была черная, сшитая младшей сестрой по его собственному заказу, рубашка с кокеткой. Только что привезенные из Польши и купленные в давке на рынке джинсы также черного цвета с желтой строчкой и черные узконосые ботинки завершали его одевание. Правда, к джинсовой ткани простое полотно не имело никакого отношения, поскольку уже в те времена польские предприниматели делали на этом ширпотребе хороший бизнес.

Такой подбор одежды не был случайным. Только что с ошеломляющим успехом по стране прокатился один из первых американских вестернов – «Великолепная семерка». Юл Бриннер в роли Криса стал кумиром молодежи, впервые ощутившей аромат дикого Запада: лошадиных седел, дымящихся гильз от «Кольтов» и бесшабашной храбрости «семерки». Правда, потом дошла информация о том, что это только перепев истории семи самураев, которую уже реализовал в кино Акиро Куросава. Но для молодежи из провинции, только что вошедшей в пору известной хрущевской «оттепели», это было совсем неважно. Правда, большинство из тогдашних поклонников Криса отреклось бы от него, узнав, что Юл Бриннер однозначно принадлежал к сексуальным меньшинствам. На Кавказе таких героев быть не могло! Но еще не было гласности и всеобщей распущенности, люди еще верили в идеалы, а цветное широкоэкранное кино так отличалось от привычного быта!

Но, впрочем, Руслан об этом и не думал. Он «ковбойской», как ему казалось, походкой вразвалочку направился к стоявшей у витрины девушке в обтягивающем светло-сиреновом платье, с черными кудряшками.

– Привет, Светка! Держи цветы!

- Спасибо! Я уже заждаюсь. Где ты был до сих пор?
- Знаешь, тренировка поздно кончилась. Готовимся на сборы. Скоро соревнования.

Света не знала, что тренировка давным-давно закончилась, а причиной задержки Руслана было элементарное отсутствие денег, на которые можно было бы повести подружку в кино, угостить мороженым, или купить цветов. Небольшой букет фиалок, врученный Свете, был собран Русланом на клумбе в парке, мимо которого он проходил полчаса назад. Подарок был в полном соответствии с популярной в те годы песней: «Купите фиалки! Вот букетик лиловый!». Уже почернело небо, из темноты которого наваливалась вечерняя духота... Городская духовка источала запахи жарившегося где-то мяса, смешивающегося с висящим в воздухе ароматом настоящих ночных фиалок. Зеленые искры, как при электросварке, из-под трамвайной дуги – предвещали ночную грозу.

– Ну, что будем делать? Мне скоро надо быть дома... в кино опоздали...

– Ладно, Свет, давай сходим в кино завтра! (В голове Руслана тут же промелькнула мысль о том, что к завтрашнему дню денег все равно не будет, за то будет время что-нибудь придумать в свое оправдание).

– Тогда проводи меня домой. Уже темно. А на Шалдоне не очень спокойно!

– Хорошо, пошли!

Руслан все никак не мог решиться сказать Свете правду. Ее старшая сестра была связана с какими-то уголовными типами, которые почему-то в основном обитали на Шалдоне. Этот район города был известен тем, что стал зоной повышенной опасности после амнистии, когда не только вороватая и хулиганствующая шпана, но и более крупные представители уголовного мира оказались на свободе. В то время они избегали новостроек, светлых площадей и проспектов. Их любимым местом были домишки с проходными дворами, множеством темных закоулков и сарайчиков, где было удобно прятать и прятаться. Это потом так называемая «пена» всплыла над трудящимся обществом, залепила

собой самые современные кварталы самых дорогих городов мира, да и сейчас там находится.

Они пошли, взявшись за руки, болтая о пустяках. Через квартал на противоположной стороне улицы вдруг с резким хлопком распахнулась калитка, ведущая к маленькому, покосившемуся, кривоватому дому. Из нее выбежал мужчина в черной кожаной куртке и побежал в сторону трамвайной линии. За ним выскочили три непонятного в темноте возраста личности, оружие что-то по-грузински, но с русским матерным сопровождением. Один из них взмахнул рукой с блеснувшим ножом. Убегавший схватился за раненую руку, но успел тычком ноги свалить нападавшего. Но подоспели двое других, раздались глухие удары двух пар рук и ног. Мужчина упал, однако, перевернувшись несколько раз вокруг оси, вновь вскочил на ноги, держась за повисшую руку. Уже все три преследователя, мешая друг другу, бросились на него и сбили с ног. Вновь мелькнул узкий клинок. Однако удар пришелся мимо, и мужчине удалось вскочить на ноги. Он увидел нас, оценил обстановку безысходности и громко крикнул: «Помоги, друг!»

В драки по не писанному дворовому кодексу не было принято вмешиваться. «Двое дерутся, третий не лезет!» Это Руслан знал с детских лет, когда в школе не единожды приходилось выяснять отношения с одноклассниками. Но, во-первых, сейчас он был не один, во-вторых, его попросили о помощи, в третьих, наблюдаемая им драка более всего походила на одностороннее избиение с вероятным кровавым исходом. Крикнув подружке: «Иди быстро домой!», он в три прыжка преодолел расстояние до водоворота драки, ударом по шее заставил рухнуть одного из нападавших, другого (с ножом) схватил за кисть, резко, до хруста и дикого рева, вывернул ему руку. Нож упал в темноту, а его владелец резкой подсечкой был отправлен наземь. Третий нападавший, не ожидавший такого сокрушительно быстрого исхода, метнулся назад к калитке и, чего-то громко крича, нырнул в нее.

Перед Русланом у забора стоял запыхавшийся, молодой (лет тридцати), плохо выбритый, со стандартными по тем временам усиками, мужчина, придерживавший раненую руку. По

рукаву текла кровь, в темноте казавшаяся черной с темно-вишневым отливом.

— Спасибо за помощь! Но они сейчас вернутся. Там еще человек восемь. Помоги

мне добраться до трамвая! Мамой клянусь, не забуду!

— Давай руку перевяжу!

— Не успеешь! Лучше давай делать ноги, пока не поздно!

Прикрой меня!

Незнакомец бросился бежать к трамвайной линии, Руслан держался сзади на полтора шага. От калитки уже нарастал топот множества догоняющих ног, крик, мат, слышался металлический звяк. «Цепи, или что?» подумал Руслан, подхватывая спотыкающегося незнакомца под здоровую руку, и таща его за собой. Еще два шага... один... Левой рукой Руслан ухватился за поручень, правой обхватил спутника и рывком забросил его на ступеньку задней двери второго вагона. В этом месте скорость трамвая была минимальной, а дальше он быстро покатился под гору, как бы нарочно легко и непринужденно отрываясь от разъяренных преследователей. Визг колес по рельсам заглушил их удаляющиеся в никуда вопли.

Отдышавшись, незнакомец представился:

— Джамбот.

— Руслан.

Помолчав немного, Джамбот сказал:

— Сейчас трамвай притормозит на повороте. Спрыгнем. А то на остановке могут догнать, если поймают машину.

Так и сделали. Спрыгнув на ходу без особых усилий, Руслан, продолжая бежать, подхватил начинающего бледнеть Джамбота, все-таки не удержавшегося на ногах. Они бегом рванулись через улицу к закрытому двору старого четырехэтажного здания, сообщавшегося с соседними дворами. В беседке Руслан осмотрел рану, насколько позволял тусклый фонарь. Кровь медленно подтекала из глубокого разреза плеча, стекая крупными каплями в темень ночи с покореженного лезвием рукава кожанки. Необходимости в использовании жгута не было. Чтобы наложить давящую повязку, Руслан решил воспользоваться носовым платком и рукавом рубашки Джамбота. Но тот внезапно

привстал, потянул Руслана здоровой рукой за собой, пригнулся, а затем упал на колени за густой куст сирени. В арке показались мечущиеся фигуры, пытающиеся угадать вероятное направление их побега. Фигур было две. Видимо, остальные выбирали другие возможные пути преследования. Спустя некоторое время, подняв голову, Руслан уже не увидел никого. Только темнота, запах каких-то цветов, качающиеся уличные фонари и черная дыра подворотни. Начали набирать силу порывы теплого ветра. Зашуршали листья кустов. Помолчав еще несколько минут, Джамбот тихо сказал: «Ну, вроде бы – отбой! В этом доме у меня живет родственница. Не беспокойся, она медсестра, перевяжет в лучшем виде... Может зайдём?» Руслан отказался. Неожиданное приключение требовало свободного времени для осмысления. Ведь все, что делается инстинктивно, по обстоятельствам, часто бывает не совсем понятным при спокойном анализе. «Кто этот незнакомый человек, приглашающий в гости к другому незнакомому человеку? Я вроде бы сделал все правильно, по-мужски, но стоит ли продолжать случайное знакомство?» – подумал Руслан. А вслух сказал:

– Спасибо, Джамбот! Мне уже пора ехать домой. До встречи!

– Ну, как знаешь. Я тебе не просто говорю – спасибо! Запомни, мало ли что где с тобой случится, скажи только, что ты друг Джамбота – все будет нормалек!

Руслан тут же про себя подумал, что это обычный кавказский треп, когда желаемое выдается за действительное, особенно в критических ситуациях.

– Хорошо! Давай иди к родственнице, а то кровь еще капает!

– Пока!

– Бывай!

Джамбот вошел в подъезд дома. Входная дверь противно завизжала, впуская его. Через некоторое время в одном из окон на втором этаже зажегся свет. Руслан быстрым шагом, забыв о ковбойской походке, прошел через двор, и, поглядывая внимательно по сторонам, вернулся к кинотеатру, сел в полупустой вагон трамвая идущего в противоположную сторону и, в ожида-

нии своей остановки, задумался и крепко уснул, подсознательно анализируя все, что случилось с ним за последнее время.

«Была еще одна причина, по которой прервавшийся поход на Шалдон желательно было не возобновлять. У него уже была другая подружка, с которой он познакомился недавно на водной станции, когда демонстрировал перед друзьями усвоенные в школе элементы акробатики. После того, как Руслан сделал после разбега рандат, фляк и сальто назад в группировке, он оказался около скамейки. Повернувшись к ней, вышел в стойку на кистях и в этот момент увидел любопытные и усмехающиеся глаза молодой женщины, сидевшей на соседней скамье в пестром ситцевом купальнике, по своим габаритам близким к бикини. Она была года на три постарше Руслана, с серо-зелеными глазами, небольшой, но вполне округлой грудью, стиснутой лифчиком, но нескромно рвущейся наружу. Рядом сидел мальчуган лет четырех в панамке, с неизменным для детей совочком и ковырялся в рассыпанном вдоль дорожки песке, предназначенном для строительства питьевого фонтанчика. Старый фонтанчик был обезвоженный и ржавый. Он, похилившись, стоял у края берега, как бы пытаясь попасть в воду и омыть свои коричнево-желтые бока. Руслан мгновенно решил сделать стойку на одной руке, но, покачнувшись, потерял равновесие, и едва не опрокинув скамейку, спрыгнул на землю, больно ударившись пяткой о повернувшийся под нее камень-голыш. Тем не менее, внешне, видимо, все выглядело пристойно. Друзья начали тоже вытворять то что умел, стараясь выглядеть не хуже Руслана.

А он, присев на скамейку рядом с обратившей на себя его внимание женщиной, мучительно искал повод познакомиться. Долго ждать не пришлось. Она сама, повернувшись всем телом, сверкнув на солнце алмазами водных капель, еще не высохших и только украшающих чуть тронутую загаром кожу, спросила:

— Вам не больно?

— Ни капельки! А почему вы решили, что мне должно быть больно?

— Просто я видела, как ваша нога подвернулась на камне...

— Ну, вообще-то все так и было. Давайте познакомимся, а то как-то неудобно разговаривать, не зная имен...

– *Давайте! Я – Нелли...*
– *Я – Руслан...*
– *А в песке ковыряется мой племянник – Андрюха.*
– *Привет, Андрюха! Дай дяде ручку!*
– *Пливет! Я лучку не дам, потому фто она в песке и глянз-
ная...*

*А сам хитровато посмотрел на тетку, будто спрашивая:
«А этому-то, с мятыми*

ушами, чего от нас нужно?»

– *Ну, ладно, потом пойдем купаться, тогда дашь дяде ручку...*

– *Тогда тове не дам, она будет моклая...*

– *Ну, не хочешь, как хочешь. Что это он у вас такой упрямый?*

– *Наверное, в меня. Я у него вместо матери. Она артистка, часто уезжает на гастроли. А отец его – спортсмен, боксер, тоже дома не сидит.*

И назвала фамилию известного в то время чемпиона. Руслан не раз встречался с ним в кругу спортсменов, но близко не был знаком. Тот действительно редко бывал в городе, пропадая на союзных и российских сборах, выступая за границей – в ГДР, Болгарии, Польше. Жена гастролировала по стране с труппой, а сын воспитывался, оказывается, этой симпатичной женщиной. Интересно, чем же она занимается? Но спросить прямо постеснялся, отложив свое любопытство на потом.

В этот момент к берегу приткнулась прогулочная лодка, в которой сидели три девчонки, видимо, готовые к поступлению в институт, или к очередной сессии. На сиденьях лежали развернутые книжки, шелестели тетрадные листки, пара коржиков и бутылка лимонада подтверждали предположение о студенческой принадлежности девчат. Одна из них сразу выпрыгнула на берег, подтащила лодку поближе и стала поддерживать ойкающих и айкающих подружек, вылезающих из лодки. Девочка была необычной для тех мест внешности: рыжеволосая, со светлыми, выгоревшими кудряшками на лбу, туго заплетенными косичками, свернутыми в корзиночку, с широко открытым в улыбке ртом, сияющим блестящей белизной зубов,

со сверкающими шоколадками хитро смеющихся глаз. Она увидела Руслана, и щеки ее почему-то полыхнули сквозь смуглость кожи румянцем восходящего солнца. Заметив рядом с ним собеседницу с ребенком, резко повернулась к подружкам, и взор ее стал дерзко-недовольным, улыбка лишь на пару секунд испарилась, но затем появилась вновь, казалось, освещая вместо скрывшегося в облаках солнца всю водную станцию. «Девчонки! Айда за мороженым!» – прозвенел в утомленности полдня ее голос. Девчата, роняли на бегу тетрадки, подбирали их, тут же перепихивали друг другу, подпрыгивая, как горные козочки, вприпрыжку помчались к киоску, где продавалась соблазнительная замороженная сладость в виде шариков, получавшихся при доставании из общей массы мороженого специальной ложкой, согретой в кипящей воде.

Руслан не мог скрыть своей заинтересованности этой стайкой молодых девчат. Глаза разбегались, силы молодым вином маджари гуляли по сосудам, пронизывающим мощное, напружиненное тело. Нелли усмехнулась: «Что? Хороши девчонки?» Руслан дипломатично ответил: «Все женщины прекрасны в любом возрасте, в любое время и в любом месте!»

– «Ты начал говорить тостами» – вдруг перешла на «ты» Нелли.

– «Это по наследству! Мой дед умел во время тоста пить и пить одновременно, и даже в столетнем возрасте без него не обходилось ни одно застолье.»

Свойственное всем желание прихвастнуть, особенно перед объектом внимания, было близко к истине. Деду Руслана было «всего» девяносто два года, он был женат в четвертый раз. На последней женищине женился в возрасте восьмидесяти четырех лет, когда ей было сорок два года, заимел от нее сына и умудрялся еще погуливать в соседних селениях. Жена приходила к отцу Руслана и жаловалась на мужа, но отец всегда отвечал, что старшего учить бесполезно и предлагал ей относиться к ситуации с терпением. Дед вообще отличался могучим природным здоровьем. Был широк в кости, грузен, лыс, медлителен в движениях и размышлениях. Каждую зиму он ходил в горы для пополнения запасов медвежьего жира, которым уже несколько

лет для профилактики смазывал суставы. «Что-то колени..., кажется (!)..., ныть стали...» – говорил он вразяжку. И мог на следующий день отправиться на охоту, одев на себя несколько телогреек, промазанных смолой. На встречу с медведем шел всегда один на один, вооруженный рогатиной и длинным кавказским кинжалом. Рогатиной поднимал из берлоги зверя, встававшего на задние лапы, упирался сдерживающей рогатиной ему в шею, и ударом кинжала в сердце заваливал косолапого. Так как приходилось подходить к медведю вплотную, тот успевал несколько раз мощными ударами когтистых лап распуścić одну – две телогрейки, зачастую добираясь до тела даже сквозь вязкость слоев смолы. На коже спины деда с обоих боков бугрились полосы плотных бело-коричневых рубцов, напоминавших о медвежьих объятиях.

Руслан тогда еще не знал, что через год деда не станет. Накосив на склоне горы целую арбу травы для кроликов и баранов, всегда державшихся в хозяйстве, он залезет на воз, который медлительная лошаденка потащит по горной дороге. Внезапно вынырнувшая из-за поворота машина собьет арбу вместе с хозяином в пропасть, оставляя за собой клочья свежескошенной травы, да обломки горного транспорта.

С гор потянуло прохладой, на коже появились пупырышки «гусиной кожи», все засобирались домой. Руслан помог Нелли сложить вещи, посидел с Андрюхой, пока та сбегала в кабинку раздевалки переодеться. Вернулась в узеньких легкого материала брючках, бежевой кофточке с глубоким вырезом на груди. Так как плавки уже высохли, Руслан натянул на себя светлые полотняные брюки, цветастую рубашку, за которые в школе малышня дразнила его стилиягой. Брюки были вьетнамского происхождения, не такие уж и узкие, но непривычные для окружающих, привыкших к широким, заправленным в сапоги творениям отечественного ширпотреба.

Ехать пришлось с пересадкой на другой конец города, где Нелли жила в кирпичном одноэтажном домике довоенной, а может и дореволюционной постройки, на тихой улице с такими же патриархальными домами, какие можно увидеть лишь в городках с давнишними традициями, не пострадавших от бом-

бежек и других человеческих экспериментов над самими собой. Проводив ее с племянником до дома и договорившись о встрече, Руслан поехал на проспект, неподалеку от которого жила его тетка.

Заходил он к ней редко, так как та была вся в заботах о четырех своих дочках, одна из которых уже была замужем, вторая только собиралась туда. Ее муж, бывший партийный и государственный деятель масштаба маленькой автономной республики, размером меньшим, чем любая область, был своеобразным человеком. Характер его был соткан из апломба «бывшего», любви к своим дочкам, непризнания прав своей жены, постоянно трудившейся на узкой кухоньке в шесть квадратных метров, готовя еду, обстирывая семью и встречая гостей. Тетка была грузна, у нее болели и отекали ноги, но она сохраняла неистребимую кавказскую красоту: черные с сединой волосы, огромные черные светящиеся глаза, улыбку и застенчивость. Когда-то в тридцатые годы дядька украл ее, потому что был беден и не мог сыграть свадьбу, являющуюся визитной карточкой состоятельности мужчины. Зачастую такое «воровство» было вынужденным и встречало понимание среди родных невесты. Так было и в ее случае. Но вот из-за снобизма, исходившего от дяди, Руслан не очень любил бывать в этом доме, хотя сама тетка была им очень любима. В этот раз он решил хоть на минуту забежать к ней. Услышав, как на звонок откликнулся командным голосом дядька, подумал: «Эх, зря выбрал такое время для визита!» Но делать было нечего, пришлось зайти, вежливо поздороваться, обнять тетку и пройти в комнату. В те поры даже первые лица республики не позволяли себе строить замки-особняки и довольствовались малым. Бывший секретарь Президиума Верховного Совета республики жил на втором этаже ветхого предреволюционной постройки дома. В туалет (единственный на весь дом из нескольких квартир) надо было спускаться во двор по широкой деревянной лестнице. Три маленьких (метров по восемь или десять) комнатухи вмещали шестерых членов семьи. Вот и все привилегии! А прошло всего семь лет после ухода дядьки из чиновников областного масштаба в районное руководство. Через много лет

Руслан собственными глазами увидит евродворцы чиновников всех мастей, жуликов разного пошиба, но приближенных к власти (воровской ли, государственной ли – все равно, эти понятия в умах обычных граждан сольются в единое целое).

А пока он сидел за столом, накрытым в комнатке выходящей на поскрипывающий балкончик, опирающийся на два столба, вросших в каменистую землю. На нем были полки с полным собранием сочинений Сталина, которые были вынесены из комнаты после XX съезда КПСС, банки с соленьями и вареньями, и маленький столик. А в комнате, кроме овального стола и старого, с полочками на задней спинке, дивана, помещалось пианино немецкого (или австрийского) производства, да кадка с растущим и плодоносящим лимоном, за которым трепетно ухаживал хозяин, демонстрируя гостям похожие по величине на грейпфруты плоды.

Дядька усадил гостя за стол, потчужа собственноручно изготовленной ароматной настойкой на розовых лепестках, под изумительной вкусноты пироги с сыром, обильно одобренные сливочным маслом и неизменный салат из помидоров с луком и базиликом, называвшимся в тех местах – васильками. Руслан, не любивший крепкие напитки, только подносил к губам маленькую стопку, проглатывая несколько капель удивительно вкусного напитка, выслушивая нравоучительные, но полезные тосты. Тетка за стол не садилась, только, прихрамывая, заходила из кухни, присаживалась на диван, с любовью глядя на племянника, видя в нем отражение своих старших братьев, называла его братиком, говорила несколько приятных слуху слов, и вновь исчезала в проходной кухне, служившей для семьи также прачечной и ванной. Чувствуя неловкость от ее отсутствия, он по истечении некоторого времени извинился и, обняв на прощание родных, быстро спустился во двор, повернул направо и через минуту очутился на проспекте.

Пройдя квартал, повернул направо и лицом к лицу столкнулся с Валерием, своим давним другом, с которым расстался в шестилетнем возрасте. Их отцы служили вместе, мать была лучшей подругой тетки, от которой только что вышел Руслан, а сами они только недавно узнали, случайно встретившись, о

своем давнем знакомстве. Они стояли около углового входа в подвал, где обычно продавалось (и употреблялось) вино и водка. Решено было спуститься в это заведение, чтобы отметить каким-либо образом встречу. К собственной неожиданности, а может из желания показать себя взрослыми друг перед другом, они заказали по стакану водки и закуску из сельди с постным маслом, хлебом и луком. Было страшиновато, но все-таки стаканы были опустошены. Никакого удовольствия от алкоголя Руслан не испытывал. Да и потом, в течение всей жизни пил больше по необходимости, никогда не имея тяги к выпивке и опохмелке. Но в разговоре от выпитого появились грубоватые выражения, совершенно не свойственные ни тому, ни другому, ощущение легкости в теле и всесилия. Однако, в то время спортивный (также не писанный) кодекс предписывал не применять без крайней необходимости умения, полученные на борцовском ковре в спортзале. Чтобы не искать на свое мягкое место приключений, друзья распрощались, договорились о встрече через неделю и разошлись по домам.»

На повороте заскрежетали трамвайные колеса, и Руслан открыл глаза. Все, что с ним случилось две недели назад, промелькнуло в течение нескольких минут езды на трамвае.

Руслан жил на узенькой улочке, где родители снимали квартиру – одну комнату в двенадцать квадратных метров в разваливающемся домике, с удобствами на улице. В этой комнате жила вся семья из пяти человек. Две кровати стояли у двух стен по периметру, к третьей стене примыкал письменный (он же обеденный) стол, этажерка с книжками, четвертую загораживал платяной шкаф. Середины комнаты почти не было, раскладушки для детей лежали под кроватями, пища готовилась на керосинке, стоявшей тоже в комнате, а летом ее удавалось вынести на веранду (более напоминающий обычный навес) метровой ширины, расположенную вдоль входов в комнаты домовладелицы и квартиросъемщиков. Домочадцы были дома, и, поужинав, Руслан спокойно лег спать в ожидании завтрашнего свидания с Нелли.

На следующий день ближе к вечеру он одел свой ковбойский «прикид», побрился и направился на заранее назначенную встречу.

В старинном парке у прудов, над которыми нависали престарелые ивы, а по ряби вод плавали вперемежку лебеди и лодки, неподалеку от висячего моста через Терек, раскинулась танцплощадка, громкой музыкой зазывая отдыхающих. Посещалась она хорошо, в чем-то напоминая упрощенный вариант будущих дискотек. Бывало на ней всякое: и драки, и облавы с целью выявления незаконного ношения оружия, после которых это самое оружие находили выброшенным за ограду, или брошенным внутри самой танцплощадки. Руслан, заранее купивший входные билеты, увидел элегантную фигурку Нелли. Она настороженно оглядывалась по сторонам. Взгляды их перекрестились, они встретились, как и положено давним (давностью в две недели) знакомым, и вошли на площадку в толпу, синхронно раскачивающуюся под звуки танго. Переминаясь с ноги на ногу, некоторое время они топтались в центре площадки, затем приблизились к стоящим по периметру скамейкам. Руслан заметил, что Нелли продолжает тревожно озираться.

– Ты кого-то ищешь?

– Понимаешь, мой сосед ревнует меня, как говорится к первому столбу, и мне показалось, что от дома он следил за мной. Не хотелось, чтобы вы стали между собой выяснять отношения. Он только что освободился из тюрьмы, мало ли что может случиться...

– Да ладно, тебе просто показалось, что...

Руслан остановился на полуслове. От скамейки на противоположной входу стороне отделились пять немаленьких габаритов мужиков и, раздвигая плечами толпу, держа руки в карманах, угрожающе глядя в упор, начали движение по направлению к центру площадки. Впереди всех шел крепко сбитый, кучерявый, с фиксой во рту, приоткрытом в нахальной улыбке, парень в просвечивающей через белую рубашку тельняшке.

– «Это он....» – прошептала Нелли.

– Вижу сам. Давай танцуй ближе к выходу, их на одного многовато. Подожди меня минут тридцать на остановке у почтамта. Если меня не будет – уезжай домой!

С этими словами Руслан быстро повернулся, и, помня первый прием самбо при превосходстве противника – бег, рванулся

к выходу, не теряя из виду преследователей. Бежалось ему легко. Тренировки не проходили даром. Обернувшись и заметив, что фиксатый парень оторвался от своих корешей, решил, не снижая скорости, подбежать к самому берегу пруда. Почувствовав прямо за спиной дыхание преследователя, Руслан резко остановился, присел и круговым движением ноги подсек ноги фиксатого. Тот по инерции рухнул головой вниз в воду, оказавшись в полутора метрах от берега. Повернув направо, и отслеживая передвижение противников, Руслан рванулся как на стометровку к выходу из парка и дальше, сделав еще один правый поворот, помчался по узкой улице к проспекту, чередуя ускорения с ровным бегом, захватывая теплый воздух легкими, чувствуя каждую мышцу, успевая смотреть по сторонам. Сзади никого не было слышно. Видимо, все силы преследователей были сконцентрированы на вылавливании своего друга из пропахшего тиной пруда. Перейдя на быстрый шаг, через три – четыре минуты Руслан оказался на трамвайной остановке. Нелли удивленным взглядом встретила его, но только спросила:

- Все в порядке?
- Как видишь...

Подождал трамвай, и они, болтая ни о чем, поехали, куда трамвай вывезет. А довез он их до остановки, на которой Руслану пришла в голову мысль исправить испорченный вечер.

– Давай, пойдем в филармонию, чего-то туда наши девчата собирались пойти. Чьи-то гастроли вроде бы интересные.

– Давай! Только я одета не очень...не для концерта...здесь рядом мой дом, забегу переодеться.

- Хорошо, только поскорее, а я пока возьму билеты.

На здании филармонии висели красочные (красными буквами) афиши – «СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ – САРАСАТЕ».

– «Ну и что? Сарасате так Сарасате!» – подумал Руслан. «Главное – денег бы хватило. Неудобно будет, если придется что-нибудь придумывать, чтобы оправдаться перед Нелли...»

К счастью, денег в обрз, но хватило. Народу было много. Среди топчущихся, толкающихся и разговаривающих между собой зрителей промелькнуло лицо той рыжеволосой девчушки с белозубой улыбкой, что когда-то встретилась на водной станции.

Попадались и давно знакомые лица. Все были принаряжены в ожидании приобщения к искусству. Руслан не очень любил классическую музыку, но всегда внимательно вслушивался в поток звуков, пытаясь представить замысел композитора. И зачастую ругал себя за свою музыкальную безграмотность, связанную то ли с отсутствием врожденного слуха, то ли с неразвитостью его. Но посещение филармонии в то время было явлением модным, являлось как бы составной частью общего образования.

Появилась элегантно одетая Нелли и они вместе вошли в зрительный зал, расположились на своих местах где-то в середине зала. Свет начал меркнуть, стихла зрительская возня, слышнее стали отдельные покашливания, шуршание разворачиваемых шоколадных и конфетных оберток. Со сцены пахло специфическим театральным запахом. А затем, казалось, со всех сторон охватила их цыганская, плачущая, надрывная мелодия, уводя в дикие просторы к сполохам костров, звону монист, ржанию необузданных коней, в общем, в непознанную свободу, казавшуюся недоступной, но близкой.

Руслан прикрыл глаза. *«Две старушки, но уже не в черных под бархат полушубках, а в ярко-цветастых шالях, с трубками в расщелинах ртов, с поросшими редкими волосками подбородками...но с такими же пронзительными и проникающими в глубь мыслей глазами, как в недавнем сне, – в клубах кострового дыма внимательно прислушивались к звукам, рвущимся из зовущей и страдающей души волшебной скрипки... На высоте мечущегося и чего-то ищущего аккорда – старушки вновь пропали. Вспыхнуло солнце, чуть -чуть завешанное проливным «слепым дождем»... Впереди идущая по пояс в воде (но уже светлой, пузырящейся) жениcina – со спины казалась очень знакомой. Ну, конечно, эти рыжие волосы, собранные в корзиночку, которые вдруг рассыпались по плечам, ставшим округлыми, желанными...это легкое движение бедер, преодолевающих потоки воды... этот звонкий смех, не соответствующий скрипичному страданию...»* Раздались аплодисменты. Глаза сами собой открылись, и Руслан увидел в глазах Нелли нескрываемый вопрос...

– С тобой все нормально?

– Да! Просто заслушался... Скажи, здорово играют?!

- Да я не очень в этом разбираюсь.
- Я тоже, но сейчас было просто все понятно!

Концерт шел своим чередом. Нелли стала позевывать. Руслану из-за этого никак не удавалось сосредоточиться на музыке. Боковым зрением он уловил чей-то быстрый, но проникающий, как у старушек из недавнего сна, взгляд. Мгновенная догадка, кто это мог быть – «Конечно, опять она!» Резко повернув голову, он, однако, не увидел никого из знакомых. «Показалось, наверное»

– «Ты что вертишь головой? Тоже надоело?» – спросила Нелли.

– Ну, вообще-то можно уйти после перерыва, но будет очень заметно. Давай останемся!

– Хорошо, только давай больше на такие мероприятия не будем ходить!

– Ладушки.

После заключительных оваций по окончании концерта они отправились побродить по улицам, пообниматься, подышать воздухом, нахлынувшим с гор, несущим свежесть и бодрость телу и мыслям.

– Ты знаешь, меня этот тип все-таки встретил около дома, когда я пришла переодеваться. Он был еще в мокрой одежде, злой, как черт, грозил прибить тебя, если увидит. Живет он рядом, как бы снова не выследил нас...

– «Не беспокойся! Все будет тип-топ!» – бодро сказал Руслан, но подумал: «Не было печали! Что-то зачастили ситуации одна за другой, как бы не нарваться на худшее! И все это началось с Шалдона, до этого ведь все было более или менее спокойно...»

– Уже поздно, пошли по домам, а то мне не по себе. День какой-то дурацкий! Завтра еще Андрюху надо отправлять в лагерь, послезавтра сестра приезжает, надо в доме убраться. Она у меня с мамой пока побудет.

– Ладно, пошли!

Дорога была недолгой, время близилось к полночи, улицы были безлюдны. В голове вертелось: «... в часы такой поры, когда на улице одни поэты и воры...» Проводы не затянулись. В воздухе пульсировала непонятная тревога, хорошее настроение

куда-то испарилось. Обостренное чувство неосознанной, но реальной опасности заставляли дышать поглубже, прощаться побыстрее, двигаться порезче.

Старые, с сонными черными глазами окошек, одноэтажные дома с кирпичными заборами и огороженными дворами, тянулись непрерывно вдоль улицы, погруженной в полумрак. Редкие уличные фонари, скрипя от порывов накатывающегося воздуха, высвечивали небольшие проплешины вокруг себя. Старый асфальт был весь в трещинах, о края которых, поросших мелкой травой, которая в темноте казалась черным мхом, можно было легко споткнуться.

– «Эй, керя, притормози маненько!» – раздался надрывный, переходящий на фальцет голос.

От прилипшей к стенке дома на противоположной от Руслана стороне скамейки оторвалась знакомых очертаний фигура фиксатого, который держал руки в карманах, видимо, сжимая в одной из них то ли кастет, то ли финку. Три его кореша быстро перешли на сторону, по которой шел Руслан, преграждая ему путь вперед. Двое зашли со стороны спины, отрезая обратное движение. Сам фиксатый направлялся прямоком на Руслана, еще один остался сидеть на скамейке, его лица в черноте ночи не было видно, потому что замкнуло фонарь, тускло моргавший грязно-желтым глазом. «Семеро на одного... Что делать? Через один шаг какая-то металлическая коробка у стены – то ли телефонный распределитель, то ли еще что... Придется стать спиной к нему, принять первый удар, ответить, а затем прорываться вперед, надеяться только на скорость и удачу... Через два дома – низкий заборчик, может удастся перемахнуть через него и затеряться в лабиринте сарайчиков, каких-то построек и кустов... Хотя без знания местности можно попасть в тупик... Они то знают здесь все закоулки» – промелькнуло в мгновение то ли в коре, то ли в подкорке застучавшего сосудами, ищущего выхода мозга.

– Ну, что фраер, снимай котлы, они тебе не понадобятся! Сейчас я тебя, падлу, напишу за паскудство, потом с паханом решать будем, что с тобой будем делать!

Дерганой походкой, выдернув руку (наверное, с заточкой) из кармана, приблизившись уже шага на полтора к Руслану, напрыгшему до боли в мышцах, заметившему, что его уже взяли в 202

кольцо и решившему броситься первым на прорыв. Вдруг со скамейки метнулась фигура седьмого, который, что-то громко крича по грузински, от чего все нападавшие замерли как по стойке «Смирно!», оттолкнул фиксатого и с криком: «Руслан!» – налетел на него, заключив в объятия. «Джамбот?...» – недоуменно и тихо воскликнул тот, мысленно уже успокоившись, но еще никак не расслабившись телом, готовым к любым неожиданностям.

– Руслан, дружище, извини! Сукой буду, не признал сначала в темноте, а этот козел (он указал на фиксатого), нас с тобой из-за какой-то шалашовки чуть было не сделал кровниками! Это не он тебя, это я его сейчас попишу!

К удивлению Руслана все остальные участники нападения молча затрусили к скамейке, даже не пытаясь возразить Джамботу, кроме фиксатого, молча ждавшего своей участи. «Видимо, он и есть пахан...» – подумал Руслан. Но вслух только сказал: «Джамбот, я этого твоего мудака сегодня искупал в пруду, поэтому он такой психованный, но у меня к нему ничего нет. Это, видимо, из-за соседки, которая сама и решит с кем ей быть...»

– Согласен! Ты только не обижайся! Пацаны еще зеленые, только по первой ходке были, да и я не всех пока знаю. Единственно, что гарантирую – с сегодняшней ночи ты в этом районе можешь гулять с кем хочешь и когда хочешь, ребята тебя срисовали, если что – они и помогут!

Он еще что-то долго говорил им по-грузински, после чего все, включая фиксатого, подошли к Руслану и с уважением пожали ему руку. Теперь уже и мышцы расслабились, и настроение поднялось. Поинтересовался состоянием полученной Джамботом раны плеча. Тот ухмыльнулся: «Как на собаке зажило! Медсестра постаралась, еще сто лет буду жить.»

Распрощавшись, они пошли в разные стороны. Руслан добрался до дома поздно. Потихоньку (как ему казалось), чтобы не разбудить сопящих во сне сестер, он шагнул к уже застеленной раскладушке. «Русик! Что так поздно? Что случилось? Мне что-то плохо с сердцем было» – раздался шепот мамы, как всегда не спящей в ожидании блудного сына. «Все в порядке, мамуля, просто долго добирался, трамваи не ходили» – по привычке соврал сын, погружаясь мгновенно в молодой и крепкий сон.

«Он шел по улице освещенной неоновым сиянием витрин, сияющей разноцветной рекламой, подсветками лепнины огромных зданий и отражением от стекол высоких небоскребов. В завитринном пространстве женщина без возраста и особых примет собирала в совок осколки разбитого витринного стекла. Под ногами у него очутился смятый, неопределенной формы и принадлежности мяч, который он отпихнул в сторону. Мяч исчез, но где-то слева послышался глухой удар и звон. Опять где-то разбилось стекло... Женщина направилась к расположенному в подвальчике ресторану, прошла через вестибюль, он за ней. Через кухню с суесящимися поварами, режущими чего-то, мешающими длинными ложками в котлах, не обращающими на них внимания. Запах вареных лобстеров и морской дух свежих скользких устриц, выглядывающих из раковин дрожащими телами, сбрызнутыми лимонным соком, – сопровождал их вплоть до металлической, обитой грязными алюминиевыми листами двери с замком с контрольной бумажкой внутри, открыв который взявшимся откуда-то ключом, женщина вышла на улицу. Там она сразу провалилась по пояс в поток зелено-черной воды, мгновенно пропитавшей ее бордовое платье. Он бросился следом, но никак не мог догнать. Вот уж она вылезла на крутой берег, прошла мимо толкавших тяжелую тележку деревенских парней и исчезла за деревянным срубом бани. Через мгновение она появилась в сухом платье ярко-красного цвета, и помахала рукой. Он пробежал по узкой дощечке, появившейся из ниоткуда, приблизился к ней. Румянец под смуглой кожей и рыжеватые волосы выдавали в ней девчонку из какой-то другой жизни. Он увидел, как под платьем начинают наливать ее груди, руки ее внезапно обхватили его, прижав к себе... Пролился ливень. Полыхнуло солнце. Под ногами разверзлась земля. Он упал в бесконечную пустоту, летя и думая о том, что чего-то он не понял. И понять этого ему не суждено...».

Мама привстала, услышав глухой вскрик сына, дотронулась до его лба. «Не заболел бы!» – подумала она. Руслан всхрапывал во сне, сны ушли в прошлое. Впереди была жизнь. Будут в ней и неизвестные пока ему, пахнущие йодом, морем и путешествиями лобстеры и устрицы, и неразгаданные женщины, и рыжая девчонка с хитрющими глазами.

НА БЕЖИНОМ ЛУГЕ

Видавший виды Узик, чвиркнув колесами по грязи, медленно съехал на мокрую от дождя траву и затормозил. Алексей – коренастый, светлоглазый, лысоватый блондин, вылез из машины, побряхтывая и придерживая рукой поясницу. Выглядел он значительно моложе своих 66 лет, только глубокие складки на лбу выдавали долгий и не простой жизненный путь, пройденный хозяином лица, во время смеха освещавшегося детским сиянием глаз.

«Вылезайте, приехали!» – сказал он спокойно, внимательно оглянувшись вокруг.

От места импровизированной парковки почти на километр протянулись ряды разноцветных торговых палаток и передвижных аттракционов. Сизые дымы от жарившихся на мангалах шашлыков стелились над всем обозримым пространством. То там, то здесь булькали опустошавшиеся пивные бутылки. Повсюду были расставлены белые, синие, красные пластмассовые столики, мельтешила разновозрастная детвора, хихикали молоденькие девчонки, зыряка по сторонам сквозь густо-черненные ресницы, взмахивая разукрашенными в синеву веками. Все свидетельствовало о начавшемся празднике, который в июле всегда проводился в этих местах. На склонах длинного холма, круто спускавшегося к огромному лугу, окаймленному с противоположной стороны кучеряво-зелеными кронами деревьев, прикрывающими собой журчащую на перекатах реку, – были установлены ряды скамеек, которых, конечно, не хватало на тысячи приехавших гостей. В хорошую погоду зрители и участники торжества обычно располагались прямо на траве, подстелив под себя – что попало. Когда-то для этой цели использовали небольшие тючки прессованного сена, но в последние годы – то ли из-за нехватки сена и экономии, то ли по каким другим причинам, гости в плохую погоду вынуждены были стоять долгими часами, хотя редко кто покидал это красивейшее на Руси место раньше полуночи. Тургеневские рассказы на Бежином луге становились зримыми, наполненными судьбами многих поколений, а природа лучше всяких декораций гармонично сосуществовала с праздничным настроем собравшихся. Действо осуществлялось на маленькой сценической площадке, временно возводимой на краю естественного амфитеатра.

Пока Алексей оглядывал кипящее людьми пространство, из распахнувшихся дверей Уазика вылезли его друзья, наконец-то собравшиеся навестить своего коллегу по случаю наметившихся торжеств. Знакомые более сорока лет, они вместе начинали работать в этих краях, и, разъехавшись, частенько навещали друг друга.

Алексей до недавних пор работал главным врачом маленькой участковой больницы. Построенная еще до революции, она стояла в окружении фруктового сада, величаво возвышаясь своими двумя этажами над деревенскими домами. В толщине ее стен пролегали многометровой длины дымоходы, обеспечивавшие теплом все помещения. Чрезвычайно экономичная система обогрева нуждалась лишь в поддержании, но, в конце концов, была заменена. Заработала привычная котельная. Выпускник крупнейшего московского вуза, Алексей поначалу считал себя временным человеком в этих краях, но, пообвыкнув, не только свыкся, но и сроднился с этой землей. Он не мог просто так уехать от тысяч старых и малых, нуждающихся в его помощи. Десятилетиями никто из врачей не решался приехать в это не такое уж и отдаленное, но глухое место. Поэтому в какой-то степени Алексей ощущал свою незаменимость. Он адаптировал полученные знания и умения к реальным условиям жизни почти заброшенного уголка Нечерноземья. «Заброшенность» – не была надуманной. Жена его волею судьбы какое-то время возглавляла тогда еще совхоз. «Забота» государства привела к тому, что посевные поля в девяностые годы стали зарастать лесной чащобой, техника развалилась, денег на горючее не было, но люди! Только наши люди в годы покорения космоса и нанотехнологий во имя сохранения сельского уклада способны были выходить с лукошками(!) во время посевной на поля и, как в старину, разбрасывать зерно, надеясь на весенние всходы! Менялись общественные устройства, на смену секретарям райкомов пришли главы администраций, но отношение власти к проблемам села нисколько не менялось. Под предлогом укрупнения и «улучшения» медицинской помощи начали повсеместно закрываться участковые больницы, медицинские пункты. Лозунговые призывы к «совершенствованию медицинской помощи селянам» наяву сводились к сокращению врачебных

кадров, прекращению, или резкому сокращению финансирования, безвозвратной потере опытных врачей и фельдшеров.

Так и Алексей. Освоил электрокардиографию и множество других медицинских лечебных и диагностических манипуляций, при необходимости умел делать простые, но не требующие отлагательства операции, спасая при этом сотни людей от вероятного печального исхода болезней. Словом, состоялся как истинный «земский врач», или, как это теперь стало модным называться – «врач общей практики». На ремонт больницы отпускались наискуднейшие средства. Поддерживать ее «на плаву» было ежедневной, постоянной, почти невыполнимой задачей. В знак признательности за долголетнее служение землякам он был награжден почетным званием «Заслуженный врач России», которым Алексей по праву гордился, удивляясь, однако, непонятным для него отношением местных чиновников к нуждам сельской медицины. Ни это звание, ни десятилетия подвижнического врачебного труда, ни уважение и авторитет среди населения, не помогли Алексею, когда волевым решением местного князька он был, в конце концов, отправлен на пенсию, а больница превратилась в амбулаторию и продолжала влачить свое жалкое существование.

Только что обрушившийся с небес проливной дождь превратил тропинки в скользкое месиво, глубоко пропитал жесткий дёрн, сделав невозможным уютное расположение зрителей и участников праздника. По небу еще кучились серо-черные тучи, но их подола уже золотились в лучах вспыхнувшего солнца. Две огромные – от горизонта до горизонта радуги, как природное благословение, зависли над лугом. Воздух стал сырым и холодным, при малейшем ветерке вызывая зябкую дрожь, для устранения которой, вероятно, на развернутых лотках и в киосках расположились в ожидании потребителей разнообразные горячительные напитки.

Алексей не употреблял спиртного уже более тридцати лет. «Виной» тому была перенесенная в институтские годы инфекционная желтуха, болезнь Боткина. Когда-то занимавшийся классической борьбой, в первые годы работы он еще изредка позволял себе пропустить стопку, другую. Но потом совершенно прекратил. Курить – не курил. Был любимцем многих медсестер, желавших «окрутить» симпатичного врача. Большой выбор рождает большие проблемы. В ту деревню, в кото-

рой он начинал свою врачебную деятельность, частенько приезжали на санях медсестры и врачи из района. Он был хлебосол и гостеприимен, притягивая окружающих также и своим «столичным» прошлым. Деревянная, скрипевшая при сильном ветре больничка, как бы держалась на балке, подпиравшей потолок. Казалось, ударь по ней, и домишка развалится. Но включался по тем временам редкий магнитофон, раскручивались бобины, и хриплый пронзительный голос тогда еще малоизвестного Высоцкого теребил душу. Полублатные песни были записаны самим Алексеем во время посещения певцом студенческого общежития. И все-таки через много лет судьба в лице искроглазой модной девушки, работавшей рентгенотехником, сделала его отцом семейства. Уже и дети выросли, стали тоже врачами, и страна изменилась до неузнаваемости: в чем-то к лучшему, в чем-то к худшему, но воспоминания о минувшем хранились где-то в дальних закоулках памяти.

Посидев еще с часок, перехватив подгоревших, но сочных шашлыков, гости засобирались домой. На ночное представление, сценарий которого уже был известен, оставаться им не хотелось. Сырость и прохладный ветер затяжным посиделкам также не способствовали. Но перед отъездом не грех было бы поднять символический бокал «на посошок», о чем Алексей предупредил отбывающих друзей. Оказавшись через несколько минут в уютном теплом доме, отведав наваристой лапши с белыми грибами и еще много разных деревенских простых и вкусных, давно забытых, яств, желание тронуться в путь стало ослабевать. Тем не менее, через полчаса все погрузились в старенькую «Волгу», отдавшую прощальный салют клубком сизого дыма, выплунутого из выхлопной трубы...

Алексей стоял у калитки, провожая удаляющуюся молодость. «Непонятно, зачем приезжали!? И действо на Бежином луге не посмотрели, и в доме мало посидели. Городские, одним словом. Куда-то торопятся, основательно ничего не делают. Разве что просто повидаться?» Но, почему-то, мучавшие его накануне боли в области печени стихли, настроение улучшилось, в голове закопошились философские мысли о реальном и ирреальном, о соотношении бытия и сознания. Жизнь показалась не такой уж грустной и имеющей перспективу. Он облегченно вздохнул и приступил к обычному для этого времени кормлению многочисленных кур.

АРТИСТ

Как и все студенты шестидесятых, я периодически устраивался на работу для пополнения достаточно скудного семейного бюджета. Как-то в перерыве между занятиями подошел ко мне однокурсник Юра Гусов и с таинственным выражением лица спросил: «Ты не хочешь летом подзаработать? Приезжает Саратовский театр оперы и балета на гастроли и требуется несколько человек в группу «миманжа».

– А что это за группа?

– Ну, это группа мимов. То есть слов тебе не дадут, да и петь ты, кажется, не очень...

– Кстати, и плясать – то же!

– Ну, да ништяк! Помощник режиссера сказал, что надо будет только стоять на сцене, или ходить по ней в соответствие со сценарием. Зато все спектакли посмотрим, да за это еще и приплачивать будут!

– А сколько? Удобно ли? Может, бесплатно лучше?

– Ну, ты даешь! Три рубля с полтиной – за один спектакль!

– Ого!

– А в выходные дни до восьми рублей!

– Согласен! Без вопросов!

На следующий день театр встретил нас в лице помощника режиссера Саратовского театра оперы и балета, гастрوليрующего по Кавказу. Лицо помрежа отражало всю гамму пережитого накануне. Оно было изрядно опухшим, багрово-синего цвета, с набрякшими веками, слезящимися (видимо, от горного воздуха) глазами, на белках которых переплетались темно-красные сосуды, а вокруг тела тяжело висел стойкий запах перегоревшего самогона, известной осетинской кукурузной водки.

– «Завтра – воскресенье!» – многозначительно выдохнуло лицо, глядя мимо нас в пространство. «Вы оба выходите завтра в «Щелкунчике». Спектакль в двенадцать тридцать...»

Он посмотрел на меня. «Ты, вроде, поздоровей, поэтому завтра выйдешь на сцену в дневном спектакле для детей и вынесешь на одной руке балерину, которая будет играть оживающую куклу. Сможешь?»

– Попробую. Только как ходить по сцене? Я прыгать не умею!

– А ты и не будешь! Как передвигаться – покажут перед спектаклем. Приедешь к одиннадцати часам, потренируешься. Получится хорошо – получишь целых двенадцать рублей пятьдесят копеек – по ставке артиста.

– Спасибо!

На следующий день, раза три (не без удовольствия) подняв на одной руке маленькую пухленькую балерину и походив с ней по сцене, к половине первого я уже был готов к первому сольному выступлению в балете. Оказалось, что танцовщик из саратовского театра, которого я должен был заменить, выпив накануне чуточку лишнего, с переломом ноги, полученным при прыжке с трамвайных ступенек (это ему не сцена!), оказался в травматологии.

Дебют прошел успешно. Балерина была вынесена своевременно (по команде помрежа) и поставлена на пуанты в центре сцены. Правда, пятясь назад, я случайно обрушил какую-то декораторскую конструкцию, но удержал ее в руках, не дав грохнуться на пол и испортить праздник детям, составлявшим преимущественное количество зрителей. И только писклявый девчачий голосок из первого ряда: «Мам, смотри, дядя чуть не свалился в яму!» – испортил мне настроение. Самым обидным было то, что при расчете помрежа, вместо обещанных двенадцати с половиной, выделил всего десять рублей, оштрафовав за неуклюжесть. Но похвалил и обещал при случае поручить мне какую-никакую роль в опере. Так как случаи не выхода на службу артистов были ежедневно (слава кавказскому гостеприимству!), такие замены стали достаточно частыми.

В АНАТОМИЧКЕ

Первокурсники, шурясь от едкого запаха формалина, сгрудились вокруг анатомического стола. На его холодной нержавеющей поверхности расположился «биологический материал», как принято называть бранные человеческие тела, служащие источником знания для многих поколений врачей. Обычно – это невооружённые для похоронного ритуала родственниками бомжи, или уникамы, завещавшие себя посмертно в качестве анатомических препаратов. При поступлении таких останков проводится фиксация их тканей – введение в сосуды формалина для исключения процессов гниения и возможности заражения контактирующих с ними студентов.

Так было и в этот раз. Анатом через толстую иглу с помощью специального насосного устройства начал под давлением нагнетать фиксирующий раствор в сосуды. Некоторое время спустя раздался девичий вопль: «Смотрите! Он оживает!» Глазам изумлённых сокурсников открылась удивительная картина: с каждым качком насоса половой член покоившегося тела начал синхронно ритмично подрагивать, увеличиваясь в объёме... Девчачьи щёки зарумянились, ресницы задрожали, и в наступившей тишине кто-то из наших скромниц тихо, но так, что услышали все – прошептал: «Как живой...» Тут же прозвучал голос старосты курса: «И всё-то она знает!»

ШПАРГАЛКА

На экзамене по биологии друг Виктор взял не тот билет. То есть взял то он билет правильно, но система, заранее обговоренная студентами с лаборантами кафедры, дала сбой. Экзаменатор то ли по рассеянности, то ли умышленно, перемешал лежащие на столе билеты. Ответивший перед этим казусом однокурсник, получив желанный «трояк», выпорхнул из аудитории и сказал мне: «Витька взял не свой билет! У него номер 32, просил передать «шпору», а то по тем вопросам он вообще ничего не знает!» И с цветущим выражением лица, на котором светилось чувство исполненного долга, покинул наполненные томительным ожиданием коридоры института.

Как всегда, девочки аккуратно писали шпаргалки на все вопросы всех билетов, поэтому тут же нашлись готовые ответы на сложенной в гармошку бумажке. Настал самый ответственный для меня момент. Ни разу до того не передававший «шпоры», я знал, что этот процесс должен быть скрыт от глаз всех присутствующих. А, так как руки будут заняты карандашом, билетом, листками черновиков, решил спрятать её в носок. Взяв билет, я сел за стол напротив Витьки и прошептал: «Опусти руку под стол! Шпора в носке...» Через секунду почувствовал ошупывающую руку друга сначала на левом голеностопе, потом на правом. Слышу Витькин шепот: «Там её нет!!» Отвечаю: «Она там!» Но тут же по спине пробежал лёгкий ветерок. Я забыл, в какой носок – слева или справа положил Витькину удачу. Полез сам, ощупал всё пространство между ногой и носком. Нет! Вроде дырки в носке не было. Куда же задевалась шпаргалка? Заглянул под стол и увидел её, родимую, одиноко лежащую под Витькиной босоножкой, куда она попала после его безуспешных исканий. Обрадовавшись, нагнулся, вытащил её из-под подошвы, и чуть-чуть не замахал ею перед глазами Витьки, обидевшегося было на меня за недопоставку шпоры. Экзаменатор тут же спросил, что это я копаюсь под столом. Хорошо, что, не выпустив из рук карандаша во время поисков, я сослался на то, что уронил его под стол, потому и возился. Изрядно скомканный бумажный шарик с ответами, почти не скрываясь, по-

ложил перед Виктором, прикрыв его листом бумаги. Дальнейшее было просто. Я пошёл вне очереди отвечать к доске, дав тем самым Виктору время успешно переписать ответы. Конечно, по окончании экзамена всё это было представлено им по-другому: «Сiju, жду шпору. Появляется с загадочным видом Сашка и по шпионски невнятно бормочет, что шпаргалка в левом внутреннем углу правого носка с наружной стороны. Поищи, мол!» Зато хвостов у Виктора в этом семестре – не было.

ЭКЗАМЕН ПО ПСИХИАТРИИ

Профессор Фридман, ученик Ганнушкина и сам видный в научном мире психиатр, знавший несколько иностранных языков, был главным судебно-психиатрическим экспертом Северо-Кавказского военного округа. Как и положено большому учёному, имел странности в поведении, а его феноменальная забывчивость вошла в историю города. Так, он регулярно снимал при входе в вагон трамвая галоши, и забывал их надеть, выходя из него. Тогда ещё действовали «Столы находок», и каждый раз галоши доставлялись профессору на дом. Сдача экзамена Фридману была всякий раз полна неожиданностей. Мы с сокурсниками, взяв экзаменационные билеты, сидим, готовимся. Одна из студенток, известная на курсе отличница и зубрилка, вызывает-ся отвечать. Фридман задаёт ей вопрос и тут же начинает отсчёт: «Один, два, три! Не знаете! За три секунды не начали отвечать, значит, не подготовились! Придёте в следующий раз!» Мы столбенеем. Неудачница выходит в коридор и из-за оставленной открытой двери раздаётся её возмущенный голос: «Девочки! Не сдала! Видите ли, за три секунды должна была начать отвечать...» Фридман мгновенно взвился со стула, выбежал в коридор: «Немедленно зайдите ко мне!» Вместе с провинившейся студенткой вернулся в аудиторию, и, обращаясь к ней, произнёс: «Вы знаете, что девочки находятся только в публичных домах! А здесь вы все – госстуденты и госстудентки! Ваша обязанность перед государством – хорошо учиться! Вы пренебрегли своими обязанностями и заслуживаете немедленного аре-

ста!» Он поставил свою ногу на стул, обнажив сиреневого цвета фланелевые подштанники, просунул под колено руку к телефонной трубке, и в этой, весьма неудобной позе, набрав номер отделения милиции, закричал в трубку: «Вас беспокоит профессор Фридман! Здесь находится госстудентка, злостно нарушающая нормы государственной жизни! Прошу немедленно изолировать её за аморальное поведение на госэкзамене!» Потом обратился к дрожащей студентке: «А вы пока покиньте аудиторию! В коридоре подождите, когда приедет наряд милиции!» Следующим был я. Усевшись за стол, прочитал первый вопрос билета и, не дожидаясь начала рокового отсчёта секунд, начал что-то отвечать. Это успокоило профессора и, даже не дослушав полностью ответ на вопрос, рявкнул на всю аудиторию: «Вот так надо отвечать! Отлично!» Плохое настроение Фридмана мгновенно исправилось, и он даже не заметил, что арест провинившейся студентки не состоялся (в милиции знали чудачества научного светила). Более того, он даже не заметил (или сделал вид, что не заметил), когда виновница вспышки его гнева повторно зашла в аудиторию и успешно сдала ему же экзамен.

БАЛЕТКА

В 1960 году, когда я учился на первом курсе медицинского института в г. Орджоникидзе (ныне – г. Владикавказ), в черте города мы снимали одну комнату на пять человек (мама, папа, две сестры и я) у хозяйки – Мишурат Цаликовой. Она с взрослой, тридцатилетней, но не бывшей ни разу замужем, дочкой Фатимой занимала ещё одну комнату, а третья комната принадлежала золовке Мишурат – Ксении. Между собой эти семидесятилетние родственницы поневоле – откровенно не ладили. Обе были иссохшими, костлявыми, но подвижными и крайне любопытными. Предметом распри, по-видимому, был сам домик и прилежащий к нему крохотный дворик, на котором располагался покосившийся деревянный туалет и два сарайчика, заполненных куриным кудактаньем. Входные двери комнаты, которую

снимали мы, и комнаты хозяйки – выходили на маленькую открытую веранду. Между дверями стоял старый скрипучий стол.

Приходилось допоздна засиживаться на кафедрах института, особенно при сдаче экзаменов по анатомии. Лаборант кафедры, будущий студент, мой приятель, чтобы дать мне возможность самостоятельно готовиться дома к экзаменам, заготовил ряд «мокрых препаратов», хранившихся в фиксирующем растворе формальдегида. Туда вошли: распил головы, кисть руки, предплечье с препарированными для лучшей видимости сосудисто-нервными пучками, мышцами и сухожилиями. Я их сложил в «балетку» (так назывался небольшой чемоданчик с закругленными на стороне ручки стенками) и пораньше пришёл домой, чтобы спокойно изучать экзаменационный материал. Поставил балетку на стол и начал по привычке рыться в карманах в поисках дверного ключа. Но услышал из-за двери голос сестры: «Заходи, Санька!». Я вошёл в комнату, забыв балетку на столе. Во время разговора с сестрой за дверью раздался громкий женский визг и послышался звук упавшего тела. Выскочив на веранду, мы увидели лежащую навзничь без сознания Мишурат. Начав хлопотать её по щекам, дождался, когда сестра достанет с полки нашатырный спирт. Плеснув его на носовой платок, поднёс его к носу Мишурат, которая зашевелилась и постепенно пришла в сознание, отмахиваясь похуже на воронье крыло рукой от раздражающего запаха нашатыря.

– Что это? – еле слышно прошептала она.

– Где? – не понял я.

– Там, на столе...

Подняв глаза, я увидел расстёгнутую и распахнутую настежь балетку (хотя и принёс её закрытой). На меня смотрел вищий на нерве глаз, лежащий на распиле головы, а подбородок препарата поддерживала кисть с сухожилиями, обхватывающая предплечье с выделенными мышцами. Стало всё понятным. То, что увидела любопытная старуха, не только довело её до обморока, но и послужило причиной отказа нам в дальнейшем съёме квартиры. Ксения и Мишурат так и не помирились друг с другом, но вот Фатима удачно вышла замуж и переехала в дом му-

жа. При встречах Мишурат со мной не только не разговаривала, но и переходила на другую сторону улицы.

МУРАТ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Второй курс медицинского института, 1961 год, как и все студенты огромного Советского Союза, осенние месяцы мы проводим в колхозе на уборке урожая. Кукуруза, сахарная свёкла – были теми региональными культурами, на уборку которых мобилизовали студентов нашего вуза. Куратором одной из групп курса был молодой ассистент Мурат Александрович.

Однажды он провожал нашу сокурсницу Валию по дороге от полевого стана к месту размещения студентов – в старом коровнике, на полу которого были сколочены настилы, на них наброшена солома, накрытая простынями и застеленная солдатскими казарменными одеялами, подушками служили наволочки, набитые соломой.

Девушка весело болтала и строила ему глазки. В то время флирт педагогов с учениками, впрочем, как и сейчас, не приветствовался. Но и избегать попутчицы не было оснований. Вдруг девушка ойкнула, схватилась за живот и побежала в кусты. Видимо, куриное мясо, съеденное на обед, было некачественным (позднее выяснилось, что ещё у семи человек в тот вечер возникли поносы и рвота, как проявление сальмонеллёзной токсикоинфекции). Но никто из нас пока ещё ничего не знал. По дороге студентка раза два отбегала от Мурата Александровича. Наконец, пока она пребывала в кустах, его догнала наша группа и с возгласами: «Мурат Александрович, что вы здесь стоите? Идёмте с нами!» – мы попытались увлечь его за собой. Не зная, что нам ответить, он промямлил: «Сейчас меня должен догнать доцент нашей кафедры. Я его подожду!» В этот момент из кустов раздался голос Вали: «Мурат Александрович! Дайте бумажку!».

ПО СЛЕДАМ НЕВИДИМЫХ ВРАГОВ

Студенты всех времён и стран имеют традиционную привычку периодически прогуливать лекции. Как правило, это действие приобретает коллективный характер и сближает между собой сокурсников, хотя и вызывает ураган негодования со стороны лекторов и деканата. Наш курс не был исключением! Как-то, проходя по проспекту мимо кинотеатра, мы с другом обратили внимание на афишу: «По следам невидимых врагов». Кино тогда было, пожалуй, самым распространенным развлечением, так как телевизоры только появлялись в обиходе в виде огромных ящиков марки «КВН» с малюсеньким экраном размером с блокнотный листок, изображение на котором можно было рассмотреть только через расположенную перед ним огромную линзу. Но уже всю из-за «бугра» кричали о хрущёвской «оттепели». На страницах «Юности» бушевали «шестидесятники» – Вознесенский, Евтушенко и другие. Появились зарубежные фильмы: вестерны, детективы производства Голливуда и киностудии «Дефо» из ГДР.

– Айда в кино! – сказал Виктор.

– Ну, давай, всё равно сейчас лекция по истории КПСС, опять Битайчик станет читать проповедь!

Притормозив у билетных касс, мы с радостью обнаружили, что не одиноки в желании «заколоть» лекцию. В числе стоящих перед заветным окошком мы узнали двух своих одноклассниц. Заплатив по 20 копеек за билеты на первый ряд, в предвкушении разгадки детективной истории, мы взяли по два пирожка с ливером (5 копеек – штука!) и ещё осталось по одной копейке на газировку без сиропа. Войдя в зал, мы с радостью увидели, что почти все места свободны, поэтому заняли середину 12 ряда, предвкушая удовольствие от нового фильма.

– Видите, мы – первые!

– Здорово! Наши – там парятся, а нам – везуха!

– Может, завтра ещё раз с группой сходим, если билеты достанем?

– Тише! Начинается!

И началось. Фильм оказался документальным и был посвящён поиску каких-то редких микробов в одном из многочисленных НИИ. Так что все детективные истории невидимых врагов мы смотрели через окуляр микроскопа на экране. А их следы были действительно невидимыми. Не глядя друг на друга, похмыкивая, мы вышли на яркий солнечный свет, который после темноты кинозала оказался достаточным, чтобы не жалеть о потерянном времени.

На другой день лекцию по философии прогуляла половина курса. Все они находились в том же кинотеатре и смотрели «По следам невидимых врагов». Просто утром Виктор представил увиденный нами фильм, как самый интересный зарубежный детектив. «Купившиеся» на его трёп студенты с радостью сбежали со второй пары на «импортный детектив».

В последующие два дня Виктор на занятиях не появлялся.

ПОЭМЫ

ПРОЩАЙ, ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ (ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ)

ВСТУПЛЕНИЕ

Листаем неразгаданность страниц,
вонзив в себя штыри громоотводов,
в эпоху недостроенных больниц
и процветанья водочных заводов.
Кумиров сотворив из ничего,
сквозь гам и ор предвыборных кампаний,
предвидя пустоту голосований,
мы верим в наших мыслей торжество!
Пусть не сейчас, а в будущем неясном,
как в фильме страхотерпком и ужасном –
конец прекрасный чуёт естество.
Но вот никто не может объяснить,
когда конец и как сейчас нам жить.

Как смертные – боимся мы всего,
а как бессмертные – хотим всего безмерно.
За груду дел беремся оттого,
что не привыкли действовать размерно.
Нам громко говорить тогда трудней,
когда уже молчанье – стало стыдным.
Уж лучше шепот! Все не так обидно
держать ответ в суде грядущих дней,
поскольку выплестать из слов канат,
чтобы сдержать седых веков распад,
для нас задачи не было важней.
Сизифов труд – Россией порожден,
а в Грецию был попросту внедрен.

Как яд в составе лучшего лекарства
дает ему гармонию блаженства,
так и пороков адское коварство
приводит добродетель в совершенство.
Ведь у достоинств, как и у плодов,
есть лишь своя, осенняя пора...
Поэтому с утра и до утра
вдыхая зрелость подоспевших слов,
добро и зло в единый кубок слив,
в напиток жизни их соединив,
срываем с тайн надуманный покров.
Кто истин жаждет – тот находит дверь
в единство обретений и потерь.

Вся наша жизнь – находки и потери,
двойная суть любого бытия.
Ненайденная дверь – дорожке двери,
ведущей в истин жалкие края.
Вот этих строк прямое назначенье:
напомнить дней ушедших аромат,
в которых был онегинский уклад,
основой ставший наших увлечений.
От одноклассниц Олей и Татьян
струился нежный пушкинский дурман,
а жизнь дарила грубость приключений.
Нам даже камень на кресте дорог
увидеть направление не помог.

Пойдешь направо – знаешь сам куда!
Налево – столько разного нагуляно!
А если прямо – верная беда!
Вот потому и шли по «загогулинам».
Не помню кто, когда, зачем –
плеснул слова: «Прощай, тысячелетие!»

Тут всех не вспомнишь и за полстолетия,
а, если так, тогда прощаться с кем?
От громовых призывов нам теплей!
За дам! За нас! Давай еще налей!
Заздравный стол – всегда приятен всем!
А тяжкий труд за письменным столом
сравним по сути с каторжным трудом.

Рекорды бьет мороз в Сибири,
идя на минус пятьдесят.
А в Подмоскowie, как в квартире,
чуть-чуть – и мухи полетят.
Просел размякший снег в низинах,
растаял лед на пол-Оки,
но долбят лунки рыбаки,
чтобы поймать свой кайф в глубинах.
Для них январь – всегда январь.
Все будет так, как было встарь,
когда на чьих-то именинах
гусиных перьев скрип рождал
экспромтом – новый мадригал.

Когда взывала в небе выюга,
вливался няней в кружку чай...
Возок непонятого друга
во двор врывался невзначай...
Чиста, как свет под образами,
беседа медленно текла,
заиндевелого стекла
отпотевала гладь слезами...
Когда для сотворенья слов
был всяк достоин и готов
своей судьбой делиться с вами.
Конечно, были спор и хмель,
любовь красотки и дуэль...

ГЛАВА 1

Была и кепка-восьмиклинка,
и ватник серый, словно мир,
за голенищем жалась финка,
в кармане – верный друг «Памир».
Спешили мы на мотобазу,
потом на танцы в МТС,
сжигая свой бараний вес,
влюбляясь по второму разу
(в пятнадцать лет!). Был воздух свеж,
девчонки – в платьях цвета беж,
машины поддавали газу,
казались замками дома,
и страшной не была тюрьма.

Войной рожденные ребята –
от хлебных карточек цвели.
На «Студебеккерах» солдаты
пылили вновь на край земли.
Был Аденауэр в Европе,
остался с Чан Кай Ши Тайвань,
но все боялись русских Вань,
пинков их сапогов по ж..е.
Конфликт в Корее затихал,
Суэцкий полыхал канал,
как вспышка солнца в телескопе.
Пипикал спутник в небесах.
Отец был в праздничных трусах.

И поножовщина, и драки
дуэльный обретали вид,
когда ответчик забияке
«Пойдем-ка выйдем!» говорит.
Лежачего не били хором
(быть может в малых городках,

где в горсадах не правил страх),
и не бросали под забором.
Но насмерть резалась шпана,
хлебнув запретного вина,
нырнув в кино с «Багдадским вором».
Был в «голубых дунаях» ерш,
какого нынче – не найдешь.

Сургуч вершил бутылку водки –
акцизной марки славный дед,
картонный пальчик вместо пробки
скрывал хмельной спиртовый бред.
Налив (с отстоем) в кружку пива:
там, где плескался зелья яд,
седой профессор и солдат
ершом равнялись справедливо,
но пили меньше, чем теперь.
Потом стучались в чью-то дверь,
стремясь не выглядеть блудливо...
Был и тогда «налево» крюк
важнее всяческих наук.

Мой добрый друг Виталий Талов
успел соседку полюбить,
но время важное настало –
в Советской Армии служить.
Призыв прошел с обычной пьянкой,
с друзьями и слезами дев...
Потертый ватничек одев,
уехал, чуть ли не в «загранку» –
во Львов «учебку» проходить,
сержантом – стать, радистом – быть.
Там повстречался с «иностранкой»,
(хоть Украина нам – сестра).
Жениться вдруг пришла пора.

Или солдатское питание
(однообразный рацион)
взвинтило страстное желание
добавить лычку на погон.
Познав возможность увольнений
для встреч с любимой и семьей,
Виталий часто сам с собой
бродил в старинности строений.
Ведь Львов – почти что зарубеж,
а всех галушек – не поешь.
Уж лучше бури приключений!
Он их искал и находил
почти без приложенья сил.

Но грянул пятьдесят шестой!
Для Венгрии сюжет был – адов.
Накрылись Буда с Пештом тьмой
разрывов «дружеских» снарядов...
А «братских» танков лязг и гром
вital над уличной брусчаткой...
Стал тренировочной площадкой
для наших армий чей-то дом.
В ответ – проклятья. Как поток
на каски лился кипяток,
смола стекала вниз с трудом...
Социализм внедрялся в быт
на танках. Вот и был забыт.

Идея правды и добра
на кончиках штыков солдатских
под крики хриплые: «Урра!!!» –
умов не покорила штатских.
Провален был эксперимент,
догадываться дети стали,
что «блеск огня, сверканье стали» –

не самый веский аргумент.
Прозренья надвигался час,
будила мысль и совесть в нас
скупая правда кинолент.
Так трещина в одной стране
рождала крах другой стене.

Окончив службу за границей,
подписку дав, что не был там,
Виталий двинулся в столицу
вослед надеждам и мечтам.
Развелся, правда, с «иностранкой»,
оставив ей в наследство дочь,
гоня тоску и жалость прочь.
Вся жизнь вокруг казалась странной,
в сравнение с тем, что видеть смог,
ступив за «вражеский» порог,
оберегаемый охранкой.
Исходно «занавес железный»
был для познания бесполезный.

Решив закончить институт,
армейские имея льготы,
он поступал то там, то тут,
ища предмет своей работы.
Вот и нашел свое призванье
полуврача, полубанкира,
желая править «целым миром»
в пределах места проживания.
Ведь в наше время быть «ником» –
куда важней, чем «кое-чем».
«Икс» – это наше подсознание,
реализующее суть,
в чиновники зовущий путь.

ГЛАВА 2

Мы знали толк в «кровавой Мэри»,
где водка и томатный сок
последовательно раскрывали двери
в незабываемый глоток.
По лезвию ножа сливалось
прозрачно-водочной слезой
в чистейший надтоматный слой
и беспокойство, и усталость.
Теперьешнее: «Два в одном!»
в стакане теплилось твоим,
единым махом выпивалось
на кухне – месте наших встреч,
где не одна звучала речь.

Да что там речи, тосты, шутки,
когда в застольной суете
незримо пролетали сутки
в извечных спорах хрипите?!
Кто виноват? И что нам делать?
Вон, кто-то едет за бугор,
а тот не пойманный, но вор,
товар у третьей – интертелло...
Нищел лишь только средний слой,
где каждый – без штанов герой
свое со скрипом делал дело.
На смену брежневским бровям
шел горбачевщины бедлам.

Был полупрах Черненко – между.
Потом Андропов круто брал,
даря на правоту надежду
и водку типа «коленвал».
Народ скучал по дисциплине,
завидуя своим верхам,

и рвался в эту праздность сам,
проткнув завесу носом синим...
Но снова в ключик золотой
вцепился кое-кто другой,
оставив с носом Буратино.
Так в поле властное чудес
помеченный народом влез.

Внедрив консенсус перестройки,
он разрушаться дал стране,
вчераших дней устои – стойки,
вновь славословие в цене!
Исчезли нити управления
в многопартийности идей.
На чисто поле площадей
не лучших вынесло течение.
То, что не тонет – выше всех!
Оно – во власть! При нем – успех,
зеленых тугриков свечение!
Рождался новый аппарат,
без тормозов и без преград.

В демократическом пожаре
как порох был либерализм...
На нем и автор был поджарен
(форосский вспомним катаклизм!)
И вот уж беловежской пьянкой
подписан страшный приговор...
На много лет в стране разор...
Неуправляемой болтанкой
разрушив хилых членов связь –
анархии всплывала грязь,
прикинувшись «американкой».
Но зло – оно и в джунглях зло,
опять стране «не повезло».

Бред вакханалии свободы:
«Бери все то, что можно взять!»
От жизни? Или от природы?
А кто же будет отдавать?
Тут не Мичурин правил слово,
да и не «первый Президент»!
Получен сатаной патент
на этот лозунг безголовый.
Под тихий ваучерный звон
открылся бархатный сезон,
в котором правит кто-то новый...
Чубайсо-березовский путь
доступен не кому-нибудь!

Ушли природные богатства!
Их «по закону» – не вернуть!
Олигархическое братство
свою кривую будет гнуть!
А грызться станут, между прочим,
за монопольной власти рай.
Заквашен на деньгах раздрай,
который на корню порочен,
поскольку ради личных дел
в стране творится беспредел.
Расчет, как говорится, точен:
пока есть мутная вода –
в ней рыбка ловится всегда!

ГЛАВА 3

Во сне случается такое,
о чем не может судить!
Несовмещение людское
во сне – смешеньем может быть.
Из прошлых лет приходят тени,
сядась с тобой за общий стол,

с кем рядом никогда не шел –
вдруг мчатся в общем приключеньи...
Из общей банки водку пьют,
рассол наутро в глотку льют,
(похмелья лучшее лечение)...
Год юбилейный влился в сон,
но кто в нем был – не ведал он.

«Чем больше денег мы имеем –
тем легче нравимся «друзьям».
Ценить надежность не умеем,
не делим корку пополам.
Укрывшись в еврокабинетах,
познав зелености плоды,
чтим культ не нашенской еды
и не нуждаемся в советах,
но помнить о друзьях должны
и в мирный миг и в год войны,
чтоб видеть их не на портретах...» –
так думал молодой банкир,
спеша на юбилейный пир.

А там – бомонд (или тусовка)
паденью курса вопреки.
Кино достойная массовка
в стремнине праздничной реки.
Икра краснеет и чернеет.
Гастрономическая снедь
готова с водкой попотеть,
задравный тост успешно зреет,
блестят глаза прекрасных дам,
вино течет по бородам,
стоят спиртного батареи...
Короче – праздник хоть куда,
когда под выпивку еда.

Но вот приходит время тостов.
Царит над пиром – тамада,
(руководить – всегда не просто:
кому дать слово и когда...).
Симптомы чинопочитанья
живут и здравствуют вполне –
лампасы, как всегда, в цене!
В застолье – первый тост по званью.
Как раз пришел и твой черед,
слова известны наперед
и не доступны обрезанью.
У тостов – внутренний сюжет,
в них память, чувства и – совет!

«А помнишь, друг, когда-то в банке,
накрыв бумагой край стола,
консервные вскрывали банки...
Но жизнь – прекраснее была!
Все было просто, ясно, видно:
Степанов кейс свой открывал,
оттуда что-то доставал...
И вот уж стол накрыт завидный...
Шаров бильярдных перекал
был нам почетней всех наград,
что и сейчас признать не стыдно.
Водитель Вася долго ждал,
но все не наступал финал.

Друзья, бывало, забегали:
строительный, партийный босс.
Стол без регалий накрывали,
решая правильно вопрос.
Подначил друг – другого друга
припомнил юности грешки –
и вот уже равны дружки
как сектора чудного круга,

в котором вроде все близки,
у всех забелены виски,
кто Щелокова знал, кто Пуго...
Так прошлых лет делился груз
как и раздробленный Союз.

Что юбилей? Простая цифра.
А суть – раскрутка в полный мах
судьбой заложенного шифра,
когда от лет – рябит в глазах.
Пускай замедлится течение
бурлящих, беспокойных дней!
Наступит тишь, но будет в ней
и ожидания волнение,
и разрешаемость проблем,
и безупречность старых схем,
и молодое вдохновение.
Чтобы по цифре шестьдесят
скользнул как прежде юный взгляд!

Гудит сегодня «Старый дворик»,
шумит друзей мужицкий хор,
горячим тостам эхо вторит
про неподвластный нам «бугор».
Сегодня праздник правит Лева.
Здесь, правда, многих женщин нет,
готовых в нас оставить след...
Но в этом смысле Лев – суровый!
Здесь каждый волен выбирать,
куда потом себя девать.
Мальчишник! Есть такое слово.
Давайте сдвинем склянок звон!
Лев – царь зверей! Да будет Он!»

* * *

Тут новый юбилей приснился:
другие люди, стол иной...
На стул Виталий приземлился
у штофа с водкой ледяной.
Здесь тоже все друг друга знали
по прошлым и иным делам,
такой же был застольный гам
и также дружно наливали.
Чуть посерьезней был состав,
где каждый полон важных прав,
но их друг дружке – не «качали».
Поскольку знали свой насест
и боль от перемены мест.

Тостует бывший член обкома
мужик по сути – золотой,
рожденный для семьи и дома,
но по повадкам, ох – крутой!
Госкомимущества возглавил,
чубайсизировал дела,
вся область под него легла...
Он – составитель новых правил
игры в имущество других –
«соображенью на троих»,
чем уважать себя заставил.
Но губернатора жена
была надменностью сильна.

«Мы прячем тучи пожеланий
в заздравных тостов легкий дым,
чтоб именинность ожиданий
совпала с тем, что говорим.
Набор стандартен, как газета.
Любви! Здоровья и добра!

Богатства! Выпьем! И – ура!
Да был бы и успех при этом!
Но нестандартен только мир,
где каждый миг грядет в эфир
своим особенным портретом.
А в веренице долгих лет
пусть вечным будет силуэт!

Детали могут изменяться –
кудрявость или цвет волос, –
но должен навсегда остаться
командный голос, чуткий нос.
Физически-духовный профиль
определяет бытие
до нестандартности твое,
в котором ты, ведущий профи,
путем тернистым тащишь крест...
Но вот научный интерес –
распят на мысленной Голгофе.
Пройди нехоженой тропой,
и пусть продлится праздник твой!»

Вдруг – новый сон: в роскошном зале,
(которым красен ресторан),
сам юбиляр – стоит в печали...
Он трезв. А сонм знакомых – пьян.
Увидев это – встал Виталий
вручил подарок, взял бокал,
и тут же в тосте – то сказал,
что почему-то все скрывали,
хотя и знали: слово – лесть,
с которым в душу можно влезть,
но в тостах – связки надрывали.
Ведь правда – как хирурга нож,
что радикальностью хорош.

«Сегодня ты чуть-чуть печален,
но выглядеть, как надо, смог.
Есть шесть десятков за плечами,
как промежуточный итог.
В академических пенатах
тебя считали молодым,
но возраст – это легкий дым,
иль пепел на сгоревших датах.
Двухтысячный рубежный год
с такой же легкостью пройдет
как срок у думских депутатов.
А дел несверстанных не счесть
и новые задумки есть.

Но славословием не буду
день юбилейный пресыщать,
что толку новую посуду
в воде без «Ферри» отмывать.
Изъездив больше, чем полмира,
ты знаешь прелесть горных лыж.
Тебе рукоплескал Париж,
вершины горного Памира
и венских улиц старина,
букет венгерского вина...
Весь дивный мир – твоя квартира.
Но ближе тульских окон – нет,
в них – не погаснет ясный свет.

В двухтысячном году пристало
гул наших встреч возобновить!
И дел наделано – немало,
и не порвалась дружбы нить.
У каждого – свои проблемы,
но все же общие они.
В глазах – по-прежнему огни

высвечивают важность темы:
ведь медицину (нашу мать!)
служанкой принято считать
в верхах сложившейся системы.
Как эти взгляды изменить?
Чем генофонд осеменить?

«Философ-врач – подобен Богу»
сказал когда-то Гиппократ.
Избрав совместную дорогу
десятки лет тому назад,
осмыслив правильность решений,
льем в поздравлений шумный хор:
и свежесть рек, и вечность гор,
и разрешаемость сомнений!
Пусть перевальных дат салют
в сто двадцать лет коллеги ждут!
Тогда без всяких приглашений,
смыкая плечи за столом,
за медицину мы – попьем!»

Окончен сон высокой нотой.
Виталий смог легко вздохнуть,
проснуться, вспомнить, что в субботу
немного можно отдохнуть.
Вглядевшись в тьму июльской ночи –
заметил мутных окон свет.
Луны нечеткий силуэт
опять бессонницу пророчил.
Он с полки томик Блока взял,
листая, сам себе сказал:
«Гаданье – в книгах, между прочим!»
Страницу наугад открыл,
и вспомнил то, что позабыл...

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...»
Аптекарь чувств – курчаво-томный Блок.
Из слов, в упор стрелявших в ритме века,
пророс иных идей и дел росток...
Ключ к шифру – это вечных слов скелет,
носящий ДНК-белковый след.

«Ночь» – это время зрелости идей,
эпоха встреч и дружеских попок,
пора любви и деланья детей,
когда наш дух неколебим и стоек.
Ночь темнотой и нежностью пленит,
грядущей неизвестностью манит.

А «улица»? Меж многодомья путь.
Она течет наглядно и – незримо.
По ней вернуться можно, но вернуть
нельзя того, что просвистело мимо.
Ткань улицы – общественная нить –
способна одиночества сплотить.

«Фонарь» – светящий призрачно маяк
стремлений наших к счастью без ошибок
пятном надежды раздвигает мрак,
пусть даже если он фонарно-зыбок.
Фонарь – застывших улиц светофор,
зеленый друг и желто-красный вздор.

«Аптека». Здесь всегда и стол, и кров.
Не место службы, а работы поле.
Судьба, к которой с детства был готов
и направлялся чьей-то мощной волей.
Аптека – это жизненный мотив:
лекарства, яды и – ...презерватив.

ГЛАВА 5

Июнь оранжево-горячий
сушил уставшие хлеба.
Вдруг ветер дунул. Это значит,
что переменчива судьба.
Кипящая огненебесьем лава
прикрылась тенью мрачных туч...
Исчез из пекла бьющий луч,
остыл палящий зной расплава.
И хлынул ливень! Струи вод
омыли высохший приплод,
наполнилась водой канава...
Шипела серость пузырьков,
подобно сути ложных слов.

Над пасекой исчезли пчелы,
укрывшись в ульях от грозы.
Дождинок перестук веселый
холодной хлесткостью грозил...
Гречишный дух: то темно-сладкий,
то светло-горький, над землей –
поплыл, с любовью неземной
целуя каждый вдох украдкой.
По лицам радость разлилась,
светлее стала в лужах грязь,
а сельская дорога – гладкой.
Полярность суши и воды –
суть равновесие среды.

«Спасибо, друг любезный Фудин,
что в Софрино меня загнал,
где отдыхающие люди,
забыв о боли и простуде,
не думая, что завтра будет,
здоровья множат капитал.

Тоскливо-теплая погода,
да сауна в пятьсот рублей,
в зеленке летняя природа,
хмельной избыток кислорода,
кровать для продолженья рода
и совершенно нет б...дей.

Цветной грохочет телевизор,
цветы и прочий антураж.
А, главное, не надо визы,
бесплатны в номерах стриптизы,
и я, как батюшка без ризы,
благославляю отдых наш.

Тайком прошло солнцезатмение,
хоть был предсказан миру крах.
Вот только в Туле – наводнение,
Степашин угодил в забвенье,
вновь на Кавказе преступленье,
торнадо – в штатах, я – в трусах...

То солнце прячется за лесом,
то дождь бесстыже моросит,
глядят старушки с интересом
на тех, кто бьется с лишним весом,
смеясь над мизерным прогрессом,
поскольку правит – Аппетит!

Жена в бассейне воду мутит,
пока я ...с коликой лежу.
Никто за это не осудит,
ничто наш отпуск не остудит...
Пройдет пять дней, приедет Фудин,
ему я кое-что скажу...»

ГЛАВА 6

Декабрь – такое время года,
когда от ночи до утра
стоит студеная погода...
Не рвется в школу детвора,
предчувствуя каникул скорых
лесисто-хвойный аромат...
На елях шарики висят...
А дни проходят в скучных спорах:
«Какой же год теперь взойдет
из тьмы календарей японских?»
«Он, вроде – лошадью грядет,
весь в сыромятной сбруе конской
в извечной суете сует,
окрасив лошадь в синий цвет!»

Конечно, прав был Грибоедов,
Сказав, что «врут календари».
«Стрельцы», удачи не изведав,
пьют за удачу до зари.
Их поздравляют с днем рожденья,
как будто заверченный год
утраченный покой вернет
и снимет индекс напряженья.
Над странною страной царит
лимонно-мандаринный запах,
везде – английский и иврит,
«Отечество» – в медвежьих лапах...
Самодержавья идеал
из глубины веков восстал!

Бесплотьем призраков не будем
предновогодний портить час!
Мы не судимы и не судим
(пока не осудили нас!)

Бывает до костей обидно,
когда в стране известный вор
ведет себя, как прокурор,
ну а тому – ничуть не стыдно.
Когда «герои» «За стеклом»
(все эти Дэны, Жанны, Максы)
с экранов к нам приходят в дом,
а в их глазах мелькают баксы...
Когда за тяжкий, честный труд –
лишь на прожитие дают...

За декабрем неотвратимо
январь и Новый Год идут.
Они по всей Земле любимы,
рубежных дней, как манны ждут...
Пушай в грядущем будет хуже,
но кто захочет променять
надежды теплую кровать
на ледяную правду лужи?
Даешь дни отдыха стране!
Пусть мишура и серпантины
рисуют блеском по стене
удачи яркие картины!
Пусть хмель не застилает глаз,
пока Всевышний терпит нас!

Двухтысячный – грядет началом
столь долгожданного конца
того столетья, что стирало
людей, как жаркий пот с лица.
Распад и синтез мирозданья,
великих войн миллионный мор,
кровавых революций хор,
развал империй и создание
каких-то новых государств.

Без операций и лекарств,
под кашпировщины вещанье
стирались старые рубцы
и уходили в ночь отцы.

Дракон двухтысячного года
плюется пламенем войны...
«Электорат», познав «свободу»,
не верит в выборы страны.
Маразм державой нашей правит!
«Народ – безмолвствует», как встарь,
портреты новорусских харь
доренки и сванидзы славят,
стекают в бездну нефть и газ,
жиреют банки (не у нас),
налоги – душат, воры – грабят,
драконовских законов – тьма...
И горе есть, и нет ума!

Сползают годы, как короста,
слетают, будто листья с крон...
Но будет ли в грядущем просто
без кандалов и без корон?..
Землетрясения, цунами,
угроза ядерной зимы,
где мамонтами будем мы?
Или кометы взрыв над нами?
Чем угрожают небеса?
А чем – сгоревшие леса?
Природу мы кромсали – сами,
но, посягнув на смысл всего,
не получили ничего...

А жизнь – превыше всех страшилок!
Противоборством «инь» и «ян»

она успешно завершила
природой сверстанный обман.
Слиянье туш мужских и женских,
вонзание душ одна в одну,
уход вдвоем, пускай ко дну,
по-прежнему важней вселенских
разборок типа: «Кто – кого?»
«Друг – друга» – больше ничего!
Судьба – Онегиных и Ленских
пускай любовью единит
и от дуэлей их хранит!

Дракон в конце тысячелетья
двадцатый завершает век.
Одним – обещано бессмертье,
другим – стекать по руслам рек.
А человечество – творило
совместным тягостным трудом
свой каждый век, как новый том...
И умирало, и любило,
и Ренессансом ввысь взвилось,
и в вечный Космос унеслось,
овечку Долли разродило...
Но старый способ размноженья –
приятней был, чем сотворенье.

Стареющие дон Жуаны
без боя сдаться не должны,
они сквозь времена и страны
нести мечту обречены.
Притока новых ощущений,
как воздуха в подлодке ждут,
считая медленность минут
прощальной нежностью прощений.
А женский, мимолетный взгляд –

признать намеком каждый рад
на обещанье приключений,
в которых грезится постель
и ясно видимая цель.

«Ну, если мы уже не парни,
то вы заелись, девки! Зря!»
Так говорил мой друг-напарник,
когда кровавилась заря.
Дымил костер, шашлык вертелся,
ныряли в снег, как есть – ни в чем,
короче – было «все путем»,
весь свет от нас, казалось, грелся.
Шампанское в окрошку влив
под томно-песенный мотив –
вдруг жар костровый разгорелся...
И осветив счастливых нас,
вздохнул, всклубился и – угас...

Потери века – не пополнить,
как дней опавших – не вернуть.
Всех, кто ушел, мы будем помнить,
но общий – бесконечен путь.
Бушует поросль молодая:
девчонки нынче – просто блеск,
их жизнь – похожа на бурлеск,
где юность, как вино, играет –
без предрассудков, без идей.
Назло серьезью площадей
она свободу выбирает,
желаний твердь раскрепостив...
В итоге – сексуальный взрыв.

Что год Дракона сексуальный –
узнать возможно из газет:

пусть желтопрессных, ирреальных,
но ведь других в России – нет.
Коль новый год, и имидж – новый.
Дракон – известный террорист,
немногословен, не речист,
на козни сызмальства готовый,
как будто – путинский двойник...
Ведь президентский ученик –
наследник ведомства Ежова,
а значит, лучше помолчать,
пока не начали стрелять.

Вернувшись к празднеству победы
над прошлым двадцати веков,
восславим жизнь, где наши деды
не превращались в стариков!
Они росли и размножались,
и покидали этот мир...
Их забирал в себя эфир,
с которым мы потом общались,
а информации поток
струей вливался в кровоток –
и поколения развивались...
Вот так вселенско-генный код
в двухтысячный ворвался год.

А мы, друзья, под чарку горькой
восславим сладость наших дней,
а их от корки и до корки –
две тыщи! Это – юбилей!
Пусть будет тост за год Дракона!
Он нас, ей Богу, не страшит
и не снижает аппетит,
как гамбургер из-за кордона!
Нам Змей-Горыныч больше мил,

поскольку тоже водку пил
и беспредельно, и бездонно.
Российский в дым менталитет
не знает в пьянке слова: «Нет!»

Опять февраль в своем начале
крещенский холод усмирил,
и вновь банкиры рассчитали,
что день рожденья наступил.
На рубеже тысячелетий
мы поднимали братский тост,
вставая вместе в полный рост –
как джентельмены, так и леди,
чтобы сказать друг другу: «Ты!» –
и то, что помыслы чисты,
пока на небе солнце светит.
Но тем и славен новый день,
что снова слышим рюмок звень.

Залив вечерний на картине
вот-вот закат зальет в кармин,
накидкой изумрудно-синей
прикрыв волнение глубин.
Йодированный запах моря
с благословения небес
прибрежный оmyвает лес,
шуршанью бриза чайки вторят,
от жара солнечных лучей
горит вода в сто тыщ свечей,
богатство красок с рамой спорят...
Художник их не пожалел,
приблизить лето захотел...

Но нам февраль милей июля,
затем, что горные хребты,

которые хребтов не гнули,
на нашей родине круты.
Кавказ закутан в бурку снега...
Слепяще-сахарных вершин
достиг грузин и осетин,
не замедляя темпа бега,
поскольку солнце и мороз
им заменяли запах роз,
был воздух гор – важней ночлега,
вкусней, чем запах шашлыка,
надежен, как друзей рука.

Прости, мой друг, но так случилось,
что посетить тебя не смог!
Опять капканом боль вцепилась,
круша суставы рук и ног.
И ни примочки, ни пилюли,
мне не помогут в этот час.
Хоть пламень мысли не угас –
нет сил сидеть в застольном гуле.
Быть может, голод и покой
уймут подагры злобный вой,
и я смогу сидеть на стуле
среди друзей и их подруг,
замкнув собой общенья круг!

Ведь жизнь – она и в наслажденьи,
и в прохожденьи через боль.
Мы не болеем в дни рождений,
и не при чем тут алкоголь.
Все так идет, а не иначе,
поскольку свыше дан расклад:
тому – удач, тому – наград,
ну а тому – стену из плача.
Но нет сомнений в правоте

того, кто выжил на кресте.
А, значит, выпьем за удачу,
за Промысел в делах мирских,
за вас, до ясности – своих!

Святой Георгий всем, кто может,
сегодня выпить разрешит,
и всех, кто нам всего дороже,
на долгий путь благословит!
Пусть за окном мороз крепчает,
в грядущий век – бесспорен путь!
В него хотим мы заглянуть
вовсю содвинувшись плечами.
Застольно-дружеский альянс –
пускай объединяет нас
не только добрыми словами!
За чистых поздравлений вал
я виртуальный пью бокал!

Чтобы у всех дела вершились
не в дни рожденья, а всегда!
Чтобы надежно защебнились
дороги, стройки, города!
И в каждом уголочке мира,
где льется тульский наш бетон,
пускай того прославит он,
кому работа, как квартира!
Пусть голубиная метель
устроит в небе карусель
от тульских засек до Памира,
поскольку детских чувств накал
неотделим от вечных скал.

С Кавказом дружба исторична
России славных сыновей.

Она – крепка, она – логична,
и не шашлык – основа в ней.
Не плов – визитка Ставрополя,
не сало – Украины свет...
Надежней не было, и нет –
общенья всех в едином поле!
Взаимопониманья дух –
он воплощается не вдруг,
хотя бы в нашем друге – Коле.
Ура! Да здравствует стрелец!
Давайте выпьем, наконец!

.....

.....

ГЛАВА 8

Уже в тысячелетье третьем
проснулся утром человек!
«Дракона» утопив в столетьи,
«змея» скользнула в новый век.
Чем удивит векорождение
в такой беспозвоночный год?
Народ, конечно, счастья ждет
без громких криков возмущенья,
но ожидает тяжких мук,
что следует из всех наук –
от акушерства до творенья.
Свободы призрачный маяк
мерцает нам, как добрый знак.

Но «нас» не любит государство,
хоть состоит из многих «нас».
И, значит, все его коварство –
наш собственный народный сглаз.
Не тех, как видно, избираем,
а, может быть, и не туда...

Товарищи иль господа?
Мы даже этого не знаем!
Вот только строим вертикаль...
Небес до бесконечья жаль,
когда их высоту пронзаем,
пытаясь обществу внушить,
как можно власть употребить!

До хрипа спорят депутаты
про знамя, герб, державный гимн...
Мол, мы – бесстрашные ребята:
проголосуем как хотим.
Три цвета – белый, синий, красный,
(как перемирие в войне,
там в искореженной Чечне),
на знамени сплелись бесстрастно.
Так на снегу алеет кровь
и страх окутывает вновь...
Куда идем – опять не ясно...
Но в Думе прерывают сон
просветы синие погон.

Да что нам вялый спор о гимне?
Не в звуках музыки ответ.
Претензии всегда взаимны,
ушедших лет бессмертен след.
Прорех бюджетных не стеснясь,
от беззаконья онемев,
две головы в зенит воздев,
пернатостью к земле склоняясь –
орел двуглавый воцарил
в стране, где прежде тоже жил,
делам чудесным удивляясь.
Теперь он – символ «связи лет».
А государства – нет, как нет!

Все меньше снега на полянах,
давно метели не метут.
Быть может, скоро на бананах
своих детей увидим тут.
Но жизнь – мороза не убавит!
Кровь промерзает от «вождей»,
от непонятья их «идей»...
Все громче пресса «силу» славит,
крепчает рык, краснеет глаз
от губернаторских лампас;
Чукоткой – Абрамович правит...
«Контора» властвует в стране,
вновь бесхребетие – в цене.

Эпоха мнимых оппозиций
и передела общих дел,
век виртуальных инквизиций
под думский псевдобеспредел.
Госдепы шумно побушуют,
но, выбрав выгодный момент,
за все, что скажет Президент,
единогласно голосуют...
Отрежиссированный ход!
Ведь избиратель стал не тот –
он голосом своим торгует,
надеясь что-то получить,
чтобы в «зеленом» мире жить.

И все же очередь настала
услышать новогодний тост!
Страна от митингов устала
в рождественский нелегкий пост.
Мы ждем любви небывалых!
Любимых славим имена!
Нам в эти дни всегда нужна
поддержка бесконечно малых,

но столь великих чувств людских!
Веселья песнь! Заздравный стих!
Звенят бокалы! Нет усталых!
Предновогодья карнавал
пусть не снижает свой накал!

ГЛАВА 9

Я не любил изделие номер два
не потому, что тяжело карману.
Но валидол, пойми меня, братва,
носить в штанах тем более не стану!
Пушай уйду в немыслимый обгон,
впечатавшись в несделанное дело!...
След тормозов на трассе запотелой
поставит жизнь на безрассудный кон,
в котором ставка – наши пожеланья,
а выигрыш – бесплотные мечтанья,
зовущие в грядущий вечный сон.
Но отношений бесконечных нить
должна друзей в сердцах объединить!

Спасибо вам, друзья по жизни адской,
за соль и сахар наших общих лет!
Нам не лежать ничком в могиле братской...
И Шилов не напишет наш портрет...
Вы были рядом в грусти и весельи,
пивали по утрам крутой рассол,
под тост: «За женщин!» едился стол
и не пугало мутное похмелье.
Основа дружбы – слово и дела
для нас в любые времена была
намного крепче, чем любое зелье.
Не берегли здоровье никогда,
считали, что болезни – ерунда.

Когда сердца свои стучали сводки,
питаемые множеством причин,
то «жидкая таблетка» русской водки
была важней, чем нитроглицерин.
А тут – замерз до самых капилляров
(быть может, в почке прекратился ток),
дрожу, как ветром взвихренный листок
под мощью неожиданных ударов –
судьбы ль? Здоровья ль? Или смесь причин
к шести десяткам валит с ног мужчин
по всем приметам вроде бы не старых?
Простите все, кого недолюбил!
Быть может, завтра не достанет сил.

И снова боль! Уже – посередине,
слегка тошнит, одышка, клейкий пот,
как в морозилке, тело быстро стынет...
Где, к черту, доктор? Что он не идет?
От мира отгороженный простынкой,
под хрипы умирающих дедов
сказал себе: «Ну, вот и я – готов...
в кровати с высоко поднятой спинкой.
Друзей не видно, некому налить,
а просто так – навряд ли стоит жить...»
Мелькнули годы радужной картинкой...
Но вмиг дефибриллятора разряд
вернул меня из вечности – назад.

Спасибо вам, коллеги по бутылке,
крутых реаниматоров конвой!
Когда в момент до самой тонкой жилки
вы доходили праведной иглой,
когда вливали липкие растворы,
вдували воздух стареньким «РО-6»,
пытаясь в тайны жизни с ходу влезть,
включив дефибрилляторов повторы.

Желаний ваших твердь на небесах
была сильнее, чем человеческий страх,
пропавший в интенсивных коридорах.
Последняя надежда и оплот –
пускай в реанимации живет!

Потери тяжело переживаем,
себя вверяя судьбам и богам.
Но верьте! Ничего мы не теряем,
теряя тех, кто потерялся сам.
Себя найти бывает трудно очень
в потемках прогрешившейся души.
О, Боже мой! Хоть часть грехов спиши
на счет грядущей неизбежно ночи!
И не сочти за очень тяжкий труд
продление жизни в несколько минут!
Длиннее – все же лучше, чем короче!
Но измерять неизмеримый путь –
что юность в наши годы повернуть!

Вдруг слезы обожгли зеницу ока,
все помутилось, спазмы, в горле ком,
затем, что вспомнил о таком далеком,
арбузном детстве, и о тех, кто в нем...
Родители при жизни не ценились,
считался мало нужным их совет,
казался ясным этот белый свет,
в котором мы влюблялись и женились,
идя своей, нехоженой тропой,
ведя друзей и близких за собой,
пока к своим делам не обратились,
увидев тьму ошибок прошлых лет.
Но поздно... Кто их видел – тех уж нет...

Спасибо, папа, за твою улыбку,
за то, что в шутку «вызывал Таймыр»!
За русских слов невольную ошибку,
за туфли, мной затертые до дыр...
А ты их надевал... и был мне ближе.
Казалось, так и будет навсегда,
но возраст (и богатство, и беда)
забрал тебя досрочно летом рыжим...
Ты и тогда спокойствие хранил,
дождавшись сына из последних сил,
скользнув улыбкой по недужным крышам.
Ты мирно меж детей своих почил.
Прощай, отец! Спасибо, что любил!

Теперь от мамы спишь невдалеке,
окутанный спокойствием блаженства...
Не верил ты в загробное пике,
ведущее с любимой в совершенство.
Но ведь осталось в сухоньких телах
военного романа притяженье?!
Здесь мы – живое ваше воплощенье
и с памятью о вас на небесах.
Здесь ваших внуков страстные поступки...
Толчется время в изначальной ступке,
но с думами о будущих делах...
За нас не беспокойтесь вдалеке!
Твоя рука, отец, – в моей руке.

.....
.....

* * *

Как ни стремился в отчие края,
но никого не встретил, кто бы помнил
судьбу села, откуда родом я,
сбежавший в мир из надоевших комнат.
На облаках – Всевышнего печать,

три слова душу жгут: «Готовься к встрече!»
Слышнее стали траурные речи,
в которых будут память величать...
А надо бы по Бежиному лугу
вести в кусты любимую подругу,
с которой суждено рассвет встречать.
Нам ни к чему посмертные награды,
да и при жизни – лишь везенья надо...

Остался деревянный дом-вокзал
с пол-водокачкой старостью кричащей,
круги вокруг которой нарезал
отец на мотоцикле тарахтящем.
Церквушка, где когда-то был крещен,
разрушена была. На этом месте
открылся магазин. Теперь из жести
на крыше куполок сооружен.
Вновь церковью постройка эта служит
и отражает быль в застойных лужах,
когда в безбожье пала связь времен.
Но более полсотни лет подряд
приходит в снах крещения обряд.

Слепящий солнца свет... снежинки тают...
аллеи тополиной белый путь...
полозьев скрип...дым ладана витает
в том сне о днях, которых не вернуть...
Такая чистота, как будто вечность
сняла в мгновенье лет увядших слой.
Нахлынул неожиданный покой,
и все яснее стала скоротечность
земного бытия, в котором миг –
измерен сутью непрочтенных книг
и звездной вспышкой осветивший млечность...
Поскольку бесконечен Млечный путь –
его нельзя на свой манер – свернуть.

Тамбовщиной дышу над сонной речкой,
кувшиночно-лилейной простотой...
Луч солнца из-за туч слепящей свечкой
сверкнул, чтобы дивиться красотой.
В воде трава дает приют рыбешкам,
играющим под зорким оком щук,
извечный курс общественных наук
преподающих несмысленным крошкам:
как в этом мире осторожным быть
и как зубастых щук не надо злить,
ныряя по изведанным дорожкам.
У рыб и у людей закон простой:
не толсто и не тонко, только – пой!

Коров, от перестройки уцелевших,
к реке на дойку гонят пастухи,
к девчонкам, от работы повзрослевшим,
но любящим и песни, и стихи.
В полнеба – ясность, а в полнеба – тучи,
рыбак мычит какой-то песни стон...
Уносит ветер в глубину времен
слова о том, что раньше – было лучше...
На самом деле – хорошо тогда,
когда не знаешь слова: никогда!
Когда в тумане видишь солнца лучик,
когда друзья тостуют за столом
и полнится здоровьем отчий дом.

ИБРАГИМ

Оранжевой зарей пустыни
подсвечена морская тишь...
На глубине бездонно синей,
как будто в космосе летишь...
Пятнистых, красных и зеленых
мелькает рыб волшебный рой,
риф надвигается горой,
коралловой судьбой возвращенной...
На плечи давит солнца луч –
оттуда, где не видно туч.

В подводном бессловесном мире,
чутьем испытанным своим –
знал закоулки, как в квартире,
купальщик истый – Ибрагим.
Усов чернеющая щетка,
стальная цепкость крепких ног,
грудная клетка в полный вдох,
он был для рифов, как находка.
В свои молодые двадцать пять –
умел и плавать, и летать...

Под солнце вынырнув, как пробка,
в сухой, палящий, терпкий жар,
поплыл на пляж, легко и ловко,
где виделся всегдашний бар.
А там его ждала Татьяна.
Жена? Подруга? Нам то что?!
Как танцовщица – без изъяна,
на все, как говорится, сто!
Полна эротикой природной,
достойна славы всенародной.

Загар, под солнцем бронзовея,
по узкой талии скользил,
огнем пылающим повеяв,
на бедра вдруг переходил...
Где от купальника полосы
от солнца скрыли кожи свет,
сказав загару: «Нет и нет!»,
живот приоткрывался плоский...
На нем «венерин бугорок»
был в меру низок и высок.

В египетской, синайской сказке
внезапно забурлила страсть,
нырнув в которую без маски –
хотелось запросто пропасть.
Они сплетались с Ибрагимом
то нежным взглядом, то тайком
свивали кисти рук клубком –
столь долгожданным и любимым.
Что значит молодости бред?
До старости горящий свет!

У Ибрагима и Татьяны
светившихся сияньем чувств –
среди публики, немножко пьяной,
но чуткой к сполохам искусств,
была, как видно, сверхзадача –
на отдыхе друг с другом быть
двузначием: игла и нить,
а расставаться – то не плача,
без лишних и обидных слов,
к которым этот мир готов.

Они в постели преуспели!
Отель дрожал по пять часов,

крича о достижениях цели
неясным всхлипом голосов.
Казалось, что вот-вот свершится
слиянье судеб их – в одну,
звучанье струн – в одну струну,
и время общее помчится...
Но век перемещенья тел
«сбыт» этих «мечт» не захотел!

Седой и, видимо, богатый –
супруг Татьянин прилетел,
весь, будто слепленный из ваты,
жирен, слащав и мягкотел.
Обделав в США свои делишки,
имея фирменный «общак»,
решил заехать просто так
потратить времени излишки,
каирским рейсом в этот край –
коралловый потрогать рай.

А что прекрасная Татьяна?
Попробуй, кто – ее узнай!
Она, проснувшись утром рано,
несет в постель супругу чай.
Скромна, мила до отвращения,
глаза к коленям опустив,
все, что блистало, то – прикрыв,
как воплощенное прощенье
грехов от Евы – в наши дни...
Синаем списаны они!

А Ибрагим тоску-кручину
все дальше в море загонял,
ныряя в синюю пучину,
как фиолетовый коралл.

В вечерние часы на пляже
запрет купаться – презирал,
от игл ежей морских страдал,
но прекращать не думал даже
родниться с морем и луной,
дружиться с каменной стеной...

При встрече с ним Татьяна блекла,
молчала, глядя на простор,
который даже в злое пекло
звучал, как многоваттный хор.
Муж посылал ее за пивом.
Она послушно шла туда,
где и напитки, и еда
в орнаменте сплелись красивом,
несла стаканов пенных лед
хозяину своих забот.

И вот однажды – нет Татьяны.
И Ибрагима тоже нет!
Один супруг в угаре пьяном
сидит с бутылкой тет-а-тет.
От финиковых пальм напротив –
летят плоды на зелень трав,
в стране, где дождь – без всяких прав
шесть лет отсутствует в природе,
где «чисто русская» среда...
Но вот беда – всегда беда.

Пытаясь встретиться с Татьяной,
проникнув заполночь в отель,
был схвачен Ибрагим охраной
и грубо выдворен отсель.
На шум явился муж с рогами,
оленю и лосю подстать.

Он от «друзей» сумел узнать
«за все про все», соря деньгами.
Привычка старая «стучать» –
важней для русских, чем молчать.

Там, за пределами отеля,
«крутой» разборке дан отсчет...
Охрана мужа в сердце целит,
но Ибрагима прост расчет.
Он ждет намека от Татьяны –
с кем хочется остаться ей?
Коль с мужем – значит, в сердце бей!
Коль с ним – тогда упреки странны!
«Да» или «нет» – теперь пароль,
пусть жизнь и смерть – все та же боль!

Как «Хванчкара» плеснулась в снеге!
От выстрелов сверкнула ночь,
багрово-красные побеги
из сердца побежали прочь...
«Татьяна! Милая Татьяна!»
шепнули губы, искривясь,
нисколько правды не боясь,
но сожалея: «Как же рано...»
Упал на землю Ибрагим –
последним шепотом храним...

Татьяна вздрогнула, проснувшись,
пока не зная ни о чем,
к печальным снам не прикоснувшись,
но выстрела услышав гром.
Привстала в темноте постели...
В руке – ракушка. Талисман –
был Ибрагимом как-то дан
в начале сказочной недели.

Но почему же руку жжет
ракушки нестерпимый лед?

Открыта дверь пришедшим мужем.
Он видит, что Татьяна спит.
Движеньем дерзко-неуклюжим
край одеяла приоткрыт...
В руке щепоть песка зажата
да шар жемчужины блестит
на простыне его обид.
Подушка рядом – чуть примята.
Нет пульса! И дыханья – нет...
Лишь на губах кровавый след.

Как будто Ибрагим вернулся
в Татьянин мир издалека...
Он с поцелуем к ней нагнулся,
но тяжела была рука.
Прильнув к нему горячим телом –
застыла в тот же самый миг
в объятиях таких родных,
которые всегда хотела...
Тяжка двойных стандартов суть!
Любимых к жизни – не вернуть!

По-прежнему равнина моря
не знает дождевых щедрот.
Пустынный ветер из предгорий
песок кусающий несет.
Плюс тридцать три – вода «в законе».
Мелькают яхты, катера...
На рифах с раннего утра –
ныряльщики... Никто не тонет.
Воды соленость такова,
что не утонет голова.

И только прошлых дней печали
вдруг потревожат горизонт...
Умчит в не познанные дали
тебя зари горящей зонт...
Про Ибрагима и Татьяну
напомнит флейты нежный звук,
да барабана частый стук,
да бормотанье русских спяну...
Что было – то, увы, прошло!
А жизнь – прозрачна, как стекло!

ВОРОХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ

Г.Т.Б.

Геннадий Тихонович Быков!
Твой день рожденья – не впервой.
Промчаться по пути без стыков
мы все хотим наперебой.

Чтоб этих рельсов бесконечность
нас протащила по годам,
в конце которых будет вечность,
но вот не будет милых дам.

Так пусть шампанское в бокалах
шипит змеей, вселяя страх.
Мы жизнь не измеряем в баллах,
а пьем лишь водку в «стаканáх»!

Нам бесконечности не нужно.
Нам крепкий выгоден конец,
чтобы прожить тепло и дружно
в одном биении сердец.

Пусть сельское хозяйство вволю
даст выпить нам и закусить!
Пусть женщины растут на поле,
чтоб было у кого просить!

ЛИЗУНКОВУ

**Лечить его не очень просто,
Из-за того, что он в пути
Забыв про анекдоты – к тостам
Умеет быстро перейти.
Наполнив пустоту стаканов
Крепчайшим смыслом метких фраз,
Он переплюнет атаманов,
Возьмет без выстрелов Кавказ!**

**В хитрющем лизунковском взгляде
Я вижу отблески побед.
Чего, скажите, Бога ради,
Ему не жить еще сто лет?
Слова излишни в юбилеи:
Любовь друзей не передать.
А он – пусть дальше молодеет
Вздымая вверх мужскую статью!**

**Пушай больничные палаты
Ему лекарством не грозят!
Тревожно-белые халаты
Рванутся в памяти назад!
Он мощной зрелости достоин
В шестидесятилетний час.
И наша дружба – вечный воин
Чеканит старый тост: «За нас!»**

СВОЯЧЕННИЦЕ

Ах, какая уж тут математика!
Столько прожитых лет – не рекорд.
Я считаю года по квадратикам,

Жизнью вlepленным в вечный кроссворд.
И разгадку найти нам не сможетcя –
В глубь вопросов упрятан ответ...
Изумрудными блестками крошится

Дня рождения вспыхнувший свет.
Ох, не стоит жалеть о несбывшемся,
Лучших лет не приходится ждать!
Год от года в неясное движемся
Освящая собой благодать.

Наши семьи густеют внучатами,
А ребята взрослеют всерьез,

Сединой на висках отпечатанный
Вновь встает нерешенный вопрос:
Если только все делалось правильно,
То зачем юбилейный туман?
Есть всегда исключения из правила:
! юбилей – это просто обман.

БЕЛЛЕ

Хозяйка – золотые руки,
ученый жизнью педагог, –
вовсю творит пирог науки
и осетинский наш пирог.

Ей все подвластно, все доступно:
круиз, работа и Алан,
Уастырджи – святой заступник
хранит ее девичий стан.

Дочь осетинского народа,
(того, в котором все князя).
Ей улыбается природа
и за здоровье пьют друзья.

Шедевр судьбы неповторимый
ей, вероятно, Богом дан:
тройной цветок её любимый –
Диана, Алик и Алан.

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ

Две пятерки жизнь тебе поставила.
А за что – попробуй угадать,
Видимо за то, что было правилом:
прожитые годы – не считать.

Не считать победные сражения,
добродетель дел, и удовольствий стон,
и не мнить, что степень уважения
связана со звездами погон.

Две пятерки – больше, чем двуличие
генеральских крашенных лампас.
Честность – наше главное отличие,
красные лампасы – не про нас.

Резкость, независимость в суждениях,
даже юмор – родственник уму,
ни у вас, ни в здравоохранениях,
не были понятны никому.

Жизнь твоя в упор и в душу стреляна.
Бог велик! Не дал сойти с ума.
Ты с работы шел домой уверенно.
Дома – Лиза, дети и долма.

Хоть чуть-чуть снималось напряжение,
дни летели, а в застольный гам –
открывал огонь на поражение
юмором кавказским – по друзьям.

Две пятерки жизнь тебе поставила,
чтобы втрое дольше свет коптил,
видимо за то, что жил – неправильно,
(с точек зрения тех, кто против был)!

Ты с приупским банком в день рождения
целый мир увидев в неглиже,
покоришь Европу – без сомнения.
(Амстердам, Мадрид, Париж – уже).

Знаю то, что снится за границами...
Пусть страна у нас – чуть-чуть тюрьма,
но Она – за сонными ресницами:
это – Лиза. Дети. И – долма.

МОЛОДОМУ

Не старей ты, Бога ради!
Лет до ста не будь седой,
чтобы звал тебя Геннадий,
как и прежде – молодой!

Пусть здоровье в доме будет!
Дом – растет, растут сыны!
Пусть вовеки злые люди
не тревожат ваши сны!

Будь таким, как есть, Евгений:
знающим и долг и честь.
И не бойся дней рождений
из-за риска переест!

Не смотри на нас уродин:
толстых, лысых, с бородой!
Не старей назло природе!
Будь навечно – молодой!

Л.Н.П.

Возраст женщины – тайна великая,
но без возраста – женщины нет.
Вижу имя ее многоликое
сквозь мерцающий отблеск планет.

То – девчонка в горошковом платъице,
ученица: косички и бант.
То студентка, с которой не справиться,
потому что всемогущ талант.

Поэтессе в глубинах сознания
по-цветаевски хочется петь,
ощущать полноту осязания,
и по-своему в завтра успеть.

Будь то в Щекино, Туле, иль Питере –
наша женщина – будням гроза.
И пускай ей не светят юпитеры,
но зато – как сияют глаза.

Средней Азией детство помечено,
там теперь, говорят, зарубеж.
Ну, а взрослость – Россией расцвечена,
даже «Волга» и та цвета беж.

Пятьдесят. Ну, куда от них денешься?
Хоть все сто, но свои до минут.
Есть работа, не так, чтобы денежна,
но, бывает, и хуже живут.

Дело есть. Материнское, детское.
Это главное. Куча проблем.
Белый Дом, где беседа не светская,
но полезней, чем клип эМэМэМ.

Дай-то Бог, чтоб пора перевальная
затянулась на множество лет!
Жизнь походная, ночи вокзальные, —
это юности ветреный след.

Двадцать первый грядет, век неистовый,
как побольше его прихватить?
Может ваучер где-нибудь выискать,
чтобы акции в завтра купить?

Или лучше друзей в день рождения
пригласить и по стопке налить?
Потому что тогда, без сомнения,
в веке будущем будем кутить.

Юбилей — это дело веселое:
знай тостуй, улыбайся и пей!
Пусть над городом Тулой и селами
громче грома шумит юбилей!

* * *

Как путь в горах, пусть будет долог
твой генетический талант:
любимец женщин, дерматолог,
спортсмен, красавец, коммерсант,
снабженец, друг ГАИ и Коли,
над МЭТТРОм строгий контролер,
знаток в футболе, волейболе,
дизайнер, плотник и шофёр!
От многогранности Алана
без горькой водки будешь пьян,
и сытым будешь без барана,
пока на свете есть АЛАН!

ДУБЕНСКОМУ ЗЕМЛЯКУ

Двадцать пятое мая. Пятью пять – двадцать пять.
Две пятерки твоих, заработанных честно.
Время нас научило инфаркты считать.
Только сколько несчитанных их? Неизвестно.

Кучерявое бело-седое руно,
будто снежность вершин, умудренных годами...
На твоей голове распростерлось оно,
возвышаясь кавказской папахой над нами.

Ты изыскан по-прежнему в свой юбилей,
джентельменский набор не иссяк ни на йоту.
И по-прежнему мчишь вдоль судьбы и полей,
направляясь из Думы к себе на работу.

Видно, так уж устроен макеевский ген:
быть в движении вечном, забыв о покое...
Райбольница, в бетоне воздвигнутых стен,
остается несбывшейся, тайной мечтою...

У прудов придубнился крестьянский район,
где любая травинка Макеева знает,
Даже солнце смеется во весь небосклон.
Значит, тоже, тебя в этот день поздравляет.

ПЕРВОМУ ТУЛЬСКОМУ ГОЛОВЕ ДУМЫ В ДЕНЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ

Кабинеты...кабинеты...кабинеты...
коридорной монотонности краса.
Там, где раньше верховодили Советы,
нынче Дума поднимает паруса.

Чем же станет вновь придуманная Дума,
эта наша представительная власть?
Был бы лидер! Будет дело вместо шума,
от которого не хочется пропасть.

Коридоры...коридоры...коридоры...
кружат головы блуждающим телам,
кроме тех, как именинник, у которых
первым планом – разрешаются дела.

Депутаты...депутаты...депутаты...
сколько смято их в предвыборных боях!
Позабыты цели, средства, люди, даты,
и враги сегодня водятся в друзьях.

Но стоит у нас броней от беспредела
черноусо-мудрый думский Голова,
Ничего, что где-то что-то поседело,
но зато весомей сделались слова.

Дни рожденья...дни рожденья...дни рожденья...
освещают чернокнижие забот
В эти дни идет июньское брожение,
праздник лета в тульской Думе настанет.

Третий день не иссякают поздравленья.
Третий день голов круженье по утрам.
Третий день грохочут тосты с днем рожденья,
И, конечно, за прекрасных милых дам!

Деревянко...Деревянко...Деревянко...
Первый тульский многооумный думный дяк!
Ты идешь по первопутью, будто танком
беззаконие утюжа только так!

Дай-то Бог: чтобы твое здоровье пили,
только те, кому есть в жизни Что сказать!
Будь здоров, да так, чтоб женщины любили
много раз еще по сорок пять!

ДРУГУ

Алексей свет-Васильич Гореликов!
Скоро тридцать исполнится лет,
как весне с соловьиными трелями
дал ты верности вечной обет.

Лету жаркому, осени ветреной,
и зиме, студенеющей в хрусть,
обещал ты светло и уверенно
разделить с ними радость и грусть.

Не узнает никто в нашей области
где к решенью такому ключи –
в городах сверхбетонья и подлости
зачерствели коллеги-врачи.

Ты награду свою не выслуживал
и, служа без обвалов удач,
обе тяжкие ноши выдюживал:
Земский Врач и Заслуженный Врач!

МЭТРУ НАУКИ

Смешно гадать, что завтра будет,
в какие дали нас ведут...
Но, к счастью, есть такие люди,
что в этом будущем живут.

Искусство воплотив в науке,
а опыт – в таинстве веков,
скульптуру Жизни, взятой в руки,
сваял изящно Шумаков.

Бойцы команды Шумакова
сквозь страх и риск, к плечу плечом,
пробились в круг вопросов новых
сквозь ретроградство напролом.

Взяв соль трудов, что раньше были,
посыпав ею дел ломоть, –
не чудеса они творили.
Идею – превращали в плоть.

Чужие органы и ткани –
своими мыслятся теперь.
Уже не страшен сердцу камень,
и в вечность приоткрыта дверь.

И не при чем тут вольты, герцы, –
наук бездушный рой – молчит,
когда искусственное сердце
по человечески стучит!

А.Н.

Не принимай, наш друг Неделин,
половозрелость за успех!
Года в твоём гигантском теле
с началом нынешней недели
лишь чуть притормозили бег.

Незлобным матом поливая
все безобразия вокруг,
ты шел от края и до края,
чуть-чуть поддать не забывая
в кругу друзей, в кольце подруг.

Железо – вмазано в бетоне.
Процесс простой, как три рубля!
Так отчего Россия стонет
и едем мы в пустом вагоне,
но вот не знаем «видкиля»?

Свое хозяйство держишь крепко
и не при чем тут смех и мат.
Вон у Лужкова тоже кепка
и голова, как в сказке репка,
но ты его мощнее, брат!

Не скоро пенсия случится.
Нам возраста не страшен гром,
не будем у врачей лечиться,
не скоро песня прекратится,
и мы с тобой еще попьем!

ВОЛОДЕ

В парилке жизни хлещут всех
и хлещут всё подряд,
здесь человеку человек –
товарищ, друг и брат.

То комсомольский корешок,
а то партийный хват –
вгоняли душу с телом в шок,
а правду – в термостат.

Потом шипастый веник взял
и, отобрав оклад,
тебя до боли отхлестал
товарищ демократ.

Теперь доверенным лицом
ты в драчку вносишь вклад,
и, коль не станешь подлецом,
дела пойдут на лад.

Но твой напиток – трудоголь,
друзьям всегда ты рад,
и для тебя чужая боль
больнее во сто крат.

Пусть голос твой звучит,
глаза мечтой горят,
а сердце – век стучит,
года построив в ряд.

ЕЛЕНЕ

Тридцать августов, жизнью начисленных,
в ярких снах, в посвевднвьи забот,
вся в проблемах подруг многочисленных –
ты стремительно рвешься вперед.

Тридцать разных ступеней в грядущее:
то подъем, то крутой поворот...
Сквозь обидное, злое, орущее –
в храм удачи тропинка ведет.

От Кавказа досталась – чувствительность,
от степей – необузданный нрав.
Помесь генов рождает решительность:
горе тем, кто бывает не прав!

Ты, ранимость припрятала тщательно, –
сверхдоверчива (в тридцать то лет!),
но наследственно и окончательно
говоришь: или да, или нет.

Сыновья, как и мама, шумливые
и на месте одном не сидят...
Пусть галдят, лишь бы были счастливые
оба двое твоих тарзанят!

Лишь бы ты, улыбаясь жемчужно,
день любой озаряя собой,
по хорошему, ладно и дружно,
мир семейный построила свой!

Нам – маячит на финише ленточка...
И тебе – три десятка годов!
Но для нас – ты дочуня-Леночка
и других не находится слов.

Не спеши, пусть тебе не торопится!
Все в природе свершается в срок.
Пусть живет, пускай колобродится,
тридцать лет – только первый звонок!

ИГОРЮ М.

Ты – академик точного вождения,
профессор неизведанных путей.
И даже 30 лет со дня рождения –
достаточно солидный юбилей.

Пускай не «Мерседес» у нас под задницей,
и нет в моторе нашем сотен сил,
но «Волга» – это та еще проказница,
быть может ты ее в себя влюбил?

Несем по шуршанью, как по вечности,
пронизывая ветер и печаль.
И нет конца машинной человечности,
и близостью заманивает даль.

Сто пятьдесят на взмыленном спидометре,
мотор поет, как Шуфутинский в ночь.
Сто пятьдесят нам ангелы сподобили.
Придется жить. И плакаться невмочь.

Еще пять раз по тридцать воссияет,
святой Георгий той же трассой мчит.
Пусть карбюратор твой не забивается,
и сердце – в удовольствие стучит!

И.К.С.

Сегодня, в день апрельской Иды,
Отметим юбилейность юности.
Без сожаленья и обиды
Отмерим шесть десятков лунности.
Легка походка. Речь волнительна.
Ей, непосредственно-мечтательной,
Все в жизни было удивительным,
А на работе замечательным.

И, познавая жизни странности,
Дивясь горениям и сырости,
Ах, как хотелось ей желанности,

Живой водой всплеснуть и вырасти.
Из-под обломков неизвестности
Воздвигнуть памятник причастности...
И в кимовской далекой местности

Доверить жизнь свою случайности.
О, сколько сдумано и сверстано:
Любовь, больница, отделение,
Глаза сияют, дети взрослые...
Ответственность, как наваждение.

Сегодня это – не забытое,
Не просто так: воспоминание,
А вечной молодостью взбитая
Минута таинства сокрытого
Испепеленного желания.

КОЛЕ – СОРОК ЛЕТ

**Когда мужчине сорок лет,
Он может без сомнений
Считать количество побед,
А также поражений.
Рука, как кое-что..., тверда,
Его судьба ласкает.
В гульбе, на службе, – никогда
Усталости не знает.**

**Когда мужчине сорок лет –
Он жизни не жалеет.
Любовь друзей – прекрасный свет –
Его без солнца греет.**

**Сверкнет улыбкой сквозь усы –
От женщин нет отбоя!
Резинкой щелкают трусы
От натиска ковбоя.
Как прежде молод и упрям,**

**Лишь мысли стали строем,
Ей-Богу, выпьем по-сто грамм,
Твой юбилей обмоем!!!**

Л.М.В.

Еще один шагнул за пятьдесят,
еще один за вечностью погнался.
И, видит Бог, в пути он не сломался,
все тот же он, как много лет назад.

Тогда друзья у Гриши в мастерской
сидели в тесноте, но не в обиде.
Любой из нас друг в друге личность видел,
которой предначертан образ свой.

Иных уж нет. Другие за столом
по-прежнему встречаются за чаркой,
встряхнув «кудрями» молодости жаркой,
в тостах идут, как прежде, напролом.

Хоть изредка, но в пятницу звонок:
«Вас Леонид Максимыч беспокоит.
От встречи отрекаться нам не стоит,
давно уже пришел застолью срок».

Иван Иванович самый крепкий хрен
несет на стол к поджаренной картошке,
к грибкам, к куриной ароматной ножке,
к бутылочным хребтам на фоне стен.

Владимир Эдуардыч, наш атлет,
заполнив мощной статью все пространство,
святит жилища скромное убранство
и укрощает дикий диабет.

А юбиляр и скромненький, и суровый,
встречает всех на дружеской вечере.
В него, друзья, по старому мы верим,
и не нальем коктейль из пышных слов.

Свершившийся бросок за пятьдесят –
лишь первый шаг в делах его достойных.
Он – равный в этом мире беспокойных,
где искренность и верность – главный клад.

Н.А.Ф.

Что? Фудину сегодня шестьдесят?
Кто чушь сказал? Кто в эту чушь поверил?
Он только распахнул в половозрелость двери,
а все уже кричат: «Сдавай назад!»

Его бессмертный фильм: «Штрафной удар»
оставил след в родном киноискусстве,
не Пуговкин поведал нам о чувстве,
а Фудин слал флюиды, как радар.

Он и сейчас к любым прыжкам готов,
известен номер девятнадцать в мире...
На всех вершинах, как в своей квартире,
он свой – без лишних и ненужных слов.

Сибирский край и хитрый Казахстан
сковали сплав характера и мысли.
Иных уж нет, иные пораскисли,
а Николай – по-прежнему титан.

Спорткомитет без Фудина – ничто,
а с ним – ковались вечные рекорды,
таскались штанги, бились чьи-то морды,
крутились многократные сальто.

Все это Фудин делал по науке,
пока не грянул перестройки час,
в стране больной спортивный пыл угас
и модными другие стали звуки.

Был рядом, кстати, мудрый Судаков,
которому наш Коля приглянулся.
Их спарринг-бой надолго затянулся
но к этой связке каждый был готов.

Итог закономерен, как в парной:
под витамины, микроэлементы,
из Дейли-Пака скрученные ленты
от стресса защитили шар земной.

Чернобыльцы и мэры, президенты,
премьеры, губернаторы-отцы, –
все в бане, как крутые огурцы...
Вот только Блюменшайн не шлет презенты.

Тост туляков не выслушать нельзя.
Прими поклон, подарки, поздравленья!
Ура тебе, Андреич, в день рожденья!
Ура и вам, коллеги и друзья!

КУЛИКОВОЙ

Глаза ее – звезды сияние,
Алеют губы, как восход,
Любви достойное создание
Идет сквозь тернии вперед.
Нет на нее годов управы,
А юбилей – не юбилей,

Когда не льют под крики «Браво!»
Успокоительный елей.
Лихая молодость вернулась
И высекает сонм чудес
Кавказом вздыбленная юность
О дубенский спокойный лес.
Всегда цвети в свой день рождения!
А возраст – это наваждение!

ПЕРВОМАЙСКОЕ

Снова праздник. Песня льется.
Тяготеет стол закуской.
А с закуской водка пьется
Станиславно и искусно.

Томно теплятся фужеры,
Еле дышит мясо боком,
Только в нарушение меры
Екнет сердце ненароком...
Рождество святого Стаса,
Как весенняя примета.
И готов я час за часом
Наливать и пить за это!

Жаль, что время нам досталось
Изо всех времен – чудное.
Выпьем, чтобы все сбывалось,
И чтоб не было покоя!

ТЕЗКЕ

Благая весть – приходит осенью,
Любовью – славны сентябри,
А юбиляр – мужик породистый –
Готов трудиться до зари.
Он вник в научные премудрости,
Вкусил начальственный пирог,
Его ботинки знали трудности
Щебенки строек и дорог.
Его коммерческая практика –
На трудолюбии навар.
Стратегию рождает тактика,
Которой верен юбиляр.
Он весь в семье, в друзьях доверенных,
Мудрей с годами и шустрей,
Умеет быть в себе уверенным,
Успешно сладить юбилей...
Речь хороша, когда короткая,
Ах, Александр, прости друзей!
Аж закипела в рюмке водка,
А, значит, пьем за юбилей!

* * *

Друзья не те, кто за столом,
на презентациях, охотах,
Искать готовы днем с огнем
участия в своих заботах,
Между друзьями кол вбивать,
стараясь выиграть поболе,
А в тостах сладко ворковать
о дружеской прекрасной доле.

Мы редко видимся с тобой,
разъединенные делами.
Однако, есть хранитель твой
связавший землю с небесами!
Глаза любимой – это свет,
освобождающий от грусти,
И день рожденья, как рассвет,
напомнит о великом чувстве!

Из всех, кто близок и любим,
пусть кто-то будет сердцу ближе.

Храни тебя, Господь! А с ним
все станет больше, краше, выше!
Оставь друзьям возможность быть
на расстоянии, но вместе,
Тогда девиз не позабыть:
«Быть в нужный час на нужном месте!»
Играет кровь, как в двадцать пять,
надежда – Диму не оставит!

В отличной форме: пять и пять
судьба ему оценку ставит.
С друзьями – жизнь, как воду, пьют
необходимыми глотками.
Ему и нам пускай нальют,
а выпить мы сумеем сами!

ЕЩЕ ОДИН ПОПАЛСЯ НА КРЮЧОК

Ну вот и он, шагнув за пятьдесят,
как многие за вечностью погнался.
Дай Бог, чтобы в погоне не сломался
болясовский подвижный агрегат!

Он, разбудив гитары грустный стон,
когда-то пел: «...надеялся и верил»,
Людмилу заманил в распахнутые двери
под рюмочный веселый перезвон.

Потом он шустро настрогал детей
(совсем не тем путем, что папа Карло),
зато надежно, а не как попало,
и есть кем отчитаться в юбилей.

Он много лет расстраивает дом —
приют добра друзьям, себе и детям,
в котором каждый угол счастьем светел
и каждый гвоздь забит своим трудом.

Он любит вкусно есть и сладко пить,
но голодал не раз для исцеленья,
потом забросил этот вид мученья
решив еще сто лет нормально жить.

Почтовая торговля вместе с ним
высот достигла просто небывалых,
побед добьется и больших и малых,
пока Болясов вечностью храним.

А юбилей — всего один прыжок
за перевал судьбы долготерпенья,
наживка в день обычного рожденья,
но вот и он попался на крючок.

Взовьем бокалов хмель под шум и гам
за каждодневность общих юбилеев,
чтоб жил Болясов долго, не болея.
Весны — ему, семье, и всем друзьям!

Э.М.С.

Сколько разных чудес у природы!
О каких юбилейностях речь?
Кто сказал, что кончаются годы
Острым пламенем желтости свеч?
Лето жаркое – осенью лечится,
Обжигая и вновь холодя...
В этом месяце мысль бесконечится,
Укрываясь в стихии дождя.

Многотрудная жизнь продолжается
Новой вспышкой задуманных дел,
От идей ректорат раскаляется,
Главной цели не виден предел.
А надежды гарант – долголетие
Ясно чувствует медфакультет.

Лучших женщин и слов многоцветие
Единятся в прекрасный букет!
Так пускай в этот день увеличится
Амплитуда объятий друзей!

Их сверхкачество, как и количество –

Умножает такой юбилей.
Рады рядом работать и быть,
А за день юбилейный – испить!

МОЛОДОМУ МУЖЧИНЕ-ЗЕМЛЯКУ

Этот день – прекрасный миг рожденья
освящает возраст тех мужчин,
для которых выше нет общения,
чем сидеть в застолье осетин.

За столом, где арака и пиво
начинают вечный разговор,
земляки спокойно и красиво
мыслям и словам дают простор.

Должное отдав Большому Богу,
не забыв Уастырджи в пути,
тостам открывается дорога,
по которой нелегко идти.

Осетинских пирогов творенью
воздается должное всегда,
ведь они – причина озаренья
и в стихах и в тостах без труда.

Женщины испытанные наши
в перепадах жизненных невзгод –
любят любовь в добра хмельные чаши,
с ними день считается за год.

Юбиляра вспомнив не случайно,
посвятив ему бокалов звон,
отмечаем как большую тайну,
что уже не очень юный он.

Глаз косит на кое-что под юбкой...
В этом взгляде есть секрет один:
сорок лет он впитывает губкой
опыт старших – мудрых осетин.

Пусть покой в его семье пребудет!
Зрелость – доблесть истинных мужчин!
Но гормонов южных – не убудет,
с ними расставаться нет причин!

Седина, как будто дань природе,
Осетинский слушая мотив,
Смоль усов чуть тронула по моде,
Лихо шевелюру осветив.
А на вираже десятилетий,
Новых ритмов слыша дробный стук,
Ус крутнув, мечту вздымая плетью,

Счастье он не выпустит из рук.
Обернувшись к горным перевалам,
Развернув в лице юбилей,
Он джигит в больших делах и малых,
Круг судьбы вращает для друзей.

Предлагаю осушить стаканы
за Сослана в этот день и час,
и считать, что юбилей рано,
но поздравить можно в самый раз!

SA VA BIEN! ВСЕ ИДЕТ ХОРОШО!

Debut du match. Начало матча,
в котором проигравших нет.
Ведь в шестьдесят *madame* удача
с тобой нежнее, чем в тридцать лет.

Пускай чего-то не хватает:
зеленых баксов..., высших сфер...,
зато судьба тебя ласкает,
хоть «*a la guerre, com a la guerre*».

– *Comment sa va?* Как жизнь, Дубенский?
– *Tres bien!* Отлично! – говоришь.
И пол не обижаешь женский!
И жизнь играючи творишь!

И обучение по-французски
внедряешь ты на факультет,
и не боишься сверхнагрузки...
Короче – дед в расцвете лет!

Таких дедов такая хватка
служить примером всем должна.
Уж если жить – так без остатка,
иная страсть нам не нужна!

Среди торжественного гула
мой тост бесхитростный прими:
«Живи не меньше лет, чем Тула,
Глеб Глебович, *mon cher ami!*»

МУДРОМУ АРМЯНИНУ

От бело-араратовых высот
в сарьяновское небо бьет прохлада,
оранжевое солнце как награда,
которая достойного найдет.
Стоит в веках святой Эчмиадзин
опорой духа древнего народа,
которому желанная свобода
была нужна, как старой маме сын.
Рождается неистовый Вазген
для воплощенья множества желаний,
для дружбы, для любви, для возлияний,
для превращенья в двери злобных стен.
Припав к всесильем пахнувшей земле,
ты ощути ее набат надежный!
Пусть бодрый возраст, для других тревожный,
лишь камешком пребудет на скале!
Пусть жизнь красивой будет, как Севан,
как горных рек искрящаяся благодать!
Пусть сотню лет, с которой жить осталось,
сопровождают водка и ишхан!
Пусть женщины приходят на прием
не только за рецептом и советом!
И пусть друзья твои на свете этом
сидят за вечно праздничным столом!

А.Г. ДУПЛИНУ

Полвека мигом пролетело,
стучится в двери юбилей,
курчавость сильно побелела,
но ты об этом не жалей!

Мы раньше были помоложе,
легки, как ветер, на подъем,
и в пиджаках из черной кожи
по жизни мчались напролом.

В «Кузнецкой слободе», в избешке,
испортив пробкой потолок,
на вечно-дружеской пирушке
вели мы бесконечный толк.

Подлив шампанского к окрошке,
смотрели на входную дверь,
где появлялся на дорожке
Лев Карпыч, самый рыбий зверь.

Машина Левы Киселева
нам укорачивала путь,
когда без умысла дурного
хотелось с дурью отдохнуть.

Сверхмушкетерская походка
в поступках отличала нас.
Пускай сбивала наземь водка,
но мы вставали всякий раз.

Твой день рожденья – это радость
воспоминаний о былом.
Нальем в стакан хмельную гадость
и за друзей своих поьем!

БАЛЛАДА О ГОРШКЕ

История творится без натуги,
предначертаньям сбыться суждено.
Пусть твиста нет. Забыты буги-вуги.
Нет очереди в старое кино.

Проспект без нас, конечно, не пустует,
есть у него другой «электорат»...
Из детства ветер нам в затылки дует
и с новой силой вспыхивает взгляд.

Пройдут года, но поздно или рано
найдется исторический горшок,
объединявший Лизу и Алана,
их разделявший на один вершок.

Теперь он маловат, конечно, будет,
но память лет тепло его хранит.
Горшок из детства дарит вечность людям
и возбуждает зверский аппетит.

Владикавказ шумел. Джигитов туча:
грузин, чеченцев, осетин, армян...
Но снился ей – из кучи самый лучший.
Такую должность занял Бадинцян.

Над Тулой дождь, но Бадинцьянам светит.
Теперь у них, как в Греции, все есть:
друзья, долма, обученные дети,
но некуда для отдыха присесть!

Горшок судьбы мной вызволен из плена.
Глазам друзей его представить рад!
И пусть над ним витает непременно
духов французских дивный аромат!

Пусть каждым днем он полнится, но в меру,
пускай удачи вьется сладкий дым!
Пусть где-то ваши ширятся размеры,
но никогда не будет он пустым!!!

ОШИБКА В ДАТЕ

Однажды я ошибся в дате,
тебе спророчив пятьдесят.
Что делать? Я не твой создатель.
Склероз в ошибке виноват.

Вновь наступает день рожденья,
опять не знаю сколько лет
прошло с великого мгновенья
явления тебя на свет.

Весной разгульной, мокро-снежной,
как и положено котам,
по мартовски светло и нежно
ты день рожденья даришь нам.

Шурши колесами «Фиата»
хоть пятьдесят, хоть двести лет!
Пуускай друзья не помнят даты,
а ты не знаешь в жизни бед!

Желаю мысленно и в тосте
от диабета не страдать!
Когда к тебе приходят гости –
объемней стопки наливать!

Забыть про всякие диеты,
(хоть ты и так их не блюдешь)!
Врачей не исполнять советы!
Вовсю глазеть на молодежь!

Считать года – не наше дело.
Они, как деньги, есть – так есть!
Чтоб жизнь тебе не надоела,
хоти, Болясов, пить и есть!

Строй новый дом, расти цветочки,
прокладывая в богатство путь!
К трем сыновьям добавь три дочки,
и в сорок семь, как в тридцать, будь!

ЕВГЕНИЮ

Кинг-конговая маска,
черней которой нет...
Гаишники, как в сказке,
дают зеленый свет.

Мы от Москвы до Тулы
промчались с ветерком,
сводило жаждой скулы,
а губы – матерком.

Все это точно было
лет семь тому назад,
но память не остыла
и не взмутился взгляд.

Теперь ты сам – начальник:
есть факс и телефон,
и от поездок дальних
судьбой освобожден.

Но возраст – не помеха
мальчишкой вечным быть.
Прожить нельзя без смеха,
без слез нельзя любить.

Все это очень просто,
когда в семье – покой.
Ведь Генка вышел ростом,
и Колька – не худой,

и Ленкины котлеты
по-прежнему вкусны,
и скоро будет лето,
коль месяц до весны.

Пусть в этот день рожденья –
веселый, не седой,
для нас ты будешь, Женя,
как прежде – молодой!

ПЕСНЬ О ДНЕ РОЖДЕНИЯ

Над Москвой Лужков сегодня
кепкой тучи разгоняет.
Между тучами и Тулой,
где-то здесь в районе Мызы –
тоже ярко светит солнце.
Наполняются бокалы
знаменитой тульской водкой,
тост готов, и Тула знает
повод нашему собранию.
В день рожденья Ковалева,
под костровый дымный запах,
вдалеке от гор Кавказа
затевается шашлык.
Но важнее этой даты –
радость: встретиться с друзьями.
(Хорошо, что Ковалеву
далеко до восьмисот!)
Все дружнее и громче тосты
разливаются под Тулой,
потому что есть причина
быть поближе в эти дни.
Просто на пороге – осень.
Значит, зимняя прохлада
не по нашему желанию,
но приходит как закон.
Вечно у «Ликероводки»
будет сбыт и будут деньги.
Но налоговых полиций
совершенно нам не надо.
Им, налоговым бандитам,
не достанется «Левши».
Пусть завистники трепещут!

Им, завистникам, не ясно,
почему мы друг на друга
не сливаем грязь по жизни,
а стоим к спине спиной.
Недоступно понимание
не имеющим понятий
о любви и честной дружбе,
бескорыстье в наши дни.
Праздник! Это общий праздник!
Будь здоров, Иван Иванович,
в окружении надежных
и слегка хмельных друзей!

Пусть сильнее будем вместе!

ОДНОКУРСНИЦЕ ЧЕРЕЗ 32 ГОДА

Нет, Галка, я – не пациент
психиатрической больницы!
Я – истин жаждущий студент,
судьбы листающий страницы.

Ученых званий мишура
и поздно звякнувшая лира –
лишь фиговый листок добра,
а не «творение кумира».

Палатки цейской интеграл
из юности белеет снами,
и наших сущностей накал
не изменяется с годами.

Да, Галка! Я – твой пациент
в смиренной рубашке буден,
где каждый значимый момент
по-медицински – безрассуден.

АКРОСТИХ

Фиалковые ночи в январе
Отбеливает лунное свечение...
Морозы спали, кончились мученья
И Новый Год, как водится, в горе.
Чего же мы в застольное хмелье,
Едва успев отметить Новогодье,
Вновь ринулись, как при плохой погоде,
А Бахус винный смех в бокалы льет?

Ах, Анна! Что такое юбилей?!
Надуманы причины торжества.
Нам ближе духом юность естества,
А дружеские встречи все милее.

Но если дата все же подошла –
Ее всегда с тобой отметить рады,

С небес не ждя несбыточной награды,
Приветствуя добром, не помня зла.
Есть юбилей в год огненный Быка,
Шумят друзья и все предельно просто:
Искрятся мысли в непрерывных тостах,

Журчат слова, как горная река.
Истоки наши вспомним, как всегда,
Всех тех, кому обязаны рождением!
И тех, в ком видим наше продолженье,

Пусть им живется многие года!
Родившись в дни морозности такой
Огнем любви пусть будущее светит!
Щедротами судьба ее отметит,
Ежесекундной радостью земной!

ЯШИНУ – ПЯТЬДЕСЯТ

Сегодня Тула в красный цвет раскрашена,
фанфары тостов праздничных блестят.
Все потому, что в этот день у Яшина
случилось юбилейных пятьдесят.

Ни Хомейни, ни Энгельсу, ни Сталину
не удалось природу обуздать,
а Яшиным в науке сеть расставлена,
чтоб непременно истину поймать.

Простые числа Женихова-Яшина
как дважды два затянут под венец.
У них с Всевышним связь давно заквашена:
ведь огурец – и в небе огурец.

Единый код Вселенной ноосферится,
в его разгадке – людям благодать.
И Яшин с нами! Пусть другим не верится,
но он его сумеет разгадать.

По-староверски чистота налажена,
По-ленински исписаны тома,
и аспирантки в кабинете Яшина,
бывает, сходят от него с ума.

Не схемами объемно-интегральными,
не формулами в сотни мегабит...
Крепки мы отношениями нормальными,
в которых слово с делом – монолит!

Пусть бесконечно время круговертится,
мужик мурманский – наш надежный штык!
Он от научной славы не отвертится,
как тот, другой, архангельский мужик!

Что толку мерить время юбилеями?
Нет времени и толку тоже нет.
Мы по науке ходим не аллеями,
зато всегда включаем дальний свет.

Так пусть ему живется сколько можно
в здоровьи тела, дела и души!
Удача на любовь пускай умножится,
а счастье – нимбом вечности кружит!

ВЛАДИМИРУ НЕГАЮ, БАНКИРУ И ЧЕЛОВЕКУ

Нам РСУ на Арсенальной помнится,
где главным инженером ты потел,
где сауна, горячая любовница,
вгоняла в краску шкуру наших тел.

Потом тебя носило за границами,
никто не знает, что ты там искал,
прикрывшись африканскими страницами...
Но, кажется, чегой-то там поймал?

В банкиров превращаются строители
лишь очень крепко чем-то заболел.
А ты им стал! Мы «Тулабанк» увидели,
услышав твой строительный запев.

Но в наше время всякое случается,
пока банкиры будут банковать.
Уменье строить – пусть не забывается,
поскольку есть любители ломать.

Не Африка, не Южная Америка,
а Тульская губерния вокруг.
Судьбой тебе полсотни лет отмерено
авансом за столетия – не вдруг.

Теперь вот ген бессмертья обнаружили,
но нам не пригодится этот ген,
поскольку к нашей скомканной наружности
подходит больше холодец под хрен.

Негай без анекдота – как событие,
пожалуй, это тоже анекдот.
Он с песней в нас культурное развитие
вбивает, громко разевая рот.

Его стихи смешные, искроглазые –
не раз взрывали заседаний тлен,
и часто на бумаге безобразили –
банкир Негай и академий член.

Без приключений жизнь не состоятельна,
как банк без денег, как без женщин дни,
и вроде нет программы обязательной,
а только произвольную – гони!

Но есть одна по жизни обязаловка,
а без нее мы просто – дикари:
с друзьями быть, пока хоть капля малая
осталась дружбы где-то там, внутри.

Состариться нельзя ни в коем случае!
Любовь ласкает нервы-провода,
а значит – ток надежды не отключится,
и пятьдесят – такая ерунда!

ИНТЕЛЛИГЕНТУ

Где-то там на склонах Арарата
потерял ковчег по-пьянке Ной,
потому что армянина-брата
обойти не смог он стороной.

Пригубив нектар «Васпуракана»,
от «Наири» отхлебнув слегка,
на зеленом берегу Севана
побратались люди на века.

Слышит Тула голос Семерджяна,
стол накрыт, духмянится долма,
тосты льются в воздух беспрестанно
и чуть-чуть качаются дома...

Из Венева вмиг примчался Федя
хашламой украсив день и год.
Может, Ной когда-нибудь заедет
и ковчег в подарок привезет?

Жизнь интеллигентного Вазгена
«воспивать» с друзьями нам не лень.
С осетинским тостом непременно
будет праздник в каждый новый день!

ГОСТЕВУ Е.

Он именинник – говорят.
Слышны заздравных тостов звуки,
стаканы крепко держат руки,
и пятьдесят свечей горят.

Об этом поздно я узнал,
но всей душой к нему стремился...
Мне накануне спирт приснился,
в который юбиляр нырял.

И, будто в сказке про царя,
выныривал – себя моложе,
а мы вослед ныряли тоже,
но только вот, увы, зазря.

Никто не смог напомнить мне
про пол-столетия заране,
но пусть простится запозданье,
как звук прощается струне.

Плавчанам дорог юбиляр,
он за дела – народом признан.
Служить друзьям навечно призван –
таков его волшебный дар.

Ему всего лишь пятьдесят
цветущих лет. И – к черту осень!
Май зеленью окупоросен
и молодостью брызжет взгляд.

Ну что такое – пятьдесят?
Начало самоутвержденья,
день полыхнувшего рожденья,
в котором глупости – горят.

Все будет здорово, друзья!
Отхлынет май, взвихрится лето,
и столько песен будет спето,
что не напиться – нам нельзя!

Тебе всего лишь – пятьдесят!
Пусть радость, вера и удача
родят любовь, а это значит, –
вернется молодость назад!

СЕМЬ ДЕСЯТКОВ – ВОЗРАСТ ЮНЫЙ

Что семь десятков? Возраст юный
для тех, кто юностью живет,
кто на одной ноге с Фортуной
и цели бьет, как снайпер, влет!

Он горд учебой в «альма матер»,
известной миру, как ЛЭТИ,
откуда брошен в жизнь, как в кратер,
в котором с лавой – не шути!

Но слава – Драгилеву светит!
И пусть гордится им ЛЭТИ!
Он раскидал энергосети
чуть не до Млечного пути.

Собрал наград различных ворох,
почти со всей страной знаком,
но нам он лишь улыбкой дорог,
да маторусским языком!

Воспетый старыми друзьями,
«воспитый» с ними (и не раз!), –
энергоемкими словами
он повседневно учит нас.

Пускай оваций канонада,
бутылок крепкие стволы,
и мощных тостов водопады –
бьют в юбилейные столы!

А мы дождемся тех мгновений,
когда спадет словесный пыл,
чтоб солью тихих поздравлений
он хлеб надежды посолил!

Чтоб на вопрос: «Как вы живете?»,
услышанный в сто двадцать лет, –
ответил просто: «Не дождетесь!
Мне не наскучил этот свет!»

КОМУ-ТО...СКОЛЬКО-ТО...КОГДА-ТО...

Февраль – открыт твоим рождением!
В последнем месяце зимы
весенним головокруженьем
по кругу жизни кружим мы.

И будь он вьюжным и тревожным,
свистящим, как разбойник в ночь,
но он приходит осторожно,
когда зиме уже невмочь.

Спустя неделю день татьянин
опять вступил в свои права.
С рождением Токаревой Тани
родились новые слова.

По паспорту отец твой – Юлий,
а, значит, лета верный сын,
поскольку в солнечном июле
твое творенье завершил.

Пред нами женщина – что надо!
Есть красота, улыбка, стать,
февральская загадка взгляда,
и цвет волос – не описать...

Короче, есть простор для песен
«Машины времени», «Любэ»...
Но есть вопрос. Он интересен:
«Зачем ей банк РНКБ?»

Скорей она нужна для банка,
чтобы смягчать кредитов боль,
ведь где банкир мужик – там пьянка,
где женщина – театр и роль.

Покуда дешево и быстро
Минфин не продан в Арканзас,
Татьяну Юльевну – в министры!
Ей это кресло – в самый раз.

ВНИПИМ, НИИ, этапы роста,
приходит мудрость к молодым...
А тост звучит банально просто:
«За день рожденья сладкий дым!»

П. НАТАШЕ

Все хвалим, хвалим мужиков
и в юбилей и в день рожденья,
а женам их жалею слов,
хотя и чтим как верх творенья.

Восславься, мудрая жена!
Ты не случайно гордость наша.
Не только в юбилей нужна
Н. Полникову – П. Наташа.

Ведет хозяйство круглый год,
опора детям, радость внуку,
друзьям всю душу отдает,
познав житейскую науку.

Работать споро норовит,
и в том всегда преуспевает.
Пусть Бог ее в делах хранит
и отдыхать ей помогает!

Ораву любящих друзей
тебе, Наташа, не исправить!
По стопке маленькой налей
и дай саму себя поздравить!

НЕ В ЮБИЛЕЙ, НО В ДЕНЬ ДОСТОЙНЫЙ

Стихи-репортаж под названием «Шахтеры»
в шестидесятом году,
когда перспективой манили просторы,
не верилось в боль и беду...
Пусть кто-то теперь посчитает гротеском
труда напряженного звень:
на шахте «тринадцать» Григорий Гроцескул
восславил обыкновенный день.
Конвейер, полонку, пливун и проходку,
в реальность внедлившийся щит,
с которым совковость лопаты – находка
в забое, где крепь не трещит.
И это – не пункт семилетнего плана,
а жизни ревуший поток
врывался в судьбу и творил неустанно
направленный в завтра виток.
Теперь это кажется буднично-серым
в макдональдсо-сникерсный век,
внушающий ложь про надежду и веру
и ценящий банковский чек.
Но те, кто добытчиком был изначально
свехчерного злата угля,
мечтой, хоть и хрупкой, но чисто-хрустальной,
удержат обвалы рубля!
Опять заработает вставший конвейер!
Пливун унесет подлецов!
А в шахтном стволе – свежим ветром повеет
единства детей и отцов!
Струит по спирали река наших судеб,
чем дальше – тем круче витки,
но тем и тесней понимание будет,
а мысли – единством крепки!
В заздравии тоста – его многозначность.
Советник. Ученый. Поэт.
Григорий Гроцескул! В делах и удачах
живи бесконечием лет!

РАСПОПОВЩИНА

Часть 1 – шутейная:

Когда, узнав про шестьдесят,
я сбросил гирию с поясицы,
то вдруг услышал как страницы
про юбиляра говорят...

Он устранил ракетный крен
своей мечты гиромотором,
момент вращения в котором
равняется плюс-минус хрен.

Какой там минус? Только плюс,
когда вращается ракета
и знает только он про это,
как знаем мы про частый пульс.

Как трехстепенный гироскоп
с таким кардановым подвесом
координирует над лесом
полет снаряда – курсом в лоб...

Про возмущающий момент
от зоны вечного застоя...
(не знаю, что это такое,
но чую – чуждый элемент!)

Свои познания в гироскопах
я исчерпал, но вот беда,
мы не узнаем никогда
про гироскопы в женских попах.

Распопов знает тайный смак
в движеньях их неординарных,
и во вращениях коварных,
но не расскажет нам никак...

Мы подождем еще лет двести...
Но мудрость в двести шестьдесят
лишь укрепит мужицкий взгляд
и все другое в нужном месте!

Часть 2 – сурьезная:

Распоповы рождаются не вдруг,
да и не вдруг ломаются преграды,
предубеждений прочные ограды,
когда не знаешь кто твой враг и друг....

На выбеге – вращайся сотни лет!
Тебе под силу. Стоит постараться.
Пиши, учи, твори, и, может случиться,
праправнуки узнают твой портрет!

У каждого есть свой гириомотор
настойчивости, твердости, терпенья.
Ведь даже в день внезапного рожденья
об истине ведется вечный спор.

Пусть юбилеем славный день рожденья
предвосхитит возможность новых встреч!
Я закругляю праздничную речь.
За юбиляра вечное движенье!

СЕМЬЕСОЗИДАНИЕ

Чем громче скрип дубов, берез, осин,
тем выше лезут молодые ветки
за титулами женщин и мужчин,
за право жить вдвоем в счастливой клетке.

В рутине века переломный год –
всего лишь миг и эмпиричен выбор.
Пусть верным будет этот главный ход,
чтоб ни один из колеи не выбыл!

Вопрос извечный: быть или не быть –
уже решен. Долой сомнений пятна!
Теперь гнездо вдвоем придется вить,
а это – хоть и трудно, но приятно.

Объятыя переходят только так
в тугие кольца бракосочетанья.
Но в этом слове виден явный брак.
Пусть лучше будет – семейесозиданье!

Пусть счастье в мире делится на всех:
друзьям, родным, себе, и нам немножко!
Пускай здоровье, дети и успех
заполнят дом, где не пустеет ложка!

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Четвертушка жизни, четвертинка века,
двадцать пять июлей – мигом позади...
В середине лета счастье человека
поливают с неба теплые дожди.

Пятью пять мгновений в волшебство одеты,
юность – освящает суть мелькнувших лет.
Вроде все нормально, все теплом согрето,
только вот чего-то в этом счастье нет...

Жизнь дедов и бабок – вся в противоречьи:
вечно ждут потомков, чтоб в который год –
утирать им сопли, печь им перемечи,
и ворчать на радости множества хлопот.

Четвертная молодость – разве это годы?
Все свершится, сможется – стоит захотеть!
Мы всегда уверены в щедрости природы,
ну, а в день рождения – будем пить и петь!

ЮБИЛЕЙНОЕ

Стреляй, Борис, стреляй!
Охота – как лекарство.
Почаще попадай
в намеченную цель!
Полнее наливай!
Ты – егерь государства,
в котором лес – постель,
а гимн – собачий лай.

Ружейная пальба
для браконьера – счастье.
Звериная мольба
не значит ничего.
Такая уж судьба,
в которой как причастье,
охота да гульба –
болезни две всего.

Пусть в новый юбилей
друзья все те же будут!
И встанут в полный рост
на долголетия край.
Ты нам сейчас налей
в охотничью посуду,
под юбилейный тост:
Стреляй, Борис, стреляй!

60? НУ И ЧТО?

Что, доигрался, Павел? Шестьдесят!...
Смеясь...Без тени грусти и печали
всего каких-то десять лет назад
твои полвека шумно отмечали.

Казалось, вечность будет впереди...
Казалось, не сноситься буйным членам...
Блеск орденов метался по груди,
и кое-что... топорщилось поленом.

Половозрелый возраст настает:
все строже мысли, ворох дел – уменьшен.
И, скажем между нами, каждый год
все реже ловим взгляды юных женщин.

Все больше прибавляется забот
внутрисемейных и внутривселенских...
Все чаще нездоровье пристает,
но на тебя – не слышно жалоб женских!

Все также ус топорщится крутой,
а глаз косит на круглые колени,
и воздух, как живительный настой,
вдыхается без суеты и лени.

Все также дома ждет тебя долма,
по гречески роскошная супруга...
Потомки набираются ума,
ценя совет отца и просто – друга.

Да черт с ним, что растет креатинин,
живот ремнем внушительным подвязан...
Ведь в шестьдесят российский армянин
кавказский тост произнести обязан!

И что нам НАТО? «Томагавков» вой?
Пугать в России некого, и нечем!
Здесь каждый до бессмертия живой,
как Вечный Жид в обличье человечьем.

В стране царят разруха и застой.
Пушай ружье на стенке не стреляет,
но слово – пуля, а не звук пустой!
и... строй друзей – неумолимо тает.

Мы никогда не жили без войны –
с реформами, с разрухой и с деньгами...
Поэтому навек обречены,
как Дон-Кихот, с собой сражаться сами.

И это – наша главная война!
В ней победить – не то, что на бильярде.
Здесь ставка – жизнь, а ей одна цена:
копейка – грошем ломаным на карте.

Ночная тень известного горшка,
наполненного важным результатом,
сдружив тебя с Аланом на века –
прикрыла Лизу существом крылатым...

Вот потому так важен этот миг,
в котором невозможное – свершится.
Пусть молодость твоя услышит стих
и в двадцать первом веке – повторится!

СТАРШЕМУ

Чем старше мы – тем меньше нас по сути,
но каждый миг и час вдвойне ценней.
И тем моложе мы, чем больше будет
застольем осчастливленных друзей.

Любой наш возраст – новое рождение,
в котором меркнет опыт прошлых лет:
иной кураж, иные заблужденья,
лишь мудрость излучает дивный свет.

Способен юбиляр заздравным тостом
в словах немногих – многое раскрыть.
А в суть попасть – всегда не очень просто,
но с детства он умеет «тамадить».

Сказать и спеть (и только то, что нужно),
не более того, а в самый раз.
Искусство красноречия, как служба,
которая во храме учит нас.

Достоинств многих южные плоды
в свою пору надежно вызревают...
К примеру – конь не портит борозды,
а пашет так, что мысли вверх взлетают!

И что такого, если шестьдесят?
Джигит всегда – в седле или в постели!
Оглядываться ни к чему назад,
пока есть недостигнутые цели.

Ведь было все! Торговлей управлял,
глюкозо-патокой Ефремов осчастливил,
спиртовым делом четко заправлял,
а сколько пива на желудки вылил!?

Кавказ и Тула! Это Фомичев
своей судьбой связал их воедино.
Происхождением – русский, но без слов
в нем виден образ брата-осетина.

Не будем мчать за благами Вселенной
запутавшись в неделанных делах,
поскольку с люльки знаем несомненно,
что дружба – величайшее из благ!

И эта дружба – зависти не знает
и в пятьдесят, и в шестьдесят, и в сто!
Она бокал хмельного наливает
и помешать не сможет ей никто!

В. ФРИЗЕНУ

В конце весны, в начале лета,
в день Троицы, в воскресный день –
все, что растет, теплом согрето,
а зимний холод упрятан в тень.

Крутым подарком в день рожденья
сегодня у него в гостях:
«и торжество, и вдохновенье...»
и Пушкин где-то там в кустах.

Все также добр душой и телом
наш именинник, наш спортсмен.
Приятен словом, славен делом
нерукотворных перемен.

Спортивный корпус он достроит,
рубеж научный он возьмет!
Не только памятника стоит
величие его забот.

Спортивный дух идет с экрана
в народ, где «мама, папа, я...»
Его движеньем непрерывным
крепчает дружная семья.

Но мы все время нарушаем
здоровый образ жизни сей,
и за столом провозглашаем
многоголосое «Налей!»

И тосты бесятся игриво,
и аппетит – хоть убавляй,
и женщины вокруг – красивы,
и радости не виден край!

Будь как и прежде – несибаем!
К чему нам годы ворошить?
А в день рожденья обещай нам
здоровым и любимым быть!

ГЕННАДИЮ БОНДАРЕВУ

Завтра, говорят, великий Пост,
масленице скажем: «До свиданья!»
А сегодня слышен главный тост
с верой в исполнение желанья.

Юбиляр серьезен, как всегда,
и ему чужда хмельная чаша.
Только помню время...То, когда
назывался просто он – Генаша.

На ковре боролся только так,
не ведя нелепый счет победам.
Лишь победы в жизни – не пустяк
за хорошим дружеским обедом.

С шашлыком душистым от костра,
под гармошки звонкой переливы,
на природе – чуть не до утра
слышались знакомые мотивы.

Вечной стройкой Мызу возмутил,
(до сих пор все строится именье),
на «калё-малё» хватает сил,
и на то, чтоб праздновать рожденье.

Пятьдесят плюс пять всего ему.
Знаю, из седла его не выбить!
Вот одно лишь только не пойму –
лучше слушать тосты, или выпить?

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕМУ

Как хорошо иметь 100 лет в запасе!
Ешь шашлыки, хмельную водку пей!
От старости себя обезопасив –
ты не торопишь важный юбилей.

Вот и сегодня – только сорок девять,
а, значит, дела – непочатый край.
В России столько незамужних девок,
а ты – один. Любую выбирай!

Но избрана тобой жена навечно,
поэтому не очень-то греши!
А повод компромату, дай, конечно,
совсем немного, просто – для души.

Аккорд гитарный дружен со стихами.
«Сайгон» по-тульски начинает петь.
Дай Бог тебе здоровым и с друзьями
хоть каждый день любить и юбилеть!

Н.Н. СЕРГИЕНКО – ПОЛВЕКА

В предчувствии золотого юбилея
природа вздрогнула, бросая нас в озноб,
чтоб вспышкой солнца, жара не жалея,
расплавить нарастаявший сугроб.

Избавить от неправедных наветов,
предвзятости таможенных препон...
Сменяет зиму неизбежно лето,
блюдя великой Вечности закон.

Идет тепло, встречайте с хлебом-солью,
в потоках юбилейной суеты!
Пора настала проследить в застолье
зигзагов жизни яркие черты.

Он к нам явился с вольной Украины
где в Лохвицах и сахар, и жара.
Полтавщина послала в Тулу сына.
Как солнце – он взошел из-за бугра.

Ракетных войск закалка и наука
всегда подспорьем были на пути
По жизни он со скоростью сверхзвука
привык носиться. С Колей – не шути!

Районы Чернский, Плавский и Веневский –
ему знакомы были искони.
Струился спирт рекой до стен кремлевских,
дымилась трубы, пролетали дни.

Потом диплом, ждал в Тулу перевода,
ног не жалел. Не покладая рук,
возглавил Туласпирт. Прошло два года,
он – кандидат технических наук.

Продукция берет «Звезду» в Мадриде,
и шесть дипломов в нашем ВВЦ.
Залог, что «Туласпирт» сегодня – лидер –
усы у Сергиенко на лице.

Они в делах важней, чем Евромарка,
чем самый навороченный акциз:
закрутит ус – и черту станет жарко,
а качество получит новый приз!

«Левша», «Березка», «Сувенир», «Россия» –
известны и в стране, и вне ее.
В загранпоездках нас всегда просили
накапать в душу тульское хмельё.

А поутру со свежей головою
могли в ООН свободно выступать.
Сравнив «Левшу» с вовек живой водою,
все автора просили показать.

А автор – председатель в «Спиритбанке»,
«Заслуженный работник...», депутат,
В футбол играет, забивает банки,
в политику – играть бессрочно рад.

И кафедрой заведовать умеет,
и успевает к дружеским столам,
как Паваротти голосом владеет,
в мгновенье покоряя милых дам.

Семья – в порядке. Младшенькие дети
взрослеют, предвкушая юбилей.
Есть кров и стол, и Галя есть на свете,
и сонмище бесчисленных друзей.

Полвека – это только путь к вершинам,
которые ему под силу взять.
Он меряет судьбу – своим аршином,
и тут не подтолкнуть, не подсказать.

Пьем за любовь и дружбу – без сомнений!
За изобилья вечно полный рог!
За торжество здоровых ощущений!
За бесконечье избранных дорог!

ГЕНЕРАЛУ

Так держать, Генерал! Так держать!
Ваша выправка – нынешним снится.
В юбилейные семьдесят пять –
Вами Тула по праву гордится!

Широка, как лампасы, Ока.
Бесконечна судьба, как дорога.
Ваша слава – уже на века!
Юбилей – это лишь пол-итога!

Шаг вперед, Генерал! Шаг вперед!
Пусть приказ этот вас не смущает!
Ваш Главком (это русский народ) –
С юбилеем бойца поздравляет!

ПЛАТОНОВОЙ Л.С.

В день рожденья – тосты и гулянье.
Что там майский холод? Ерунда!
Жарко от сознания, что создание
человека – это навсегда.

Раз возникнув – прямо в бесконечность
адресован грешник и святой.
Вот такие мы! И с нами – вечность,
и слова без рюмки – звук пустой.

Времени не чувствуя в экстазе –
мы с друзьями быть не устаем
за столом на той десятой базе
и за этим дружеским столом.

Лидия Семеновна, поверьте:
возраст – это наших чувств накал!
Их не передать письмом в конверте,
возраст – это безграничный зал...

В нем есть Вы, и Кислый переулок,
Юрий Николаич и друзья,
в этом зале громок тост и гулок,
не сказать его никак нельзя!

Будьте в мире доброты и света!
Бодрых дней Вам и покоя сна!
Ничего, что не приходит лето,
значит дольше тянется весна!

ПЯТЬ С ПЛЮСОМ

Опять февраль поземкой пьяной
шуршит под окнами судьбы...
День, очарованный Татьяной,
украшен тайной ворожбы.

Дни банка и ее рожденья
сложив и на два разделив –
в итоге слышим, без сомненья,
нас ободряющий мотив.

Всего лишь двадцать пять с полтиной –
таков выходит возраст вдруг.
Златой, как локон, серединой
объединится вечный круг.

Ты с банком неразъединима –
Всевышний этому помог.
Сотрудниками ты любима,
клиентов – тьма у стройных ног!

Когда рождается ребенок –
он дорог всей своей судьбой.
От пуповины до пеленок
РНКБ всегда с тобой!

Пять лет! Пятерка – как отметка.
За все, что получилось – пять!
Работа – золотая клетка,
в которой воли не видать.

Но в дни рожденья, юбилеи,
забудем суету сует!
И пусть в твоей судьбе алеет
удачи негасимый свет!

С.В. ДЗАСОХОВУ

Нет места в этой жизни без заскоков!
Уастырджи старался что есть сил,
когда столичный беженец Дзасохов
однажды в город Тулу заскочил.

И вот который год он ежедневно
на службе любит кофейку попить,
гомеостаз поправить непременно,
чтоб в двадцать первом веке долго жить.

Ни от хирурга, ни от гинеколога
он не услышит поздравлений вздор.
Назло судьбе ему от пульмонолога –
простой горяще-пепельный набор!

Он не простой курец, а злостный смокер,
короче – джентльмен на первый взгляд.
Вот – бабочка, а к ней получит смокинг
еще спустя каких-то шестьдесят!

Живи, земляк, чем дольше – тем мудрее!
Люби, кури и перекись вдыхай!
Половозрелый возраст юбилея
ты в этот день всерьез не принимай!

УЖЕЛЬ СУВОРОВА ТАТЬЯНА???

Настала очередь Татьяны
найти в замужестве ответ
и выбрать между «да» и «нет».
От нас как трезвых, так и пьяных,
не светит дельный ей совет
в словах и тостах беспрестанных,
похожих на большой букет.

Известных истин водопад
обрушится в стихах и прозе...
Звук, перемерзший на морозе,
украшит свадебный наряд,
сверкнет ледышкой на березе,
осветит чей-то нежный взгляд,
подобный восхищенной розе.

Бери с родителей пример!
С друзей, сидящих за столами!
Бери! Но только, между нами,
теперь лишь муж – тебе премьер...
Вы все в семье решайте сами,
берите собственный барьер,
гордитесь вашими делами!

Ведь ты теперь, как депутат
ником не утвержденной Думы.
Творя закон семейный – думай,
кто исполнению будет рад,
чтоб муж твой не ходил угрюмый.
Две ветви власти – это сад,
а наверху не слышны шумы...

Семья – монархии сродни:
в ней есть король и королева,
ходить вам можно вправо, влево,
наискосок – когда одни,
под звуки томного напева,
но вот с другими – ни, ни, ни!
Храните чистоту посева!

Желаем, чтобы полной чашей
был ваш гостеприимный дом
нажитый праведным трудом,
в котором все заботы ваши
заключены бы были в том,
чтоб каждый миг еще был краше.
И мы за это дело – пьем!

Ф.Е.А.

За что бы не взялась Елена –
все спорится в ее руках.
Она в закрутке современной
вся в нескончаемых делах.

Что там Каспаров или Карпов?
Была бы Лена – чемпион!
Не так легли в колоде карты,
другая масть легла на кон.

Профессор – женщина что надо!
Приятна стать. Серьезен вид.
Она своим искристым взглядом
любое буйство укротит.

Экономически дотошно
осуществляет аудит,
с ней нет деяний невозможных,
она сама судьбу творит.

Математически логично,
неощутимо, будто квант, —
в мирских делах и в жизни личной
просчитан лучший вариант.

При ней Белоцерковский — доктор,
и дочь в науке — кандидат.
Она возглавит «Гембл энд Проктер»,
любой арабский эмират!

А юбилей? При чем тут это?
Для Лены — возраст не вопрос.
В лучах сияющего света —
не ощущается мороз.

Она улыбкой всех согреет,
душевной ясности теплом...
Вот только ждем, когда созреет
заветный докторский диплом.

Так дай ей Бог, или Судьбина
по жизни выбрать что нужней!
Быть, как по осени рябина:
чем дольше — тем еще нежней!

ЛЬВИНАЯ ВЕСНА

Кто царь зверей – нам выяснять не стоит!
Опасно любопытство проявлять.
Один вопрос конкретный беспокоит:
неужто львов опять начнут стрелять?

Не просто им в стране чудаковатой:
то пятая графа, а то погром,
где львы, хоть не при чем, но виноваты...
А Лев Исаич лезет напролом!

Живет меж нас бесценным доминантом,
преобладая над своей судьбой,
верша ее немеренным талантом,
где мысль – атака, а решение – бой.

Не кончен век военно-беспредельный.
Не модно в нем печатать и лечить.
Зато «электорат» членораздельно
хотят «зачистить», или «замочить».

Но наш первопечатник с веком слился.
Во многом – первый, просто – пионер!
Сумев дела наладить – умудрился
подальше быть от тульских «высших сфер».

Впитав премудрость древнего народа
с поправкой на практичность наших дней,
он только матерееет год от года,
да для семьи – становится родней.

Весна – не дятел, но стучится в двери.
Апрель – шутник, смешинник, вертопрах,
поэтому я в шестьдесят – не верю,
коль юбиляр в задумках и мечтах.

Пушай не опалит верхушки сосен
годов летящих реактивный свист!
За шестьдесят половозрелых весен!
Живи и здравствуй, наш полиграфист!

БЫВШЕМУ МЕНТУ

Я не нашел тебя на день ментов,
чтобы поздравить с тем, что раньше было,
в том времени, где больше дел, чем слов
и память о котором не остыла.

Но ты позвал меня на праздник свой.
И вот стоишь, торжественно-нарядный,
седой, красивый, полувековой,
нацеленный на жизнь многозарядно.

«Электропривод» домом стал вторым,
с Карпухиным вам ветер дует в спину.
Уже – половозрелым и крутым
вступаешь на рубежную вершину.

Дай Бог, чтобы здоровье – на века!
Давление – прочь! Но не снижая жара –
гори по жизни! Чтоб смогла рука
держатъ семью, где Руфа и Тамара!

Я поднимаю мысленно стакан –
затем, что наяву не удастся!
Но с вами я, друзья, и сыт, и пьян,
и верю – юбилейный тост зачтется!

САШЕ

Вот так и видимся: по случаю, по датам,
по телепередачам, по делам...
И даже в состоянии поддатом
побыть все реже удастся нам.
Мудреют дети, наседают внуки,
стакан уже не до краев налит...
От синей глины, вопреки науке,
уходит старый друг радикулит.
Назло судьбе дела идут все круче:
построен дом – семейности очаг.
На службе вроде не маячат тучи,
хоть и не ясно, кто там друг, кто враг.
Короче, жизнь – на то она и длится,
чтобы сравнить, что было и что есть...
Она – в руках надежная синица.
За журавлем на небо – не залезть!
Реалии задерганного быта
рождают беспокойствие души.
Пусть ничего в прошедшем не забыто,
но торопиться в завтра – не спеши!
Под знаком Девы празднуя рождение
и доброй чаркой обмывая дом,
надеемся на новые свершенья,
достигнутые сашиным трудом!
Цветник из дев – под добрым знаком Саши
за них нельзя не говорить, не пить!
Навек у Любы, Кати, Маши, Даши –
такой вот Саша рядом должен быть!

ВОТ ТАК-ТО

Вот так-то, Леонид Ваславский,
нагрянули полста и пять!
Народ пришел тебя восславить,
венец хвалы из слов связать.

День юбилея – общий праздник,
но двойственность – судьбе верна,
себя являет в мыслях разных
не властных крепости вина!

Дни траура и дни рождений
единством жизни сплетены
в клубок граничных ощущений,
где плюсы с минусом равны.

Пусть в бездне Баренцова моря
не «Курск», а совесть шла ко дну,
но утонуть в пучине горя
нельзя позволить никому!

Не будем говорить о вечном,
в котором нет людских страстей!
Будь, как и прежде, человечным!
И, как всегда, люби гостей!

Ты – наших встреч аккумулятор,
а ветеранам младший брат,
надежной дружбы генератор,
дающий радости заряд!

Что делать, Леонид Максимыч?
Уже с тобой полста и пять...
А вёсны, осени и зимы,
дай Бог, без счета повторять!!!

Не ускользнет ошибка никакая
(запятая),
пока не станет совершенной строчка
(точка).
Труды бессонья вспыхнут на заре
(тире) –
все это на признание полномочия
(двоеточие):
быть точной до листочка
(снова точка).
Что юбилейный день башко-кружительный
(знак вопросительный)?
А он здоровью и добру желательный
(знак восклицательный)

Без Вас, Валентина Васильевна,
грамматике, точно, не быть!
Небесно-надежными силами
Вы призваны Делу служить.

Страницы любимого «Вестника»
избавят от тягостных бед...
От лазерных вспышек кудесников
уйдет навсегда диабет.

Сорвутся поля в излучения,
вселенский раскроется код!
И пусть не имеет значения
какой будет будущий год!

Считаем пришедшее – заново.
Отсчет, как всегда, от нуля.
Пусть по заданию, планоно,
врацается тетка Земля!

Пусть дни юбилейные пенятся,
желтая кориандро-хмельём!
Пусть в будущем что-то изменится –
за это сегодня попьём!

СУВОРОВОЙ

Потянуло холодом раннею весной –
все живое ветром закаляется.
Может завтра к вечеру снова будет зной –
так природа с нами забавляется.

Знать натура женская все-таки сильней
и непостоянство – постоянное!
Светом Пасхи греется Галкин юбилей,
потому что женщина – желанная!

Годы юбилейные холоду сродни,
только это то же переменное.
Ведь в глазах сияющих – юности огни
вспыхивают искрами бесценными.

То ли от успешности, то ли от любви,
льется свет от края и до края.
Нареки хоть бабушкой, хоть мечтой зови,
женщина – бессрочно молодая.

Быть семье, и обществу, и кружку друзей –
нужной навсегда – так это здорово!
Теплоту сердечную в стопки нам налей!
За тебя, любимая Суворова!

Г.С.

Дождик надоедливый, что ли, виноват?
Или просто – карты не совпали?
Не дождался странников Сергиев Посад –
тот Загорск, в котором мы бывали.

День Г.Д. Суворова снова нас собрал
в дачные знакомые Пенаты,
чтобы убедились мы – точно ль возмужал
шеф ТТПромышленной Палаты?

Вот он разноплановый – нежен и суров,
жизнь берет атакой, по-суворовски.
За столом заздравия – не хватает слов,
день рожденья – это все же здоровски!

Нам всегда успеется в прошлое гульнуть,
(с квасом монастырским – все сбывается)!
На поляну с вальсами через век взглянуть,
где шашлык под дождик затевается.

И не важно, много ли дней пройдет и лет.
Главное – стоять в кругу с друзьями!
Солнца долгожданного снова вспыхнет свет
высветив все то, что между нами.

МИХАИЛУ БОЛЯСОВУ

Играет Мишка на баяне –
ему сегодня десять лет!
Пусть никогда он не устанет
включать по жизни дальний свет!

Пусть будет поровней дорога
в загадочность грядущих дней,
чтоб от порога до порога
не спотыкался он на ней!

Пускай, друзьями окруженный,
достигнет собственных высот!
И в жизнесхватке напряженной
коронный свой прием найдет!

Он на деревне станет первым
и город тоже покорит!
Не станет маме портить нервы,
а папе – портить аппетит!

Стареют сказки и игрушки,
забыт молочный детский сад.
Теперь уж школьные подружки
за Мишкой бегать норовят.

Играет Мишка! Гости пляшут,
справляя первый юбилей.
Налиты праздничные чаши
и «сердцу стало веселей».

Милый мастер граверного цеха
много лет возглавляла цехком.
А для нового суперуспеха –
вверен ей окружной избирком.

Славным опытом многостаночниц
был оваян сей кадровый шаг,
но она испугалась – не очень,
ненавидя лапшу на ушах.

Все на свете умеет Татьяна:
строить дом и Наталью растить,
на работе пахать неустанно,
бескорыстно и верно дружить.

Рядом с ней то друзья, то подруги,
то золовка летит из Литвы...
В этом ближнем татьянином круге
места нет для вранья и молвы.

Сменит в ЦИКе она Вешнякова,
а, избавив его от забот,
может быть, президента другого,
лучше прежнего нам изберет...

Сорок пять – не татьянина дата.
Просто – двадцать и плюс двадцать пять!
Солнцем осени небо объято,
так и хочется вместе дышать!

Чарка водки – дорога к здоровью!
Пусть так будет сегодня и впредь!
За Танянку мы выпьем с любовью!
Дай ей Бог никогда не стареть!

ОТВЕТ НА МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ Н.Т.

То ли надо тридцать разделить на двадцать?
То ли вычсть двадцать
влет из тридцати?
Или плюс поставить храбрости набраться?
Только есть две цифры,
как их не крути!

В этом приглашенье – между строк читаю
тайный смысл цифири –
не для дурака...
И, как математик, корни извлекаю,
может быть – морковки,
может – бурака.

Вроде ей не двадцать, но никак не тридцать!
Где-то на распутье.
Значит – двадцать пять!
Четвертинка века – пусть подольше длится,
чтоб не приходилось
на два умножать!

Не беда, что резво мчатся юбилеи,
ведь у нас в застолье
не дрожит рука!
О давно прошедшем детстве не жалеем.
Что для нас полтинник?
Два четвертака!

Вечная молитва: все, что было – наше!
Возраст – как награда
мудрости седой.
Ты под знаком Девы родилась, Наташа.
Значит быть придется
девкой молодой!

Чтоб вокруг – мужчины (молодые тоже)
в штабеля ложились

(только без вина).

В этом важном деле мы всегда поможем,
за твое рождение

выпив все до дна!

СВАДЕБНОЕ

Российско-осетинское содружество!
О чем подумать? Что тут говорить?
Друг с другом жить – всегда большое мужество,
но, главное – уметь друзей любить.

Денис с Фатимой – это как пророчество,
когда все ясно в дебрях бытия.
Наш главный тост – за вас, за новотворчество,
за то, что называется – семья!

Пусть соловьи засвищут в никуда!
Пушай орлы хлопчут крутоносые!
А, значит, не коснется вас беда,
но будет испытание вопросами.

Пусть музыка гремит набатно-глушаще!
Пушай не слышим наших тостов суть!
Денис с Фатимой! Вам желаем лучшего,
за ваш счастливый и совместный путь!

МОЛОДЫМ

Мы вас не знаем, молодые,
которым долго до зимы!
Быть может, в чем-то вы – крутые,
а кое в чем покруче мы!
Не знаем мы, какой дорогой
идти вам хочется вдвоем,
но пусть с хорошего порога
начнется ваш совместный дом!

А общий путь избрать не просто,
каким он будет – вам решать!
Его не напророчить в тостах,
да и в стихах не рассказать!
Тут не помочь голосованием,
бессилен высших сфер Указ,
Ваш выбор – ваше понимание
ошибок старших, значит – нас!

Святой Георгий, по преданию,
хранит решившихся идти.
Пусть он, потомкам в назиданье,
поможет в выборе пути!
Жизнь – это проза со стихами,
объединенными в одно.
Какой ей быть – решайте сами,
пока мы видим рюмок дно!

И мы проверим вас, насколько
крепка закваска у любви?
Лет через двадцать плюс полстолька,
ты нас, Фидаров, созови!
И вот тогда, чуть-чуть седые,
серьезные, как госконтроль,
от вас узнаем, молодые,
какую вы сыграли роль,
каких потомков вы взрастили,
какие сами молодцы!

Пусть будет все, чему учили
друзья, и деды, и отцы!
Поднимем кубки изобилья
за ком желаний непростых:
за наше общее всесилье,
за мир, за счастье молодых!

В.Э.Ф.

Как Сталин – он на «ближней даче»
собрал сегодня «ближний круг».
Весне – конец, а это, значит,
что вновь «родился» лучший друг.

Как Путин – строит вертикали,
как Брежнев – любит вкусно есть,
как Маркс – иные видит дали,
в которых и спорткомплекс есть.

Володя – лидер по натуре!
Своей известностью большой
обязан мощной он фигуре
с прекрасно-доброю душой.

В день праздничный на «ближней даче»
все пожелания просты:
сродниться с ветреной удачей
и со здоровьем быть на «ты»!

ПЯТЬДЕСЯТ? ИЛИ СКОЛЬКО?

Опять у всех глаза вовсю горят.
Нас дата долгожданная – сплотила.
Теперь уж точно звонких «пятьдесят»
Владимиру Болясову пробило!

Путь от чудес «Сайгона» до «Кристалла»
был как-никак размером в целый год.
А в марте, наконец, пора настала
от кой-каких избавиться хлопот!

Теперь не нужно больше ежегодно
ошибки срам склерозом прикрывать,
желать всего, чего судьбе угодно,
и свой «пардон» в стихах опубликовать!

Соединив в одно все пожеланья
за пять последних беспокойных лет,
хочу привлечь всеобщее внимание:
у юбиляра недостатков – нет!

Он как герой шагнул за пятьдесят,
которых столько лет остерегался,
но так же крепок вовкин «агрегат»,
и сам за пятилетку – не сломался.

Бренчит гитары знойная струна,
по средам банька топится – от спички,
хлопочет по-домашнему жена,
опаздывает Лейбин по привычке.

Взрослеют и мужают пацаны,
короче, жизнь – во всем ее величье,
в котором даже возрасты равны,
и ни к чему погоны и отличья!

Болясов и народ – всегда едины!
Бессмертен, Вова, яркий образ твой!
Да здравствуют вовек дела мужчины –
друзья, подруги и крутой «Савой»!

С.А.

Соединились в нем спирали
исходных знаков ДНК,
которые навек связали
два славных древностью ростка.

В явленье этом нет огреха!
Переплелись как явь и сон,
как два слагаемых успеха –
Узбекистан и Иристон.

Коктейль судьбы – исток веселья,
противоречьем всякий пьян –
ковром Дигорского ущелья
сверкает в Туле дастархан.

От Средней Азии к Кавказу
проложен вечной связи мост,
поэтому позвольте сразу
произнести заздравный тост!

Продукт слиянья – перед нами.
Наш осетино-азиат
глядит хитрющими глазами,
которым нынче – пятьдесят!

Хирург, как говорят, от Бога –
он рядом с нами возмужал.
И ни к чему теперь тревога –
Суннат отныне – аксакал!

Известен в Туле и округе,
отточен скальпель, верен взгляд,
вокруг всегда друзья, подруги,
которым он – надежный брат.

Встречая новое столетье
и провожая старый век –
Суннату дарим многолетье
и быстрый бег кавказских рек!

И пусть даров судьбы верблюды
не успевают подвозить,
а, главное, здоровья груды,
чтоб людям смог он раздарить!

Дающий – многое получит!
Девиз и стар и очень прост,
но в нем зарыт волшебный ключик,
в котором – весь заздравный тост!

Л.Л.

Семейство Лариных хлопочет.
Сегодня – Лидин юбилей.
В застольном тосте всякий хочет
сказать слова получше ей.
Желают счастья неземного,
любви, удачи на века!
Здоровья – крепкого такого,
чтобы не дрогнула рука,
когда она в окрошку режет
картошку, яйца, свежий лук!
Чтобы болезни были реже,
а песен – громче лился звук!
Пусть дочкам солнце улыбнется!
Пусть рядом будет верный муж!
Пусть все на свете удается,
и стопки полнятся к тому ж!
К словам друзей «чего же боле»
прибавить в этом тосте нам?
Пусть это славное застолье
навек запомнится друзьям!

ГОРЕЛИКОВОЙ

Вся в ожиданьи счастья большого,
в сияньи глаз, в улыбке золотой –
входила в жизнь Татьяна Балашова
изящной тульско-русской красотой.

И мужики с надеждо-восхищеньем
всегда глядели юной Тане вслед.
Чего лукавить? Я – не исключенье,
а на погляд – не наложить запрет!

С тех пор она умела и хотела
непознанное – лично распознать,
чтоб за словами не погибло дело,
которое придется совершать.

Всегда с людьми пряма и откровенна.
Покой и сон на много лет забыт!
Она рентгенно и проникновенно
вникала в непростой совхозный быт.

От ветра века в Полтево укрылась
прекрасная семейная чета...
В гореликовских детях воплотилась
заветная татьянина мечта.

Сама училась и детей учила,
бралась за неподъемные дела.
В ней – женская неистовая сила
все беды победить ей помогла.

Все той же красотой она пленяет,
улыбчива, как много лет назад...
Не верится, когда нам сообщают,
что минуло Татьяне пятьдесят!

С.Г.

Над дорогой – марево,
вдоль нее – снега...
«Харево – на варево,
копыта – на рога».
В присказке бессмыслица –
та, в которой суть:
«Сколько нам не мылиться –
юность не вернуть!»
На капот проверенный
можно задом сесть,
если вы уверены,
что хотите слезть.
Тачки – те же женщины:
вечно-дикий нрав.
Мы на них не женимся,
не имея прав.
А в правах водительских
штампов не найти,
даже на любительских,
как их не верти.
То ль «Восьмерка» – милая,
то ли «Волги» груз?...
Временный с водителем
у машин союз.

Про машину – помолчите,
наберите водки в рот...
То отвалится глушитель,
то спидометр замрет,
то сотрется диск сцепленья,
то летит вторичный вал,
разных мелких повреждений –
непредвиденный навал.
Лишь в Москву бежит машина,
да по Туле взад-вперед,
только – столько жрет бензина,
как хороший самолет!

В день рожденья Козерога
будет дождик или снег,
но придется выпить много
за мерцающий успех!
Будь, Геннадий, неизменным
покорителем дорог!
Будь, как счастье, неизменным,
именинник-Козерог!
Если надо – на капоте
затевай свой сабантуй!
Метким будь, как на охоте!
Час настал. Давай, банкуй!
Год двухтысячный – рубежный,
он от вечности – седой.
Ну а ты в судьбе безбрежной –
будь бессрочно молодой!

Ю.И.

С весною Новый год приходит –
считали древние не зря.
Нам всем неплохо жить по моде
восточного календаря.
Земля поет в апреле-мае,
бушует зелень в полный рост,
а над Воронкой вызревает
пятидесятилетний тост.

Вдали от Грузии цветущей,
хмелящей горной чистотой,
на долголетие зовущей –
живет и пашет наш герой.
Российских генов половина –
с грузинской навсегда в ладах.
В нем есть чуть-чуть – от осетина...
(Что не случается в горах!)

Пуškai он доктор и профессор,
последипломья мудрый шеф,
не будем говорить при прессе
о дамах червь и дамах трэф.
Любимец женщин по природе –
казачку где-то отыскал...
Надежно с ней полжизни бродит
и говорит, что не устал.

Ему подвластны: и науки,
и горбольница номер «Раз»,
облизбиркомовские муки,
и даже думы про Кавказ.
Здесь – мандарины издалека,
никто не кушал хашламу...
Зато друзья – всегда под боком,
есть пища телу и уму.
Ну, а шашлык и хачапури
теперь и в Туле без проблем.
Поэтому, братишка Юрий,
позволь тебя поздравить с тем,
что сохранил свою улыбку,
веселый нрав и зоркий глаз.
Что жизнь без права на ошибку
тобою избрана сейчас!

Желаю творческих свершений,
чтоб пыл научный не угас!
Дождись потомков сотворений
колене в пятом после нас!
Надежно прирастай друзьями!
На женщин время находи!
Ведь на пути, открытом нами –
Святой Георгий впереди!

ЗА СВАДЬБУ ПОТОМКОВ!

Бурлит поток минут, часов...
Секунды пеной брызжут
вокруг препятствий-валунов,
покрытых скользкой рыжью...

Мы знаем точно, что река –
не кончится обрывом,
пока еще крепка рука
на кружке с добрым пивом!

Поскольку надобно шагать
пять лет до перевала –
сумей от жизни столько брать,
чтоб всем вокруг хватало!

В ботинках, тапках, босиком –
гуляй по жизни смело!
А на машине, иль пешком –
кому какое дело?

От Дигоры и Чиколы,
из тесноты ущелий –
пусть к Туле тянутся столы
с друзьями и весельем!

Уастырджи благословил
дорогу ту, что надо!
Дай Бог, чтоб ты по ней ходил
и никогда не падал!

Пусть простотой своей легка
суть нынешней картины:
хлеб, мясо, соль и арака,
и братья-осетины!

Но вместе с ними – круг друзей
всех спектров цвета кожи.
И все желают поскорей
тебя поздравить тоже!

Да будет миг, когда твой внук
про свадьбу скажет слово!
А мы, услышав тоста звук,
здесь соберемся снова!

В.П.В.

Когда бы, где бы, не спросили:
«Кто чует наш нелегкий нрав?»
Отвечу искренне – Васильев!
И этим словом буду прав.

В день беспокойного рожденья,
ноябрьским необычным днем –
светило солнце, и волнение,
и все внимание – на нем!

Нас не было в веселом круге...
Прошло два дня. Мы – тут, как тут.
Один – израильским загаром,
другой – радикулитом крут.

Пусть сжато время до предела,
вовсю расписан бег минут,
но помолчим чуть-чуть без дела,
пока дела не позовут!

Пусть вечным будет понимание
и отношений простота!
Нет звука громче, чем молчанье,
в котором гложет пустота!

КОМАНДОРУ «АВТОПРОБЕГА – 60»

Пусть промежуточный, но – финиш
С шампанским, вспенившим успех!
Былое – взглядом не окинешь.
Вся наша жизнь – автопробег!

По разгильдяйству, бездорожью,
по беспросвету колеи –
штурмует время вседорожник,
неся вперед мосты свои.

Автопробег – такое действо,
в котором главный – командор.
А он – напоминает детство,
и школьный всепогодный двор.

Лесов калужских тихий шепот,
течение мощное Оки...
Тогда все это было, чтобы
его узнали туляки.

Вступив под своды Политеха,
проректор первый навсегда
стал воплощением успеха
и беззаветного труда.

Он с медицинским факультетом
навек сроднился только так!
Но часто говорит при этом
словечко крепкое: «Медфак!».

Под юбилейные фанфары,
под дружеских бокалов звон –
один коньяк пусть будет старым!
И крепче станет связь времен!

Пускай гремят задравьем хоры!
Пусть вечным будет жизни бег!
За шесть десятков командора
и за его автопробег!

С.Д.Ф.

Каким бы юбилеем не светило –
двузначье цифр, увы, доступно всем!
Пока трехзначье их не наступило –
о возрасте не думай, мудрый Сэм!

Прошу прощенья, Самуил Давидыч!
Ваш псевдоним в чашобе лет храним,
а в долгожданный день зарплатных выдач
Вас называют именем иным!

Ведущий профи университета,
рожденный «политеховской» средой...
Всевидающий, всезнающий «про это» –
и в шестьдесят, бесспорно, молодой.

Готовый неизведанным маршрутом
на траверс экономики залезть,
пройти его по-фейгиновски круто,
храня бюджет, счета и нашу честь!

Финальный всплеск Ученого Совета –
его доклад про будущий расклад.
Но ни одним финансовым портретом
не описать его душевный клад!

Открытость сердца для друзей надежных,
блестящих тостов мощный водопад,
и за очками истин непреложных –
искрящийся, всегда веселый взгляд.

Пусть двадцать первый век и ритмы сердца
звучат синхронно каждый новый год!
За сто грядущих лет сумеют спеться,
а там, глядишь, и новый век придет!

Пусть юность где-то рядышком витает
в каких-то шестьдесят наличных лет!
А с возрастом лишь мудрость прирастает!
Другого тоста не было и нет!

НЕ ВЕРЬ КАЛЕНДАРЯМ!

Нина Павловна Толкова,
ты не верь календарям!
Молодость приходит снова
в год змеи к твоим дверям!

По-японски, по китайски, –
нам по правде – все равно!
Мы не жили в куцах райских,
жизнь промчалась – как в кино.

Если кто-нибудь, когда то
скажет: «Я судьбу заснял!» –
значит входят наши даты
в многолетний сериал.

От комедии до драмы –
все случалось на пути.
Факты памяти – упрямы,
как ты ими не крути.

В них смешались люди, звери,
летом слышен вой зимы...
Но пока из многих серий
только в двух отснялись мы.

От войны до беспредела –
первой серии сюжет.
Только в нем – учеба, дело,
врачеванье много лет.

Нынче серию вторую
завершил драконий год.
Ошибиться не рискую:
что-то доброе – придет!

Нина Павловна Толкова!
Слушай тосты, водку пей!
Третья серия готова
в этот яркий юбилей!

Ведь она тобой творима,
новый смысл свой обрета,
там, где Герб – неоспоримый:
мать и малое дитя!

ВОДИТЕЛЮ

Гене стукнуло сорок.
Но не градусов – лет!
Глаз по-прежнему зорек
и в штанах – пистолет!

Мы шуршим по приборам
через снежный туман
по шоссе, на котором
леденеет обман.

Бьют по днищу машины
залпы снежной крупы,
напрягаются шины,
вылетают шипы...

Ветром, взвихренным круто,
забелилось стекло,
и в салоне продутым
от мороза – тепло.

На лихом повороте
наплывает кювет,
из метели напротив –
надвигается свет...

Белый вспых галогена
как на зоне палит,
но уверенно Гена
за рулем шоферит.

Мчит старушка-машина,
скорость – сто пятьдесят,
не жалея бензина
километры летят.

Плечевые напрасно
догоняют авто.
Мы в дороге – опасны,
нам не нужен никто!

Приблатненные песни
согревают в пути,
и кассеты, хоть тресни,
но другой – не найти!

Нарушения правил
в нашем кодексе – нет,
потому что оставил
Гена памятный след!

На сплошной – в развороте
трепыхнулся свисток...
Только мент – не подходит,
помня прошлый урок.

Даже против движенья
тачка весело прет!
Если есть возраженья –
ставь стакан на капот!

ИСКРОГЛАЗОЙ КАЗАЧКЕ

Быть женщиной – умение и тайна,
судьба и генетический талант,
когда в дверях, как будто бы случайно,
она небрежно поправляет бант...

Или, изящно наклонившись к долу,
летучесть юбки укрощает вмиг...
Или внимает жгучему глаголу,
который влет пронизывает стих...

А по-латински женщина – *femina*,
ей не доступен увяданья тлен.
Она взрывоопаснее, чем мина,
чем тол, чем динамит, чем гексоген.

Не предсказать пути ее поступков:
она беспечна в суматохе лет,
и не чужда опустошению кубков,
ее капризам не знаком запрет...

Нет возраста у женщин! Даже время
в пространстве замедляет скорый ход.
Она, возрадив в себе мужское семя,
дарует жизнь. И жизнь летит вперед!

Казачка в песнях неумной звучности,
твой взгляд – рентгенно-ультразвуковой
насквозь желаний наших видит сущности,
и слов не нужно в юбилей такой!

Мы знаем, ты навеки прицкипурена
всем женским смыслом, даже в этот час...
Пушай цветет семья твоя и Юрина!
Прими благословение от нас!!!

А.С.

Век текущий чем дальше – тем круче:
гарь пожарищей, взрывы, стрельба,
вспыхнет солнце... навалятся тучи...
Ну не жизнь, а сплошная борьба!

Даже чувства – и те чрезвычайны,
ситуаций конфликтных – не счесть!
Но на свете совсем не случайно
министерство надежное есть.

Охраняет оно от печалей,
ликвидирует грусти следы,
пресечет катастрофы – в начале,
в половодье – убавит воды...

Свадьба – тоже чуть-чуть чрезвычайна
напряженьем дрожащих сердец,
в ней и счастье, и ясность, и тайна,
и сцепление брачных колец.

Что моглось – все уже пожелалось!
Дай-то Бог, чтобы это – сбылось!
А добавить – так самую малость:
чтобы – верилось! И – береглось!

Ни к чему вам трофейные скальпы!
Пусть на месте стоят города!
Потому что победные Альпы
у Суворовых будут всегда!

Г.С.

От беспечного счастья
до горя бездонного –
есть один удивительный шаг.
Ты становишься
великолепной Мадонной,
будто царственной розой в цветах.

Оцените мечту,
полюбите мгновение!
Это просто, но важно понять.
В нашей жизни любовь,
будто в ЗАГС заявление,
что назад никогда не забрать.

И не важно кому
микрофоны доверены,
и какой оглашается тост.
В эти годы не зря
мы друг в друге уверены,
безмужчинье – спасительный пост.

Не Эйнштейны в своей
относительной сущности,
и не Фрейды в глубинах штанов,
а друзья возникают
в непознанной кучности,
освещая величие слов!

Пьем за женщин судьбы
в их бесспорном величии!
За мужчин, отражающих их!
Дай им Бог не почувствовать
боль безразличия!
Пьем за женщин и только за них!

В.В.Н.

Не тужи, Валентина Васильевна,
что не смог самолично прибыть!
Просто знай, что желание сильное
не всегда суждено воплотить!

Но зато так приятно гордиться
тем, что где-то Никитина есть!
Что подвластная ей горбольница
для района – и слава, и честь!

В Пролетарском районе – все просто.
Новорусским его – не назвать!
Только суть юбилейного тоста
можно «чисто конкретной» назвать!

В неумности чувств и свершений,
в окруженье подруг и друзей,
в необычности верных решений
видим мы не простой юбилей.

По-никитински самозабвенно
всем желаем работать и жить,
чтобы даже привычные стены
помогали любить и дружить!

По-никитински тонко и точно
ощущая потребность людей –
быть для них и надежной, и прочной
не один золотой юбилей!

В первый год наступившего века
пусть улыбка не тонет в слезах,
потому что судьба человека,
женский возраст – в веселых глазах!

В.В.Ш.

Он видел жизнь с парадной стороны
в кинокартинах, телерепортажах,
где vip-персоны важности полны
и наших бед в упор не видят даже.

А то, что на коллегии вздремнул,
бывает в шестьдесят и даже в тридцать.
Народа много, в зале – мерный гул,
и вот уже смыкаются ресницы...

Семья, заботы, полчища больных...
Им отдавал он сон, покой, и время.
А тут – друзья, и содокладчик стих...
Как будто с плеч на миг свалилось бремя.

Он видел жизнь с обратной стороны –
сквозь стекловолокну колоноскопа!
Болезнь, дрожа гитарностью струны,
вдруг исчезала...И лечилась жопа!

В Поляне Ясной стало с ним ясней!
Живет и продолжается больница!
Она – при нем, и он, конечно, в ней,
но Областная – долго будет сниться!

Он будет видеть жизнь со всех сторон!
Пусть только жизнь – его увидит тоже!
А юбилей войдет в осенний сон,
и пусть ничто его не потревожит!

Пускай блестит улыбкой юбиляр!
Всевышний принял правильно решение:
пусть доброта – его бесценный дар
нас осеняет в этот день рожденья!

А нам, друзья, придется воевать –
ни водку, ни закуску – не жалея!
Век двадцать первый стоит переждать,
справляя вот такие юбилеи!

С СОРОКАЛЕТИЕМ ЕДИНЕНИЯ

Если добрые чувства нахлынут,
если стало спокойно в природе –
значит, с нами веселая Нина!
Значит, с нами надежный Володя!

Пусть не будет ни СПИДа, ни сплина!
Пусть болезни подальше уходят!
Будут дамы – прекрасны, как Нина!
Мужики – велики, как Володя!

Как поющая в ночь Украина,
как летучий голландец в походе,
так же вечно – пусть слышится: «Нина!»
И улыбкой – сияет Володя!

Наша жизнь, как большая картина...
Не дописана автором, вроде...
Чистый холст – это будущность, Нина!
Это многая лета, Володя!

ЧАКАЕВУ КЮРИ

Не помню, сколько зим и вёсен
прошло в бесплодной суете!
Но точно знаю: в эту осень
сiju с Кюри в «Заготскоте».

Быть может, новый день рожденья
справлять случится за столом?
А может – просто с наслажденьем
шаловное бабье лето ждём?

Кюри позвал на заготовку
мелькнувших мимо дней и лет,
Но обмануть судьбу-плутовку
не сможет даже пистолет!

Коль суждено прожить два века,
то жизни не порвется нить.
Ведь возраст – красит человека,
мужчиной заставляя быть!

Своим живым бараньим весом
в сто тридцать килограмм всего
«Заготскоту» я интересен!
Теперь посмотрим: кто – кого?

Назло подагре и больницам
есть буду мясо не спеша,
покуда день рожденья длится,
и станет старше наш «Вашá»!*

Тост за удачу поднимаю!
Чтоб за столом все были «те»!
С друзьями друга отдыхаю,
но почему в «Заготскоте»?

* Вашá – (чеч. – друг)

СЕНТЯБРЬСКИМ!!!

«Нормальная беременность длится 9 месяцев»

Из медицинской энциклопедии для детей

Три кандидата всяческих наук
сегодня дни рождения справляют!
Их не пугает дальних взрывов звук,
когда столы на даче накрывают.

Застолье – поважнее, чем война,
чем ужасы исламского джихада!
Россия – необычная страна,
в которой тосты – больше, чем награда!

Девятый месяц заливает нас
потокот непрерывных дней рождений!
А ведь напитки, помощней, чем квас,
за дружеским столом – не исключенье!

Следы девятимесчных трудов
здесь – перед нами: Белла, Гуль и Саша!
Пусть им сегодня хватит добрых слов!
чтоб не пустела удовольствий чаша!

Чтобы потомки весело росли,
не зная небоскрежного паденья!
Пусть в каждом закоулочке Земли
сегодня пьют за общий день рожденья!

НИНОЧКЕ

И в зеленом, и в розовом зале,
поднимая за женщин бокал,
мы стихи на салфетках слагали,
милым дамам себя посвящали,
о грядущем с надеждой мечтали,
чтобы час всепрощенья настал.

Перед женами мы виноваты
погруженьем в пучину забот
при отсутствии роста зарплаты,
тем, что лица немного помяты,
тем, что в мыслях и жизни – не святы,
да избытком ненужных хлопот.

Возраст – штука бездонно-пустая:
что отмерено – век не нальешь!
Календарь потихоньку листая,
там, где дата стоит золотая,
цифр с нолями в упор не читая –
ты листок пожелтый сорвешь...

Молодая по сути и внешне,
хохотушка – какой не найдешь,
в днях апрельских, до одури вешних,
цветом розовым ранней черешни,
родилась ты невинно-безгрешной
и такой же по жизни идешь.

Два по тридцать? Три раза по двадцать?
Сорок лет до столетия – есть,
чтобы юностью всласть надышаться,
на участке придачном копать,
с нашим другом всюю обниматься,
песни петь и по-прежнему – цвести!

Будь ты трижды хохлушкой веселой,
быть привыкшей с Володей вдвоем –
в языке не найдется глагола,
испарится в зенит «Кока-кола»,
утром в банке не будет рассола,
если мало сегодня попьем!

НИ ПУХА, НИ ПЕРА

Охоты всякой знаем сроки!
Не зря дожили до седин.
Я заряжаю словом – строки,
а ты патроном – карабин.

В прицеле верном видим, вроде,
натуру всякого зверья.
Ты – зверя дикого в природе,
а в человеке зверя – я!

Перед охотой, есть обычай,
желать: «Ни пуха, ни пера!»
Чтобы бесспорно быть с добычей –
вставай на номер! И – «Ура!»

Пусть переменчивость погоды
усилит праздничный настрой!
Пусть сединой пугают годы!
Привет, две тысячи второй!

Сегодня – срок для поздравлений.
Твое рождение славим мы,
желая творческих свершений
в день завершения зимы!

С ЮБИЛЕЕМ!

Осенних листьев все желтее кружево...
В погоне лет — ни дня не удержать!
Но никогда не думал, что Хоружую
придется с круглой датой поздравлять!

В своем стремлении быть незаменимой,
она и на работе и в семье —
была порою вредной, но любимой.
И многого достигла на Земле.

Однако есть не взятые вершины!
На них забраться — тоже время есть!
Там нет травы, там мудрости седины,
и с них нельзя на полустанке слезть!

Коров священных не напрасно в Индии
не трогает никто по пустякам!
А мы — иное в нашей жизни видели,
не доверяя искренним друзьям.

Но в пятьдесят — на горном перевале,
на то и высота, чтоб размышлять...
И в этот час — друзья желают Вале
всего, что только можется желать!

Листов осенних ветренное кружево
сплетается в немыслимый букет...
С днем юбилея, милая Хоружая!
Здоровой будь и доброй — сотни лет!

ФЛАГМАНУ

Природа флагмана двойка:
он – и корабль, и человек,
во всех баталиях, однако,
непотопляемый вовек!

Недаром в горном институте
учился видеть вглубь Земли!
Он точно знал, что завтра – будет!
То, до которого дошли.

А на реформенном цунами,
где ни буйков, и ни идей,
так нужен Флагман! Тот, кто с нами
пройдет сквозь пену площадей!

Он, пребывая в постоянстве,
всех павших духом – ободрит.
В образовательном пространстве,
как в шахте, стены укрепит.

Кто впереди – бесспорно, флагман
на корабле, сомнений нет!
И Соколов идет под флагом:
ТулГУ – наш университет!

Лауреат российских премий,
орденоносец, медалист.
Он покори́л в пространстве – время,
истории заполнив лист!

Из-за очков глубоким взглядом
готов бескрайний мир обнять!
А в трудный миг – с друзьями рядом
до справедливости стоять!

Не чужд улыбок дев прелестных.
Быть нужным всем – его удел.
Он – покоритель неизвестных
дорог и неподъемных дел!

Лет через семьдесят, конечно,
готовы встретиться мы вновь!
Но, чтобы в жизни безупречной
здоровье было и любовь!

Экономических формаций
меняться может череда.
Но только в дружбе деформаций
пускай не будет никогда!

Здоровью – рюмка не помеха!
В ней прошлых дней искрится свет.
А юбиляра к новым вехам
пускай помчит велосипед!

МУШКЕТЕРЫ

Держат крепко шпаги мушкетеры
с детских лет до пенсионных дней,
Вспоминая дружбу – ту, которой
не бывает крепче и верней.

Обухов – Атос, Портос – Ананьев,
Кириченко – явный Арамис,
а Степанов просто «д`Артаньяньев» –
шесть на десять по весне сюрприз.

Пусть ему сегодня отстучало
шесть десятков беспокойных лет!
Каждый юбилей – всегда начало,
лишь конца у юбилея – нет!

Он такой, Степанов, – вдохновитель
дружеских, хмелящих небо встреч!
И небезызвестный покоритель
дамских юбок, и сердец, и плеч...

Он знал когда-то даже Пуго.
Жаль, что тот – Степанова подвёл.
А Валерий честно, без испуга,
избранным путём по жизни шёл.

В гору лез, катился по оврагу...
Только, что бывшее вспоминать?
За карьеру, как и за бумагу,
жалко грошик ломаный отдать.

Местным казначейством управляя,
взял друзей под «дружеский» колпак.
Строгостью чиновничьей пугая,
но и помогая – только так!

Тезка и сосед его – Бродовский
через стенку дружбу проложил.
Был бы жив Иосиф Михайловский –
про Валеру песню бы сложил.

Одаренный сметкою природной,
он уже в историю вошёл
вечной строчкой в памяти народной,
как КПСС и комсомол!

Наша жизнь – на рубеже событий,
и тысячелетий, и веков!
В ней немало сделано открытий –
и бутылок, и хороших слов.

Все, что с нами было – то и было!
Ничего не будем забывать!
И, куда сердце не остыло, –
надо это дело продолжать!

СКЛЕРОЗ

Я опять перепутал и время и даты...
Значит, просто – склероз замутил крышесвод.
И не стоит искать без вины виноватых,
потому что замусорен кровепровод.

Не приходит по вызову кровепроводчик.
Не прочистить ему засорившийся путь!
Твой портрет, распечатанный вспышками точек,
наяву осветил виртуальную суть...

Точно помнил, что к часу, и что в понедельник...
Только где этот день? И когда этот час?
Без особых примет промелькнула неделя.
В календарь посмотрел и застыл... Вот те раз!

Значит, это – судьба! Не пора – «юбилеить»!
Ты с наукой – на «ты», но девчонка душой.
Нашу дружбу – вовек никому не расклевить!
Только ты навсегда оставайся такой!

Дорожу этой дружбой – надежной и честной,
Если – «да», значит – «да»! Прост и ясен ответ.
Будешь ты знаменитой и очень известной,
как тебе нагадал неизвестный поэт.

Будет день! И наука лицом повернется
к той, которая дело умеет вершить!
А она, как всегда, про себя улыбнется
и возьмется помочь. И сумеет решить!

Нет задач, не решенных тобой, Валентина!
Обижаться не стоит на верных друзей!
Принимай в юбилей своего паладина...
Вот таким, как он есть! И хоть каплю – налей!

Кто-то пьет третий день за здоровье кого-то,
ну а нам – и неделя мала в ноябре.
Будь всегда беспокойной, как жизнь и работа!
А спокойным – пусть видится сон на заре!

А.Г.

Пусть говорят про возраст что угодно
все те, кому по жизни не понять,
что есть джигит с признанием всенародным,
которому лишь два по тридцать пять!

Он – навсегда в научных изысканьях.
Изъездил много зарубежных стран.
Замечен был – во всех почетных званиях.
И дело в том, что это – Гаспарян!

Его душа, как прежде, молодая –
зовет родных, коллег и молодежь.
Всех добротой армянской обнимает,
друзьям его поздравить – неverteпeж!

Кавказское лицо с московским взглядом.
И – не при чем алмазный юбилей!
Пусть с гор далеких льются водопады
так долго, как захочет Водолей!

Его портфель профессорский наполнен
научными трудами – только так!
Но мы ему про истину напомним:
всегда в портфеле должен быть коньяк!

В дни торжества, когда звенят бокалы,
пускай Всевышний осеняет нас!
И, сколько бы не жить, пусть будет мало!
Ровесником – Вам должен быть Кавказ!

И.Б.

Как будто бы вчера случилось это,
но с той поры – уже прошло шесть лет,
когда гуманитарным факультетом
прирос известный университет.
Батанина Ирина, дочка Саши,
возникла из глубин ЦСГО,
преобразила в факультет его,
завоевав сердца и души наши.
Так вспышка алой розы – в тот же час
из будней – в праздник переносит нас!

Есть психиатры в маленьких больницах:
кто с ключиком... кто с галстуком... в пенсне...
С профессией во взглядах и на лицах –
листают жизнь в каком-то смутном сне.
Нелегкий груз упал на ваши плечи,
известен всем – единый наш удел!
Политик – тот же псих (от разных дел),
а политолог – врач, который лечит!
Гуманитарно-значимый эффект –
полетом мысли залатать дефект!

Но в феврале – особенная дата:
Бурлит и торжествует Водолей!
Все потому, что где-то и когда-то –
в сегодня был заложен юбилей!
Деканы – эти суперджентльмены –
про возраст – никогда не говорят!
Но спорят (пятьдесят на пятьдесят),
что этот Ваш дебют – начало сцены!
Так пусть подольше длится первый акт
и ни к чему ценителям антракт!

Декан, профессор, доктор, академик!
Как элегантна, женственна, умна!
Ей не хватает – нобелевских денег,
да вот еще уменья пить до дна!
Пускай играет музыка удачи!
Пусть будет все, что хочет в этот миг:
иметь, уметь, достичь вершин иных!
Но только с нами! И никак иначе!
У всех бокалы, кажется, полны!
За юбилей в преддверии весны!

НЕДЕЛИНУ

Прочней железа и бетона
застольной дружбы мощный блок –
без лишних слов и пустозвона,
но тостов в нем шумит поток!

Не потому, что водки много,
а потому, что тесен круг!
Для нас – единая дорога
сквозь поле бранное вокруг!

Пусть рвутся впереди снаряды!
Себя в походе – не жалея!
Чтоб обойти разрывы – надо
идти – чем дальше, тем кучней!

Нам свыше дан зигзаг удачи,
но он за всё, про всё – один!
Покров небес от взрывов спрячет
лишь тех, кто мыслями един!

Ну, а сегодня, друг Неделин –
налить по полной не забудь!
Пирог судьбы для нас – не делен!
За общий и счастливый путь!

КОНСТАНТИНУ ВИКТОРОВИЧУ СУДАКОВУ В ДЕНЬ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Если клинышком бородка,
если искры из зрачков –
значит рядом, как находка,
академик Судаков!

Упорядочив мгновенья
в виртуальный сериал –
голографию мышленья
юбиляр на днях создал!

В ближнем космосе витая,
задавая нужный тон,
повсеместно он внедряет
чисто русский «Санатрон».

Принцип информационный
построения систем
был когда-то вне закона,
а теперь – известен всем!

Успевает умудриться
в нашей жизни волновой –
обобщать, учить, учиться,
быть опорною волной!

Пусть работа не остудит
им взлелеянный талант!
А для нас понятным будет
мысленный системоквант!

«Рыбных» – множество фамилий,
но поклясться я готов,
что они в желе застыли
от «фамильи» – Судаков!

Он на «ты» с болезнью царской.
И подагре вопреки –
в старой дружбе с доброй чаркой,
как шепнули мужики.

«Судаковку» на рябине –
говорят, признал «Кристалл»,
темно-сказочным рубином
наполняя ваш бокал!

Зарастет былье коростой,
станет он совсем седым,
только знаю, как непросто
позабыть ему Надым!

Смесь муксуна с олениной
(не российский винегрет!) –
пусть останутся картиной
пролетевших мимо бед!

Разве возраст – семь на десять?
Только – два по тридцать пять!
Если он по дальним весям
мчится лекции читать!

Виноградную улитку
водрузил на пьедестал!
В космос отворил калитку!
Нас на юбилей позвал!

Семь десятков просвистело!
Дней в неделе – тоже семь!
Две таких больших недели
пережить желаю всем!

Лет сто сорок – и не мене!
Только – с нынешнего дня!
Встретимся на этой сцене!
Не забудьте про меня!

КТО ЧТО СКАЗАЛ ЗА СЕРЕБРО?

Генпрокурор назначил срок –
совместно счастья ждать!
Был приговор его жесток:
лет, эдак, двадцать пять.
Коль двадцать пять – твоей судьбе,
как гению – урок,
теперь пожизненно тебе
впаяют – вечный срок.
Но, если это не страшит,
счет не веди годам!
Читай Талмуд, учи иврит,
забуди «не наших» дам!
Пусть этой свадьбы серебро
позолотит алмаз!
Пусть приумножится добро!
Пусть не тупеет глаз!
Пусть сердце бьется, как мотор
с гарантией в сто лет!
Пусть обоюдный приговор
не портит ваш обед!
Пусть на алмазный юбилей
не тронет руку дрожь!
На мой призыв: «И мне налей!»
ты – капли не прольешь!
Пусть Алла, Женя, вся родня,
когда настанет час,
хрустальной ясностью звеня,
на миг припомнят нас!

Л.М.К.

У женских дней рождений
 особенная статья:
из всяких положений –
 положено вставать!
В заздравьи тосты льются
 под бульканье вина,
бокалы стоя пьются,
 как правило, до дна.
Не стану лить публично
 глюкозных слов елей,
провозглашая зычно
 наставший юбилей!
Ведь женских юбилеев
 таинственен рассвет:
он только заалеет –
 и вот его уж нет!
Нет возраста и стажа,
 а только есть намек,
что два столетия даже
 для женщины – не срок!
Ей нипочем, мы знаем,
 коня остановить,
избы горящей пламя
 надежно затушить!
Врачебных дел свершение,
 пожалуй, потрудней!
За всякое решение –
 ответственность на ней!
Пусть молодежь, Людмила
 (Михайловна – уже!),
узнает все, что было
 на главном этаже.

Когда мы поддержали
 илюхинский размах –
То вместе начинали
 на разных этажах.
Вначале я – на пятом,
 а после – на шестом.
Ты с пятого накатом –
 и стала главврачом!
Потом внушал сомненья
 царивший беспредел,
но вновь скрутилось мнение
 под вектор общих дел.
Вновь тучи с неба сдуло –
 учись, учи, лечи!
Идут на смену – Тулой
 вращенные врачи!
И опыт, и признание –
 приходят к ним уже!
Они найдут призванье
 на нашем этаже!
Быть с молодостью рядом –
 быть молодой всегда!
А, значит, есть награда
 за каторжность труда!
Еще лет двести – смело
 трудиться пореши!
Пусть вечным будет тело
 без вскрытия души!
Звучат слова по теме
 декабрьским ясным днем –
«Всегда прекрасно время,
 в котором мы живем!»

А.К.

Алексей Азарьич Коротанов!
Возраст твой – всего лишь пятьдесят!
Почему же люди непрестанно
тосты в эту дату говорят?

Проскользнув меж Сциллой и Харибдой
слов и дел – тропил тропу вперед!
И, не перепутав правду с кривдой,
ты внедрился в бедный наш народ.

Покорил ливийскую пустыню!
Обучил Зареченский район!
Жар образовательный – не стынет!
Значит, сохранилась связь времен!

Скоро в Туле тоже жарко станет,
как в пустыне будем ждать дождей,
если наш Азарьич (Коротанов)
справит свой почтенный юбилей!

Водка все деяния иссушит,
только если будем мало пить,
а друзей – в сердцах не будем слушать.
Вот за них и надобно налить!

Без дружины – одиноко в поле,
даже если силы вражьей нет.
И не только в поле! И в застолье
очень важен дружеский совет!

Прирастай друзьями ежечасно!
Чувствуй мощь могучих братских плеч!
С ними жизнь, поверь мне, не напрасна!
В ней задел для новых, лучших встреч!

ДЕСЯТИЛЕТИЮ НАВСТРЕЧУ!

Подмосковный университет,
в Пущино, над ветреной Окой,
возраст твой – всего-то десять лет,
но зато авторитет какой!

Трудности? Они, конечно, есть,
и, бесспорно, будут впереди!
Только дел сияющих – не счесть,
как наград на брежневской груди.

Есть академический кураж –
истинной науки аромат!
Вами в этот пионерский стаж
был внесен неоценимый вклад!

Быстро подрастает молодежь.
Дай-то Бог, придет на смену нам!
Им дорогу в новый век даешь,
университет-универсам!

Снова ветром дунуло с Оки,
обещая будущность побед.
Вечным бесконечием реки
пусть продлится университет!

ЗА ТЕБЯ!

Ночной кабак – «Анастасия»
встречает вечер в неглиже,
где Тула, область, и Россия
готовы тостовать уже.

Когда подводится итог
тому, что сделано на свете,
обычно нависает смог
над всем, что было на планете.

И, если ветер бытия
его, случается, развеет, –
себя увидишь: вот он – я,
который многое умеет!

Вертя себя вокруг столба
стриптиза разных пожеланий,
ты понимаешь, что судьба –
суть воплощение страданий!

Но дело делаешь всегда –
надежно, зримо, ощутимо.
И, если у друзей беда,
по жизни не проходишь мимо!

Бывает трудно превозмочь
боль от безжалостной судьбины.
Но от друзей – светлеет ночь
и в завтра пишутся картины!

Не зря сидим в «Анастасии»
в кругу ликующих друзей.
Ждем, как всегда, анестезии
от бед! И пьем – за юбилей!

Пьем за стабильную удачу!
За стойкость к дамам дорогим!
За толстый кошелек в придачу
к другим достоинствам твоим!

К ЮБИЛЕЮ

Удивляет погодой
 февраль–Водолей:
льется дождь, сыплет снег,
 то тепло, то морозно.
В окна жизни стучит
 золотой юбилей.
Знать, полвека прошло.
 Это – очень серьезно!

Раньше – званья давали
 «графьям» и князьям:
Италийский и Рымникский,
 или Смоленский...
Но районный глава –
 звание выиграл сам:
если – «Волков» пишу,
 значит, думаю – «Чернский»!

Здесь, на чернских раздольях, –
 серьезный народ!
Мал район! Но велик он
 своим содержанием!
Много терпит, работает,
 лучшего ждет,
верит в тех, кто способствует
 этим желаньям!

«Править крепкой рукой
 и широкой душой,
добиваясь победы
 на фронте событий!»
Этот чернский девиз
 стоит жизни большой.
Виктор денно и ночью –
 всегда победитель!

Пусть ему повезет
на хороших друзей!
На соратников в деле,
и в отдыхе – тоже!
Неизбывной удачей
грядет юбилей!
Ну, а выпить до дна,
мы, конечно, поможем!

РАФИКУ ПАПЯНУ

Вдалеке от озера Севана,
от армянских гор за тыщи верст,
слышен тост за Рафика Папяна,
дню рожденья посвященный тост!
Многого достиг он в жизни тяжелой!
Дел грядущих – нам не перечсть!
Потому что с ним в одной упряжке –
слово, дело и мужская честь!
Процветает и растет Инд-Гарник,
каждый знает, где стоит хачкар!
В бизнесе – заслуженный ударник!
И по жизни – он совсем не стар!
Есть семья и дети подрастают.
Лишь от женщин он бывает пьян!
Есть друзей разноплеменных стая
и община земляков-армян...
Армянин крепчайшего разлива –
он идет по Туле в полный рост.
Так давайте дружно и красиво
за него поднимем главный тост!

ЦНИИСу – СОРОК ОТСТУЧАЛО ...

Сегодня – день хороший на Пречистенке!
ЦНИИСу – сорок! Значит – юбилей!
В Москве снега октябрьские расчистили,
с трибуны льётся добрых слов елей!

Безруков и Леонтьев с Ипполитовым,
с Рогинским... а за ними – юный клин...
Летят по трассе яркими болидами,
ну, как Шумахер в «Формуле – 1».

Науки глубина – за каждым действием!
Десятки лет – под тяжестью креста.
Наградой им – людское благоденствие,
да лиц спасённых – свет и красота

За сорок лет – немало наворочено
в науке, в жизни, да и просто так...
Но вот друзья вздыхают озабоченно –
ведь сорок – крепость водки! Свыше знак!

А, значит, будет выпито немерено.
Хватило бы здоровья докторам,
чтобы в фуршетный зал войти уверенно,
а уж потом – хоть трам, хоть тарарам!

Пусть мчатся годы, как в вагоне литерном!
До полувека – целых десять лет!
ЦНИИСу быть в стране и мире – лидером
и образцом свершившихся побед!

ОТДЕЛЕНЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

Когда пытаешься отвлечься,
снимая надоевший стресс,
бывает, хочется улечься
в вагон плацкартный МПС.

А он, стуча по стыкам рельсов,
помчится в выдуманный рай.
И вот уж ты затих, угрелся,
на столике – душистый чай...

Проходит мимо проводница
с французским запахом духов...
И отделенческой больницы
пока еще не слышен зов.

Храпят на полках пассажиры
от вечера – и до утра.
Для них купе – почти квартиры.
Не спят лишь только доктора.

В дороге всякое бывает:
вдруг где-то что-то заболит,
а, может, в правый бок стреляет
твоей судьбы аппендицит?

Тогда сигналится тревога,
хирург сурово смотрит в ночь...
И тут железная дорога
тебе пытается помочь!

Врачей отеческие руки
от бед привыкли исцелять!
Они от практики к науке
пришли в свои сто тридцать пять.

Они, как говорят, на страже
здоровья, силы, красоты,
а звон стеклянный им подскажет:
стакан не терпит пустоты!

КОГДА МНЕ БЫЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ...

Когда мне было восемнадцать,
я тоже, кажется, шалил!
Мог твист и буги-вуги сбавать,
но, как тинэйджер, не кутил!

Не буду я давать советы!
Могу, но только – нет струи!
На все вопросы – есть ответы,
и у меня – они мои!

Уметь собрать себя из пепла
надежд, сгорающих в мечтах!
Уметь остыть в горниле пекла,
согреться в кармадонских льдах!

Держать себя прямой бамбука!
Не гнуться! И других – не гнуть!
Всех остальных важней наука,
как в жизни шею не свернуть!

Нельзя «тащиться» от кумиров
футбола, рока, иль толпы!
Их идеал, как клык вампира,
грызет хребет твоей тропы!

Не стоит плавать по течению
речей бездумных и пустых!
И относиться, как к леченью,
к советам недругов своих!

Я помню кодекс самурая:
«Ни у кого не занимать!»
Чтобы потом земля сырая
нас за долги не стала ждать!

Уметь держать свои привычки,
как скакуна, в узде ума!
Не зажигать от скуки спички,
когда вокруг бензина тьма!

Не буду я про солнце, воду,
что – наши лучшие друзья!
И что нельзя не зная броду...!
И что сырой воды нельзя...!

Увы, не всем дано природой
быть совершенными во всем!
Гордиться надобно – породой!
Ведь мы не шавками живем!

Дерзай мой внук, изведав меру!
Еще есть время впереди.
Ты Агубемира и Веру
(ну, да и нас) – не подводи!

Друзей надежных и соседей
по жизни – пусть дарует Бог!
Пусть любовь тебе засветит!
(Не в глаз, не в бровь, не между ног!)

Ну, а серьезно, надо вроде
тебе – везенья пожелать!
И восемнадцать пусть проходят,
и шестьдесят, и двести пять...!

ЖЕМЧУЖНЫЕ ДЕЛА...

Память бьется ночами
о бессонницы лед...
Тридцать лет за плечами,
а, как будто бы – год!
Необычностью светит
сквозь небесную хмарь,
в этом пасмурном лете
пожеланий фонарь.
Ведь жемчужины – счастье
рассыпает на лес,
по туманам ненастья,
и по сини небес...
Николай и Наташа –
не случайно на «ЭН»!
Это – молодость наша,
и надежд КВН.
Где-то в небе – ведущий
нас включает в игру:
и непьющих, и пьющих,
и в мороз, и в жару...
в связь колец бесконечных
на бесчислие лет,
не всегда безупречных,
но других – просто нет.
Наши шутки и песни
за столом до зари
завсегда интересней,
чем оценки жюри!
Пусть большого искусства –
никогда не видать!
Только Колино чувство,
безусловно, – на «ять»!

Про «рушник вышиваный»
стоит Коле начать –
Паваротти Лучано
может век отдыхать!
А Натальины яства
да бесчисленность блюд –
без «фондю» и лукавства –
к ожиренью ведут!
Что нам Питер и Путин,
шоу лазерных сцен?
В них – ни света, ни сути,
только ложь перемен!
Правда жизни – в поселке,
где тепло и уют,
где Наташа и Коля
рядом с нами живут!
Пусть подольше продлится
их жемчужный просвет,
измерением в тридцать
приснопамятных лет!

АСЕЕВОЙ Л.А.

Апрель-бродяга солнца свет рассеивал,
в зеркальных лужах размывая сны...
Возникла Люда (вовсе не Асеева)
в сиянии веснушек и весны.

Никто не знал в стране, судьбу вдыхающей,
про клоны, космос, Ельцина и СПИД,
что мир людей, лицо свое теряющих,
приобретет иммунодефицит.

Что Людочка (Людмила Александровна)
грозой синдрома – остановит плач.
Пусть хоть один, но пусть родится заново,
поверив в то, что может сделать врач!

Не страшен СПИД с клюкой своей пугающей,
когда улыбкой – горе сметено!
Когда в сердцах твоих друзей-товарищей
играет кровь, как доброе вино!

И пусть в пути все то, что надо, – сложится!
Достигнув цели – не прервется путь!
Пусть терпится, и любитесь, и можетесь
на колее, с которой не свернуть!

Апрель-бродяга снова свет рассеивал,
блестяшки луж – то в хохот, то грустны...
Сияй по жизни, Людочка Асеева!
За вечность! За весну твоей весны!

ВДОЛЬ ПО ГУРОВСКОЙ ТРЯСКОЙ ДОРОГЕ...

Если едешь на гуровский хутор,
где командует Полников – друг,
глянешь влево, – а там почему-то
открывается прошлое вдруг...

Там Никулинской шахты виденье
вырастает громадой в ночи...
Вспоминая ее день рожденья –
сердце в клетке – по ребрам стучит!

Но загнала судьба в пятый угол,
громоздя терриконы проблем...
Уголь – что? Он и в Арктике – уголь,
добывался в Москве кое-кем.

Кто на дальний Шпицберген забрался,
что-то там подо льдом добывал,
но от родины – не оторвался,
тот, конечно, Бродовского – знал!

Воздух Краинки – чем не московский?
Недра Тулы – Уралу подстать!
Потому и вернулся Бродовский –
смысл глубинный по жизни искать.

Только в нашем краю оружейном
и добро познается, и зло!
Необъятно друзей окруженье!
В этом всем – навсегда повезло!

По-соседски Степанов стучится,
Значит, встреча начнется тотчас,
и, конечно, за полночь продлится.
Ну а пить им придется – не квас!

А застолье – несет понимание
смысла тостов, звучащих в ночи.
И сейчас (обратите вниманье!)
в каждом слове – надежда кричит.

В шестьдесят – образ жизни загадкой,
нераскрытой во веки веков!
Вдруг Валерий займется зарядкой,
как Неделин сказал, – «без трусов»?!

Или станет в загоне на зверя,
как известный охотник – Олег,
и помчит, километров не мера,
раздвигая бульдозером снег?

Постройнеет тогда, будто Фризен!
Надоевший – уйдет диабет!
А здоровье – бесценнейшим призом
будет с ним сотню добрую лет!

Пусть он пьет хоть кефир, хоть горилку,
лет хотя бы еще шестьдесят!
Пусть закуска садится на вилку!
Пусть искрится от радости взгляд!

Нынче стрелки на час переводят,
но пускай снятся добрые сны!
Шесть десятков по нашей природе –
переход к середине весны!

НЕДЕЛИНУ – 55

Вот так, мой друг! Полста и пять
приходят в год две тыщи третий.
Железом крепится бетон,
а годы – опытом сильны.
Нам не пристало уставать,
пройдя рубеж тысячелетий,
где все, что было, – яркий сон,
рождающий приход весны.

Готов в грядущее замес!
Засвищет в роще соловей!
Ну, а пока во тьму небес
мы крикнем дружно: «Будьмо, гэй!»

Не будем, друг мой, забывать
попоек дружеских радушье,
парилки жар, бассейна дрожь,
капусту с клюквой, русский квас!
Бушует молодость опять,
свободно дышат наши души,
мы – без трусов, и нас – не трожь!
А то ведь можем и послать!

Ну, как сегодня не напиться?!
За милых женщин! За друзей!
Пусть водка будет речкой литься
под наши крики: «Будьмо, гэй!»

Ну, что, мой друг?! Полста и пять –
заявка на большие даты!
Мы знаем – кто, и видкиля,
зачем, и, главное, почему...
Твои сто десять отмечать
придем колонной, но не пятой!
Ты – будешь править у руля,
и мы – на отдых не уйдем!

Душой открыт и мощен телом,
строитель – в сущности своей,
Считай свой возраст – беспределом.
За две пятерки: «Будьмо, гэй!»

В.Б.

Снова сбился я со счета –
сколько лет ему!
Да и толку что в подсчетах
сердцу и уму?
Этот мартовский котяра
возраст победил,
и спокойно, «без базара»,
здесь, в Заречье всплыл!
Вновь руководит делами,
снова – машзавод!
Как всегда, к столу с друзьями
он друзей ведет!
Ведь теперь, как мне шепнули,
наш Болясов – зам!
Он толковый! И с делами –
разберется сам.
Все желать – Володе будут
сорок сороков!
Но поднять бокал за Люду –
тоже я готов!
Пусть не буду знать подольше
возраста его!
Пусть ему прибудет больше,
даже сверх того!
Пусть на каждый день рожденья
«Тулица» гудит!
Пусть от тостов напряженья
водка закипит!
Пусть два раза и полстолька
длится жизни свет!
Но скажите все же – сколько
Вовке – полных лет?

В «СТАРОМ ДВОРИКЕ»

Без философских вывертов риторики,
без неподвластных разуму идей,
беседуют коллеги в «Старом дворике»
о роли личных качеств для людей.

Полвека трудовых сияют знанием,
улыбкой глаз, способных понимать,
что человек силен образованием,
когда он смог интеллигентом стать.

А, значит, добротой насытил вечное
и тех, кто рядом, лично – не подвел.
Семью, коллег и дело безупречное,
как капитан в век нынешний довел.

Прошел сквозь дурь поры псевдореформенной,
неся по жизни некий шарм мужской,
в Госсанэпиднадзор на век оформленный
без права на болезни и покой.

Пусть бесконечно трудятся историки.
История творится каждый час –
везде: и за столами в «Старом дворике»,
где пьется за Лобковского – не квас!

ЗА ГРЯДУЩИЕ 155 и 150!

Когда на днях декабрь–котяра
нам подарил мороз и снег,
то стало ясно «без базара»,
кого застольный ждет успех.

Вернувшись из далеких странствий,
друзья торопятся к друзьям,
заботы растворив в пространстве,
ныряя в ресторанный гам...

Там ждут цветы и поздравленья,
искристых тостов звездопад.
В дни юбилеев, без сомненья,
их полк друзей поздравить рад.

В день после зимнего Николы
не так светло, не так тепло...
Пусть ветки у деревьев голы,
но кровь кипит зиме назло!

Здесь будут славить три пятерки,
двойной счастливый юбилей,
листать от корки и до корки
заставиц праздничный елей.

Не всякий здесь сказать решится:
вам на двоих – уже сто пять!
А, значит, время быстро мчится,
его уздой не удержать!

Но у Николы и Наташи
есть свой, бессрочный амулет –
сердца, любовь и мысли наши
продляют жизнь на сотни лет!

Бурлит вино, клокочет водка,
столы закусками полны...
Друг друга видим мы нечетко,
но выпить все-таки должны.

Перед пятеркой – единицу
пускай поставит время вам!
Тогда желаю всласть напиться
всем за столом сидящим нам!

ВОСЕМЬ ВЕРШИН БЕРЕЗОВА

Восемь десятков, как восемь вершин,
покорены не случайно.
В суть биохимии вник осетин,
опыт неся за плечами.

Труд и талант – два надежных крыла,
в жизненной смуте опора –
ввысь поднимали седого орла
к тайнам ночного дозора.

Светлые мысли нести суждено
горцу в теснинах событий.
Право на это не многим дано:
быть на вершинах открытий.

Знает Всевышний, кому доверять
пламень бессмертной науки!
Тем, в чьих руках начинают звучать
формул аккордные звуки!

Горы-джигиты в папахх снегов
день юбилейный встречают –
рушатся вниз камнепадом стихов,
к добрым делам приглашают.

Сколько еще неподъемных забот
ляжет на крепкие плечи?
Тяжесть учебников, слава, почет,
тосты, хвалебные речи...

Магия чисел пророчит совет:
быть непременно удаче,
если направит течение лет
численный ряд Фибоначчи!

Восемь, тринадцать и двадцать один!
В пламенном вихре столетий –
столько десятков, Бог даст, осетин
будет творить на планете!

Старших не помнить – себя не ценить,
в этом всегда мы едины!
Не прерывается общности нить
в слове и деле мужчины!

Гордость Осетии – Темирболат
мудрости служит примером!
Факелы новых свершений горят!
Будущий век под прицелом!

СЕДОГОЛОВОМУ

Напрасно мы уходим от погони
незримо догоняющих годов!
Несутся в ночь желаний наших кони,
взмывая гривы нецензурных слов!

Но возраст, как и ты, седоголовый,
еще гудит, десяткам лет назло!
Не ждет борец, всегда на все готовый,
от жизни сдачи, чтобы повезло...

Растет потомство, радость продлевая!
Зиме на смену вновь пришла весна!
Не зря жена, такая молодая,
тебя лишает праведного сна!

Богатым быть – нелегкое искусство:
суметь себя заставить сохранить
к друзьям и близким искренние чувства,
и с ними рядом долгий век прожить!

А то, что шестьдесят – совсем не вечер!
Скорее – день! А, может, и – рассвет!
Запомним в «Интерсити» нашу встречу
на шесть десятков близлежащих лет!

БУДЬМО, ГЭЙ!

Дороги, станции, перроны,
извечный перестук колес.
Людьми набитые вагоны,
гудящий в ночь электровоз...

Дорогу обустроить надо!
Нужна – могучая рука,
способная крушить преграды
и строить – людям, на века!

Для пассажира – безразлично,
где РЖД, где МПС.
Он должен убедиться лично,
в чем заключается прогресс.

Могучий друг друзей не тощих
делами, телом и мечтой!
Не ищет он судьбы попроще,
не знает термина – покой!

Он строит все, что только можно,
вплоть до церковных куполов –
красиво, просто и надежно,
возвышенных достойно слов.

Судьбой дается масса тела.
Его – чем больше, тем нужней!
И совершенству – нет предела,
пока мы слышим: «Будьмо, гэй!»

Здесь, в ресторане привокзальном
он нас собрал, как чародей,
чтобы в подпитии нормальном
могли мы крикнуть: «Будьмо, гэй!»

Строители – всегда элита:
и в будний день, и в юбилей.
Пока у всех еще налито,
давайте крикнем: «Будьмо, гэй!»

САХАРНЫЙ ДЕНЬ

Куда торопишься, мой друг?
До пенсии – лет шесть осталось?
И, хоть к земле не гнёт усталость,
но год промчался как-то вдруг...

Лишь повод – день рожденья твой
для встречи за столом банкетным,
где тост не будет безответным,
а рюмкам – не грозит покой!

Преодолев свистящий страх
перед дыханьем затруднённым,
ты стал с Людмилой породнённым
на сладкой жизни сахарах!

А сахар – надо растворять
и выводить его наружу!
Я вам диету не нарушу,
стремясь по полной наливать!

Подняв «За здоровье!» бокал,
скажу с предчувствием глубоким:
«Пусть век не будет одиноким
под саксаулом аксакал!»

Пусть троекратное «Ура!»
подсушит мартовскую слякоть!
Погоде тоже хватит плакать!
Работать в Якшино пора!

С ЮБИЛЕЕМ!

Говорят, в Эчмиадзине
горный воздух чист и свят,
небосвод лазурно-синий,
свечи на ветру горят.
Арабат вдали белеет,
древней сказкой – Ереван,
как дитя форель лелеет
влага озера Севан.
Пятьдесят – не очень много!
Полстолетья – это да!
В этот день зовёт в дорогу
путеводная звезда.

И Давид Сасунский лихо
вздыбил мощного коня
так, что в Туле стало тихо,
только звякнула броня.
Сын Армении прекрасной
взял полсотенный барьер!
Он ворвался не напрасно
на просторы разных сфер.
Были взлеты и потери,
знал богатство и нужду,
но всегда в фортуна верил,
в эту самую звезду!

Гагик, два Ашота, Грачик,
Федя, (он же – Арутюн),
есть Альберт, а это значит –
в сборе весь «Дашнакцутюн».
Он по-русски очень просто
называется – «Союз».
Это значит – будут тосты
и улыбки нежных муз.
Здесь надёжный друг Папяна,
брат Армении – Алан,
взял билет до Еревана
наш профессор Семерджян...

Всех собрал сегодня Рафик,
кто ему приятен был,
но на тосты есть свой график,
я о нём не позабыл.
Встретил нас «Купец Платонов»,
в нём секрет армянский есть:
вместо звездочек погонов –
на бутылках звёзд не счесть!
Будь здоров, строитель века!
Есть хачкар! Инд-Гарник, – есть!
За большого человека
и в его сегодня честь!

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Дороги суть – до перекрестка путь,
А дальше – три пути, как в старой сказке:
Налево или вправо повернуть,
Иль по прямой на счастье сквозануть,
Лишив себя возможности подсказки –
Один лишь ты имеешь выбор свой,
Водитель, озадаченный судьбой!

В лесу – грибов, ну хоть коси косой...
От речки тянет ночью и рыбалкой...
Любовь жены зовет всегда домой...
О копке огорода из-под палки
Давно уже не думает она,
Являясь сутью термина: жена!

Но суждено, как видно, век прожить,
Азарт умерив, слушаясь друг друга.
Тогда к супругу ринется супруга,
Аркан удач пытаюсь в счастье свить!
Шутить и в дни рожденья мы должны,
А всем всерьез – здоровья в день весны!

ЗАБЕГ ЖИЗНИ

Жизнь бежит по гаревой дорожке –
побыстрее, чем казалось нам!
Значит, время наставляет рожки,
не делясь с друзьями пополам!

Суждено почаще нам встречаться
в суматохе и застолье дней,
с каждым Новым годом удивляться
что приходит новый юбилей!

Только что, казалось, было сорок!
Пятьдесят – минуты две назад!
Хорошо, что не сыреет порох!
Плохо, что сигналист – шестьдесят!

Шут бы с ними! Я не математик
и готов считать хоть двести лет,
даже не упомнив чью-то мать,
даже возраст не послав вослед!

Потому что друг наш общий – Коля –
будет век про «ридну» мать «спивать»,
отучать друзей от алкоголя,
ну, а в карты – продолжать играть!

Время есть – куражиться с друзьями,
ездить – хоть куда, хоть в «Роснеруд»!
И пускай зелеными деньгами
пенсию за ездки – не дадут!

Все равно, Валерий Резниченко,
«БУДЬМО, ГЭЙ!» кричать придется нам.
Ты запомни: срок – еще не стенка!
И дели свой возраст пополам!

ПОЛТИННИК

На вопросы – нет ответов:
почему же и когда
наступает бабье лето,
отступают холода?

Настигает, блин, усталость,
постигаются друзья,
вдруг к себе приходит жалость...
Но кручиниться – нельзя!

Ведь «полтинник» – то же лето,
но не бабье, а судьбы:
в юбилейный блеск одето,
с легкой тайной ворожбы.

Вихри дружеских застолий –
дней рождений календарь!
В них закручивались вволю
и раскрутимся, как встарь!

Будет снова петь Солдатов,
будут тосты и стихи,
будем, как всегда, поддаты,
вспоминать свои грехи.

И прощать их тоже будем,
потому что грех – не в грех!
Все грехи простятся людям!
Не простится только Греф!

Круг друзей – по сути разных,
и по сути же – родных,
в понимании – прекрасных,
ну, а кое в чем – крутых!

Где Болясова Людмипа,
там людей водоворот!
Есть в ней внутренняя сила,
та, что манит и ведет!

Быть по жизни комсомолкой
суждено по жизни ей!
Ну, а мы готовы долго
ждать хоть сотый юбилей!

ШЕСТЬ НА ДЕВЯТЬ

Николай! Принимай поздравленья!
Шесть на девять, как фото-размер,
возвещают о дате рожденья
человека из дружеских сфер!

Не угодником, а чудотворцем
ты означился в ворохе лет.
В жизни каверзной – был многоборцем,
чудодеем спортивных побед!

И, конечно, совсем не футболом
славен спорт удивительный наш!
Только в вольной борьбе с женским полом
достигается главный кураж!

Из меня камни сыплются градом,
вновь по улицам тульским стуча...
Вспоминается боль Петрограда,
Фудин видится в роли врача...

Я не выпал из общего круга,
а с камнями – один на один
за надежное здоровье друга
пью коньяк и колю баралгин!

АРМЯНИНУ РОССИИ

Ну и пусть, что пятьдесят!
Ну и пусть, что дед!
Годы весело свистят
нашей жизни вслед!

Где Гокча, или Севан
в бурку гор одет,
там – кяварец Гурурян
был рожден на свет.

Федя, что ни говори,
не боясь труда,
взял красавицу Мари
в жены навсегда!

Мэри, Норик и Виген –
их трудов итог!
Есть наследства мощный ген,
помогает Бог!

Мудрый папа Эдисон
рядом, как всегда.
То в Венев поедет он,
то опять сюда.

Друг по жизни, но как друг –
Арутюн не прост!
За общенья важный круг
поднимаем тост!

Пусть надежные дела
принесут доход!
Быть вокруг его стола
суете забот!

Где Севан избыток вод
бурно льет в Раздан,
там его, конечно, ждет
родина армян!

Только кто тогда у нас
крыши будет крыть?
Кто в счастливый жизни час
с нами будет пить?

Ну и пусть, что пятьдесят!
Ну и пусть, что дед!
За столом друзья сидят!
Выше – счастья нет!

Будь здоров, армянский брат!
Жизни и добра!
Дружбы свет – по жизни свят!
За тебя, ура!

ИБРАГИМУ

Когда на поле Куликовом
закопан был топор войны,
то стало ясно бестолковым,
что мы – татарам не нужны.

Не меч берем, трубу услышав,
а рюмки дружно бьем об пол.
Пошли сражаться, Туктамышев!
Но не на поле, а за стол!

Хороших слов искать не нужно,
когда обильный стол накрыт.
Давайте жить по жизни дружно,
как Туктамышев и шунгит!

ОТЛИЧНИЦЕ

Нет, не случайно, что среда
пришлась на понедельник!
Уж начинать – так навсегда!
Не пьет один бездельник!

Как клетки шахматной доски:
то слава, то разборки...
Судьба не делит на куски
житейские пятерки.

За дочку – пять, за мужа – пять,
все – на высокой ноте!
Не зря приходится бывать
в хроническом цейтноте!

Она сама – надежный бренд
делам на факультете:
и аудит, и менеджмент,
и все, что есть на свете!

В науке – пять, за бизнес – пять!
Вокруг – одни пятерки!
Ее трудов – не прочитать
от корки и до корки!

И за улыбку – тоже пять!
Да, что там говорить!
Пятерок всех – не сосчитать!
Уж лучше будем пить!

И за друзей пятерка есть,
и пять – за связь с Управой!
Звенят бокалы, чтобы лести
не путалась со славой!

Пусть дольше будет миттельшпиль,
как следствие дебюта!
Есть факультет, и бизнес-стиль,
и все по жизни – круто!

Пуškai любовь ее хранит
от жизненных напастей!
Пуškai в ее глазах горит
огонь несчетных счастлих!

Пусть женский шарм, и доброта,
и трепетность удачи,
и дел, и мыслей красота,
ее – своей назначат!

Мужчинам, как всегда, стоять!
Ведь вы сегодня пьете
не за декана, а за мать,
за женщину в полете!

НИ СЛОВА О ЖЕНЩИНАХ

Пусть Всевышний на грешной Земле
помощь нам не сочтет за обузу,
если жизнь на бильярдном столе
срикошетит нечаянно в лузу!

Вдалеке от торжественных гор
жизнь равнинная – нежно–сурова!
В ней друзей многочисленный хор,
но о женщинах в песнях – ни слова!

На картошке с селедкой возвращен
пирогов осетинских ценитель!
Не был сам никогда уценен
всем известный алан-победитель!

Возраст свой нет причины скрывать,
если сердце на подвиг готово!
Можно просто о нем промолчать,
и о женщинах тоже – ни слова!

Тонны мази извел на больных,
но добился в лечение успеха!
Помогал при болезнях иных,
от которых друзьям – не до смеха!

Вечный критик армянских друзей –
с ними в доле: от хлеба до крова!
Но об этом нельзя в юбилей,
и о женщинах, кстати, ни слова!

На гербе его – кий и кроссворд,
знак вопроса к седому Кавказу!
Он Дианой и Аликом – горд,
хоть об этом не скажет ни разу!

Есть в семействе известный доцент,
лингвистической тайны основа.
Рядом с ней наш Алан – монумент!
Мы о женщинах, Белла, ни слова!

Много тех, кто хотел бы сказать
про Алана открыто и честно,
что его молодецкая статья
резонанс вызывает известный.

Наши жены в него влюблены.
Ну и что в этом факте плохого?
Нам соперники – тоже нужны,
но о женщинах, точно, ни слова!

Шесть десятков – вершина пути,
а за ней – еще выше вершина.
Надо к ней в бесконечность идти
легким шагом бойца осетина!

Пусть святого Георгия тень
будет знаком мужского покровя!
Пусть делами наполнится день,
а о женщинах, просто, ни слова!

Чтобы были друзья и семья
безусловной средой обитанья!
Пусть густеет макушка твоя,
написав седине завещанье!

Пусть струи не слабеет напор!
Пусть душа будет в теле – здорова!
А в стихах, не сочтите за вздор,
все – о женщинах, каждое слово!

ХОРОША!

Хороша хоть спереди, хоть сзади,
дата, у которой – пять и пять!
Две пятерки, будто на параде!
Жизнь – одна, другой – ни дать, ни взять!
Всем она оценки проставляет:
дольше – больше, и на всех хватает!

Так же хороша, как эта дата,
та, кого собрались поздравлять –
мы, не первой свежести ребята,
те, что знали возраст – пятью пять!
Только двадцать пять – не возвратятся!
Разве к ста прибавить постараться!

Женщины не любят юбилеи,
но не станут лет своих скрывать,
уходя в тенистые аллеи
лепестки былого обрывать!
Женский шарм в любое время – разный,
для мужчин – и в сотню лет опасный!

И, пока не сладилась хвороба,
дни рожденья – будем отмечать!
Ведь на них проставлена, как проба,
женского доверия печать.
Хоть на нас и пробы негде ставить,
юбиляршу мы спешим поздравить!

Путь мужского понимания долог!
Не поймешь: кто – друг тебе, кто враг...
Инночка по сути – гинеколог,
видит нас, как шейку в зеркалах!
Быть добру, здоровью и удаче,
и любви без права передачи!

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Эх, Маргарита, где твой Мастер,
всепонимающий чудака,
такой же ярко-светлой масти,
творящий чудо – просто так?!

С Ершалаимом – не шутите!
На нем – истории печать.
Нет Мастера при Маргарите,
но каждый хочет мэтром стать.

История – все то же детство
и повторение времен.
От жизни – никуда не деться,
не убежав в блаженный сон...

На все – свое приходит время,
тем более – на юбилей.
Лаская будущего стремя –
становишься стократ сильней.

День юбилейный Маргариты
пусть будет розами увит!
Хребты Кавказа – не забыты!
И путь к вершинам – не закрыт!

ТЕТУШКА

Светлоголовая Чернова
в кругу друзей, в петле забот
всегда сочувственное слово
для окружающих найдет.

В ее глазах искрятся вспышки
бесспорно шаловливых лет,
а в них – и школа, и мальчишки,
и радость маленьких побед.

Потом – строитель коммунизма,
парторг, любимый машзавод...
Вот только пенсию – Отчизна
ей очень скромную дает.

Лишь званье «тетушки» – надежно!
Она вступила в коллектив,
в котором спиться невозможно,
себе по полной не налив!

Она на Ясную Поляну
рвануть готова каждый миг!
Ей марш-бросок – «по барабану»,
и по душе – хороший стих!

Пусть в день счастливого рожденья
на женский праздник к ней придет:
простого счастья ощущение,
здоровья – целый теплоход!

Пусть для плохого настроения
не будет никаких причин!
А боль в груди – лишь от давленья
объятий ветреных мужчин.

ЖИЗНЕННЫЙ ВЕКТОР

С днем рождения, Марфа Васильевна!
Нынче – двадцать шестое число!
Ну, какими небесными силами
в майский хаос тебя занесло?

Все в руках твоих девичьих спорится!
В задней комнате – сущий банкет.
Знаю, время твое не ускорится
догоняя склерозие лет!

Каблуки, не по возрасту модные,
пусть сапожник покрепче прибьет!
Станут брючки на бедрах свободнее,
кипяток их насквозь – не прольет!

Кутерьма ожидания праздников –
это твой каждодневный удел!
Пусть орава друзей-безобразников
за столами вершит беспредел!

Дочку Ольгу с компьютером следила,
приучила с рулем ночевать...
Зятя Гену в охрану наладила,
чтобы рынки вдвоем крышевать.

И Иван возвратился Иваныч
в круг испытанных верных друзей,
чтобы в тосте шепнуть тебе на ночь
про грядущий сквозь год юбилей...

Всем в округе известная тетушка,
собираясь на отдых слинять,
появилась, светла, как лебедушка,
чтобы счастья тебе пожелать.

Из Ефремова сумку с картошкой
мы везем как бесценный балласт.
Ведь у всех есть надежды немножко,
что Надежда зарплату отдаст.

Вдаль стремящийся жизненный вектор
к юбилейному году ведет!
Лишь Иван Спиридоныч (директор) –
в кабинете дурниной орет...

Ф.Н.

Из вены в вену жизнь струилась
алеющей святой любовью.
С пилотом медсестра роднилась
той самой животворной кровью.

Бурлила молодость военная,
друг в друге возбуждая вечное.
Судьба, от счастья пьяно-пенная,
рождала в людях человеческое.

Пусть в ЗАГСе скреплено решение,
они – войною обрученные!
Творцы Победы, без сомнения,
На годы счастья обреченные!

И пусть ей два по сорок минуло,
но время – счастья не касается!
Фролова Нина мощным стимулом
Герою нашему является!

Пускай Христово воскресение
и Первомай весной пылающий –
раз двести, как и дни рождения,
встречают с вами сотоварищи!

* * *

Соединились две судьбы –
 кольцо с кольцом.
Арсен и Мэри, стали вы
 к лицу лицом!
А, значит, новый предстоит
 построить дом.
Фундамент – есть! А стены с крышей –
 будут в нем!
Но пусть войдут в него любовь
 и нежность мам,
отцов надежность и друзей
 застольный гам!
Пусть будут дети – продолженье
 двух начал –
искать по жизни свой
 особенный причал!
Пусть дома вашего порог
 и в миг, и в век –
переступает только добрый
 человек!
Пусть жарко греет
 символический очаг!
Пускай сияет
 солнце радости в очах!
Арсен и Мэри! Есть у вас –
 своя семья!
Но все мы – с вами!
 И за это выпью я!

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

В памяти, как в вечности, растаяв,
лед событий пронесется вдруг,
где война безжалостно пустая
объясняла вам, кто враг, кто друг.

Под сто грамм наркомом данной водки
(на морозе вязкой, как кисель)
в танковом бою прямой наводкой
бьют сорокапятки точно в цель...

А потом придет весна Победы
в сорок пятом памятном году...
Многое боец уже изведаль,
приступая к мирному труду.

Изучив на «ять» зубное дело,
зная кадры в области и вне,
вел стоматологию умело,
строя наяву, а не во сне!

Был когда-то танков истребитель
наш боец, испытанный войной.
Но, по сути, и в душе – строитель,
главный врач больницы областной.

Делегат партсъездов он – по праву!
Орден, медалей – не сочтешь!
Много лет командовал Облздравом,
научая жизни молодежь.

Жизни книгу каждый день листая,
суть страниц сверяем по уму!
Ведь стоит больница областная,
как при жизни памятник ему!

А вокруг нее деревьев роща
кронами цепляет небосклон...
Тридцать лет назад в былинках тощих
эту чудо-рощу видел он!

Мы мужали с этой рощей вместе.
Мы росли, невзгодам вопреки.
И друзей своих без чувства мести,
в шутку называли «старики».

Многие – уже пенсионеры,
но еще способные любить!
И с надеждой, без излишней веры,
лет до ста надеются прожить!

Глазомер илюхинский – известен:
и в бильярде, и в делах иных!
Потому мы, как и раньше, вместе
отличаем от «чужих» – «своих»!

У «своих» – особенная малость:
верность цели, устремленной ввысь!
Двадцать лет до сотни лет осталось!
Так что, батя, трудно, но держись!

Поезд жизни мчит без остановки.
Восемь раз по десять – словно миг!
С Вами – мы! И нам – не до парковки
в череде воспоминаний книг!

Пусть «монетизации» удары
не коснутся ветеранских льгот!
Пусть забудут люди слово «старый»,
видя спектр илюхинских забот!

Пусть приходят радостные вести!
Пусть дорога дальняя зовет!
Мы – не уважаем бег на месте!
Только по-илюхински – вперед!

БОЛЯСОВУ ПОЧТИ 60

Привет, старик! Ты – все такой же,
как в пятьдесят хмельных годов:
морщинок лишних – нет на коже,
ну, а про стол – не хватит слов!

Насчет покушать и напиться –
здесь, как всегда, чего-то есть.
Во сне – такого не приснится:
поешь – потом ни встать, ни сесть.

Сейчас бы – лечь под саксаулом,
как я когда-то написал,
да Тулу – обозвать аулом,
да мудрым быть, как аксакал!

Тебя нисколько не жалея,
твои полста предвосхитил,
и лет за пять до юбилея
в стихах заздравных накатил.

Теперь представь хоть на минутку,
что вдруг от даты я отстал,
что обеззубел не на шутку
от «Бленд-а-меда» зубоскал!

Настал момент! Не буду врать я,
ведь для кого-то, говорят,
все ближе пенсии объятья,
все дальше цифра – пятьдесят!

Пуškai я ошибусь столетьем,
Годов – не надобно скрывать!
Но вот с шестым десятилетьем –
начну отныне поздравлять!

МАЛЫГИНУ – 50

Учтя серьезность юбилея
(размером в пять десятков лет),
на «Овна» в знаке «Водолея»
готов пролить правдивый свет!

Субстанций «всеодушевленность»
(по Блейлеру) – известна нам!
Но юбиляра суть – влюбленность
в науку, в бизнес, в милых дам!

Была возможность поучиться
у «кой-кого» и кое с кем!
Он с детства не привык лениться
и прятать череп от проблем!

Он каждый день, как в день рожденья,
итожит вкратце сумму дел.
И тех, где мыслей воскрешенье,
и тех, что сделать не успел!

Но «подведение итогов»
ему не скоро предстоит,
покуда слышен шепот вздохов
и не подводит аппетит!

В полвека – не уйти из детства,
где дней мелькнувших новизна!
Как цвету никуда не деться
из эротического сна!

Пушай ему покрепче спится!
Пусть видит радужные сны,
чье содержание воплотится
в известных таинствах весны!

И пусть блистает на картине
психиатрических столпов,
как Кречмер, Ганнушкин, Хритинин,
как Сербский, Фрейд и Цыганков!

Пусть в наркологии скорее
найдет искомый интеграл!
И в дружбе пусть не забуреет!
И денег будет полный трал!

Мы кодировку от запоя
отменим в этот юбилей!
За юбиляра выпьем стоя!
Пускай дрожит зеленый змей!

* * *

В деревенско-елькинской усадьбе,
где хибара старая скрипит –
стол накрыт, как на хорошей свадьбе,
мясо ароматное шкворчит.
Вспомнились премудрости обжорства,
пир желудка – это главный пир!
Да еще моменты стихотворства,
те, в которых искренность – кумир!
Обдавало лето жарким зноем,
но при копке – хлюпал чернозем.
Думалось – вот-вот лозу зароем,
винограда на вино нажмем...
Жаль, что не случилось, не успелось
сделать это к юбилейным дням.
Ничего! Пока приходит зрелость –
сокрушаться не пристало нам!
Пусть здоровье закипит в аорте!
Пусть в натуре будут мужики!
Пусть порхают, будто на курорте,
памяти осенние листки.

РАЙХЛИНУ

Апрель скользнул тропой накатанной
куда-то в глубину годов –
за бесконечностью, упрятанной
от чуждых взглядов, грубых слов.

Сумеем ли понять грядущее,
от прошлого не отрешась?
И оценить по праву сущее,
по будням бытия кружась?

Седьмой десяток приближается
как ни хохми, что ни круши...
Но подводить итог и каяться
в грехах свершенных – не спеши!

Ведь есть друзья, родные, близкие,
все, с кем тебе тепло и «в масть»!
Кому ты можешь мысли высказать,
за жизнь и веру – не боясь!

Первопечатник слов увиденных!
Отец – семье, общине – вождь!
Ты нужен всем в делах обыденных,
как в жаркий полдень – свежий дождь!

Шолом тебе, ровесник времени,
в котором суть всего – навар:
тот опыт, чем дела беременны,
и, где отцом ты быть – не стар!

Пусть будет важных встреч – немерено!
Пусть Берл Лазар не подведет!
Шагай по-прежнему уверенно
в апрель и в новый ледоход!

Пусть юбилеи хороводятся!
Пускай труба зовет вперед!
О вечном – думать не приходится,
оно не скоро к нам придет!

КАМЗОЛОВУ

Как белый цвет в «Ночном дозоре»
нас защищает от невзгод,
так Александр в Гостехнадзоре
на стражу времени встает!

Быть может, будет круче должность!
(Ведь он еще не аксакал!)
Но, хваткой весом в осторожность,
он – настоящий генерал!

Чтоб, бороздя просторы света,
мы не бросали якорей,
пусть сон апрельского рассвета
весну навевает поскорей!

Пусть дорога на рыбалку
не зарастает никогда!
Пусть не забудется про палку,
хотя белеет борода!

Пусть бес в ребро всегда толкает,
напоминая о делах!
Пусть вкус ухи во рту витает,
но наяву, а не во снах!

Наш генерал по духу молод!
Среди друзей, под шум и гам –
пусть ощущает вечный голод
на стол друзей, на милых дам!

ДРУЖИНИНОЙ Н.

Бенефисы... бенефисы...
Запах сцены. Рампы свет.
Шепот в зале. За кулисами – волнение.
Разволнованной актрисы
чуть дрожащий силуэт
излучает и тоску и вдохновение.

Романтичная натура
не для всех обнажена!
В латах роли – даже нервы, как вериги.
Но, пока легка фигура
и нога еще стройна,
в каждом дне шуршат страницы новой книги!

Не при чем тут бенефисы!
Миг любой, как бенефис!
День рождения... Недостигнутая дата...
А для женщины-актрисы –
самый драгоценный приз:
с Мельпоменой быть всегда запанибрата.

Нам катарсисов хватает
в этой жизни заводной,
где играют все, но вот Артистов – мало!
Правда, снег апрельский – тает
под холодною луной
на путях надежд Московского вокзала.

Есть одна актриса в Туле
с затаенностью души,
преходящей во внезапновозгоранье!
В этом ветром вздутом гуле,
сколько пламя не туши,
путь один – в известность, славу и признание!

СМИРНОВУ – 50

На бегах в любых столицах
деньги смело ставь на кон!
Труд – в победу воплотится!
Так считал один «начкон».

И, командуя заводом,
продолжает так считать.
Только с каждым новым годом
все сложнее вершины брать!

Масса трудностей нелепых
порождают в горле ком.
Трудно лошадям в Прилепах,
нелегко и в Шаховском.

Им ведь просто кушать надо,
ласку чувствовать нутром.
Тренировки до упада,
в пять утра опять подъем.

Скорость – просто не дается!
Лошадиный смел полет!
По качалке жизни льется
общий с человеком пот!

Жизнь рысистой пугает,
выбегом из двух минут,
хоть от края и до края
не размечен наш маршрут!

На шампур судьбы одеты
пять кусков по десять лет!
В юбилее светлом этом
внутренний струится свет!

Чтобы сказку сделать былью,
дать здоровью верный ход,
надо верить в суть кобылью
и тогда успех – придет!

Закипит кумыс шампанским,
обостря чувства в нас,
выстрелит кнутом цыганским
пробку вытеснивший газ!

Ипподромы встретят ревом
миг победы рысаков!
Будь, Олег, всегда здоровым!
Будь удачливым, Смирнов!

Пусть сердечное биенье
не срывается в галоп,
встретив сотый день рожденья
под ладоней наших хлоп!

ВАСИНУ С.А.

В совпаденьях что-то кроется!
В жизни все – не просто так!
День рождения и троица –
это в завтра добрый знак!

Не случайно в наших странствиях
по морям научных бурь
все решается пространственно:
сеем истину сквозь дурь!

На Кавказе, между нами,
говорят примерно так:
дружба крепится годами,
будто звездами коньяк!

Значит, времени немало
закреплению дано,
чтобы киснуть – вдруг не стало
понимания вино!

В совпаденьях все рассчитано:
даты, думы и слова!
От научных книг прочитанных
не кружится голова.

Дружба крепится доверием,
без хвалебных нот и од.
Без халвы и лицемерия
просто движемся вперед!

В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

В «Хомяковских полянах»
на свадьбе веселой гуляю.
Не мешает погода
и тостов безбрежен поток.
Но намеренный день
с содроганьем души вспоминаю.
Я не мог не придти!
Мне грозил в лучшем случае – срок!

Телефонный звонок
от отца нашей славной невесты!
Добрых слов услышал
неоправданно яркий букет!
Он, шутя, обозначил
грядущие важные вести
и серьезно вполне
дал отменный «ментовский» совет.

Что неявка на свадьбу –
это просто попытка к побегу!
А шаг вправо, шаг влево
при попытке побега – расстрел!
Как в жару не найти
леденящего чистого снега,
так причин не прихода на праздник
мой друг не узрел!

Был, конечно, он прав,
наш шутник и надежный товарищ,
в оправданье неявки
включивший внезапную смерть!
Потому что он знает,
чем круче интригу заваришь,
тем надежней итог:
не явиться попробуй посметь!

Но скажу по секрету:
мы звонков от друзей – ожидаем!
Повод к встречам всегда
пониманием добрым согрет!
А в торжественный день
молодым и счастливым желаем
быть на пике любви
бесконечное множество лет!

БУРМЫКИНОЙ

Из текста ни слова не выкину,
нацелив в грядущее взгляд!
Когда поздравляю Бурмыкину,
не хватит ни слов, ни наград!

По жизни доверено женщине –
уметь и учить и лечить!
Ей также природой завещано
потомство растить и любить!

Пройдет кутерьма юбилейная,
но в буднях не меньше щедрот!
Из многих заздравниц елейная
словесная слякоть уйдет!

Сквозь солнечный блик профильтровано
надежды хмельное вино!
Грядущая жизнь оттитрована –
в ней «Многая лета!» дано!

Бурмыкина к детской инфекции
сумела подходы найти!
Но поиск здоровья в инъекции
пусть будет началом пути!

* * *

У «Лукоморья» сквер зелёный,
возделанный с большим трудом,
армянским братством вдохновлённый —
зовет к себе, как в отчий дом.
Никто налево тут не ходит,
никто направо не пойдёт!
Дорогу к землякам находит
лишь тот, кто движется вперед!
Сегодня — Гришин день рождения,
друзей собравший за столом!
Звучат душевно поздравленья
пусть с молодым, но важным днем!
На трудоемкий автобизнес
его Карлен благословил.
Все трудности он с честью вынес
и дальше дело раскрутил.

Тут все спешат поздравить Гришу,
себя достойно показать!
Сюда, под Грачикову крышу,
идут спокойно отдыхать.
Тут «Мурку» слушать неуместно,
когда душой поёт дудук,
когда напевностью чудесной
тревожит сердце нежный звук.
Как Паганини вихрем чувства
рождал из звуков песню звёзд,
тут покорял своим искусством
один армянский виртуоз!
Потомков древнего народа
везде земля родная ждёт!
И даже тульская погода
армянским жаром обдаёт!

И «карабахским», и «бакинским» –
гостеприимный стол – один!
Есть место братьям осетинским
там, где сухумский армянин!
Тут тост заздравный не растает!
Тут дух Армении витает!

ВАСЛАВСКОМУ

Эта дорога ничем не измерена!
Годы – не версты! Что толку считать!
Даты сливаются в жизнь преднамеренно,
чтобы хоть чем-то большее достать!

Нас не напрасно трясет юбилеями.
Близок последний, решительный бой!
Мы не жалеем, что мы – не жалеемы
нечеловечески сложной судьбой!

Судьбы врачебные – сутью особенны!
В них – единение с миром больным.
Самосгорание здесь – не в диковину!
Славы – не виден синеющий дым!

Где-то – земелие обетованное...
мама за тридевять миль и морей...
Ну, а у нас – суета непрестанная:
хоть и стреляют, но нет лагерей...

Хочется верить, что карма исправится,
что не на ладан налажена жизнь!
Дел недоделанных груда – убавится!
Новых – прибавится! Значит, держись!

Пенсия нам не в «зеленых» отмерена!
Значит, лет сорок трудиться изволь!
Лишь бы здоровья случилось немерено!
Лишь бы не съела желания моль!

ДОРОГОЙ ГАЛОЧКЕ

Накануне дня рожденья
нас забросил теплоход
в полосу отдохновенья
от нахлынувших забот.

Здесь, в скитах уединенья,
вторя ладожским волнам,
подарил нам песнопенья
дивный остров Валаам.

Колокольный звон – не внове,
только здесь – особый он!
В день рождения готовит
уникальный перезвон!

День рожденья нашей Гали,
как волшебный камертон,
резонансом – все печали
из души уносит вон!

И пускай под знаком Девы
будет путь открыт мечтам!
Пусть приятные напевы
дарит остров Валаам!

Лет быть может через сорок,
дай Бог, свидеться опять!
Если не подмокнет порох,
будем Галку поздравлять!

Что задумано – свершится!
Все ненужное – за борт!
Будет есть, будет пить,
будет именинный торт!

Будет свечезадуванье
и букеторозопад,
и любовные признанья,
и мужчин горящий взгляд!

АСЕНЬКЕ

Наш возраст – духа состояние,
а не набор скрипящих лет!
В глазах твоих – любви сиянье,
как молодости вечной свет!

И, что бы в мире не случилось,
нет у судьбы двойных путей!
Всё в этом мире получилось
для счастья внуков и детей!

Пока во сне, бывает, снится
рандат и фляк, сальто назад,
пока неплохо естся, спится,
пока твой муж застолью рад,
пока копаешься на даче,
пока ворчишь, что много пьём, –
ты «при делах»! А это значит,
что очень долго проживём!

Пока взрослея, не стареешь,
и не уходишь от забот,
то никогда не заболеешь,
а хворь случайная – пройдёт!

Пока поздравить с днём рожденья
к тебе спешат: семья, друзья, –
уйти от жизнесотворенья
без сотни лет никак нельзя!

Цветком прекрасного букета
сияй на клумбе наших дней!
Пусть осень будет лучше лета
в любой с нулями юбилей!

Пусть сбудется мечты заветность!
Пусть не иссякнет круг проблем!
Пусть математики конкретность
по жизни помогает всем!

Настойка на корнях квадратных
из всех немислимых забот
пускай хмелит неоднократно
в застолье юбилейность нот!

Здоровье пусть тебя находит
в любой момент, как в юбилей!
Свети, как солнце на восходе,
улыбкой радуя своей!

ТРИ АККОРДА

В дальнем детстве – три аккорда,
звон серебряной струны,
в синяках бывала морда,
если дрались пацаны.

В прошлом клёши, самоволки,
и армейский реквизит,
разбитные комсомолки,
Фомичёв и Общепит!

Что теперь? Понять труднее:
время – пенсией грозит!
Всех других – жена роднее,
хоть не снижен аппетит!

Диабет – товарищ старый
на двоих у вас – один!
Есть друзья! И без базара –
есть товарищ осетин!

Пусть тревожат три аккорда
сладким пением струны!
Пусть звучит, как в детстве, гордо:
мы пока что – пацаны!

ЛЕОНОВУ – 70

Вступив в пору половозрелости,
он семь десятков с плеч откинул
и с мудростью разумной смелости
кинжал наполовину вынул!

ТЗ и ГОСТы, без сомнения,
нужны для качества и точности.
В семидесятый день рождения
Леонов – символ общей прочности!

Как Президенту Академии,
ему бы – просто стричь купоны!
А он в приборном многотемии
идет по жизни сквозь препоны!

Внезапно в Туле появляется –
на «Сплаве», или там, у Бұхала!
Глядишь, и дело начинается,
а у других – их много рухнуло!

Машин нутро дооборудовал
для «неотложек», или «скорых».
В цехах и «Думах» он орудовал,
а не транжирил время в спорах!

Водоочисткой занимается!
Для медиков – проблема личная.
Когда вода не очищается –
не получается «Столичная»!

На ЭКГ пусть норма пишется,
а сердце – от любви страдает!
Пусть с легкостью при беге дышится!
Пусть мини-юбки замечает!

И пусть ему не просто хочется,
а так, чтоб делал все по ГОСТу!
Пуškai по жизни все упрочится!
Пуškai найдется место тосту!

САПОЖНИКОВУ

Осенние дни в желтолистые одеты...
Торопятся птицы на юг...
Коллеги теплом юбилея согреты,
взволнован их дружеский круг!

Заздравные речи вызывают к ответу:
чем славен твой жизненный след?
Ручьи юбилеев сливаются в Лету,
скажу, как поэту – поэт.

А Лета вливается в море забвенья,
где трудно следы проследить!
И только поэтика словотворенья
способна века пережить.

А сколько прочувствовал пульсов ребячьих!
А сколько прослушал сердец!
А сколько детишек избавил от плача!
И скольких ты спас, наконец!

Не может все это предаться забвенью
в фонтанах искрящихся лет!
Героика жизни – доступна прочтению,
поскольку ты врач и поэт!

Младых педиатров-врачей обучение –
для Тулы достойно вершишь!
В трудах воплощаешь науки свечение,
с УЗИ – просто чудо творишь!

Осенние дни в желтолистые одеты...
Торопятся птицы на юг...
Бокалы от длинного тоста согреты...
За день юбилейный, мой друг!

ЖЕНЩИНЕ В МЕСЯЦ КОЗЕРОГА

В год собаки, в месяц козероговый,
прямо накануне дня рождения, –
Новый год еще скрипит порогами,
ан всего пять суток до Крещения!

Так же пять годов скользнули в прошлое
после юбилея отгремевшего!
Было все, но было и хорошее
в винегрете жизни перемешанном!

И ее – коллеги нынче с радостью
чествуют! И чувствуют банкетие!
Не прельщаясь славословья сладостью,
искренне желают многолетия!

Как в букете – поздравленья разные.
Цветопад – рождает настроение!
Ну, а без цветов, какие праздники?
Это просто времяпровождение!

Будет Дед Мороз еще пошаливать!
В старый Новый год он распояшется!
Будет градус жизненный зашкаливать
в день, когда поется, пьётся, пляшется!

Пусть работа, в чем-то и не женская,
радует своей определенностью!
Пусть погода святочно-крещенская
навсегда соседствует с влюбленностью!

ПЕРСОНЕ ГОДА В НОМИНАЦИИ «ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ»

Мне звякнул накануне Фудин,
что есть Вигдорчику награда,
которую вручает Путин,
и, что поздравить друга надо!

Он стал теперь персоной года
в почетной очень номинации:
в «ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ»! Народа –
доведенного до прострации!

Кто б ни вручал, Фрадков, иль Жуков,
а, может, все министры разом, –
не слышим мы стаканных звуков,
и не заходит ум за разум!

Внедряя в массы малокровье,
весь год куражилась природа!
Пусть нет у нации здоровья!
Есть у нее – персона года!

Ура! Ведь МИД-овские профи –
замолвили за друга слово:
Сергеева густые брови
и фразы веские Лаврова!

Но, кем бы он ни стал в итоге –
министром, или Президентом,
для нас он будет, видят боги,
персоной с дружеским акцентом!

ГРИГОРЬЕВУ

Академик по полной программе –
не случайный имеет успех,
А идет он по жизни – с друзьями!
Только видит – прицельнее всех!

Он из черных космических далей
льет в грядущее мудрости свет,
излучая сиянье регалий
ярким бликом на личный портрет!

Институт мед - и био - проблемный
Возглавляет который уж год,
А какие в нем крутятся темы –
Ни одно ЦРУ не поймет!

Он по-прежнему хочет и может
все познать, всем зовущим – помочь!
И друзья в день рождения тоже
чем-то вдруг озадачить – не прочь!

Удивляем друг друга – делами,
уникальностью верных людей!
Рады мы, что работает с нами
архитектор научных идей!

А.Ю. БУТОВСКОМУ

Сияя орденов лучами,
опередив медальный звон,
встряхнув широкими плечами,
вошел он молод и силен!

Вручив на вечер приглашение –
исчез в пространстве, как в бреду.
Конечно, принял я решение,
что с Львом Исаичем пойду!

Прости, мой друг А.Ю. Бутовский,
не удастся мне прийти!
И рад бы встретиться чертовски,
но вновь проблемы на пути!

Я поздравляю громким ором,
где два – коротких, раз – в длину,
в день юбилейности, в котором
объявят скучности войну!

Поддерживаю дружбы тосты,
в которых славят – не слова,
а дел свершенных – целый остров,
где сам Бутовский – голова!

Мы, спиртоспортовeterаны,
шлем поздравлений мощный вал.
Идем по жизни – без охраны.
В ней лет непрожитых навал!

Три раза жить тебе по-стольку
в кругу любимых и друзей!
А там еще посмотрим, сколько –
Всевышний даст под юбилей!

ГУРУРЯН+ФТОЯН=СЕМЬЯ

Когда торжественную ноту
обнял прозрачно-нежный звук, –
в «Купце Платонове», в субботу
запел Армении дудук!
Хмелится свадьба настроением,
весельем полнится бокал,
друзей, знакомых – полон зал,
сердца их бьются с упоением!
И даже древний Арарат,
там, за границей, тоже рад –
не может справиться с волнением!

Седой Масис немножко пьян,
но он прохладой гор трезвится,
пока Гокча (или Севан)
в похмелье вод своих резвится!
День этой свадьбы освятит
российский взгляд на Украину!
Не принимайте за чужбину –
страну, где ваш очаг горит!
Земля у нас для всех – одна:
источник хлеба и вина,
надежды вечный монолит!

Виген и Грета! Ваш союз
объединяет наши страны!
Семейный груз – нелёгкий груз,
но груз любимый и желанный!
Преодоление забот –
пусть разжигает жизни пламень,
поскольку под лежащий камень
вода Севана не течёт!
Избрав совместный путь вдвоём,
дай Бог понять друг друга в нём,
найти и славу и почёт!

Не стоит спорить, кто нужней:
юрист иль врач, иль оба вместе?
Вопрос: «Кто в данный миг важней?» –
не будем задавать невесте!
Пусть год две тысячи шестой
над «i» свои расставит точки,
поскольку истины росточки
не вырастут в вопрос пустой.
Надуманый решился спор:
в семье и врач и прокурор,
и от удачи нет отсрочки!

Своих родителей – любите!
Они для вас – хвалебный хор
и прокурорский ваш надзор!
Добром за их добро платите!
Помог Всевышний без сомненья
найти заветный резонанс,
как единенья верный шанс,
и к общей радости стремленье!
Идите вброд по жизни сей
на радость предков и друзей!
Пусть не иссякнет вдохновенье!

ГЛАВНОМУ ВРАЧУ РОССИИ

Петелинская психбольница –
не «Сербского», не «желтый дом»,
не «кагэбэшная» темница!
Здесь – сумасшедшим сладко спится,
им главный врач, наверно, снится,
их исцеляющий трудом!

Им снится «шáбаш», или «саммит»,
и третий президентский срок,
что психи-«президенты» сами
в столовой – говорят стихами,
и, вместо галстуков, руками
томатный вытирают сок...

Они в больной стране не знают:
куда, зачем и как идти!
Там – без закуски выпивают,
дерутся, колются, играют,
воруют – все, но твердо знают,
что есть в Петелино пути!

Им не понять в стране «чудесной» –
кто умник? Кто пустой дурак?
Кто в Думе? Кто в психушке тесной?
А кто и там, и там известный?
Кто прокурор? Кто малый честный?
Башка болит! Нельзя же так!

Кто рассчитает степень риска,
когда «они» стреляют в «нас»?
Кто террорист? Кто гений сыска?
Кто прав защитник? Кто «редиска»?
Где Божий дар? А где сосиска?
Где бандюганы? Где спецназ?

Ответь им, главный врач больницы!
Ответь и нам, подняв бокал!
Коль Тулу не заменишь Ниццей,
а расстегая тощей пиццей,
почто в деревни и станицы
не хлынул инвестиций вал?

Уже полвека миновало
с тех пор, как начат жизни рейд!
И тулякам понятно стало –
чтоб их нормальность не страдала,
им дорог местный запевала,
как Кречмер, или Зигмунд Фрейд!

За юбилейных дней границы!
Ответов на вопросы ждет –
страна, где от инъекций – спится!
В которой не зазорно спиться!
Двойник России – психбольница,
а, может быть, – наоборот!

ГРАЧИКУ

Обычный день! Всего-то сорок лет!
Грядёт весна, ручьёв журчащих плач...
Расплавит снег от солнца жаркий свет,
и прилетит весенней птицей – грач!

Армении лучистой верный сын!
Друзья с тобой – хоть в радость, хоть в беду!
От имени всех тульских осетин –
«Ура тебе! Грачу и «Какаду»!

Поэт хохлатый – редкий попугай!
Все перья растрепались по стране!
Меня, ты, Грачик, шибко не ругай,
поскольку мысли лысые – в цене!

Пускай тебе всегда поёт дудук¹,
а небо красят сполохи зари!
Пока кавказских ритмов слышен звук –
пусть не пустует место в кочари²!

Все говорят, что ты – интеллигент!
Что нестандартно мыслишь головой!
Но ты ещё для всех – надёжный «кент»:
на отдыхе и в жизни деловой!

Армянским коньяком не будешь пьян,
идя по тропам нынешних забот.
Справляет сорок лет Багдасарян,
он точно нам по маленькой нальёт!

Подняв бокал за эти сорок лет,
Ему желаем водопад удач!
Ни возраста, ни дат у дружбы нет!
Пусть каждый год твой будет добрым, Грач!

¹ Дудук – арм. музыкальный инструмент

² Кочари – арм. танец-хоровод

Д.Ф.Х.

Гудит московская элита,
число седьмое бьет в набат
сбираясь за столом накрытым
проститься с цифрой – шестьдесят.

Ведь семь десятков набежало,
хоть взгляд по-прежнему хитер.
Он может все начать сначала
под поздравлений дружных хор.

Сроднился с ВАКом не на шутку,
и в Туле – не один сезон,
и с женщиной не на минутку
уединиться может он!

Науки покорив стихию,
отметил славный юбилей!
Он соблазнил психиатрию
и закодировал друзей.

Из-за очков эмоций ветер
уносит прочь старенья пыль.
Грядущий век, как небо – светел!
И порох – сух! И сух фитиль!

И есть надежная закваска!
Броженью дел – не иссякать,
пока не чужда женщин ласка,
и тостов слышим благодать!

И СНОВА ОТМЕЧАЕМ ЮБИЛЕЙ

С годами жизнь онкологов – трудней!
Но этой жизни – нет альтернативы!
В туннеле свет становится видней:
надежда есть – и пациенты живы!

Коварные латинские слова
исчезли вмиг во мраке беспредела,
когда из пепла, теплого едва,
вдруг искра света белого взлетела...

Заполыхал огонь судьбы иной,
даря здоровье, и тепло, и негу...
И рачий панцирь, сгорбившись дугой,
пропал из вида, уподобясь снегу...

Подсчитан неминуемый успех
В умах, постигших тайны мироздания!
И, вместо плача, слышен детский смех,
который глушит горькие рыдания!

Пускай грохочет праздничный салют!
Звенят бокалы с антиоксидантом!
Врачебный подвиг – каждодневный труд
в одном флаконе с даденным талантом!

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Правит миром порыв и азарт,
и вершин не достигнутых зов.
День, когда начинается март, –
открывается истиной слов.

День второй наступившей весны
и всего – тридцать лет за спиной!
Снятся ночью красивые сны,
закрывая плохое – стеной...

Тридцать лет – это время удач
и осознанной взрослой любви!
Пусть иссякнет по прошлому плач!
В недра грусти себя не зови!

Подрастает талантливый сын,
не дающий остаться одной!
Самый главный из верных мужчин,
самый близкий и самый родной!

Есть семья, есть работы маяк,
есть надежда и вера в друзей!
Это все – долголетия знак
в этот твой озорной юбилей!

Бубенцов нескончаемый звон
и трепещущий в музыке стан –
зазывает в восточное он:
танец турков, цыган, египтян...

Не жалея живота своего,
а, танцуя, по жизни иди!
И, конечно, ты встретишь Его,
скажешь: «Друг мой! А ну, погоди!»

Тридцать лет позволяют решать,
как сплести и судьбу, и мечту,
чтоб сумели отец твой и мать
видеть жизни твоей красоту!

Чтобы внуков дожидаться своих!
Чтобы внуки у внуков росли!
Чтобы все удавалась у них!
Чтобы розы в морозы цвели!

НА ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Пусть не тревожит возраст пенсионный
тех, кто прошедших не считает лет,
кто в жизнь, и в женщин, и в мечту влюбленный,
тех, у кого в друзьях сомнений нет!

Пусть шестьдесят, и семьдесят, и сотня
стреляют в нас, не попадая в цель!
Броня любви хранит того сегодня,
кто не спешит упрятаться в постель!

Кто Госстандарт достойно представляет!
Кто не стандартно мыслит и живет!
Кто в юбилей на отдых уезжает,
а в «*Primo*» нас – на день жены зовет!

Пусть возраст бесконечно не реальный
высвечивает правильный аспект!
Твой юбилей – проект национальный,
а, значит, вечно длящийся проект!

Л.И.К.

Слова хвалы мы нехотя вкушаем,
да и хулы – услышать не хотим!
Своим друзьям мы многое прощаем!
Своим врагам – на бедность подадим!

Нам чужды скороспелые решения,
но выбора другого, право, нет!
Пора приходит собирать камни,
разбросанные за десятки лет!

Благая весть, что день Его рожденья
пришелся на десятое число,
в участие нашем вызвало сомненья.
Но их, как будто ветром, унесло!

Двенадцатого сбор друзей назначив,
он дюжиною сдюжил этот стол!
Свое к нам отношение обозначив:
кто в день не смог, тот в этот час пришёл!

Упрятав мысль за толстыми очками,
он созревает прямо на глазах!
И выпить много может вместе с нами,
и разобраться в собственных делах!

Науки в нем пусть не остынет пламень!
Поступков смысл мы знаем наперед,
в основу слов бросая твердый камень,
а не булыжник в чей-то огород!

Р.С.К.

Мы не ждем приказов и указов
в Туле – на исходе февраля,
потому что Ростислав Качмазов
в Щекино колдует у руля.

Собрались друзья по доброй воле,
сбившись в тесный и единый круг!
Нас Всевышний наградить изволил –
день рожденья отмечает друг.

Пусть земля Осетии ликует
в единении братства и любви!
Пусть никто костер войны не вздует,
ибо храм не строят на крови!

Пусть растет мой крестник выше крыши!
Пусть «бланткнот» толстеет всякий раз
от трудов, которые напишет
он про дедов, девок и Кавказ!

Пусть не хватит МАЗов и КАМазов,
чтобы счастье другу доставлять!
Пусть в министры движется Качмазов,
чтобы не просить, а отдавать!

Как Бесо, живи сто лет и дольше –
всем непонимающим назло!
Каждый день имей всего – побольше,
чтобы елось, пилося и везло!

КОЖЕВНИКОВОЙ ТАТЬЯНЕ

Приходит юбилей всегда неожиданно,
но знает он свой час, секунду, миг!
Вот и к тебе он постучал, Татьяна,
в заздравном хмеле всех друзей твоих!

Невольно жизнь свою перебирая
по ворохам больших и малых дней –
ты удивишься: «Вон она какая!
Не зря справляю этот юбилей!»

Прислушиваясь к детскому дыханию,
ловя шумов сердечных перебой,
сама невольно дышишь с замираньем,
как тот разведчик на передовой!

Установить диагноз – лишь полдела.
Принять решение – суть врачебных дел!
Поскольку Это сделать ты сумела,
то быть Врачом – достойный твой удел!

Борьба за жизнь – не красные словечки!
Себя сжигая с каждым малышом –
ты освещаешь детям их сердечки,
чтобы они носились голышом!

Кто сосчитает всех, тобой спасенных,
тех, кто к тебе – своих детей несет:
с соплями, с кашлем, жаром изможденных,
как у иконы исцеленья ждет?

А у иконы имя есть – Татьяна!
Она для всех – «живее всех живых»!
Ей так же трудно: просыпаться рано,
и дел всюю неупроворот – своих!

И сердце перебоит от нагрузок,
и голова кружением полна,
и путь навверх всегда коварно узок,
и в подлости людской не видно дна...

Но ты – превыше козней лизоблюдов,
Живущим так: не людям, а – себе!
Христос простил обидчика Иуду!
Прощать других приходится тебе!

Есть у тебя великая награда –
зазорный смех резвящихся детей!
Не только Тула и горда и рада
за твой по детски юный юбилей!

Как в море нашей жизни неустанно
вливается надежности поток,
так в каждом доме, где была Татьяна,
здоровья пробивается росток!

Как у истока самых бурных речек
находится неведомый покой,
в любой семье найдется человечек,
познавший исцеленье тобой!

Во здравие твое не только нынче,
а каждый день пусть полнится бокал!
Нам за столом не нужен код да Винчи,
чтоб ощутить твоей судьбы накал!

С. К.

Не думай о плохом, наш юбиляр!
Всё хорошо в нескучном нашем мире!
Никто из нас до сотни лет – не стар!
Но сквозь очки – мы видим много шире!
Видней, кто враг, кто друг, а кто – никак!
Слышней весенних нот чарующие звуки!
Понятней, почему вокруг царит бардак!
И почему в беде – не опускаем руки!

Нас не страшит досужая молва!
Не трогает в делах отсутствие участия
со стороны всех тех, кому важнее слова,
а не реальность плеч, держащих наше счастье!
Вступив в июнь, где шестьдесят плюс пять
взметнули стрелки жизненных приборов, –
теперь не стоит широко шагать!
«Науку побеждать!» – не зря писал Суворов!

«Штык – молодец», затем, что «пуля – дура»!
Мы побеждали только в штыковой,
где пешек – нет! Где каждая фигура
за каждый бой ответственна собой!
За каждый год мы отвечаем тоже!
Не скорость и не ширина шагов
в преддверии ста лет – нам не поможет!
Реальность – только в искренности слов!
В спокойном ожидании удачи,
которая когда-нибудь придёт!
В делах детей и внуков! Это, значит,
что нам приятен каждый новый год!

Пусть солнце над Одоевым сияет!
Пусть процветает райпотребсоюз!
Пусть Котов хоть чуть-чуть, но – выпивает,
снимая с нас, пусть не большой, но груз!
Мы за столом не будем суетиться,
команду «выпить» не придётся ждать!
Пусть печени придётся потрудиться!
За главный день! За шестьдесят плюс пять!

КТО И ЧТО НЕ ДАЮТ МНЕ ПОКОЯ

СНова тосты заздравные слышатся,
ИзливАется чувств водопад.
Новой всТрече – ну кто же не рад?
Ясно всем – нАд стрельцами колыШется
Ярких слов и улыбок нАряд.

Говорим то, что жизнью Проверено,
ЛегковеснОстью мы не грешим
И, сЛегка нарушая режим,
НачиНаем застолье - уверенно,
А на финИше – громко Кричим,

Потому что не верим взаимнОму,
Оглушая друг друга Всердцах...
Липкой влагой вино нА устах
Наши губы слепляет по-зимнему
И слова рассыпаются в прах.
Коль стрельцы вылетают дуплетами
Обаяния, мысли, любви –
Век грядущий приходит с ответами,
А исчезнувший век – не зови!

В друзьях надежных – корни наши
крепили деды и отцы.
Теперь и Коля и Наташа –
закоренелые стрельцы.
Ноябрь по-полниковски ясен,
по-новогуровски суров.
Ваш день рождения прекрасен,
для тостов – не хватает слов.
А потому давайте, други,
поднимем праздничный бокал
за счастье Коли и супруги!
За наших добрых чувств накал!

О.Д.Л.

Говорят, что в наши годы
что-то там не так, ребята!
Нужных дел громоотводы
канут в землю без возврата.

Только в жизни есть охота,
как судьбы напоминанье.
Всякая охота – нота,
с необычностью названья.

Есть *стандартная* охота –
зверь, загон, конкретный номер.
Есть закон: не бить того-то,
если он ещё не помер!

Есть *разбойная* охота,
где медведя, лося, волка,
из машины, с вертолёта
убивает – не двустволка!

Есть *прицельная* охота –
то ли в Думе, то ль в больнице.
Там, где цели эти – квота
на понятливые лица!

Есть *веселая* охота,
та, в которой можно выпить,
и бутылку из полёта
жаждет пуля с лёта выбить!

Есть *любовная* охота,
где природа, листья сбросив,
в снег оделась для кого-то
и руки для счастья просит.

Будь здоров, наш седогривый!
В шесть десятков, в семь и в десять!
Бей в десятку! Бей красиво!
Успевай, что будет, – взвесить!

Пусть Москва, Смоленск и Тула –
поздравляют Лукичева!
Юбилеем жизнь взмахнула:
шестьдесят – не полшестого!

Это новых дел начало
в переосмысленье взглядов.
К безнадежности причалов –
нам причаливать не надо!

За охоту жизни нашей!
Пусть в веселье сердце бьётся!
Мушка пусть в сто лет не пляшет
и прицел пусть не собьётся!

ДРУГУ НА СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЕ

Выпьем дружно, братцы, по единой,
ну, хотя бы за сто шесть с полтиной!
Значит, в моей столетний юбилей
сможем вместе экстренно собраться,
в Вашем мирном доме повстречаться,
чтоб крикнуть весело: «Налей!»

Мы тогда сравниваемся годами,
ибо будут сотни за плечами,
ну, а шесть с полтиной – пустяки!
Как всегда твоя жена нас встретит,
лет мелькнувших – просто не заметит,
скажет: «Заходите, чуваки!»

Говорить про семьдесят – не надо!
Столько лет еще идти нам рядом!
Надо жить, не тратя лишних слов!
Будем рады каждому мгновенью:
солнца – свету, ветра – дуновенью!
Ну, а ты, дружище, будь здоров!

ЛЮБЕ

У женщин возраст вымерять не стоит!
У каждой он всегда на свой аршин!
Как тропы в белоснежной вершин,
которые туман ночной прикроет.

И все-таки приходит этот час,
и этот день загадочно спокойный,
когда стучится ваше время в вас,
и хочется столы накрыть достойно!

Собрать друзей, а, главное, подруг,
которым душу вывернуть не стыдно!
Хулу друзей – услышать не обидно,
все потому, что вечен жизни круг!

Любовь – она и в имени, и в детях,
и внуков просветляет мощь любви!
А ты, как мать и бабушка, в ответе
за их покой и счастье, се ля ви!

Супругой быть – нагрузочка – дай, Боже!
За шесть десятков перепрыгнул муж!
Ты, женщина, семейный держишь гуж
и всю семью в руках ты держишь тоже!

За день рожденья Любы и до дна!
Пусть ей легко – нелегкое дается!
Пускай к ней в сентябре придет весна,
и сердца пульс бесперебойно бьется!

НАТАРОВУ

Блести макушкой, мой молочный брат!
Подагра – наша общая любимая!
И, хоть тебе всего лишь шестьдесят,
но боль у нас одна, и – нестерпимая!

Она всегда на подвиги зовёт –
в бутылок звон и мяса поедание.
К нам слава – обязательно придёт:
диете братской суждено признание!

Наш мудрый федеральный казначей,
пусть на банкнотах твой оттиснут образ!
Пришёл половозрелый юбилей,
а не какой-то пенсионный возраст!

Сияет государева казна
национальной радугой проектов.
Пусть нам не достаётся – ни хрена,
зато из КРУ не светится прожектор!

В делёжке площадей блюли мы честь,
уйдя от белодомовских советов!
Отдельный дом у Казначейства – есть!
Есть место у НИИ – без туалетов!

Наполнив жизнью паруса надежд,
мы мчим по датам к новым юбилеям
с улыбкой милых женщин без одежд!
И в шестьдесят, брателло, не стареем!

Всевышний с нами, будто партконтроль!
Блеск лысины – дорогу освещает!
За юбилей! Твоей подагры боль
пять раз постольку жить – не помешает!

С.С.Н.

В глубинах Тулоблздравотдела,
в пучине многотрудных лет,
он плавал долго и умело,
в очках – стекло не запотело,
позволив видеть в завтра свет!

Текли года, менялись «завы»,
«предкомы» и директора.
А он всегда был нужным «замом»,
в вопросах общих – самым, самым,
крутым сегодня и вчера!

Он «на хозяйстве» оставался,
давая «шефу» отдохнуть,
болезням века – не сдавался,
в дождях судьбы – сухим остался,
пройдя довольно длинный путь!

Познав судьбы хитросплетенья
и сплетни всяких хитрецов,
он, хоть испытывал сомненья,
но был под «крышей» Провиденья
и избегал ненужных слов!

В его уютном кабинете
не раз плескали внутрь коньяк!
Плечом к плечу и «те» и «эти» –
сидим на групповом портрете...
(Без «групповухи» – мы никак!)

И что ему круглее даты
сегодня можно пожелать,
пока не очень-то поддаты?
Коль в медицине мы – солдаты,
то наш девиз: «Всегда стоять!»

Пусть солнце – шаром воссияет,
заботы округлив углы!
Пусть холод снежности растает!
Пусть круг друзей его встречает!
Пусть будут полными столы!

А шестьдесят – лишь шесть и нолик!
За цифру с множеством нулей
бокал «по полной» будет «но́лит»!
Всевышний – выпить нам позволит
за «станиславный» юбилей!

ЮБИЛЕЙНОЕ

Сорок лет, словно срок без отсидки,
век двадцатый наметил для нас.
Не бывает на прошлое скидки!
Нашей дружбы костёр не погас!

Было горе, и были потери,
разрывались от боли сердца!
Но в студенческой искренней вере
не бывает плохого конца!

Мы науку с врачебным искусством
совместили в конкретных делах!
И поэтому с искренним чувством
славим общей победы размах!

Бег столетий не страшен коварный!
Узы братства с годами – сильней!
Выпуск наш – навсегда легендарный,
ты столетний пройдёшь юбилей!

СВАДЕБНЫЙ ТОСТ

Стареем мы, взрослеют наши внуки,
идет неумолимо смена вех.
И нет такой премудрости в науке,
чтоб полным счастьем одарила всех!

В застойных буднях прячется возможность
потери чувств, утраты нежных чар.
Вдруг заскулит нелепая тревожность,
и остывать начнет любви пожар!

Но есть у нас – день подлинного счастья,
весной скрепивший – радостный союз,
когда решили Алексей и Настя
вдвоем нести – семьи нелёгкий груз!

Не просто это! Знают, как не просто,
лишь те, кто вместе – тридцать, сорок лет!
За радость молодых грохочут тосты,
но в них всегда скрывается совет!

Дай Бог, по жизни – реже ошибаться!
Учится на оплошностях – чужих!
Друг другу рано утром – улыбаться!
Не обижать родителей своих!

Пусть не покидает вас терпенье!
Пусть гнев – веселья не опередит!
Взаимное друг другу уваженье
пускай избавит от пустых обид!

Пусть сбудутся благие пожеланья –
любви, достатка, искренних друзей!
Пусть воплотятся ваши ожидания
в счастливом смехе будущих детей!

Приходится прощаться с милым детством.
Во взрослой жизни вас удача ждёт!
Чтоб вам от счастья – никуда не деться!
Назад – ни шагу! Два шага – вперёд!

Здоровья вам! Родным и близким – то же!
Запомните одно: мы любим вас!
Пускай Всевышний – в трудный час поможет!
А мы поможем в каждый нужный час!

А.З.Г.

Сегодня сын Азербайджана
свой отмечает юбилей!
Любая дата – долгожданна,
коль мудрость следует за ней!

Отмечена полвека веха!
Чуть серебрится смоль волос...
Залог грядущего успеха –
орлиный взор, кавказский нос!

В усах улыбка притаилась!
(Что за джигит без хитрецы!)
И не одна в него влюбилась,
хоть он годится ей в отцы!

Студенты хирургию любят
за то, что в ней Гусейнов есть!
Он, если скажет, как отрубит,
и ненавидит слово «лесть».

Мечту о клинике лелеет,
в которой – всё: учи, лечи,
где новых знаний ветер веет,
где формируются врачи.

На поле операционном
реализует мастерство,
на основании законном
возобновляя естество!

Он в нашем сложном диссовете –
многоученый секретарь.
На каверзный вопрос – ответит!
Да и в застолье – просто царь!

И, что бы ни было на службе, –
готов всегда вперед идти,
затем, что верен старой дружбе,
не изменяя ей в пути!

Те, кто вчера, как молодого,
его в делах воспринимал,
теперь поют, как про другого:
«Ариф сегодня – аксакал!»

На тропах жизни невозможной
приходится срезать углы,
но в резкости – он осторожный,
наш друг Ариф Зияд-оглы!

Вершины истинной науки
пусть видятся ему всегда!
Пусть вяжут виртуозно руки
узлы священного труда!

Желаем жизни – беспокойной!
Спокойствие – конец пути!
Ведь факел знания достойно
потомкам надо донести!

СЕСТРЕНКЕ

В глуши Сахалинской росли мы, не зная,
что есть на Земле колбаса,
что в Киевской Боярке – школа лесная,
где можно наесть телеса.

Что там, поглощая четыре обеда
в один и недолгий присест,
об ужине будет с друзьями беседа,
кто больше и радостней съест.

Я был чемпионом по скорости жора,
недельный привес – килограмм!
Желудок работал весь день без дублера,
давая нагрузку зубам.

И вдруг, где-то в полдник, пришла телеграмма,
в которой три слова всего.
Слова: «ПОЗДРАВЛЯЮ МАРИНКОЮ МАМА»,
и больше в ней нет ничего.

Какая Маринка? Откуда такая?
И кто я ей буду теперь?
И как я ее по приезде узнаю,
протиснувшись в узкую дверь.

Сестренка росла черноглазым галчонком,
любимым всей нашей семьей
и выросла шустрым не в меру чертенком,
с которым шутить – о-ё-ёй!

Ей стукнуло десять, когда я уехал,
окончив крутой институт,
на поиски опыта, славы, успеха,
увидеть, как люди живут.

Теперь у нее очень взрослые дети,
 работа и Владикавказ.
И солнце по-прежнему яростно светит,
 и так же везет через раз.

Мы виделись часто, и все-таки – редко!
 Барахтались в ворохах лет.
Из старых привычек надежная клетка –
 хранила возможность побед.

В реальности жизни – обыденность быта
 стирала свечение времен,
В грядущих полвека – дорога открыта!
 А все, что случилось, – как сон.

Из Бельгии вдох – от любимого сына
 доносит скрипичный елей.
Двойняшек девчонок ласкает Марина,
 к столу приглашая друзей.

Так пусть ей хотя бы в другие полвека
 судьба улыбнется взахлеб!
А все, что по жизни гнетет человека,
 растает, как снежный сугроб!

В.Д.Д.

Сложилось так, что чей-то день рождения
апрельским солнцем полыхнул по зимности!
На Пасху, в день Христова Воскресения,
когда всё в мире требует взаимности!

Духовное вершится очищение
от тяжких дум, обид, непонимания!
Великий Пост – всеобщее прощение,
и с холодом зимы – весны прощание!

Отделено желанье от возможности –
в науке, в спорте, в жизненных сражениях!
Единство их всегда полно тревожности
при мысли о возможных поражениях.

Но поражений в мире лицемерия,
рефлексов, развивающих хватательность, –
не избежать в потоках суеверия,
а выйти без потерь из них – желательно!

Не цель – чины, регалия и звания!
А средства общей цели достижения!
Ведь, если нет всеобщего признания,
тогда победа – это поражение!

Пушай Всевышний, а не славословие,
льстеца от друга отличить поможет!
Верна поныне старая пословица:
«Платон мне друг, но истина – дороже!»

Проекты, для Руси национальные,
пушай скорее в жизни – воплощаются!
Пушай дела и помыслы реальные
в едином блоке навсегда сливаются!

Дай, Бог, в день Воскресения Христа,
не думая о собственной известности,
сойти к друзьям с житейского креста
в веригах доброты, любви и честности!

В.А.Х.

Когда появился Хромушин
в означенном сорок шестом,
был ход мироздания нарушен
в явление, таком не простом!

В сетях наименьших квадратов,
в запутанных кластерах цифр,
в программах, софтах и дебатах
упрятан был истины шифр!

Общение с водкой и матом
наследственно вредно ему,
но был он достойным солдатом
в большом ВПК¹-ашном дому!

Системщиком стал он и вскоре
добрался до значимых сфер:
в крутой ЦеКаБАшной² конторе –
он главный тогда инженер!

А после грехов перестройки –
судьбу с медициной связал,
считать стал то смертность, то койки,
но быть управленцем – мечтал!

Компьютерный центр возглавляя
в течение бесчисленных лет,
регистры судьбы заполняя,
он жизни – готовил ответ!

Ему МКБ³, как молитва,
а смертность, как вечности лик,
общенье с властями – как битва,
к которой надолго привык!

¹ ВПК – военно-промышленный комплекс

² ЦКБА – центральное конструкторское бюро автоматики

³ МКБ – международный классификатор болезней

Раскрыв информатики тайны,
теперь уже – доктор наук!
Умеет извлечь не случайно
из скрипки чарующий звук.

Что Виктор всегда победитель –
сомнений (по имени) нет!
Он также для всех – вдохновитель
компьютерных новых побед.

О пенсии думать – не стоит!
Об этом вопрос – не стоит!
Но выпить по рюмочке стоя –
Всевышний всегда разрешит!

30 лет

Больницы не зря называются МУЗами*!
Не чужд им волнующий стих!
С микробными можно бороться союзами,
лишь ритмами знаний своих!

Наука плюс опыт – итог гарантируют,
где даже летальности – ноль!
За эти дела вас пускай инвестирует
чужой иорданский король!

Лечить малышей – ваша участь бессонная,
в которой поносы и бред!
Четвертая! Детская! Инфекционная!
Живи в бесконечии лет!

* МУЗ – муниципальное учреждение здравоохранения

ВПЕРЕД!

Для того и даны дни рождения,
чтоб о прошлом услышать отчет,
об истории «руководения»
департаментом наших забот!

Кто сумел, пересилив желания
и московской прописки пакет,
перестроить на Тулу внимание,
чтоб в Росздраве оставить свой след?

По-военному четко и точно:
«Честь имею!» сказать – и пойти
делать дело надежно и прочно
не теряя азарта в пути?

Скептицизма стена – развалилась!
Да! Полковник – облздравом рулит!
В нем научная мысль сохранилась
и хирургом – не просто стоит!

Попадая мечтой о лечении
недвусмысленно в глаз, а не в бровь,
просят дамы его о включении
в нацпроект под названьем – Любовь!

Что природа на нем не вздремнула,
можно смело сейчас утверждать!
Не Москва здесь за нами, а Тула!
Потому и нельзя отступить!

ДВА В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

Десять дней до Крещенья.
Святок сказочных дни.
Год две тыщи седьмой у истока.
В хороводе вращения
выются елок огни,
зажигая рассветы с Востока.

Два крутых мужика.
День рожденья – один!
За столами – извечные тосты.
Крепко держит рука
нарезной карабин.
На кабаньей охоте – не просто!

В этой гонке за зверем
в заповедных местах –
ни пера пусть не будет, ни пуха,
если мысленно сверим
стрелок ход на часах,
обострив ясность глаза и слуха!

Пусть Владимир с Василием –
мощный тандем,
оба два, но в едином флаконе,
будут в деле красивыми,
с ясностью схем,
мчаться в долгогодичном вагоне!

Пусть над ними витает
рождественский свет!
Пусть хранятся они небесами!
Пусть друзьям помогает
Университет!
С остальным – они справятся сами!

З.К.

Размяк асфальт от зноя мая.
Расплавлен воздух городской.
Духовкой жаркой обнимая
тела людей – лютует зной!

Что там египетские ночи?
В России – торжество пустынь!
К воде – добраться каждый хочет,
чтобы увидеть моря синь.

В начале лета ждем прохлады,
а по спине стекает пот.
Любому дуновенью рады
глядим с тоской на небосвод.

От жара мысли разомлели...
Ушел куда-то аппетит...
Исчезла прыть в уставшем теле...
Всяк в тень прибиться норовит.

Насквозь просвечивают юбки,
все больше обнаженье дам.
Жара диктует те поступки,
что в холод нам не по зубам.

Июнь, день первый, детский праздник,
Екатерина рождена!
Ее друзей хороших, разных
ждет рюмка доброго вина.

Дерзай, веснушками сияя!
Будь необычной как всегда!
Год предыдущий провожая,
будь в юности своей тверда!

И в Шарм-Эль-Шейхе шармом лета
сражай скучающий народ,
как и в Москве, в тусовке света!
Пусть Тула в счет твой не идет!

Рождайся каждый год – лет двести!
Не забывай про туляков,
которые всегда на месте
в прохладе самых нежных слов!

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРКИ

*«Верные слова не изящны.
Красивые слова не заслуживают доверия»
Лао-цзы*

Четыре четверки всегда не случайны!
Четыре четверки – по жизни урок!
Четыре четверки мигают свечами!
Четыре четверки – небесный намек!

Четвертым числом обозначены даты,
в которых сплелись не одни рубежи!
Где каждая цифра, как подвиг солдата,
прикрывшего пядь у заветной межи!

Четверг на неделе – по счету четвертый!
Он – чистый! И дождик – его адвокат!
Как жаль, что поездки по трассе истертой
тогда не случилось в родной Тулаград!

На будущий год, в сорок пять, без сомненья
напомнят, что ягодка зреет опять!
А сорок четыре – пора просветленья,
которую долго приходится ждать!

Пусть ДАО велит оставаться в покое,
в молчанье заветное слух обратив!
Мы с вами не знаем, что это такое
и путь наш деяньями будет красив!

Живет в воплощении слов не изящных
их сущность и верность, сомненьям назло!
Все ближе творение дел не пустячных!
И время для них наконец-то пришло!

Пусть корни татарские предков далеких
питают ордынским богатством счета!
Но помыслов пусть не коснется высоких
Желаний мидасовых сверхпустота!

Теперь разберемся, что значит ЭЛЬВИНА!
Раз ЭЛЬ, значит добрый и в кружке хмелен!
А следом – бурлят ароматные ВИНА
наследием сверхвиноградных времен!

Не знаю, при чем тут четыре четверки,
но хочется чарку хмельную поднять!
И пусть мы теперь для Китая – задворки,
но это не повод, чтоб нам не принять!

Четыре четверки – красивая дата!
Четыре четверки – запутанность слов!
Четыре четверки – живите богато!
Четыре четверки – шестнадцать годков!

БОРИСУ ИВАНОВИЧУ ЛЕОНОВУ

Мы от него не слышим стонов,
хотя бывает – все болит!
Борис Иванович Леонов –
ученый муж и эрудит!

Традиционно в день рожденья
собрал весь цвет АМТН*,
с которым счастлив, несомненно,
среди НИИИ эМТэшных ** стен!

Глаза блестят, бурлят идеи,
в походке бойкой легок шаг!
Искусством мудрости – владеет,
а с дамами – султан и шах!

Перспективность в корне видит!
Друзьям своим – душой открыт!
Бездарность мысли – ненавидит!
И в Казахстан нанес визит!

К Армении неровно дышит,
и к разным русским городам!
Все видит, чувствует и слышит,
не знает счет своим годам!

Его визитка мощью дышит!
Мне не забыть ее вовек!
Его регалии нет выше:
Борис – хороший человек!

* АМТН – академия медико-технических наук

** НИИИ МТ – научно-исследовательский институт испытаний медицинской техники

Л.К.

Дао – вечно, неизменно,
 познаваемо частично!
Это путь, который длится
 без начала и конца,
без стремленья к славе личной,
 уподобленной позору,
ибо достижение славы
 страхом выполнит сердца!
И паденье с пика славы –
 это тоже страх извечный!
Тихо к малому стремиться –
 значит многого достичь!
На словах – быть величавым,
 значит, в сути быть увечным!
Ручейком в стремнину влиться –
 бросить в будущее клич!
Мудрый Каменев спокойно
 с высоты глядит в ущелье,
потому что твердо знает –
 торопиться ни к чему!
Он ведет себя достойно,
 не выискивая щелей,
величаво наблюдая
 кто и как идет к нему!
Дао – в вечности пирушек и разгульного застолья,
там, где каждый, как в парилке, без погон и без трусов!
День рождения на Пасху – это праздник хлебосоля!
Значит, Леонид Иванович, будь удачлив и здоров!

КОНСТАНТИНУ ВИКТОРОВИЧУ! ВЕЛИКОМУ ПОБЕДИТЕЛЮ!

Много разных имен из латыни
к нам явилось в смещение веков!
Имена – это код! И отныне
знаем мы, кто такой Судаков!

Константин в переводе – великий!
Но не ростом с Фаросский маяк!
Не владеньем толпой многоликой!
Не в размерах – величия знак!

Он велик по объему захвата
невозделанных мыслью полей,
что анохинский факел когда-то –
подхватил и пронес в юбилей!

Виктор – славный в пути победитель!
Но не в битвах, а в важных делах!
На решающий шаг вдохновитель,
революций творитель в умах!

Нет, не тот победитель в сраженьи,
кто сразил сотни тысяч врагов!
Кто себя победил – без сомненья
величайший по воле богов!

Мотиваций системные корни
кормят память, эмоции, стресс!
Что открыл он – никто не упомянет!
На бумагу ушел целый лес!

Гипоталамо-корковой тайны
вечный смысл распознал Судаков!
Квант системный совсем не случайно
почерпнул из космических снов!

Гениальность – подагры подарок!
Судаковка – подагре сестра!
Юбилей, возлиянием жарок,
будет длиться с утра до утра!

Доминирует главный пейсмейкер –
мотивации верный отец:
ждем кусочек колбаски и крекер,
чтобы стопку поднять, наконец!

Наливая олигопептиды
в генетической браги бокал,
мотивируя мозга флюиды,
пьем за Ваш юбилей, АКСАКАЛ!

Т.В.З.

Склерозом кровотокие загублено!
Я на него свалю свою вину
за то, что в юбилейный день Зарубиной
не прикипел к бутылочному дну!

Корабль надежд в стеклянном облачении
не просигналил «всех наверх свистать!»,
а в обоюдном-искреннем влечении
понесся в море, вечное искать!

Прости, Татьяна, за мое склерозие!
Всевышний! Накажи мой тяжкий грех,
но, чтобы летом душу не морозило,
и нам на пятки наступал успех!

Безмерное мое к тебе почтение
прими, Татьяна, нынче и вовек!
За твой неповторимый день рождения!
За чистоту истоков наших рек!

К.Г.

Гуляет холод по России,
в ночном ознобе города,
но дня и жарче и красивей
мы не встречали никогда!

К суровым скалам Валаама
и незабвенных Соловков
наш общий путь нацелен прямо:
в сплетенье нежно-добрых снов!

Твой день рожденья, Коренькова,
изменит климат на Земле!
К вселенским вспышкам будь готова,
пока бутылки на столе!

Заздравный тост всегда не лишний,
звучит, как колокольный звон!
Услышь наш голос еле слышный
за тыщу вёрст! Но близок он!

Виват тебе, подруга наша!
Всевышний пусть хранит тебя!
В день вновьорожденья Гуль и Саша
с тобой: надеясь и любя!

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Страницы книги жизненной листая
нашел одну, которой только – год!
Купеева Володи внучка – Майя
объектом счастья в майский день цветет!

Взирая удивленными глазами
на этих дней сплошной круговорот,
к Тимуру – папе и к Алине – маме
она на ножках мысленно идет.

Расти в любви родителей и дедов,
приумножая радость их друзьям!
Расти, в пути кручины не изведав!
Дороги ровной, без глубоких ям!

Пуская горит на трассе мирозданья
зеленым светом жизни светофор!
И никогда не омрачит сознанья
препятствий мелких несерьезный вздор!

Пусть гор кавказских мощная преграда
ее от бурь житейских защитит!
Пусть снежных шапок легкая прохлада
на добрые деянья вдохновит!

Пуская Всевышний солнцем согревает
ее здоровья крепнувший росток!
Пусть ей сегодня каждый пожелает
цвести как майский сказочный цветок!

Открыта только первая страница!
Пусть будет долгим многотомный труд!
Нам надо к бесконечности стремиться,
купаясь в счастье радостных минут.

РАХМАНИНУ Ю.А.

Струятся годы как вода
в течение бесконечном.
Дай Бог, крутиться навсегда
в потоке этом вечном!

Водой не стоит запивать
коньяк, ликер и старку!
Водой не будем заливать
пожар шашлычно жаркий!

Пуškai вода стекает с плеч
красивой дамы в душе,
с которой так приятно лечь,
вливая шепот в уши!

Пусть семь десятков лет пройдет
с момента юбилея!
В сто сорок кто-нибудь нальет
здоровья не жалея!

Мы экологию среды
нисколько не нарушим.
Тогда попьем, но не воды!
Бутылку, но осушим!

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ – 70!

Как ты живешь, Технологический,
душой и сутью – молодой?
Твой возраст вовсе не критический!
И не предвидится покой!

В тебе потребность не снижается!
Страна приподнялась с колен!
Студентов тьма – пускай вращается
между покрытых славой стен!

Пусть многократно юбилеится!
Зарплата вырастет в сто раз!
В наш век так хочется надеяться,
что имидж будет – высший класс!

Пускай эпоха созидания
полюбит вас! Пусть знаний свет
на новый уровень признания
поднимет славный факультет!

Что семь десятков? Возраст зрелости!
Как нежной дамы кринолин!
Года искрятся вкусом спелости,
но юбилей всегда – один!

Ю.Н.С.

Для цыгана лошадь – это ветра свист,
вольной воли лёгкое дыхание,
где, дождями вымытый, свежий воздух чист,
где судьбы приходит осознание!

Николай Семёнович! Вот и твой черёд
заступить за планку юбилея!
В шестьдесят – пять лет идут за год!
Стаж растёт. И жизнь нас не жалеет!

Николай Семёнович! Так уж суждено:
жеребцам – конями становиться!
Мчаться вскачь! Иного – иного не дано!
Но не зря приходится крутиться!

Николай Семёнович! Через сотню лет
мы придём к тебе на день рождения!
Так же будет солнце лить волшебный свет!
Ждать друзей – в застолье пробуждение!

Выгнув шею, гривую встряхнув,
вздыбась жеребцом перед кобылой,
будешь ты, на возраст свой махнув,
жизнь творить, как прежде, с юной силой!

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЕДИНОГО ГОСЭКЗАМЕНА (ЕГЭ)

Кто пьет в февральский двадцать третий день
за год рожденья Армии державной,
тот должен знать, что не упрятать в тень
мгновенный юбилей из жизни славной!

Что не подскажет ни один ЕГЭ,
так это – важность для потомков чина:
зав. кафедрой с названьем АиГ*?
Отца иль мужа? Доктора иль сына?

Кого признала сложная семья
всей области известного роддома?
И почему ему от «а» до «я»
все в акушерских таинствах знакомо?

Чего его студенты не молчат,
итоговый экзамен свой сдавая?
Зав. кафедрой, конечно, виноват,
премудростям про женщин научая!

Кем славится глубинная Дубна,
и город Киров, или, просто, Вятка?
Не пишут журналисты ни хрена!
А он и Туле предан без остатка!

Чем можно опыт жизни заменить
подаренный ему в ночах бессонных,
когда узлом к узлу сплеталась нить
в тиши баталий операционных?

Кому мы благодарностью полны
за юбиляра, что от счастья тает?
Родителям! И нет такой цены,
которая их роль определяет!

* АиГ – акушерства и гинекологии

Чему нас учит праздничность столов?
Ценить родных и близких, и друг друга!
Не верить в пустоту цветистых слов,
а только в вечность дружеского круга!

О ком сегодня тостов водопад
гремит в застолье радугой словесной?
О чем сигналиит цифра пятьдесят
своей неповторимостью чудесной?

Вопросов – много. Есть один ответ!
Сегодня юбилярит доктор Волков!
Пусть он живет пять раз по столько лет,
а мы – за ним! Как нитка за иголкой!

К.М.

Там, в вихре гражданской, без лишних базаров –
тачанок кружил хоровод:
строчили «максимы», неслись комиссары
под знаменем красным вперед!

Теперь Комиссаров Максим в «бэ-эм-вэшке»
по Туле холодной кружит.
Диплом кандидатский оформлен без спешки
и в докторство путь не закрыт!

Но, будучи в сути своей осторожен,
скажу незатейливый тост:
«максим» – пулемет! Значит, очень надежен!
А, коль комиссар, то – вперед!

К.Р.С.

Пусть время, будто снежная лавина,
несет нас вдаль, и нет пути назад!
Мы славим день рожденья осетина,
которому сегодня – пятьдесят!

Не знаю, где Стырдон (или Джоджора),
а где долина Козская в горах!
Но выросли на сунженских просторах
потомки тех, кому не ведом страх!

Известно, что кударцы – это скифы!
Что «Царазонта» – воины навек!
В фамилии «Качмазовы» – не мифы,
в ней отразился рокот горных рек!

Добрался Ростислав до перевала!
А там – вершины новые видны!
И пусть в прошедшем сделано немало,
для больших дел Качмазовы нужны!

Есть сыновья – есть продолжение рода!
Качмазовский характер прям и крут!
И, хоть у них бойцовская порода,
но войны – пусть в историю уйдут!

Уастырджи* своим крылом надежным
пускай укроет славную семью!
За этот век, чтоб не был он тревожным!
За юбилей полсотенный я пью!

В двадцать втором столетье – пусть стареет!
Пусть будет с ним бесчисленность друзей!
В три тысячи восьмом пускай созреет,
нас пригласив на новый юбилей!

* Уастырджи – (осет. – Св. Георгий)

А.В.Н.

Стал – меньше есть? И даже – меньше пить?
Все реже слышится его незлобный мат?
Но он с восторгом продолжает жить:
всегда в друзьях, как много лет назад!
Веселый, добродушный великан –
штурмует жизнь отбойным молотком!
Гигантский составляет бизнес-план,
чтобы по жизни было все – путем!
Без лести предан вечности Творца,
и в православье веры погружен!
Не омрачает памяти отца,
в свою семью надежную влюблен!
Не сможет задержать его ГАИ!
Нельзя за мощь и скорость наказать!..
Россия ждет надежных ЖБИ* –
затем, что строить – это не ломать!
Неделин – молод! Шестьдесят – пустяк!
Его донбасский легкий говорок
лишь подтверждает то, что он – туляк!
Что шестьдесят – совсем не долгий срок!
Хребты Кавказа шлют ему поклон!
А Украина – сала аромат!
Степные травы навевают сон...
А пробуждает беспокойный град...
Друзья его рождение нежно чтут!
Тостов сиянье – солнца горячей!
Поднять бокалы выше крыши – ждут!
Пусть будет много водки и речей!
Пускай здоровье пребывает в нем!
Пусть ипотечный кризис – пролетит!
Пусть счастье прибывает с каждым днем!
И пусть везде, и все, всегда – стоит!

* ЖБИ – железобетонные изделия

Б.В.П.

Что бы в этом мире не случилось,
можем ей спокойно пожелать:
«Будь такой, чтоб все вокруг лучилось
раза два еще по тридцать пять!»

Акушер по долгу и призванию!
Ей не нужен приторный елей!
Просто, как аккорд существования,
наступил серьезный юбилей!

Вроде рано прошлое итожить!
Только годы шепчутся внутри:
«Хорошо бы лучшее – умножить,
а плохое – насовсем сотри!»

Правда, жизнь – является сплетеньем
многогранных чувств, событий, дел,
и – непониманьем, и – прощеньем...
Прошлого – немыслим передел!

С Юрой рядом – и жилось спокойно.
Труд в Египте был совсем не сон –
в зоне усыпальниц фараонов,
где песок от зноя раскален.

Нет его! Есть сын Вадим. Подруги.
Внучка Настя рядышком растет.
И не так уж тягостны недуги,
хоть в работе – множество забот.

О подругах – поподробней надо.
С Аней и Тамарой – столько лет!
Понимать умеют с полувзгляда,
и помогут, и дадут совет.

Есть и Лора, есть и сослуживцы,
всех роднит родной родильный дом!
Не беда, что старше стали лица,
им работа – просто нипочем!

Акушеры долгими ночами
искренне несут свой тяжкий крест.
Оценить себя не могут сами
повитухи Тулы и окрест!

Бабич знают тысячи рожденных –
взрослых, юных, и совсем мальцов!
Множество коленопреклоненных
бабушек, и дедов, и отцов!

Слава ей, простой и вдохновенной!
Пусть здоровье, счастье и любовь –
станут состояньем не переменным!
Мы за это рады выпить вновь!

В этом мире вечного движенья
надо в завтра твердый курс держать!
Мы поздравим Бабич без сомненья
раза два еще по тридцать пять!

Б..Л.

Тебе всего лишь два по тридцать!
В пути – не жми на тормоза!
Сумей премудрости напиться,
как виноградная лоза!

Потомков пусть растёт плеяда!
Пусть в стороне гремит гроза!
Быть стойкой и красивой надо,
как виноградная лоза!

На перепутьях жизни нашей
смотри судьбе глаза в глаза!
С годами будь милей и краше,
как виноградная лоза!

С.Г.Д.

Генералиссимус Суворов
в своей «Науке побеждать»
дал схему действия, в которой
есть принцип: «Только наступать!»
«Назад ни шагу!» Ретираду
не мог в бою он допустить.
Свои победы, как награду,
сумел России он вручить!

Но древней мудрости писанье
предвосхитило наши дни,
где есть болезни и страдания,
надежды тающей огни...

Не тот великий победитель,
кто полчища врагов сломил!
Не тот в бесстрашии воитель,
кто тысячи голов склонил!
Тот главный в битве победитель,
кто победить СЕБЯ сумел,
кто вдохновитель и вершитель
своих, но к телу близких дел!

Себя преодолеть – не просто
сквозь скрип зубов, сквозь кровь и пот,
когда следы от боли острой
ведут на много дней вперед!

Суворовы – такое племя,
в котором стержнем – побеждать!
И, оседлав лихое время,
его чуть-чуть опережать!
Молва летит быстрее звука,
что есть суворовский секрет!
Суворов – для друзей наука,
где есть и метод и предмет!

Б.

Пусть льется время в чашу бытия
секундо-каплями, часо-потоками,
но не иссякнет мощная струя
и нашу жизнь не ограничить сроками!

Совсем не старый «Старый дворик»^{*} наш!
Тут не при чем февраль и день рождения!
Когда по жизни вечный ералаш,
в крови играет детства наваждение!

В крови играют также сахара!
На день рожденья надо им расслабиться!
Пускай простят коллеги доктора,
но сладкий путь не только мухам нравится!

Нам «Красной книги» в жизни не видать!
С Баклановым мы лишь чуть-чуть бакланы!
Пришли его поздравить и обнять
эротики и секса ветераны!

Пусть он живет пять раз по пятьдесят!
Пусть у него не гнется, не ломается!
И пусть всегда, как много лет назад,
от взглядов женщин что-то поднимается!

^{*} «Старый дворик» – ресторан в Туле

Б.В.

Нас упрекают в жизни сладкой
за то, что с ночи до утра
в густой крови, на сласти падкой,
вовсю гуляют сахара!

Бывало, что и мы гуляли,
хлебали водку, а не чай,
но разум свой не пропивали,
когда кричали: «Наливай!»

Мелькнули шестьдесят с полтиной!
А это вам – не двадцать пять!
И все же горькости осинной
не подсластить, не оправдать!

Вся наша жизнь – «картина маслом!» –
в Одессе кто-то говорил.
Что было в прошлом – не напрасно!
На завтра бы хватило сил!

Судьбы помпезное крещение
на нас оставило свой след:
то переломов не сращенье,
то непокорный диабет!

Но для унынья нет причины!
Весна берет свои права!
И не случайно у мужчины
от женщин – кругом голова!

Пусть шестьдесят с полтиной станут
началом будущих дорог!
Пусть нас болезни не застанут
ни в одиночку, ни врасплох!

В.А.

Кто в химию приоткрывает двери,
ребят впуская в Университет?
Алферов! Не Жорес, а наш Валерий –
естественнонаучный факультет!

Он там деканит, отдыха не зная,
но на охоте – может пострелять!
И, в сердце зверя метко попадая,
валентностей не будет занимать!

Вращаясь электроном по орбитам,
меняет их намеченным путем,
врываясь элементом не открытым
в зияющей неясности пролом!

Он и на фото, и по жизни – молод,
но тоже шесть десятков разменял!
Ему не страшен пенсионный холод,
хотя и носит званье – аксакал!

Пусть удастся в бытовой текучке
вершить лавину многотрудных дел!
А в наших дней невиданной толкучке –
пусть не собьется жизненный прицел!

Л.И.К.

В апреле – дома не сидится!
Настала черед а удач!
Есть юбилейная больница!
Есть юбилейный главный врач!

Название – на весах не взвесить,
но можно тулякам сказать:
есть МУЗ больница номер десять,
нет – медсанчасти номер пять!

Хотя строителей творенье
стоит в Мяснове много лет,
мы отмечаем день рожденья
не как вчерашний пыльный след!

В ней изменилось содержанье!
Не нацпроект, а, как и встарь,
придал ей новое звучанье
больницы опытный главарь!

Но нацпроект был тоже нужен!
Где деньги есть – вопросов нет!
А новый имидж был заслужен,
как символ будущих побед!

Главарь старался быть полезным,
берясь за уйму разных дел!
Взвалил на плечи профболезни,
и в этом славно преуспел!

Но вот «спасибо!» – не дождался,
затем, что гнуться не умел!
В «Заслуженные» не прорвался –
лизать кому-то не хотел!

Боксерский навык не забылся,
умеет он держать удар!
В атаках жизни – не раскрылся!
И в сердце – негасимый жар!

Большой знаток литературы!
Неутомимый книгочей!
Он знает тайны партитуры
волшебной музыки ночей!

Любитель странствий по Европе,
Россию всю исколесив,
не может он сидеть на ж...е
под балалаечный мотив!

Белеют в Петербурге ночи,
над курским полем зной кипит,
на Мальте он – когда захочет,
и в пражских кабачках сидит...

Своих друзей – большой ценитель,
спешит на помощь к ним придти!
Он всех поэтов вдохновитель,
и к музам может путь найти!

Быть может дом в глуши Мяснова
наш друг достроит, наконец?
Но, а пока не все готово,
дарю отделки образец!

НЕГАЙНОЕ, ЮБИЛЕЙНОЕ

Пусть, как и прежде, я на «Волге» еду,
а он на джипе трассой шелестит,
но над годами праздновать победу
Всевышний никогда не разрешит!

Вот и еще одно десятилетие
на мониторе высветилось вмиг!
Густеет нашей памяти соцветие,
слова грустнеют сквозь веселый стих!

Сменилась анекдотная тематика,
настигла зрелость с цифрой шестьдесят!
Сложнее стала жизни математика,
хотя глаза по юному горят!

Пускай вовек реформы пенсионные
не омрачат друзей моих житьё!
Пускай они проблемы миллионные
решают вмиг и разом, ё-моё!

Хотя нам ждать «чего-то» не приходится,
надежду прошлых дней – не подведем!
Пока идеи свежие находятся,
обвалы рынков мы переживем!

Негая голос в телефонной трубке
пускай, как прежде, гонит скуку прочь!
И пусть коленки из-под мини-юбки
влекут его, как в юности, точь-в-точь!

Желая в юбилеи долголетия,
Всевышнего не будем напрягать!
Трудись, Володя, до конца столетия
и от друзей не думай отдыхать!

ОПЯТЬ БОЛЯСОВ НАРОДИЛСЯ!

Грешить нам можно! Только – в меру.
Тем более – в Великий Пост!
Но, как не сочинить, к примеру,
Болясову заздравный тост?

Он, пальцы на ходу теряя,
про день рожденья не забыл!
«Стопарь» в застолье поднимая,
живет не из последних сил!

Хоть должность с плеч его свалилась,
Володя знает свой удел!
Когда бы, что бы не случилось,
он не останется без дел!

Теперь, конечно, реже – кошки
зовут на крышу погулять.
Людмила – свет в его окошке!
На том и будет он стоять!

Но от весны – не отвертеться!
Пусть ночью царствует мороз!
А в воздухе – витает детство
и навевает радость слез!

Вином бушует сахар в венах,
забраживая новый день!
И, вроде бы в привычных стенах
нам поднимать бокал не лень!

Опять не помню, год, который
сегодня надо отмечать!
десятилетия повторов
мне ни за что не избежать!

Всевышний этот тост услышит
и новый век подарит всем!
Пока весна над ухом дышит,
живи, Володя, без проблем!

СЕРЁЖЕ

Морской волчара туго знает дело:
на камбузе – он просто адмирал!
Работать, жить, и есть, и пить умело –
никто его тому не научал!

Умеет сам в фарватере надежды
свой курс неповторимый выбирать,
быть мареманом в жизни, как и прежде,
но дело инкассаторское – знать!

Для обороны – жало Скорпиона!
Ведь хватка деловая – это бой,
в котором держит свой престиж до стона,
презрев ночей бессонье и покой!

Ведёт корабль семейный по фиордам,
держа свои семь футов под килём!
Он прав в стремленье праведном и гордом,
чтобы по жизни было всё путём!

Пусть склянки бьют, листая время вечное!
Пусть льётся ром в небьющийся стакан!
Пусть наши чувства нежно-человечные
хранят тебя в походах, мареман!

«ПОКА ДЫШУ, НАДЕЮСЬ!»

«*Dum spiro, spero!*» Этот постулат
веками обнадеживал науку!
Дыханию надежды всякий рад,
кто чувствовал в беде поддержки руку!

Источник мудрых, сокровенных слов!
Фамилией на «А» своей – бессменной
не только в списках первым быть готов,
но и в науке – лидер неперенный!

Известен Николай Агаджанян
многочастотным спектром направлений!
И глубиной, как озеро Севан!
И значимостью – выше всех сомнений!

Эколого-этнический раздел
и хроно-медицинские проблемы,
и авиакосмический задел –
нет для него необозримой темы!

Из-под густых, насупленных бровей,
как будто Мефистофель грозных правил!
Ну, а на деле, нет его – добрей!
Ведь он учеников – собой составил!

Восьмой десяток – разменяв в пути,
стремится вновь к познанию Вселенной!
Пускай здоровье сможет он найти,
блуждая по тропинкам жизни бренной!

Пусть этот век пройдет в лихих боях
за философских истин разноцветье!
И громогласно, как обвал в горах,
нагрянет тост грядущего столетья!

СЕРЕБРЯНЫМ ЮБИЛЯРАМ

Серебряная свадьба в феврале –
струны волшебной звонкое дрожанье,
предчувствие несыгранных ролей,
грядущей светлой музыки звучанье!

Пришло, как сон, девятое число!
Скользнуло время, словно с горки сани!
И, вдруг, в потемках жизни рассвело,
как будто солнце вспыхнуло в тумане!

Галина и Владимир – два в одной
семейно-прочной и красивой связке!
Им – двадцать пять, их возраст – проходной
в день завтрашний, где золотеют краски!

Не зря у Гали в этот самый день
случился факт явления народу!
Двойное счастье отмечать не лень
друзьям, привыкшим пить не только воду!

Нам «будьмо гэй» кричать не привыкать,
хоть до исхода века не смолкая!
Но юбилей положено встречать,
под крики «горько» стопки поднимая!

Пусть будет сладко в ваши двадцать пять!
Пускай у дочек будет все в порядке!
Пускай не надоест друзей встречать!
Пусть счастья куст растет на вашей грядке!

В.Л.Г.

Когда от флагов в небесах бурлило,
на площадях горланил Первомай,
тогда на свете появилась Мила,
улыбкой озарив российский край!

В двенадцать лет я Милу, было дело,
на чернской речке чуть не утопил!
Когда она верхом на мне сидела,
а я по дну на берег выходил!

Потом росла Никифорова Мила –
отличница, красавица – без слов!
Москву и всю округу покорила,
и многих, говорят, лишила снов!

Варфоломеева теперь в стране известна:
труды в науке, монографий строй.
Сложнейших операций, скажем честно,
освоить не сумел никто другой!

Успела много натворить на свете:
хирург, доцент, пока что – кандидат,
но докторская мантия ей светит!
Ее глаза по юному горят!

Она в движенье, в поиске, в полете,
растит девчонок, бабушка и мать!
Моторнее ее – вы не найдете!
Вот только не умеет отдыхать!

Пусть юбилей пройдет. Еще не поздно
осмыслив все – решения принимать!
Мы верим, что парад наступит звездный,
ведь через столько – юбилей опять!

АШОТУ

Мы ехали к Ашоту пиво пить
не потому, что пива было мало!
Умели жить, творить, любить, дружить,
но все-таки чего-то не хватало!

Благословенный Ленинский район
не именем вождя стал в сердце вбитый!
А тем радушием, которым был силен,
встречая нас своей душой открытой!

Так пролетели тридцать с лишним лет,
в которых мы встречались, но не часто.
Мужал Ашот, крепчал его совет,
но он не лез в высокое начальство.

Одним из старших стал в своей среде,
но также скромнен и чуть-чуть застенчив!
Армянскую диаспору везде
он прославляет! И величье женщин!

Его мужской характер прям и крут,
а шесть десятков – возраст переходный.
Его домой гурьбой потомки ждут,
и сам он весь – проект международный!

«Поэт в России – больше, чем поэт!»
Нет армянина – больше армянина!
Масис – вершиной отражает свет!
Ашот и мы – прекрасная картина!

От этих истин стало вдруг тепло,
а юбилей – прохлада от Севана...
Дай Бог, чтоб это чувство не прошло!
Дождемся счастья поздно или рано!

Мы в вечном равновесии судьбы,
бывает, вдруг рванемся, что есть мочи...
Но по законам не земной борьбы
судья Всевышний скажет нам: «Не очень!»

И мы, в душе нажав на тормоза,
его совет воспримем, как награду.
Пусть еще огнем горят глаза,
не одолеем вечную преграду!

Нам двести лет – не суждено прожить!
Сто тридцать – в этот срок реально влиться!
За это можно бесконечно пить!
Живи, Ашот, два раза по сто тридцать!

П.Л.С.

Нас на счетчик жизнь поставила,
сеет пули пулемет!
У его обоймы правило:
за патрон – ушедший год!

Пусть обойма не кончается!
Будет вечным ворох лет!
Пусть здоровья – прибавляется,
ну, а нездоровья – нет!

Пусть на Кислой этой улочке
будет сладко сотни лет!
В каждом тульском закоулочке
пусть горит удачи свет!

Стань пра-пра-пра-пра-прабабушкой!
Будь любимой женой!
Будь с друзьями! Ну и ладушки!
В общем – будь сама собой!

БОЛЬНИЦЕ СМП

Сто лет Ваныкинской больнице!
Истории не слышен шаг:
мелькнули даты, судьбы, лица,
и вот уж сотая страница
перевернулась на глазах.

Купец Ваныкин – спонсор главный,
мечту в реальность воплотил:
народ казенный и державный,
талантами и пьянством славный, –
свою больницу получил!

И ясным днем, и поздней ночью,
когда чего-то заболит, –
найдется тот, кто похлопочет,
спасти от недуга захочет,
и, может даже – исцелит!

Так здравствуй, скорпомощная,
еще раз пять постольку лет!
Для туляков всегда родная,
и для приезжих – не чужая,
нужней тебя – больницы нет!

ГРЯЗЕВУ В.П.

Туман на камнях расщелин
окрасится кровью зари,
когда по намеченной цели
бабахнет ГШ двадцать три*.

На суше, на море, в полете –
для пушек преград не сыскать!
Надежнее их – не найдете,
а скорость – нельзя посчитать!

ГШ триста первая крутит
стволом сотни раз фуэте!
Она – «балерина», по сути,
но бьет, как кулак в карате!

Когда шестиствольная пушка
в секунду плюет столько пуль, –
сдвигается крышки верхушка,
а мысли сбиваются в куль!

Пушай, не всегда справедлива
страна – к сотворившим ее!
У мудрого – есть перспектива!
Он Дело свершает свое!

Великий знаток он и Мастер
всех тонкостей пушечных дел,
Надежен, не лезет во власти!
И верен, как прежде, прицел!

Кто он, оружейник наш знатный,
творец скорострельных стволов?
Ответ однозначно понятный:
он – Грязев Василий Петров!

* ГШ – скорострельная пушка Грязева – Шипунова

СЫНУ

Ноябрь заглодел! Морозец лёгкий...
Упратал в небыль жало Скорпион...
Твой сын упрямо набивает строки –
к компьютеру давно приучен он.

Со мной сверяет лишь правописание,
и то всего три раза за процесс.
Он очень хочет воплотить желанье –
дарить добро и не лохматить стресс!

Похож он на тебя своей улыбкой
и знанием мне не подвластных тем!
С тобой легко пройдёт тропинкой зыбкой
без тягот навалившихся проблем!

Платить долги – нелёгкая наука!
Отцовский долг – вне времени и дат!
Спасибо за старательного внука,
в котором видеть сына очень рад!

Любви моей, как Космоса – безбрежность!
Как Солнца жар – его не остудить!
Наследство – это внутренняя нежность,
та теплота, с которой легче жить!

Сто тридцать семь тебе я пожелаю,
как минимум сыновний, раскрутить!
а остальные годы добавляю
до цифры той, с которой можно жить!

ПЕСНЬ О ФУДИНЕ

Вместо отдыха у моря, вместо зарубежных далей, между Тулой и Москвою он летит на «Мерседесе», вечно странствующий рыцарь.

Привязным ремнем пристегнут, вместо водки пьющий воду, мчится он, и тучи слышат гул спортивных анекдотов. Вспоминает он про лыжи, на которые поставить умудрился Тягачева, только тот его не понял, и, решив, что все умеет, с Президентом стал кататься (а теперь с Премьер-министром!) «Преуспев в Олимпиадах, стал для всех недосыгаем, но мешал ему Фетисов. Как-то он с Мутко поладит?» Так в раздумье мчался Коля, перспективой окрыленный.

То в Правительство «маявву» пишет он в большой надежде, то с министром-футболистом ищет встречи он случайной. Пишет, но никто не слышит скрип души его спортивной. С Институтом физкультуры сопрягал образование, в Академии пытался спортом высших достижений удивить кого-нибудь. Только денег на науку выделять никто не хочет, потому как есть, на случай, «кэш» по имени «Газпром». Вот и пусть он выделяет то на выигрыш «Зенита», то на Дика Адвоката. Только Хиддинку, конечно, пусть не платит ни шиша.

В мыслях Фудина – Вигдорчик с незабвенным Мединцентром и Корягиным в придачу. ГлавУПДК Сергеев – мощный наш Иван Иванович, чрезвычайно полномочный вдохновитель встреч ученых и Ученого Совета. Вице-президент Григорьев, РАМН и РАНа академик, улыбается спокойно – весь в мерцании галактик и космических пучин. Вспоминает Судакова, но рецепта «судаковки» до сих пор, увы, не знает, а нормальный физиолог – «судаковке» верный брат.

Где-то дальше бородатый, лысый, толстый, с диабетом – старый друг его, подагрик, сквозь очки глядит на небо. Он летать уже не может, да и ползать тоже трудно, потому стихи читает в день рождения Николая. С ним веселый ректор Грязев, джентльменской статью лихо покоряющий девчонок.

Что-то! Скоро будет что-то! Значит, ничего не будет! Только в ночь и до рассвета также будет мчаться Коля на известной всем машине по изъезженной дороге меж друзьями и надеждой в день рождения сто второй!

ЗВОНОК НЕГАЯ

Звонит Негай всегда конкретно:
то анекдотом оживит,
то вдруг прочтет стишок запретный,
или на «стрелку» пригласит!

Он на собрание, конечно,
собрал не просто грешных нас!
То ли соскучился «сердешный»,
то ли в долгах чужих увяз!

Он, как и был, всегда «в законе»,
«базар фильтрует» – только так!
А это в нашей тульской зоне –
важней финансов, как-никак!

Менять названия – привычно!
Пусть «Тулабанк» закрыт давно,
но вот друзей (я знаю лично!)
он не меняет на г...о!

С Негаем – даже смерть красива!
Пусть кризисный маячит бред –
пока жива «Альтернатива» –
для нас альтернативы нет!

ОТ ТУЛЫ ДО МОСКВЫ

Московский кремль
из глубины веков
в грядущий век
сверкает куполами,
как будто бы капель
весенних снов
в течение рек
вливается ручьями.

Становишься взрослее и мудрей,
уже своих учеников плеяда,
но пятьдесят – нормальный юбилей
для тех, кому по жизни что-то надо.
Напрасно седовласая пурга
в июльский жар пытается ворваться!
У моря – бесконечны берега,
а в их фракталах – трудно разобраться!

Нет горизонта у морских широт,
как нет предела делу хирургии!
Да и наука – новых истин ждёт,
когда на смену нам придут другие.

От Тулы до Москвы недолог путь,
но по Москве – движение крутое!
Сумей с пути до цели не свернуть,
а, значит, не видать тебе покоя!

Московский кремль
из глубины веков
в грядущий век
сверкает куполами,
как будто бы капель
весенних снов
в течение рек
вливается ручьями.

СОГМА, но для нас – СОГМИ!

Звучит по-женски: «*alma mater*»,
но по-мужски – есть институт!
СОГМИ проложен был фарватер
к значенью нынешних минут!

Пусть он – семидесятилетний,
седой, но вечно молодой,
снегами гор фильтрует сплетни,
не погружается в застой!

Пусть будут разные начала,
как равновесье «инь» и «ян»!
Чтоб Академия стояла,
как горный пик, презрев буран!

Чтобы наука расцветала
альпийским праздничным ковром!
Чтоб солнце истины сияло
в делах, исполненных добром!

Пусть академией зовется,
или ещё не знаем как!
Но «*alma mater*» остается,
как вечный путеводный знак!

Прими все наши поздравленья!
Пожатье крепкое руки!
С днем юбилейного рожденья!
Ура! Твои выпускники!

ТРИ БОГАТЫРЯ

Где кончаются моря,
посреди полей России,
жили три богатыря:
благодушием красивы.
Молодецкие дела
им судьбой вершить досталось.
А, усевшись вокруг стола,
елось им и выпивалось.
Старший – Муромец Илья,
с ним – Добрыня, сын Никиты.
Сказами про Соловья
с громким свистом – были сыты.
Тихий, как в скиту монах,
рядом – Алексей Попович.
Он в сраженьях и боях
от врагов не прятал очи.
Пограничники Руси
в возрасте серьезном были.
С кличем: «Ой, вы, гой еси!», –
добры молодцы кутили.
Доставали булавы,
на лихих коней садились,
не склоняя головы –
мимо леса проносились.
Громким свистом Соловей
проводил их из дубравы,
но сообщество друзей
не искало быстрой славы!
«Пусть, охальник, посвистит!
Все равно охрипнет скоро!
На головку инвалид –
не объект для разговора!

Или в сауне крутой
с шипом пара на камнях
проводили час, другой –
«за судьбу» меняясь мнением.

Хруст капусты вилковой
с салом, с отварной картошкой,
был вкуснее, чем с икрой,
даже, если черпать ложкой!
Богатырская стезя
и застолье – вместе слились,
потому-то все друзья
собственным трудом гордились.
На работе допоздна
отдавали долг Отчизне.
А она, хоть и родна,
их не баловала в жизни.
И Добрыню, и Илью,
и Алешу, без сомненья,
ей послать на букву «ю»
было просто наслаждением!
Ждать за подвиги наград –
богатырь никак не может!
Он жене и детям рад,
в остальном лишь Бог поможет!
Уходя в дозор ночной,
на «хозяйстве» оставляли
тех, то ладил им покой,
и не буйствовал в печали.
Охраняли их тылы
жены: Гуля, Валя, Вера.
Тех, кто накрывал столы
хлебосольно и умело.
Кто встречал их поутру
со следами бранной ночи,
кто и в холод, и в жару
их ругал не так, чтоб очень!

Кто доверием не тих –
обнадеживал дружбáнов:
и помятых, и пустых,
после дюжины стаканов!

Раз, наслушавшись тостов,
на цыганском дне рожденья,
их восславить был готов
друг четвертый с уваженьем!
Но с Добрыней укатил
без следа и объясненья,
чем, конечно, породил
и смятенье, и смущенье.
Лишь Алеша и Илья
с Гулей, Валеи были вместе
в заповедных тех краях,
где фазаны на насесте,
где гусей и кур не счесть,
виноград зимою зреет!
Там, где знают слово – «есть»,
да и честь свою имеют!
Там в заботливых руках –
все надежно, без сомненья!
Соловей там – просто птах,
не свистит, а трелит пенье!
Там Попович Алексей
вместе с Валеи балом правит,
восхищению друзей –
просто места не оставит!
Богатырь в законе – он!
Ждет своих коллег по жизни!
Пусть шампанского баллон
на его усадьбу брызнет!
С Новым годом! Быть добру!
Богатырским женам – слава!
Флаг струится на ветру,
значит, крепнет мать-держава!

ЧЕТВЁРТОМУ БОГАТЫРЮ

В апреле небо посветлело,
туман поднялся из низин...
Не зря собрал друзей «на дело»
вновь народившийся грузин!
На «Хомяковские поляны»
кортеж автомобилей мчит.
А гости, хоть не очень пьяны,
скрывают зверский аппетит.
В понятие «кризис» – много дури!
Известно всем, как дважды два,
что в Туле, где живет Цкипури,
житуха слаще, чем халва!
Трещат от изобилия брюки,
и юбки – тоже не висят!
И на коленках женских руки
не по похмельному дрожат!
Сегодня – просто тренировка:
грядет предъюбилейный год!
Наш Юра, хоть и полукровка,
грузинам даст лет сто вперёд!
Цкипури в жизни – не агрессор!
Интеллигентен, знаменит.
Он и политик, и профессор,
в застольных тостах – эрудит!
Пусть хачапури и Цкипури
всегда кончаются на «ри»!
Мы тоже в тостах – не халтурим,
не прячем искренность внутри!
Профилактических прививок –
не будем делать от друзей,
от женских ласк, любви, улыбок
и от прирученных зверей!
Что грипп свиной, людской и птичий?
Нам на заразу – начихать!
За Юру – речи, тосты, спичи!

Есть что ему и как сказать!
Илья, Добрыня и Алёша –
богатыри всяя Руси!
Но ты четвертым станешь все же,
туляк кавказский, гой еси!
Пусть богатырское здоровье
не тяготит тебя зазря!
Прими наш братский тост с любовью!
И подпись – «Три богатыря»!

Р.Г.П.

*«Нас ничем нельзя удивить,
кроме как хорошим отношением друг к другу!»
Один мудрый армянин сказал.*

Слова – лишь серебро! Молчанье – золото!
Поэтому тостую молча я!
Полста плюс пять на вечности наколото,
в которой сутью – жизни толчея!

Ты – тульский меценат. И это – главное
среди других незавершенных дел!
Бездонна чаша доброты заздравная!
Быть меценатом – это не предел!

Не отрывайся от друзей надежности!
Не в высших сферах истины зерно!
Наука – путь проложит в бездну сложности
и даст бессмертье людям все равно!

Мы от тебя не ждем вливаний спонсорских!
Меняться не умеем баш на баш!
Но будь уверен в наших чувствах донорских!
Здоровым будь, армянский символ наш!

ФУДИНУ Н.А.

Не спотыкаясь в джунглях стресса,
идет по жизни, как таран,
москвич сибирского замеса,
спортивных схваток ветеран!

Трибунный рев Олимпиады,
как гром знамения небес,
ему был выше, чем награды!
Волшебней – сказочных чудес!

Из сплава спорта с медициной
отлит его судьбы каркас!
Он – жизнелюбия лавиной
извечно покоряет нас!

Был с чемпионками в Элладе!
Гребцов – на подвиг вдохновил,
привел их к золотой награде!
Умерил допинговый пыл!

Пути его не заржавели!
Он мчит по ним вокруг Земли!
В его друзьях медведь Карелин!
Знаком с Мохаммедом Али!

Зилов, Григорьев, Черномырдин,
Вигдорчик, Пальцев, Судаков...
Круг дружеский надёжный – виден:
Фадеев, Резник, Комаров...

Им несть числа – друзьям хорошим!
Быть в их когорте – долг и честь!
Давно меж ними жребий брошен!
Достоинств их – не перечесть!

А он идет сквозь джунгли стресса,
по долгой жизни, как таран,
москвич сибирского замеса,
спортивных схваток ветеран!

ФОМИЧЕВУ В.Ф.

Не зря орел с кавказских гор
прилажен к дому Фомичева!
Пускай туляк он с давних пор,
но к дальним странствиям – готовый!

Его найти я не рискну:
то в Карловых он чьих-то Варах,
то представляет всю страну
среди заморских пивоваров!

Он Аннушку боготворит,
Оксану с Ольгой – обожает,
зятьев напрасно – не журит,
а с внуками – так просто тает!

Пивная пена облаков
на склонах вечного Казбека
с альпийской свежестью лугов –
его зовут к вершинам века!

Пусть в многоточии годов
судьбой рисуются картины,
чтоб слышал горных речек зов
и шум промчавшейся лавины!

Чтобы увидеть он сумел
праправнуков своих далеких!
Чтоб ел и пил – что захотел
и в Туле и в горах высоких!

А семь десятков – это так:
пора мужания и силы!
Когда во всех делах мастак,
то юбилеи все – красивы!

Т.А.Ф.

На двоих – нам всего-то 130!
Ты опять догоняешь меня,
хоть и некуда нам торопиться,
свой покой от склероза храня!

Были – званья, награды, медали!
Но, превыше карьеры нам – честь!
Быть самими собой – не устали!
И по жизни уверенность – есть!

Брат любимый мой Толик Тесленко!
Вряд ли жизнь отразиться в словах,
если наши Виталька и Ленка
на твоих вырастали глазах!

Вот и Ромке – за сорок хватило!
И Оксанке – за тридцать давно.
Милых внучек растишь, дай Бог силы,
но не старишься ты все равно!

Поясница? Ну что тут поделать?
Становой не заменишь хребет!
Позвонки в поясничном отделе –
пусть хрустят еще столько же лет!

Много выпито нами горилки –
и в Донбассе, и в Тульских краях!
Не случайно затуплены вилки
о закуску на братских столах!

Мы друг друга хвалить не устанем
наяву, и в умах, и в словах!
Будем вместе на общем майдане –
там, где дружбы колышется стяг!

Издалёка, как вестница счастья,
появилась сестра в юбилей!
Нет подарка ценней, чем участие
в общем круге любимых людей!

Юбилейность стола – не напрасна!
Можно плакать, смеяться и петь.
Наше завтра – светло и прекрасно!
Мы должны еще, брат, поскрипеть!

И не важно, что взвизгнет «печенка»!
Только, Толик, сегодня – налей!
Прокричим, будто в юности звонкой,
лозунг наших сердец: «Будьмо, гей!»

Б..Л.

В октябре то дождит понемногу,
то от солнца тепло набежит...
Продолжается жизнь, слава Богу!
Есть желанья! Не плох аппетит!

Пусть забот неподъемная груда
станет легкой, как чашка с водой!
Улыбайся, Болясова Люда!
Оставайся – всегда молодой!

В день рождения ты, как обычно,
собираешь друзей за столом.
Приготовлено все на «отлично»!
Как и раньше – с душевным теплом!

Пусть отстанут и грипп, и простуда,
диабет и сердечный разбой!
Будь здоровой, Болясова Люда
с комсомольской задорной душой!

Дети, внуки – великое чудо!
В никуда отступает беда!
Будь счастливой, Болясова Люда!
И любимой друзьями – всегда!

ФУДИНЫМ А. и В.

Всё в этом мире временно и бременно,
но есть одно незыблемое чувство:
оно приходит током переменным,
но станет постоянным, как искусство!

Андрей и Вера! «Ян» и «Инь» по сути,
вы – воплощенье вечного движенья
сумели в нашей беспросветной мути
найти родник святого очищенья!

Биенье двух сердец – всегда загадка!
Неужто не мешаются друг другу?
Когда им горько – это, значит, сладко,
виток любви по жизненному кругу!

Биенье двух сердец – всегда синхронно
взаимопотенцирует удачу,
как будто радость синхрофазотроном
умножена с улыбками в придачу!

На шарике земном границ не будет
для тех, кто строит свой семейный терем!
Так пусть всегда и всё у вас прибудет!
И, дай вам Бог, не ощущать потери!

Пусть будет «Горько!» за столом единым!
Вам можно не стесняясь целоваться!
Приятно, что родительским сединам
случилось счастья вашего дожждаться!

Совет вам и любовь, как говорится!
Удач в делах! А на душе – покоя!
И, коль сердца смогли соединиться,
стучать им сотню лет без перебоев!

НАТАЛЬЕ НИКИТИЧНЕ

Блеснуло солнце через серость дня,
пришел октябрь с улыбкой потепленья!
Галдела беспокойная родня
в восьмидесятый год ее рожденья!

Глазами улыбаясь сквозь слезу,
она смущенно за столом сидела...
Припомнила военную грозу,
и, как девчонкой за страну радела.

Фронт трудовой, семейная нужда...
Казалось, сердце выдержать не сможет!
В подушку слезы лились иногда,
но был – Володя, и сынок – Сережа!

Четырнадцать меж нами скорых лет.
А сколько испытать пришлось Наташе!
Вот только был ей дорог белый свет,
а потому и быт – казался краше!

Пора пришла спокойно отдыхать,
надежным сыном и родней согретой!
И – «дрыгать»! Не болеть и не стонать!
Пусть осень улыбнется теплым летом!

Через каких-то восемьдесят лет
ее опять поздравим с юбилеем!
И снова солнце нам подарит свет!
И о судьбе – ничуть не пожалеем!

Б.В.С.

Тридцать девятый год
в Днепропетровске летом
с рождением его –
хирурга приобрел!
Ведь каждый человек
непознанной планетой
ворвавшись в этот мир –
своей дорогой шёл!

В якутских холодах
алмазных трубок блики
сиянием своим –
могли свести с ума!
Превратности судьбы
сложны и многолики:
не только слава в них,
сума, или тюрьма!

Но, видно, было так
начертано Всевышним,
что на московский шлях
тропинка привела.
На кафедре своей
не стал он кем-то лишним,
хоть Африка его,
как вечный зов, звала!

Алжирские – пять лет,
четыре – нигерийских!
Экскурсия в жару
на долгих девять лет!
Кто думает, что там
в гаремах – одалиски,
тот не поймет тоски
о том, чего там нет!

Московской суеты,
разборок, дефицита,
зарплаты – никакой,
застолий до утра,
и духоты метро,
и крыш, дождем умытых,
где в очередь на жизнь
стоять пришла пора!

Но семьдесят – число
обратного отсчета!
По стольку – раза три,
желательно, прожить!
С сегодняшнего дня
откроется охота
на те пустые дни,
что нам мешают жить!

Бывало все
в нескучной жизни нашей!
Успели кое-что
по жизни замутить!
Листая прошлых дней
страницы-эпатажи,
Грядущих звездных лет –
макет не сотворить!
А надо просто – жить,
работая и веря,
Как это завещал
покойный граф Толстой!
От «нынче» – во «вчера»
открыты настежь двери!
В день завтрашний они
нас приведут с тобой!

ЧУЧАЛИНУ А.Г.

«Яр», сверкая огнями столетних традиций,
ждет застолья давнишних друзей!
Где такие по жизни знакомые лица
прикатили на Ваш юбилей!

Друг от друга по должности мы не зависим!
Но зависим по сути своей!
Потому что стремиться к заоблачным высям –
приучились с младенческих дней!

От коротких штанишек к деревянным бушлатам
нас ведет путеводная нить!
В бурном хаосе жизни – перемешаны даты,
их не просто в пути изменить!

Стало нормой для нас не глядеть на преграды!
Их хватало и хватит на век!
Сквозьпреградность дается судьбой, как награда,
потому и живет человек!

Тридцать с хвостиком лет нашей искренней дружбе,
как природа, совсем не простой!
Через семьдесят лет в юбилей обнаружим,
что в делах не грозит нам застой!

Будем помнить о тех, кто сегодня не с нами!
Нам за них полагается жить!
А сегодня позвольте простыми словами
о грядущих делах говорить!

Жар углей раздувая – сапогом в самоваре,
тульский пряник – поставив на стол,
через семьдесят лет, не болея, не старясь,
Новый год чтобы с блеском прошел!

Дагестанский коньяк привезет Минкайлов!
Тридцать капель – здоровью не вред!
С чередой годов – пусть прибавится силы!
Пусть улучшится качество лет!

Пусть исполнится то, что задумано Вами,
академик, соратник и друг!
Пусть научные школы восславят делами
дорогих пульмонологов круг!

ЮБИЛЯРУ

В предчувствие золотого юбилея
природа вздрогнула, бросая нас в озноб,
чтоб вспышкой солнца, жара не жалея,
расплавить не растаявший сугроб,
избавить от несправедных наветов,
гурьбы экономических препон...
Зима исчезнет под напором лета,
блюдя великой Вечности закон.

Полвека – это только путь к вершинам,
которые ему – под силу взять!
Он меряет судьбу – своим аршином,
и тут не подтолкнуть, не подсказать.
Пьем за любовь и дружбу – без сомнений!
За изобилья вечно полный рог!
За торжество здоровых ощущений!
За бесконечность избранных дорог!

ИГОРЮ – ПЯТЬДЕСЯТ!

Кавказа белые вершины
сегодня радостью полны!
Тостуют тульские грузины
в предчувствие сказочной весны!

Азербайджанцы, осетины,
России верные сыны!
В застолье этом – все едины
и общей радости полны!

Ведь в «Баньской Быстрице» недаром
кавказский тост то там, то тут!
Здесь лишь коньяк считают старым,
который за здоровье пьют!

А то, что Игорю полвека,
то это – пятьдесят всего!
Чем дольше знаешь человека,
тем лучше знаешь ты его!

Друзья, приятели, подруги –
знакомы с Игорем давно!
Крепчает дружба в этом круге,
как многолетнее вино!

Бурлит в крови хмельная зрелость!
Полсотни лет – немалый срок,
чтобы исполнить, что хотелось,
от жизни получив урок!

Жар дружбы – ветер не остудит!
Друзьям иного – не дано!
Для них всегда паролем будет:
хинкали, Игорь, «Мимино»!

ЦЫГАНУ

Еще вчера года бежали рысью,
а нынче их аллюр – уже галоп!
Но мы от этой скачки не зависим,
и не даём себе команду: «Стоп!»

Пока далек по жизни хмурый вечер,
о днях рожденья будем вспоминать,
как о предлоге для застольной встречи,
чтобы друг друга завтра узнавать!

Всё те же мы – оседлые цыгане.
Но дым – костровый, таборный вокруг!
Нас бубна звон в постели не застанет!
Гитары стон, как прежде, верный друг!

Хмелит недостижимая свобода!
Налог на вольность – с каждым днем растёт!
Взрослеют внуки – продолженье рода...
Ну, а весна – по-прежнему цветёт!

И пусть не юбилейный день рожденья!
Нам каждый год теперь, как юбилей!
Мой тост за истин жизни постиженье!
Удачлив будь, цыган! И – не болей!

КАМЗОЛОВУ А.А.

Уйти от лесты юбилейной
никак нельзя, мой младший брат!
Не хватит и ведра елея
для смазки цифры пятьдесят!

Лихих полвека отстучало,
день – перевальный и крутой!
Но это – все-таки начало
другой полжизни, не простой!

Уехав в южные широты,
или в арктический мороз –
услышь звучанье главной ноты ,
не сдерживай счастливых слез!

Потомки – с нами! И – за нами!
А мы – такие, как всегда!
В избытке чувств, в любви цунами,
и в каждодневии труда!

За пять десятков – не напрасно
прожитых искрометных лет!
Судьбы тебе, как жизнь, прекрасной!
И на фронтах ее – побед!

В.Н.

Альтернативой: или – или?
Шекспир считал: быть иль не быть?!
А мы – уже семь лет прожили
и продолжаем дальше жить!

Пушай метро не строят в Туле!
У нас дороги – лучше всех!
В них лишь КАМАЗы утонули,
куриный возбуждая смех!

К нам террористы не полезут,
а, может, и не проползут!
Развал дорожный – нам полезен!
Дороги в Туле, как редут!

Удаче – нет альтернативы,
пока Негай дела вершит!
Пока видны перспективы
и виски голову кружит!

Мы – первоклашки-семилетки,
но не в коротеньких штанах!
И не портфели, а барсетки
зажаты в не худых руках!

Взаимопомощи объятья
пусть в меру крепко ребра жмут!
Пусть процветают предприятия,
хотя их малыми зовут!

Пусть и другие процветают:
и ООО, и ОАО!
В своем пути не забывают
ни про кого, ни про чего!

Родник Негайских анекдотов
пусть не иссякнет никогда!
И пусть не привлекает жмотов
псевдохальная бурда!

Пусть миллионы прирастают!
Пусть позавидует Минфин!
Налоговая – пусть скучает!
Пуškai не трогает УФСИН*!

Виват тебе, «Альтернатива»!
Виват тебе, В.Н. Негай!
В застолье дружном и счастливом
всем вместе выпить – помогай!

ЦЫГАНКЕ ЛИЛЕ

Она свободна изнутри,
как ветра дуновенье!
На жизнь её, как ни смотри,
в ней – не одно мгновенье!

Ей красоты – не занимать!
Умна, горда, спокойна!
Цыганских дочек воспитать
смогла она достойно!

Судьба её – напряжена,
но блеск в очах – сияет!
Хозяйка, бабка, мать, жена,
про будущее – знает!

Хотим ей счастья нагадать
и радости – без меры!
А в юбилей ей пожелать:
любви, надежды, веры!

* УФСИН – управление федеральной службы исполнения наказаний

С.В.В.

Февраль, увы, совсем не Водолей!
Февраль – мороз, крепчающий ветрами!
Февральский снег нежданно для людей
накрыл Париж, Нью-Йорк, Москву, Майами.

Зато семейной спарке – двадцать семь!
Почин – положен, внук растет, как в сказке.
И стариться – не хочется совсем,
и хочется побыть подольше в связке!

Девятое число пришло опять
очередным счастливым днем рожденья!
Как будто солнце повернуло вспять,
дождавшись от небес благословенья!

Вот так случилось в позапрошлый год –
серебряная свадьба с днем рожденья
соединились в праздничный компот,
с двух дат снимая индекс напряжения!

На птичьей ферме дулись индюки –
не от обиды, а от важной даты!
И гуси гоготали, дураки,
как будто были чуточку поддаты!

Застыла виноградная лоза
вся в ожиданье мартовской капли.
Снег пахнет, будто майская гроза,
хоть стекла на окне заиндевели.

На масленицу солнца желтый блин
призывно светит и немного греет.
Пейзаж зимы – прекрасней всех картин!
Под снежной шубой в ней весна созреет!

За вашу радость – пусть в сто двадцать семь
Друзья сумеют осушить стаканы!
Пусть пра- пра- правнуки растут без всяких схем,
а мы от счастья будем в стельку пьяны!

С.Г.

Я думал – меня вы не ждете,
пройдет юбилей, словно сон,
за братским столом в «Камелоте»
на несколько «важных» персон.

Но верил – к Суворовой Гале
смогу хоть на миг прилететь!
Не скажет она, что «не ждали!»,
предложит попить и поесть...

Скажу: «Улыбайся, Галина!
У женщины возраста – нет!
Ведь клин вышибается клином –
твоими десятками лет!»

Сквозь дел недоделанных груду
скажу я уверенно вновь:
«Терпи и надейся на чудо!
Терпение – это любовь!»

В глазах пусть искрится сиянье!
ГД пусть болезнь победит!
Семерка – семьи основанье!
А возраст тебе – не вредит!

ПОПЕЧИТЕЛЕВУ Е.П.

Сквозь невообразимость стрессов
сумел достойно он пройти:
блокадник, доктор и профессор,
отличник славного ЛЭТИ*!

* ЛЭТИ – Ленинградский электротехнический институт

Босс биомединженерии,
учитель строгой доброты –
он с нами в общности стихии
научно-жизненной мечты!

Десятки книг, изобретений,
в науке – непрерывный кросс!
Чреду побед и поражений –
он гармонично перенес!

Он славен синтезом каналов
биообъектов, техустройств,
впечатан труд его в анналы
медбиотехноэкосвойств!

Техмедицинским менеджментом
сегодня нужно удивлять
тех, кто далек от сантиментов,
но может много денег дать!

А наш Парфирыч – друг «в законе»,
мудрец, старатель, эрудит!
Пусть колокол в вечернем звоне
об утренней заре гудит!

Пускай студентки от незнания
не плачут на его плече,
а лезут в книги для познания
могучей мощи КВЧ*!

Интерактивно обработан
мединформации поток!
И к юбилейной дате – вот он,
здоровья жизненный урок!

Что семь десятков? Просто дата
для тех, кто славой окрылен,
особенным умом богатый,
кто в жизнь и женский пол влюблен!

* КВЧ – крайне высокие частоты

К.Л.И.

Спасибо, друг, твоим родителям,
тебя на свет великий выведших!
Спасибо ангелам-хранителям,
из передряг житейских вынесших!

Патронов, из обоймы выпавших,
не заменить в атаке яростной!
Нельзя друзей, из строя выбывших,
нам воскресить слезами жалости!

Спасибо им, а нам – пусть помнится!
Не молодость в окошко ломится!
Когда годов промчится конница,
пусть чья-то память нам обломится!

Спасибо твоему участию
в делах знакомых и приятелей!
В работе рвешь себя на части ты,
но в целом – вид твой замечательный!

Дерзай и дальше – в бесконечие
идей, задумок, дел не сверстанных!
Исчезнут пусть противоречия!
Иди вперед шагами-верстами!

Нет! От стола я – не «уехавши»!
Я с вами, братия застольная!
Путь в шестьдесят – отмечен вехами –
не в пенсионность малохолдную!

Пусть будет поза – вертикальная!
Пусть каждый день оргазмом полнится!
Пусть женщина, как мир, реальная –
не только в сновиденьях помнится!

Г.О.В.

Электропривод цифровой следящий
на небесах – не мы соорудили!
Но мы хотим все больше и все чаще,
пока любви желанья не остыли!

Включив сердцам трехфазное питание
(пусть ротор их всегда короткозамкнут!) –
нас привода ведут не к расставаньям,
а в векторность пространств воздушных замков!

И не беда, что постоянным током
несутся годы в хаосе бурления,
что переменным током, или роком,
приходят юбилейные мгновенья!

Ведь мы, по сути, САУ* эталоны,
но управлять собой – не научились!
Самоорганизованные клоны –
от стадного инстинкта излечились!

Мы – виртуальных приводов объекты,
надеемся на высшую подмогу,
и освещаем общим интеллектом
к научным храмам трудную дорогу!

Хоть пятьдесят, хоть семьдесят, хоть двести!
Годов не хватит для поимки истин!
Наш козырь: вини, черви, бубны, крести!
Суть истины достойна божьей кисти!

Пусть на картине общих вдохновений
найдется место и для нас, горячих!
Пусть будет понимание и прощенье!
Вот так-то, юбиляр Олег Горячев!

* САУ – системы автоматического управления

СУВОРОВОЙ Г.

Вот и снова пора юбилея!
Время сбора отряда пришло!
Не прямая у жизни аллея,
но надёжно у дружбы крыло!

Пусть любовь – многокрылая птица!
Ей без дружбы – нельзя ни на миг!
И поэтому можно влюбиться,
и сдружиться, как проза и стих!

Пусть не будет нужды и печали!
Пусть болезней – не будет следа!
В юбилей у Суворовой Гали –
не считают былые года!

Расстилается тульское лето
ярко-нежным цветистым ковром!
Юбилейного дыма букеты –
фимиамом вливаются в дом!

Катаклизмы природы достали!
Только это для нас – ерунда!
Потому что Суворова Галя
в наши души вошла навсегда!

В этот день и друзья, и подружки –
Всё, что могут, желают тебе!
И, пускай не салютят из пушки,
но любовью палят по судьбе!

Пусть шампанское плещет в бокале!
Пусть задравные тосты звучат!
Пусть несутся к Суворовой Гале
пожеланья команды девчат!

И она с нами – тоже девчонка!
Нет десятков промчавшихся лет!
Сердце Гали – надёжно и звонко!
И волнующе свеж силуэт!

Пусть сердечный мотор – не из стали!
Но в минуты болезней и бед –
мы желаем Суворовой Гале
по суворовски важных побед!

Камелот – это замок-легенда,
круглый стол и правитель Артур...
Атрибуты известного бренда.
В исторически-прошлом тур!

Пусть хлеб, соль, и, конечно, Всевышний,
будут в день юбилейный всегда!
Пусть не будет никто энный лишний!
И не будется слёз никогда!

Г.Е.К.

В году семидесятом, помнится,
в совхозе «Троицком» случилось
с семьёй Фокеича знакомиться.
А вот – навечно, получилось!

«Вон там – пацан, Валерка, старший,
вот это – Ленка, дочка малая,
а мамку давит астма страшно,
и потому она – усталая...»

Был стол накрыт, бутылка – выпита,
девчонка ручкой помахала...
С тех пор, как на граните выбита,
картинка эта – дружкой стала!

Здесь Нины Тихоновны нет,
Фокеича нет за столами...
Но нынче льётся вышний свет,
и, мысленно, они – меж нами!

Два срока, два по двадцать пять,
в одном флаконе женской славы!
Чего ей можно пожелать?
Всего! И будем в этом правы!

Всё было – слёзы, беды, горести,
потери близких и страдания...
Она всегда жила по совести,
хоть не встречала понимания.

Глаза её – всегда в сиянии!
Сама, как вешний день, красивая!
Всегда в любви, всегда в желании,
в стремнине жизненной – счастливая!

Пуškai глаза сверкают искрами!
Судьбу верстает – так, как хочется!
Её мы любим! Это – искренне!
Пуškai не знает одиночества!

Растет потомство – это вечное!
Пусть им везёт по жизни ветреной!
Пуškai дорогой бесконечную
она с детьми кружит по времени!

Мы ей желаем благоденствия
в дни золотого равноденствия!
Букеты дарим восхищения,
восторг и нежность в день рождения!

Всё обобщая, констатирую:
была б она жива, здорова,
для всех – Елена Константиновна,
а с нами – Леночка Круглова!

РАЙХЛИНУ Л.И.

В апреле возраст зрелости приходит
сквозь семь десятков беспокойных лет!
Есть паспорт, горе-пенсия и, вроде,
природных знаков молодости нет!

Вот только есть уверенность походки,
забот преграды – не страшны ничуть!
По-прежнему сто грамм кошерной водки
с друзьями в праздник может отхлебнуть!

И внешне он – такой же, без сомненья,
как в сорок, пятьдесят и шестьдесят!
В делах своих находит вдохновенье,
в своих поступках – юмором объят!

Да и на женщин он находит время!
На дочку и жену! А вы о ком?
За счастье их он вставит ногу в стремя
скульптурной группы с боевым конем!

Он – памятник семейному порядку!
В реальной жизни значим, скромнень, прост!
Хвалу здоровью, счастью и достатку –
содержит пусть наш юбилейный тост!

Пусть мудрость прирастает с каждым годом!
Наш тульский Соломон грядет, как свет,
любим семьей, друзьями и народом!
За семь десятков следующих лет!

ОРЛОВУ И СПОРТПАРКУ В 15 лет!

«Спортпарк народный», развиваясь,
вошел в пятнадцать юных лет.
Его оплот – наш *Doctor of Science*,
вершитель не простых побед!

Он – президент! Профессор! Каждый
быть рядом с ним всегда готов!
Он – навигатор в жизни нашей!
Не граф, но все-таки – Орлов!

А это значит, что умеет
парить на нужной высоте.
Народ при этом – здоровеет
в своей спортивной красоте!

Обмеры тела не случайно
он в «Навигатор» свой включил,
и слабость дамскую плечами
мужскими, как собой, прикрыл!

Информативность – максимальна,
при этом – минимум затрат!
Внедренье в практику – реально,
прицел – не сбит и зорек взгляд!

Резерв здоровья повышая
мечтой космически-земной,
гармонию – не нарушает,
и не сулит друзьям покой!

Пусть к настоящим юбилеям
ведет десятилетий путь!
Мы с «Навигатором» сумеем
с орбиты общей – не свернуть!

Ю.И.Ц.

Кура, Арагви, иль Ингури?
В каких долинах и краях
рождались прадеды Цкипури
с кавказской мудростью в делах?

Пусть он по-тульски самоварен,
себя в России сотворил!
Но точно знаю, благодарен
местам, в которых он не жил!

«На хólмах Грузии», где Пушкин
ночною мглой дышал и пел, –
хребтов заснеженных верхушки
Цкипури в снах своих узрел!

Как скажет Фудин, много дури
и позади, и впереди!
И вот уж шестьдесят Цкипури,
пенсионер, как ни крути!

Мой младший брат в половозрелость
ворвался, будто в ближний бой!
Быть молодым – нужна не смелость,
а надо быть самим собой!

От всех общественных деяний
ушел бы ты подальше, друг!
От фальши выборных кампаний,
от обещаний, данных вдруг!

Вернись в науки непонятье,
в образовательную глушь!
Пусть будет поздним миг зачатя,
зато прибудет общность душ!

Пускай с вином грузинским льётся
здравных тостов благодать!
Пусть чача, как «Боржоми», пьётся,
чтоб век похмелья не видать!

Пусть хачапури и сациви,
грузинской кухни реквизит,
застолье делают красивей,
где каждый – будет взглядом сыт!

Как завещал отец когда-то,
общаться надо потесней!
Здесь не при чем года и даты!
И не при чем тут юбилей!

ДЕТСКИЕ СТИХИ

СЕНЕЧКА И КОШКА

Лезет кошка на окошко,
занавеску теребя.
А в окошке видит кошка,
словно в зеркале, – себя.

Ходит кошка по дорожке,
ищет мышку на обед.
А во сне приснится кошке
молочко и «Китти-кэт».

Кошка Мушка шепчет в ушко
про «лямур» – мур-мур-мура.
Мы ее погладим брюшко,
чтоб уснула до утра.

Сенечка поспит немножко,
ляжет с кошкой на кровать.
А когда проснется крошка,
будет с кошкой он играть.

УГАДАЙКА-КА

Это что за самолёт
залетает прямо в рот,
в нём и каша, и картошка?...
Самолёт – большая **ложка**!

Если памперсы полны,
значит, поздно снял штаны!
А поэтому, дружок,
забирайся на **горшок**!

Кто на месте не сидит?
Кто от дедушки бежит?
Кто проснулся утром рано?
Внучек, или **обезьяна**?

На кого собака лает?
Кто гудит, но убирает,
забивает пылью нос?
Ну, конечно, **пылесос**!

Он похож на колобок!
Ждёт, когда получит в бок!
От друзей его не прячь!
Вскачь несётся круглый **мяч**!

Вкусно пахнет и лежит,
а намочишь, – заскользит.
Руки и лицо умыло...
Что такое? Это – **мыло!**

Чистый лист бумаги белой
размалёван Сеной смело.
«Носик..., ротик..., закорючка...» –
всё рисует **авторучка!**

Дед Мороз на чём играет,
и, танцуя, приседает?
Очень крепко держит он
свой блестящий **саксофон!**

Мы до лампочки взлетали,
не боялись, не кричали,
под гармошку громко пели,
раскачали нас **качели!**

Если слышно еле-еле,
значит, батареек сели.
Если слышен громкий звон, –
снова включен **телефон!**

СКЛАДУШКИ

Медвежонок Винни-Пух.
У него – хороший нюх!
Даже, если спрятан мёд, –
всё равно его найдёт.

И на завтрак и в обед
ждёт меня велосипед.
Я педалями кручу
и по улице лечу!

Если б сам бы был бы там бы,
то тогда бы Том-тромбон
звуков самбы, румбы – нам бы
выдувал бы вырубон!

Дед Мороз сидел под елью
и глядел на хоровод,
где ребячьему веселью
наступил опять черёд!

Мороз под двадцать градусов,
хрустит озябший снег,
собаки жмутся к теплоте подъездов,
в которых – полный радости
звучит ребячий смех
в надежде дедморозовых приездов!

Не кричите, дети, тише!
Едет бегемот на крыше.
Это вам не паровоз
крутит кружево колёс!
Это Сеня строит дом,
только что-то пусто в нём!
Правда, крошка-бегемот
в этих комнатах живёт.
Только, если дождь пойдёт,
то промокнет бегемот,
потому что крыши нет.
Не построил крышу дед!

Пожарная машина
заехала в гараж,
а из машины вышел
пожарный экипаж:
один пожарник – Сеня,
пожарник – пудель, я,
и бабушка – пожарник.
Пожарная семья!
Вот только нет пожара!
Но это – не беда!
Уж лучше пусть нажарит
котлет – сковорода!

ДЕТИ ДОМА

Если падает снег, и снежинки летают,
значит, стало теплей, и мороз ослабел.
Значит, снежную бабу ребята катают
и снежками курносят всех тех, кто не смел!

Но, увидев следы от сапог «дед Морозов»,
разбегутся они по домам, где тепло,
в ожиданье даров новогодних обозов
и родительских ласок – туда, за стекло.

Там, за окнами, ночь – не пугает, а манит
неизвестностью снов, многозначием слов...
Там, в квартирах – все те, кто ни в жизнь не обманет.
Будь и ты к этой честности тоже готов!

СЧИТАЛКА

Едем мы без автостопа,
с нами едет вся Европа,
ехать всем быстрее надо,
где нас ждет Олимпиада!
Даже Индии с Кореей
надо ехать поскорее!
До Пекина не допрыгать,
если ножкой слабо дрыгать!
Если дрыгнешь десять раз –
попадешь аж на Кавказ!
Прямо в славный город Сочи,
и купайся, что есть мочи!
Или просто в лужу прыгай,
там опять ногами дрыгай!
Лужа, лужа, брызги в небо!
Чтобы было больше хлеба!
Чтобы было чем запить!
Чтоб тебе опять водить!

АРСЕНИЮ

Расскажи-ка нам, Арсений,
как идут твои дела!
Майский внучек, ты – весенний,
как березок купола.

Где-то накануне лета
ты родился туляком.
Здесь – тепло и много света!
Здесь – родительский твой дом!

«Арс» – медведь, любимый нами,
осетины говорят.
Медвежата к папе, к маме
обязательно спешат!

Если Сеня не забудет
к бабке с дедом приезжать, –
танцевать лезгинку будет
и с машинками играть.

В Сене мы души не чаем,
часто думаем о нем!
Если нет его – скучаем
и звонка у двери ждем!

Тим–талала, бал–бала,
Тара–тумба, бумба–лей,
тири–туки, халала,
и марле–пали–парлей!

ЮНОМУ ДРУГУ

Юный друг! Тебе не надо «шляться»
по дубравам и березнякам!
Миг придет! Сумей его дождаться
и услышать жизни птичий гам.

В пояс поклонись березке русской,
надышавшись свежестью лесной!
Речке поклонись, тропинке узкой,
снежной каше солнечной весной!

Обними березу, но не крепко!
Ей знакома боль людских обид.
Вспомни, как есенинская кепка
прикрывала боль его и стыд!

Пусть никто не срубит стан берёзы,
не коснётся праведных седин!
Есть на свете радостные слёзы!
Значит, не останешься один!

НОВЫЙ ГОД

Пусть зима стучится в сени
и мороз в снегу хрустит!
У тебя, мой внук Арсений,
ничего пусть не болит!

Ты у нас, Арсений, дядя!
Значит должен понимать,
что своих любимых ради
надо силу набирать!

Ты у нас, как младший самый,
должен втрое быть сильней!
Ради папы, ради мамы,
и сестренки – не болей!

Чтобы шапку сдвинув набок,
становился ты умней!
Ради двух дедов и бабок,
и прабабки – не болей!

Ради всех родных, кто рядом,
будь здоров, силен, могуч!
Чтобы острым, зорким взглядом
видеть солнце в куче туч!

Чтоб мудрее становился
каждый день и каждый год!
Чтобы слушать научился тех,
кто рядышком идет!

В этот праздник новогодний,
в свете елочных огней,
знаю, станешь ты сегодня
всех умнее и сильней!

ДЕТСКОЕ

Небо черное, как сажа.
Ночь – темнее, чем обман.
Там – сова крылами машет,
здесь – в кустах шуршит кабан.

В склепах закрипели двери,
косы выстроились в ряд...
Я глазам своим не верю –
это мертвые стоят!

«Кто такие? Что случилось?
Ничего я не пойму...»
Все вокруг зашевелилось,
погрузившись в злую тьму.

Это ведьма козни строит?
Или дьявол шлет туман?
Или демон яму роет?
Или Яшка-партизан?

Он меня заикой сделал,
левый глаз перекосил,
все мое расстроил тело,
и в штаны мои налил...

От восхода до заката
ваша тянется рука.
Погодите, дьяволята,
не пугайте дурака!

НЕ БОЛЕТЬ!

Снег на улице летит,
дед Валера крепко спит.
На охоту он ходил,
шибко горло застудил.
У него промокла шкура
и растёт температура.
Лайма лает: «Гав! Гав! Гав!
Жаль, что нет лечебных трав!
Кто подскажет, чем лечить?
Как таблетки надо пить?
Чем таблетки запивать?
Или лучше просто спать?»
На вопросы есть ответ:
«Не пугайся, милый дед!
Внука Сеню надо слушать,
кашу гречневую кушать!
Выздоровливай скорей,
крепкий чай с лимоном пей!
Ешь вприкуску мармелад –
и дела пойдут на лад!
Потому что внук и дед
жить не могут без конфет!
Мы ребята не плохие,
не боимся аллергии,
не боимся докторов!»
– «Будь здоров!»
– «Всегда здоров!»

НА МОРЕ!

Едет Сенечка на море!
Там и волны, и песок,
там ракушки морю вторят,
ветерок и солнцепёк.
Там блестящие дельфины
мчатся наперегонки,
подставляя солнцу спины –
и прыгучи, и легки!
Плавки, ласты, трубка, маска,
а одежды – никакой!
Там ночного моря сказка
прячет шепот свой в прибой.
Тёмно-синее волнение
утром плещется в гранит,
улучшая настроенье,
аппетит и внешний вид.
Рыбки водят хороводы
в ожиданье рыбаков,
или ветреной погоды,
или тихих рыбьих снов...
Едет Сенечка на море –
плавать, бегать и дышать,
кувыркаться на просторе
и немножко загорать.

НА СКУТЕРЕ

Я на скутере катался
по асфальтовой дороге.
Только самокат сломался,
и меня спасают ноги!

А потом с велосипедом
трёхколёсным подружился.
Ездил боком, но к обеду
«трёхколёсник» развалился!

Быстро с горки я катился,
воду пил, а не микстуры,
и с ребятами дружился,
и ходил на процедуры!

Я на скорости носился
на большом велосипеде.
Болт кронштейна отвалился...
Мы домой к бабуле едем!

Не дают поломки ходу!
Надо в них мне разобраться,
и по улице Свободы
на «Феррари» покататься!

ДЕВОЧКЕ АЛИНЕ

«Это что за красотуля?» –
бабушка спросила Гуля,
а Алина ей в ответ:
«Здесь плохих игрушек нет!
Все игрушки – красотули,
все – чистюли, не грязнули:
кукла Барби, слоник, мишки,
как девчонки и мальчишки!
Пусть у мишки глаза нет –
он глядит на белый свет:
как огромный самолет
носом тучи достает,
как он спит на облаках
в белой пене на боках!
Не хотят игрушки спать,
им пора идти гулять!»

Удивилась баба Гуля:
«Ты, Алина, красотуля!
Потому что любишь деток,
и больших, и малолеток!
Я тебя спросила просто,
чтобы что-нибудь спросить!
Ты, пускай не вышла ростом,
но сумела рассудить,
что игрушки, как и дети,
любят дружно жить на свете!
Ты, Алина, – им подруга
и нельзя вам друг без друга!
Прочитаешь куклам книжку,
спать в постель уложишь мишку,
даже слоник будет спать
и Алину вспоминать!»

И ЭТО ОН!

Рано утром он встает,
чистит зубы, моет рот,
вмиг кроссовки надевает,
шорты, майку, и – вперед!
Нарукавник надувает,
к морю с бабушкой идет.

Там – заплыв на полчаса,
мокрых чаек голоса,
там рыбешки серебрятся
и другие чудеса!
Можно в воду забираться,
можно «Чупа-чупс» сосать!

На обед идти пора.
Громко он кричит: «Ура!
Я уже проголодался,
надоела мне жара,
чтобы силы я набрался
и хватило до утра!»

На Ривьеру он пешком
с бабушкой идет вдвоем.
От трапезий – выше дома
он взлетает кувырком!
На машинках «Автодрома»
управляет он рулем.

Видит динозавров ряд,
чьи глаза огнем горят,
изо рта дымы пускают,
не по-русски говорят!
В древних тропиках гуляют
целых два часа подряд.

А потом, когда устал,
с колеса обозревал
всю округу, но, похоже,
что немножечко скучал.
Хоть мороженое все же
он поесть не забывал!

ЗОРРО

Когда справедливости нет
и трудно уйти от позора,
тогда, как спаситель от бед,
приходит таинственный Зорро!

Он в шляпе и чёрном плаще,
с ним – шпага, и слово – «Свобода»!
Все знают, что он вообще –
защитник простого народа!

Он дарит удачу во всём –
всем тем, кто работает споро!
Его появления ждём:
бойца справедливости Зорро!

На шляпе его буква «Зэт»
зигзагом серебряным светит.
Надёжней волшебника нет
на нашей прекрасной планете!

КТО ЭТО?

Старших он не слушает,
еле-еле кушает,
он бабуле за столом
угрожает кулаком.
А котлету вилкой мнет
два часа подряд,
не берет ни крошки в рот
и не ест салат.
Целый час жует котлету,
а потом кричит: «Не эту!
Я к котлетам не привык,
дайте суши и язык!
Если сяду я за стол,
нужен мне огромный рол!
Чтобы с моря влезть на кручу,
съем сосисок венских кучу!»
Сел на лавку, что есть сил –
чуть очки не раздавил.
Майку вымазал в малину,
будто написал картину.
Будет бабушка стирать,
чтобы внука одевать!
Он не слушает советов!
Неужели Сеня это?

ИЗ ЖИЗНИ БУРАТИНО

Папа Карло топором, а не наукой
сделал сына Буратино из сучка.
Буратино! Ты попукай, ты – попукай,
чтобы выгнать из полена червячка!

Пусть твоя здоровой будет деревяшка!
Чтобы азбуку свою не продавал,
чтобы ты в пруду не плавал, как кашкаша,
а в театре – неплохим артистом стал!

Кот Базилио хотел с лисой Алисой
буратиновские денежки найти!
Буратино! Ты пописай, ты – пописай!
Чтобы листики из золота росли!

По тропинке за Мальвиной собакой
мчатся куклы, из ушей пуская пар!
Буратино! Ты покакай, ты – покакай,
чтобы вредный поскользнулся Дуремар!

Золотой со дна достать придется ключик!
Карабасу – обмотаться бородой!
А Тортилу – черепаху жизнь научит
в триста лет быть, как и прежде – молодой!

* * *

Я заснул... Во сне приснилось:
льются реки... спят моря...
горы – солнцем осветились...
океан зажгла заря...
дуют ветры... млеет поле...
люди строят города...
строй берез растет на воле...
громяхают поезда...
обезьяны жрут бананы...
громко хрюкает свинья...
крысы ловят тараканов.
Просыпаюсь мокрым я...
Вижу: мамочка родная
в темноте ко мне идет,
на кровать уселась с края
и такую речь ведет:
«Просыпайся, сын Алеша,
школа ждет тебя давно...
Просыпайся, мой хороший,
это – сон, а не кино...»
Я лениво одеваюсь,
волоку себя к окну...
Еле-еле просыпаюсь,
но боюсь – опять усну.
Вижу: школьники несутся
по дороге – прыг да скок,
ранцы на спине трясутся,
на урок звонит звонок.
Подхватив портфель и книгу
я друзьям помчался вслед.
Мне Максим в окошко – фигу...
Ну, и я ему – в ответ...
Мы дразнились и ругались,
он – кричал, и я – орал...
Помирившись – рассмеялись.
На урок – я опоздал.

«ШУРИКИ»

Хоть неизбежно в жизни нашей бральной
придет склероз, кричи, иль не кричи,
не стоит забывать, что наши члены –
не только для сливания мочи!!

Чтоб не путались ветры с ветрами,
не равнялись бы судна с судами,
чтоб не вызывать смятенья в народе,
дайте нам попердеть... на природе!

Мы с годами становимся слабы!
Ну, на что это, братцы, похоже?
Раньше снились раздетые бабы,
нынче сняты размытые рожи!

Проходит медленно, печально
за годом – год, за солнцем – свет...
и остается за плечами
дорога, где ни – да, ни – нет!

Системы наши – не случайные,
но в них случайностей – полно!
В них флуктуации печальные,
как будто в патоке г..но!

Он с чувством нежности к жене –
спешил с работы! К ней, домой!
Но, можете поверить мне,
что он спешил к жене чужой!

Живем, как пуля на излете
перед последним кувырком,
когда сознание приходит,
что ты летел не тем путем!

Корабли – не плавают, а ходят!
Их морские волки в море водят.
Плывать может только лишь судно,
то, в котором плавает г..но!

Как эти розы красят туалет!
Их необычность, как сигнал системокванта.
Глаз радует кроваво-желтый цвет,
а нос – не чует смрад дезодоранта!

Ты в рамки алгоритмов собственных
засунуть других не спеши!
Тела наши – личная собственность
общественной формы души!

Две подруги повстречались
и в один момент набрались:
не ума, не буйной силы,
а «облаймленной» текилы!

Он начал, спросив про погоду
в сегодняшнем кризисном мире.
Потом поболтал про природу...
А кончил он...раза четыре!

– В продаже нет мужских трусов?
– Есть женские! Какая разница?
– Ширинку расстегну без слов –
там эта разница, проказница!

На Камасутру не надеясь,
имея вечность впереди,
в обычной позе 6х9
простое счастье находи!

На таможне спросили еврея:
«Вы откуда, товарищ, к нам прибыли?»
Он ответил, от страха бледнея:
«Есть убытки, какие тут прибыли?»

Не даром падает бокал
и разбивается на склянки!
Быть может, судный день настал,
а, может, просто – много пьянки!

Секс на 8 марта все же
сомненья омрачила тень!
Ты даришь всем одно и то же
в Международный женский день!

В Соборном покаянии Руси
нашлось бы место лично-покаянию!
У Господа не благодати проси,
а мудрости взаимопонимания!

ЕЭС обкакалась в России.
По проводам – лишь ветра свист.
В РОСНАНО рыжего впустили –
живи, Чубайс! Наш о! нанист!

Коль унитаз не укреплён,
сидеть на нём – себе дороже!
На тихий звук рассчитан он,
а залпа – выдержать не сможет!

Мы все беременны делами
двенадцать месяцев в году.
И роды назначаем сами,
и результаты – ни в п..ду!

Джиоконды! Мадонны! Ахматовы!
Сколько вас я по жизни обхватывал!
Потому, что вы были не против:
на постели, в лесу, на капоте...

Пел поэт про арбатское братство
на гитару роня слезищи.
Но в крови растворенное бл...ство –
это, братцы, арбатства почище.

Я растревожен не на шутку
и не могу ни лечь, ни встать.
Хочу узнать, под чью же дудку
заставят туляков плясать?!

Мы живем от беды до беды,
ождая величье победы.
Никогда не закончатся беды,
Ведь в победах – зачатые беды.

Никто из нас, увы, не бедуин,
в седле рождённый и с седлом сращённый!
Но знаю, не уступит осетин
ни в скачках, ни в сраженьях, даже конных!

Плодом гуавы сыт не будешь!
Приличен ей другой аспект:
его ты точно не забудешь –
плода слабительный эффект!

Он может обеспечить шок
на главной трассе: «стол – горшок!»

Его струя все выше, выше!
Прогресс подобный – не у всех!
Пока еще не выше крыши,
но то, что есть, – уже успех!

Струю нельзя купить за бабки!
Она «тече» иль «не тече»!
Когда-то капало на тапки,
теперь – коленки все в моче...

Чтоб в Новый год и есть и пить –
придется памперсы купить!

Древнейшая профессия у наших небожителей,
которые из хаоса слепили белый свет!
Поэтому пожизненно назвали их – строители!
За это выпить хочется, ну, а не выпить – нет!

С горчицей – сало и язык, а с хреном – рыба...
Мясной кусок, сминая рис, в харчо не тонет...
Потом яичницу-бризоль себе надыбал...
Спасибо постному меню в кафе «Лимоне»!

То ли сладкая клубничка загубила инсулин?
То ли – след того, что выпито и съедено?
Диабет второго типа – он для всех, про всех един!
Рассуждается легко! Послеобеденно...

Поставив мат кому-то – раз –
не победишь в борьбе!
Жизнь – полосатей, чем матрас,
поставит мат тебе!

Поставив мат и раз, и два,
загнав врага в кусты,
услышишь, как шепнёт молва,
что жульничаешь ты!

Гармонии почуяв свет,
её увидев след,
узнаешь точно, что побед –
без поражений нет!

Картошки бок, взрумяненный ожогом!
Тебя он соблазнил! И чёрт бы с ним!
Вот только нестерпимая изжога
заставила весь день глотать мезим!

И от меня изжога нестерпима,
как будто лаймом сдобрили обед.
Твои глаза глядят невыносимо,
а, значит, на меня мезима – нет!

Под парусом, косым, как зайца взгляд,
не удалось от берега отчалить!
Не стоит нервы тонкие мочалить!
Ведь это просто – ветер виноват!

И силы не хватает удержать
по ветру непослушное ветрило!
А, может, это просто ты забыла
о том, что нам мешает танцевать?

Всё в этом мире ведомо давно
но лишь тому, кто создал мир недужный!
Познать его живущим – не дано!
Но познавать для будущего – нужно!

В частях мир повторяет образ свой
на фоне матриц воспроизведения,
являя относительный покой
и абсолютно вечное движение.

За прошлые свои грехи
(оформив их, как достижения),
за сбор научной шелухи –
чиновник ждёт вознагражденья!

Кому-то премии даёт,
от них – обратно получает...
Привычный денег оборот
давно никто не замечает!

Когда родник иссякнет фарта –
броня тебя не защитит!
И, хоть надень свинцовый фартук,
увечный будешь инвалид!

Но, коль оформил ты бумажку,
услышав бюрократов мненья,
то превратишься в неваляшку,
не знающую боль паденья!

Если на ночь муж побрился, –
он надеялся на что-то:
сексуально возбудился
перед ветреной охотой!

Если женщиной прекрасной
на ночь сделан макияж,
значит, брился он напрасно
и входил в любовный раж!

Пожар. В борделе суета.
Народ кричит: «Воды!»
Поручик Ржевский чуть привстал,
остановив труды...

«В жару пить воду – ерунда!
Бармен, очки протри!
Гусарам не нужна вода,
мне пива кружки три!»

Иностранщина вдруг воцарилась!
В каждой вывеске – слов ералаш!
Есть: продмаркет, кафе-пищерия,
кофе-Хаус, Коньково-пассаж...
Раньше эти словесные ляпы
называли не зря: – волапюк!
Кто-то, чем-то язык наш обляпал
на основе рекламных наук!

Покой – покойникам сродни!
Нам ближе – круговертья дни.
Надежд несбывшихся поток
лишь ускоряет кровоток!
Мы – детский стержень сохраним!
Пульсар энергий связан с ним.
И даже пенсионный срок
для нас, как юности урок!
Чинов и званий мишура
для нашей сущности – мура!

Поручик с корнетом в бильярдной сражались,
где Ржевский раз пять проиграл...
И, чтобы друзья без обиды расстались,
корнет Оболенский сказал:

«Поручик! В бильярде задачи иные,
чем в дамских гламурных делах!
Сыграйте по шару, пожалуйста, кием!
Хоть раз! А не тем, что в штанах!»

Пирог с начинкой сырной (кавказской кухни шик) –
решил усовершенствовать мой кореш.
И съел его с вареньем! Но получился пшик:
патент на этот способ – не оформишь!

Он про свою причуду давно уже забыл.
А, может, просто – про неё не помнил,
поскольку лишку водки в то время загрузил,
да и потом бокал хмельным наполнил!

Он – человек непьющий, блюстителъ всех диет, –
попал впросак случайно, понарошку!
На «ноу-хау» творчества не наложил запрет,
и я вливал шампанское в окрошку!

Всех тех, кто поздравить меня захотят,
прошу непременно учсть,
что мне – не семьдесят, не шестьдесят,
а шесть десятков плюс шесть!
Шестёрка – она и туда, и сюда,
и в этом сокрыта беда:
шестёркой – не может быть никогда!
Уж лучше уйти – в никуда!

Напрасно красят хна и басма
волос седеющих каркас!
Волна высокого оргазма
от седины спасает нас!

Капкан сосудистого спазма
при виде женщины – пройдет!
Волна высокого оргазма
от предифарктности спасет!

Не избавляют от маразма
ни соль морей, ни воздух гор!
Волна высокого оргазма
даст деградации отпор!

Напрасно льются кровь и плазма
в надежде отодвинуть ночь!
Волна высокого оргазма
и здесь сумеет нам помочь!

От Роттердамского Эразма
дошли слова к нам сквозь века:
«Волна высокого оргазма –
здоровья вечная река!»

Бесспорность женской правоты
в нас вызывает изумленье.
Что для НЕЁ – полет мечты,
для НАС – всегда грехопадение!

Мы с ними разные совсем
по сути естества, но все же
приход весны диктует всем
сказать: «Ну, как же мы похожи!»

Уши заячьи! Уши ослиные!
Вы торчите за каждым кустом!
В трусоглупости жизни повинные –
барабаните в небо хвостом!
Злобной завистью рты искорежены,
мелких пакостей – не перечсть!
В негодяйстве своем – расторможены,
чужды слов вроде – честность и честь!
Только в небо стучать – дело зряшное!
Там известно за все и про всех!
Мы на глупость идем в рукопашную!
Свинский год – обещает успех!

«Коммунизм – есть советская власть
плюс электрификация всей страны».
Потом твердили, что это – напасть,
что призраки нам не нужны!

Теперь и без призрака можно пропасть:
не ясно, что строим? Кому мы нужны?
В наличии власть – умеющих красть,
плюс чубайсизация бывшей страны.

Чтобы было все путем,
едем мы своим путем.
Нам трамвайные пути
не мешают на пути.
И не страшен жезла взмах,
если «Клавдя» на путях!

«Зурабовщина» – это форма
жуликоватости вождей,
которым так нужна реформа:
«монетизация» идей.

Никто не знает кукловода,
но куклам дан приказ: «Круши!»
И лезут вновь в карман народа
монетизаторы души.

Прикончив здравоохраненье,
в науку запустив кинжал,
идет-гудет реформ творенье –
страшнее, чем девятый вал.

Пустить кишки образованию –
что террориста «замочить»!
Но личных деток «в наказание»
везут по Кембриджам учить.

Блюдя «кремлевскую диету»,
где мясо с водкой в ноль очков,
газетным следуя советам,
рассчитанным на простачков.

Всю жизнь, питаясь «по-кремлевски»,
нажил подагру, диабет,
а оказалось (по-лужковски),
кормлюсь я лучшей из диет!

Весы ломаются от веса
почти в сто тридцать килограмм.
Чтоб похудеть – для интереса
ем водку с мясом пополам!

Зачем настал «сезон дождей»,
когда так не хватает суши?
И почему случайных дней
петля вопросов горло душит?

Кто водкой отпуск окропив
уйти пытается от дела,
как будто краткий перерыв
убережет от беспредела?!

Гуляйте! Пейте, наконец!
Но водку с пивом не мешайте,
и, съев на закуску огурец,
друзей своих не забывайте!

Мы все чуть-чуть – интеллигенты,
злодеи, гении – чуть-чуть!
Мы – кластеры и компартменты!
К аттракторам – наш общий путь!

Не зря физматом покрываем
биологический формат
и на три сигмы посылаем
без права ринуться назад!

Пусть холода вокруг крепчают –
в Сургуте – южная жара,
когда бокалы осушают
под крики громкие: ура!

Учёным – буйство, как награда,
в пространстве поиска идей!
Фальшивой водки нам не надо!
Как и неискренних друзей!

ПИРОГОВСКАЯ 20

ООО «Аирмед»,
 Пироговская 20,
 фитолазеркупеевфорез.
Льётся утренний свет
 и нельзя надышаться
 ощущением возможных чудес!
Вверх ногами висят
 на пути к исцелению
 гроздь старых и малых больных.
На диете сидят,
 верят в миг очищения,
 перемен ожидая крутых.
Грыжи дисков хрустят,
 нити нервов сжимая,
 заставляя от боли кричать!
Но неделю спустя
 жёсткий хват отпускает,
 разрешая по жизни шагать.
Исцеляет друзей
 Пироговская 20!
 Путь к вершинам даётся с трудом.
Здесь здоровых идей
 можно вдоволь набраться
 и нельзя позабыть этот дом!

5...50... И ДАЛЕЕ – ВСЕГДА!

Морозовое сало и дольками лимон –
визитка общепитозаведения!
Когда судьба планеты поставлена на кон,
кафе «Лимон» – справляет день рождения!

Две тысячи двенадцатым напрасно нам грозят,
«лимонкою» судьбы с экранов брошенной!
Заказываем столик на ваши «пятьдесят»,
Желая только самого хорошего!

Когда дела житейские нам нарушают сон,
когда понижен градус вдохновения,
приходим в задушевное кафе – кафе «Лимон»
и там находим верные решения!

Пусть не всегда находятся у вас для нас места!
Пусть вы нас отсылаете подальше!
Но Новый год, как водится, он – без звонка настал
и с нами пьет за вас без всякой фальши!

КОРАБЛЬ И ЛАМПА

Моргала лампа маяка, как девка
на сочинском соленом берегу.
Корабль ей прошептал: «Послушай, детка,
я к вам хочу, но просто... не могу...»

А лампа, проморгавшись, отвечала:
«Я не тебя, а вон... того звала...»
Корабль – ушел под воду у причала.
И лампа – нить накала пережгла.

ПИТЬ ИЛЬ НЕ ПИТЬ?

Любить хмельное? Ерунда!
Но почему, скажи на милость,
вдруг наступает иногда
души прекрасная «текилость»?
То колдовской «коньячит» свет?
То, вдруг, в висках «вискокруженье»?
То водки ледяной совет?
То пива пенного брожение?
То, вдруг, неожиданностью полно,
сухое терпкое вино?
Пуškai меня за тыщи лье
французский слышит сомелье!
Скажу ему: «Пардон, старик!
Я нюхать пробки не привык!
Ведь в выпивке друзей участие
простое нам приносит счастье!»
Пусть говорят: «Хмельное – вред!
Циррозит печень и мышление...»
От стрессов средства лучше – нет!
Оно нам дарит вдохновение!
И то, что я сейчас не пью –
уступка хилому здоровью.
Потом – стакан ему налью,
хоть без закуски, но с любовью!
Ведь даже, если воду пить,
то меру – соблюдать пристало!
И без хмельного можно жить!
Но как-то вдруг скучнее стало!

От Гераклита истину ловя,
пришли слова, разрушив все сомненья:
«Жить, умирая! Умирать, живя!»,
«Жизнь – это смерть!» в другом определенье.

Мы все живём внутри фрактальных схем
между началом и концом системы!
Нас нет в начале, нет в конце совсем,
а промежутком – подтверждаем схемы.

Придя к концу – не канем в никуда!
Как и в начале: мы – не ниоткуда!
Из хаоса и в хаос навсегда!
Такая вот по жизни халабуда!

ОБЪЯВЛЕНИЯ

* * *

СНИМУ трусы. Цена – договорная.
Условие – поездка на Гавайи.

* * *

МЕНЯЮ райский ТОТ... на адский ЭТОТ свет.
Не предлагать квартир, где телефона нет.

* * *

КУПЛЮ мозги в исправном состоянии

* * *

ИЩУ соседку с дачей и квартирой

КОСИ КОСА ...

Болезнь косой косит народы,
страна – косит в капитализм,
а коллективные подходы
похерил враг – монетаризм.

В районах – уйма косолапых,
и косоглазых – тоже тьма...
Ну, а в столицах – смрадный запах
от плоскостопия ума!

Весной, скосив глаза под юбку,
неволью думаю о том,
что окосею не на шутку,
но лучше все-таки вдвоем!

* * *

Готов с друзьями быть в Париже
и в декабре, и в январе.
Отсюда родина мне ближе,
«мон шер ами Людо Андрэ!»

Птенцы чучалинских гнездовий
крепчают крыльями в пути.
Давайте выпьем «на здоровье!»,
чтоб нам без тоста не уйти.

ВЕТЕР ПАРИЖА

Озорной парижский ветер,
две головки «тет-а-тет»...
От витрин неона светит
в забытье прошедших лет.

Бьются капли дождевые
о блестящий тротуар...
И в витринах, как живые,
манекены... «*Ша нуар*».

В желтом – эйфелева башня
символом высоких сфер
проводит день вчерашний...
«*А ля гер, ком а ля гер!*»

Только русскими словами
был нарушен этот рай:
«Что стоишь, как пенис в раме?
Разливаешь? Наливай!»

ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ

Под халатом что-то шевелится –
значит, врач напишет эпикриз
и с палатой суждено проститься,
научившись хорошо пис-пис...

Позади наркотное похмелье,
перевязок тягостная боль.
Впереди застольное веселье,
где мой друг – без трона, король.

Чтобы всем досталось по бокалу,
чтоб любовь куда-то увела, –
пусть моча струится по каналу
изначально крепкого ствола!

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

По жизни всяк из нас боится
остаться не у дел,
за каждой юбкой волочится,
чтобы не сбить прицел.

Живая женщина, я знаю,
прекрасней всех Мадонн,
и для тебя приберегаю
последний свой патрон.

Но не растрочена обойма
итога бурных лет,
поскольку дорог нам обоим
спортивный пистолет.

Мы прекратим соревнованье
в количестве побед,
а обоюдное желанье
украшит финиш лет.

КТО ЕСТЬ ХУ?

Ребром поставил Президент вопрос
на англо-ставропольском диалекте,
когда покинул памятный Форос
и начал мыслить «в правильном аспекте».

Так «Кто есть ху?» – и кто его узрел
в трагедии текущего момента?
А этот «Ху» из зеркала смотрел
на Гамлета в обличье президента.

ПРИПЕДАЛЕННЫЕ ЖИЗНЬЮ

Я – наукой припедаленный,
ты – в торговле кайф словил,
будто водку на миндалины
виночерпий нам налил.

Размягчились стенки прочные
у дыхательной трубы,
раскрутив круги порочные
с перспективой на гробы.

То сознание теряется,
то от кашля хрип и мат,
но зато не выключается
нашей жизни реостат.

Припедаленные вечностью –
будем жить без слова: «нет!»
во хмелю своей беспечностью
удивляя белый свет.

БИЛЬЯРД

Бильярд – серьезная игра:
шары и кий в ней много значат.
И луза – это не дыра,
а ёмкость ветреной удачи.

Процесс пошел, как никогда, –
на три руки шары катают...
Ну, а они летят туда,
куда нас часто посылают.

Учитель ученицу вел
к непредсказуемой победе:
меж двух шаров кием об стол,
чтобы забыла об обеде!

Есть стратегический запас,
он называется: две палки.
Мы их оставим про запас,
когда сыграем в поддавалки!

МАЛЫГИНУ ЯРОСЛАВУ (шуточно-пародийное)

Забелились снегом ели.
Я присел на ягодицы...
Подо мною – взгляд лисицы,
видно хочет знать: откеле,
что и как вчера мы ели.

Снег скучает на ресницах,
стынут угли черным жаром,
как в кино – до лысин старом,
вянут вытертые лица...
Снег подтаял на ресницах.

По ночам не даром снится
Томбе ля пушистый *неже*,
потому что ухо режет
старина Ван-Гог, и злится,
что не смог с искусством слиться.

Не напрасно мы потели
за столом банкетным в Туле!
Все, что можно было – съели,
как солдаты в карауле,
думая о женском теле.

КАЛОЕВУ

Я удивился, видит Бог,
Калоевской растяжке!
Взметнул он ногу, будто йог,
за воротник рубашки!

Ему за семьдесят пока!
Что в сто он нам представит?
Станцует в стойке на руках
и стол опять возглавит!

КОЗЫРЕВУ

Красив наш Козырев Коста!
Тут не при чём Воячек!
А, просто, он – один из ста,
кто крик души не прячет!

Тропу в науку проложив,
он, вопреки сомнению,
ведёт научный коллектив
вразрез чьему-то мнению!

ПАГИЕВОЙ

Она умна, как Шатана!
Как Райкин – остроумна!
На вид – грозна, в душе – нежна,
в суждениях – разумна!

Ларисы Пагиевой суть –
быть острой, будто шпага!
Пусть впереди нелёгкий путь –
назад ни на полшага!

ТЕДЕЕВУ

Когда мы вместе – нам легко!
Всё чувствуется остро!
И наши музы, Шалико,
навек родные сёстры!

Верстаем общих душ экстрим!
Пусть слушает эпоха!
Чего-нибудь, да сотворим,
а, может, и неплохо!

ДИДАРОВЫМ

Чета Дидаровых – Ардон
сегодня прославляет!
А наша встреча – странный сон
о Туле навевает!

Товарковский завод – стоит!
И сахар – тростниковый!
И арака во рту кипит!
Лишь губернатор новый!

ПОПОВОЙ

По-прежнему бела, мила,
Попова наша Света!
Вот только что-то не пила
в застолье до рассвета!

Всегда восторженна! Стихи
читает и мечтает!
Прочти немного чепухи!
Быть может, грусть растает!

КУПЧЕВУ

Он фитолазерофорез
внедряет беззаветно!
И, если б был богат, как Крез,
внедрил бы всепланетно!

Он – тепловидения гранд!
Им – мир не надивится!
Ему бы дать научный грант
и Нобель – воскресится!

ЦОГОЕВУ

Алан Цогоев нам открыл
души своей границы!
В «Алгусе» каждый ел и пил,
и тосты громко говорил,
и ржал, как кобылицы!

Тост на китайском языке
был выслушан друзьями!
Но он – мечтал об араке
и Асю ел глазами!

ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНА

Говорила Валентину Валентина:
«До чего ж ты непокладистый мужчина!
Подложить тебя к себе не очень просто,
несмотря на то, что мне подходишь ростом».

Отвечает Валентин наш Валентине:
«Для моей жены нельзя найти причины.
Если я приду домой на час позднее,
то она петлю затянет мне на шее».

Помолчали Валентин и Валентина...
Не помятою осталась перина...
Возле сауны побегали немного
и поврозь пошли веденинской дорогой.

Зря скучали Валентин и Валентина.
Зря осталась нерасслабленной пружина.
У садовой мяты – запах настоящий.
Выпьем, други, за вопрос вовсю стоящий!
Не при чем тут Валентин и Валентина.
Свет в окошке Валентина – это Нина,
дети, внучка, ну а больше – ни хрена!
Зря болтает языкастая Дубна!

ЧИТАЯ МЫСЛИ МУДРЕЦОВ...

*(Периандра, Соломона, Ксенофана, Бианта, Анахарсиса,
Солона, Эзопа, Хилона, Питтака, Шамфора,
Лихтенберга, Декарта, Вовенарга, Бальзака)*

«Любовь подобна лихорадке!» –
сказал Стендаль, стирая пот...
Но от болезни этой сладкой
никто лекарства не найдет!

Читая мысли мудрецов,
в которых воцарилась скучность,
находится в конце концов
их стихо-образная сущность.

Любви означив интеграл,
стихиям отыскав созвучья,
в твердыню философских скал
заветных слов вбиваем крючья.

Взъерошив мысленно вихры
неоднозначности познания,
достигнув купола горы, –
сорвемся в кратер мироздания...

Наслаждаться и дарить наслаждения,
ни себе и никому не сделав зла, –
это нравственная суть возрождения,
постоянства доброты и тепла.

В разгуле лет общественное мнение
становится зловредней, чем другие.
Не относись к нему с большим почтением,
но и не отвергай его стихии!

Любовь не ищет совершенства,
плачевный видя результат.
Она сама творит блаженство
и немудреный свой обряд.

Коль душа не возвышена – нет доброты,
а возможно одно добродушие.
Не исправить людей, чьи пороки круты,
не терпимо лишь... к ним – слабодушие.

Одного из нас любовь холодом коварным
замораживает в ночь, кроет серебром.
А кому судьбой дано быть неблагодарным?
Кто не может отплатить за добро добром.

Иллюзии часто с безумством повенчаны.
Не реже они под венцом мудрецов.
Поскольку страдания от мудрости – вечные,
не меньшие, чем от безумства глупцов.

Если кто обиделся на шутку,
значит, он раскрыл характер свой.
Вспомнив смысл шутейный на минутку,
лучше рассмеяться над собой.

Пусть убеждение – совесть разума,
но это – собственность твоя.
Своих побед семейных праздников
не стоит праздновать, друзья!

Советом не пренебрегая,
простую истину услышь:
усердно слишком убеждая,
ты никого не убедишь!

Когда ты лучше узнаёшь плохого человека,
выигрывает он Гран При в твоих глазах.
Ну, а хороший человек? Вступив в познания реку
он, обнажившись пред тобой, проигрывает в прах.

«Мудрость лучше, чем храбрость» – сказал Соломон,
только мудрость рождает кошмарнейший сон.
Самый мудрый бедняк презираем другими,
а с богатством – не мудрым становится он...

Эмблемой мудрости змею признали не случайно:
подобно истине она – ужалил, не любя...
Как правда – выглядит она извилисто-печально,
и, словно мудрость, – близит смерть, не пощадив тебя.

Лишь тот, кто убежден в своем бессмертии,
способен на великие деяния.
Поскольку, вечно думая о смерти, –
деянья подменяем мы – отчаяньем.

Что сам достигнуть не сумеешь –
не возжелай того.
Пускай свободу ты имеешь
и больше ничего!

Не будешь ты вещами править,
других короновать.
Свобода делает свободным
собою управлять.

Кто имеет меньше, чем желает,
пусть подумает душой своей простуженой,
что и это, может, потеряет.
Что имеет больше, чем заслужено!

Неполноту познаний (в шутку) –
от истины не отличить.
Бездоказательность рассудка –
чутьем возможно заменить!

Блистательным победам разума
нельзя не восхищаться нам.
Но вот победами обязаны
мы – исключительно страстям!

Я, чтобы ловким стать, –
усилий тратил мало.
Чтоб ловкость показать, –
усилий не хватало!

Философами делает нас разум,
героями – всеславия мерцанье,
убийцами – охота и приказы,
но только добродетель – мудрецами!

На кольце Соломона два слова всего:
«Все проходит»... Две мысли и нет ничего...
И в печали, и в радости – это уместно,
но ничто не задержится в сердце его...

Ждет единый конец мудреца и глупца,
свет непроданной чести и гниль подлеца.
Все из праха опять в этот прах переходит,
только мудрость – сияет в морщинах лица...

Ты царей и богатых в уме не кляни,
за закрытостью уст эту боль сохрани –
донесут небеса, предадут те, кто рядом,
потому что себя очень любят они...

Не быстрый в вечном беге побеждает,
не храброму удача в жизни светит,
высокий пост не умный занимает –
за все случайность с временем в ответе!

Исправить злого – невозможно!
Он может изменить свой вид,
он станет в меру осторожным,
но норы злой – не победит!

Под народовластием жить всего дороже,
потому что каждому надо угодить.
Весь народ во власти, ну а пашет кто же,
если всем желается поруководить?

Не обещай неисполнимого!
Ошибку сделав – исправляй!
За деньги не предай любимого!
Друзьям в беде не изменяй!

Скрывай несчастья от внимания
толпы ликующих врагов!
Не доставляй другим страдания!
Не отрекайся от рогов!

Ни топорами и ни копьями
тебе себя не охранить!
Прочней любви броня не скована,
а, значит, научись любить!

Поэтом уродиться – невозможно!
Поэтом можно только умереть.
Нельзя пройти по жизни осторожно,
но можно страх умышленно презреть!

Ты с женой не вздумай тайнами делиться,
ибо твой противник – верная жена!
Чтобы ты навечно смог ей подчиниться,
стал ее союзником хитрый Сатана.

Да, дураки – суть худшее ворье,
они крадут не только настроение,
воруют время, мысли и свершения,
и, ненавидя жизнь, крадут ее.

Тому, кто ждет слезы участия,
в судьбе не светит поворот.
А кто не перенес несчастья –
воистину несчастен тот!

Любая власть, что тот огонь:
приблизись – сгоришь,
а отдались – замерзает
придется в тот же миг.
Тот, кто на троне, – их не тронь,
опасно падать с крыш,
но не пытайся промолчать,
нырнув в глубины книг.

Мысль языком не упреждай
и не спеши в пути!
В несчастье – к другу поспешай,
а старость молча чти!
В застолье – сдерживай язык,
гадалкам не перечь!
И слова с делом нежный стык
не забывая беречь!

Друзей-помощников ищи,
как в джунглях – осмотрительно.
Им благодарностью плати
за каждый дельный миг!
Они – твой меч и верный щит
в дороге жизни длительной,
но благодарности в пути
не жди, мудрец, от них!

Не зря хмелье сомнения
непьющему дано:
минутой наслаждения,
часами опьянения,
годами омерзения –
приходит к нам вино.

Не радуйся, коль денег много,
а, если мало, не горюй!
Беда, когда одна дорога!
Один нам в радость поцелуй!

Лучше быть разумным,
чем, как Крез, богатым.
Ведь богатство можно
мигом растерять.
Только мозг в раздумье,
знанием чреватом,
ум хранит надежно,
как судьбы печать.

Никто, никогда, ничего достоверно не знает.
Вечен мир, как и поиск бессчетных истоков его.
Все в землю вернется, хотя из нее возникает,
а суть мироздания – останется тайной богов.

В словах и делах опасайся привычной банальности!
С дыханием хриплым за счастьем своим не гонись!
Ведь счастье – в тебе, в этой самой жестокой реальности,
почувствуй его и спокойно в себя оглянись!

УЖАС ЗА ОКНОМ

На первом этаже, в квартире, скрытой тенью
дерев зеленых, слышу голоса:
– Она была такая молодая...
– Тем более, без всякого сомненья
ей сделать нужно будет харакири:
на все у нас осталось полчаса...
– С последней ножкой мы закончим дело,
пускай не обижается малышка...
– Кровавая резня мне надоела,
обрежь ей ногти и на этом – крышка...
Я с ужасом взглянул в окно квартиры,
животный страх преодолев невольно...
(Шабашат там, конечно, рэкетеры,
бедняжки нет... и ей уже не больно...).
От ожидания уши вмиг остыли,
в глазах – багровость боль свою лила...
Там потроха по пять рублей смолили
и резали... куриные тела.

ПОПКА

Ты вертишь попкой так заманчиво,
как будто зазываешь в ад.
Твои движения обманчивы,
«...но я обманываться рад».

Обосновал свое суждение
мой друг – ученый чересчур:
«Пять плоскостей – во всех движение,
вот это попка, «мон амур»!

Он вывел формулу участия
в верчение попки – головы.
Модель несбыточного счастья,
и недоступного, увы...

Сканируема многоточечно
зрачками повлажневших глаз,
ты шла, и попкой черезстрочечно
сулила верный мне отказ.

Не отрываясь от прекрасного
видения своей судьбы
я передумал много разного:
«Вот если б только, да кабы...»

Ах, эта попка! Вдохновение,
улада тягостного дня,
как будто лета дуновением –
жарой оплавил меня.

И я стоял, как замороженный,
хоть потом обливался лоб...
А ты шепнула чуть встревоженно:
«Я жду тебя, мой остолоп...»

ВЕЛЕГОЖСКИЕ ВСТРЕЧИ

Велегож раскрывает объятия
тем, «кто с песней по жизни идет...»
Оружейники – дружная братия –
всех друзей собирают на слет.

Принев:

Пусть не вышел ни ростом, ни рылом я,
пусть мой «шлямбур» размером не тот,
но я знаю – есть Марья Кирилловна,
значит нет и ненужных забот.

Под шашлык и картошки свечение
пьем родное хмельное питье,
с каждым тостом в процессе «лечения»
прославляем простое житье.

Принев

Верим мы в исполнение желания
под гармонную вечную трель!
А свидания и расставания
превратят этот август в апрель!

Принев

Раскудрявые песни из прошлого
обещают удачу в пути,
мы желаем друг другу хорошего
и побольше по жизни найти!

Принев

СОДЕРЖАНИЕ

Повести и рассказы

Воспоминаний ветерок...	4
Глава 1. Труба зовет	4
Глава 2. Транспортные сны	20
Глава 3. Грипп в части	25
Глава 4. Детские сны	33
Выстрел в никуда	44
Дорога в потемках...	59
Часть I. Неудавшееся торжество	59
Часть II. Петр Петрович	92
Прощание славянки, или здравствуй, Закарпатье!	116
Дорога на Домодедово	130
Дружба	136
Жулик	142
Неразгаданная загадка	147
Сэр Майкл	155
Травма, несовместимая с жизнью	168
Шалдон	182
На Бежином луге	205
Артист	209
В анатомичке	211
Шпаргалка	212
Экзамен по психиатрии	213
Балетка	214
Мурат Александрович	216
По следам невидимых врагов	217

Поэмы

Прощай, тысячелетие второе	219
Ибрагим	258

Ворох поздравлений

Г.Т.Б.	266
Лизункову	267
Свояченице	268
Белле	269
Пятьдесят пять	270
Молодому	271
Л.Н.П.	272
«Как путь в горах пусть будет долог...»	273
Дубенскому земляку	274
Первому Тульскому голове Думы в день его рождения	275
Другу	276
Мэтру науки	277
А.Н.	278
Володе	279
Елене	280

Игорю М.	281
И.К.С.	282
Коле – сорок лет	283
Л.М.В.	284
Н.А.Ф.	285
Куликовой	286
Первомайское	287
Тезке	288
«Друзья не те, кто за столом...»	289
Еще один попался на крючок	290
Э.М.С.	291
Молодому мужчине-земляку	292
Са va bien! Все идет хорошо!	294
Мудрому армянину	295
А.Г. Дуплину	296
Баллада о горшке	297
Ошибка в дате	298
Евгению	299
Песнь о дне рождения	300
Однокурснице через 32 года	301
Акростих	302
Яшину – пятьдесят	303
Владимиру Негаю, банкиру и человеку	304
Интеллекту	305
Гостеву Е.	307
Семь десятков – возраст юный	308
Кому-то... Сколько-то... Когда-то...	309
П. Наташе	311
Не в юбилей, но в день достойный	312
Распоповщина	313
Семьесозидание	315
Четверть века	316
Юбилейное	317
60? Ну и что?	318
Старшему	320
В. Фризену	322
Геннадию Бондареву	323
Несовершеннолетнему	324
Н.Н. Сергиенко – полвека	325
Генералу	327
Платоновой Л.С.	328
Пять с плюсом	329
С.В. Дзасохову	330
Ужель Суворова Татьяна?	331
Ф.Е.А.	332
Львиная весна	334
Бывшему менту	335
Саше	336
Вот так-то	337

Грозе ошибок в этой жизни	338
Суворовой	339
Г.С.	340
Михаилу Болясову.....	341
20 + 25	342
Ответ на математическое приглашение по поводу юбилея Н.Т.	343
Свадебное	344
Молодым	345
В.Э.Ф.	346
Пятьдесят? Или сколько?	347
С.А.	348
Л.Л.	349
Гореликовой	350
С.Г.	351
Ю.И.	352
За свадьбу потомков!	354
В.П.В.	355
Командору «Автопробега – 60»	356
С.Д.Ф.	357
Не верь календарям!	358
Водителю	359
Искроглазой казачке	361
А.С.	362
Г.С.	363
В.В.Н.	364
В.В.Ш.	365
С сорокалетьем единения	366
Чакаеву Кюри	367
Сентябрьским!!!	368
Ниночке	369
Ни пуха, ни пера!	370
С юбилеем!	371
Флагману	372
Мушкетеры	373
Склероз	375
А.Г.	376
И.Б.	377
Неделину	378
Константину Викторовичу Судакову в день семидесятилетия	379
Кто что сказал за серебро?	381
Л.М.К.	382
А.К.	384
Десятилетию навстречу!	385
За тебя!	386
К юбилею	387
Рафику Папяну	388
ЦНИИСУ – сорок отстучало ...	389
Отделенческой больнице	390
Когда мне было восемнадцать... ..	391
Жемчужные дела... ..	393

Асеевой Л.А.	395
Вдоль по Гуровской тряской дороге... ..	396
Неделину – 55	397
В.Б.	399
В «Старом двореке»	400
За грядущие 155 и 150!	400
Восемь вершин Березова	402
Седоголовому	403
Будьмо, гей!	404
Сахарный день	405
С юбилеем!	406
С днем рождения!	407
Забег жизни	408
Полтинник	409
Шесть на девять	410
Армянину России	411
Ибрагиму	412
Отличнице	413
Ни слова о женщинах	415
Хороша!	417
Мастер и Маргарита	418
Тетушка	419
Жизненный вектор	420
Ф.Н.	421
«Соединились две судьбы – кольцо с кольцом...»	422
Только вперед!	423
Болясову почти 60	425
Малыгину – 50	426
«В деревенско-елькинской усадьбе...»	427
Райхлину	428
Камзолову	429
Дружининой Н.	430
Смирнову – 50	431
Васину С.А.	433
В день свадьбы	434
Бурмыкиной	435
«У «Лукоморья» сквер зелёный...»	436
Ваславскому	437
Дорогой Галочке	438
Асеньке	439
Три аккорда	440
Леонову – 70	441
Сапожникову	442
Женщине в месяц козерога	443
Персоне года в номинации «Здоровье нации»	444
Григорьеву	445
А.Ю. Бутовскому	446
Гурурян + Фтоян = семья	447
Главному врачу России	449

Грачику	451
Д.Ф.Х.	452
И снова отмечаем юбилей	453
С днем рождения	454
На восемнадцатый день со дня рождения	455
Л.И.К.	456
Р.С.К.	457
Кожевниковой Татьяне	458
С.К.	460
Кто и что не дают мне покоя	461
О.Д.Л.	462
Другу на семидесятилетие	463
Любе	464
Натарову	465
С.С.Н.	466
Юбилейное	467
Свадебный тост	468
А.З.Г.	469
Сестренке	471
В.Д.Д.	473
В.А.Х.	474
30 лет	475
Вперед!	476
Два в одном флаконе	477
З.К.	478
Четыре четверки	479
Борису Ивановичу Леонову	481
Л.К.	482
Константину Викторовичу! Великому победителю!	483
Т.В.З.	484
К.Г.	485
Первая страница	486
Рахманину Ю.А.	487
Технологическому– 70!	488
Ю.Н.С.	489
Вопросы для единого госэкзамена (ЕГЭ)	490
К.М.	491
К.Р.С.	492
А.В.Н.	493
Б.В.П.	494
Б.Л.	495
С.Г.Д.	496
Б.	497
Б.В.	498
В.А.	499
Л.И.К.	500
Негайное, юбилейное	502

Опять Болясов родился!	503
Серёже	504
«Пока дышу, надеюсь!»	505
Серебряным юбилярам	506
В.Л.Г.	507
Ашоту	508
П.Л.С.	509
Больнице СМП	510
Грязеву В.П.	511
Сыну	512
Песнь о Фудине	513
Звонок Негая	514
От Тулы до Москвы	515
СОГМА, но для нас – СОГМИ!	516
Три богатыря	517
Четвёртому богатырю	520
Р.Г.П.	521
Фудину Н.А.	522
Фомичеву В.Ф.	523
Т.А.Ф.	524
Б.Л.	525
Фудиным А. и В.	526
Наталье Никитичне	527
Б.В.С.	528
Чучалину А.Г.	530
Юбиляру	531
Игорю – пятьдесят!	532
Цыгану	533
Камзолу А.А.	534
В.Н.	535
Цыганке Лиле	536
С.В.В.	537
С.Г.	538
Попечителю Е.П.	538
К.Л.И.	540
Г.О.В.	541
Суворовой Г.	542
Г.Е.К.	543
Райхлину Л.И.	545
Орлову и Спортпарку в 15 лет!	546
Ю.И.Ц.	547

Детские стихи

Сенечка и кошка	550
Угадай-ка	551
Складушки	553
Дети дома	555

Считалка	555
Арсению	556
Юному другу	557
Новый год	558
Детское	559
Не болеть!	560
На море!	561
На скутере	562
Девочке Алине	563
И это он!	564
Зорро	565
Кто это?	566
Из жизни Буратино	567
«Я заснул... Во сне приснилось...»	568
Шурики	569